

**ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ДРУЖБЫ НАРОДОВ**

**СЕРИЯ:
СОЦИОЛОГИЯ**

2019 Том 19 № 4

**Научный журнал
Издается с 2001 г.**

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61214 от 30.03.2015 г.
Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

**RUDN JOURNAL
OF SOCIOLOGY**

2019 Volume 19 No. 4

**Founded in 2001
by the Peoples' Friendship University of Russia**

DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-4

ISSN 2408-8897 (online); 2313-2272 (print)

4 выпуска в год.

Языки: русский, английский.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Публикует статьи по научным специальностям согласно номенклатуре ВАК РФ: 22.00.00 — социологические науки и 09.00.11 — социальная философия. Журнал включен в ядро РИНЦ, Scopus, ERICH PLUS, Directory of Open Access Journals (DOAJ), Ulrich's Periodicals Directory, EBSCOhost, Google Scholar, WorldCat, Electronic Journals Library Cyberleninka. Журнал индексируется в базе данных Web of Science — Emerging Sources Citation Index (Clarivate Analytics). Подписной индекс издания в каталоге агентства Роспечать 20826.

Цели и тематика

Журнал «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология» — периодическое международное рецензируемое научное издание в области социологических исследований. Журнал является международным как по составу редакционной коллегии и экспертного совета, так и по авторам и тематике публикаций.

Цели журнала: публикация результатов фундаментальных и прикладных научных исследований по актуальным вопросам социологической науки, широкий обмен результатами теоретических и эмпирических исследований между специалистами, работающими в различных областях социально-гуманитарного знания. На страницах журнала публикуются материалы по историографии мировой социальной мысли как классического, так и современного периода; статьи по результатам фундаментальных и прикладных исследований по проблематике специальных социологических теорий, по методологии и методике социологических исследований и др. В журнале выступают специалисты, представляющие ведущие научные социологические центры, институты, организации, а также вузы России и зарубежных стран. Широкая тематика журнала представляет возможность публиковаться в нем представителям смежных специальностей (политологам, историкам, экономистам и т.д.), опирающимся в своих исследованиях на эмпирические социологические данные. Кроме научных статей публикуется хроника научной жизни, включающая рецензии, научные обзоры, информацию о конференциях, научных проектах.

Журнал строго придерживается международных стандартов публикационной этики, обозначенных в документе COPE (Committee on Publication Ethics) <http://publicationethics.org>.

Полные сведения о журнале и его редакционной политике, требования к подготовке и публикации статей, архив (полнотекстовые выпуски с 2008 года) и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/sociology>.

Электронный адрес: socioj@rudn.ru.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

ISSN 2408-8897 (online); 2313-2272 (print)

4 issues per year.

Languages: Russian, English.

Indexed/abstracted in Scopus, ERICH PLUS, Directory of Open Access Journals (DOAJ), Ulrich's Periodicals Directory, EBSCOhost, Google Scholar, WorldCat, Electronic Journals Library Cyberleninka. The journal is indexed and abstracted in the Web of Science — Emerging Sources Citation Index (Clarivate Analytics).

Aims and Scope

Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia (RUDN Journal of Sociology) is a peer-reviewed international academic journal publishing research in sociology and related fields. It is international with regard to its editorial board, contributing authors and thematic foci of the publications.

The aims of the journal: to publish the results of fundamental and applied research on the topical issues of sociology, and to ensure a broad exchange of the results of theoretical and empirical studies between scientists from different fields of social sciences and humanities. In the journal one can find papers on the historiography of the classical and modern periods of the world social thought; on the results of fundamental and applied research devoted to the problems considered by special sociological theories; on the difficulties in choosing methodological approaches and techniques for the study of complex social phenomena, etc. The journal publishes papers of the authors representing the leading sociological centers, institutes, organizations, and universities in Russia and abroad. The thematic 'repertoire' of the journal presents opportunities for authors from many disciplinary fields (political scientists, historians, economists, etc.) relying on the empirical sociological data in their research. The journal also welcomes book reviews, literature overviews, and conference reports.

The journal is published in accordance with the policies of COPE (Committee on Publication Ethics) <http://publicationethics.org>.

Further information regarding the journal, its editorial board, requirements to articles for contributors, and the journal's archive (full-text issues from 2008) and additional information are available at <http://journals.rudn.ru/sociology>.

E-mail: socioj@rudn.ru.

Подписано в печать 29.10.2019. Выход в свет 16.11.2019. Формат 70×100/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 31,16. Тираж 500 экз. Заказ № 1852. Цена свободная.

Отпечатано в типографии ИПК РУДН: 115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, 3

Printed at the RUDN Publishing House: 3, Ordzhonikidze str., 115419 Moscow, Russia,

+7 (495) 952-04-41; E-mail: publishing@rudn.ru

© Российский университет дружбы народов, 2019

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ПОЧЕТНЫЙ РЕДАКТОР

Херпфер К., доктор политологии, профессор университета Вены; директор Института сравнительных социальных исследований «Евразийский Барометр»; президент Исследовательской ассоциации «Всемирное исследование ценностей», Австрия. E-mail: c.w.haerpfert@gmail.com

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Нарбут Н.П., доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии РУДН, Россия. E-mail: narbut-np@rudn.ru

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Троцук И.В., доктор социологических наук, профессор кафедры социологии РУДН, Россия. E-mail: trotsuk-iv@rudn.ru

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ

Бакиров В.С., доктор социологических наук, профессор, ректор Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина, академик НАН Украины, президент Украинской социологической ассоциации (Украина)

Гаспаршвили А.Т., кандидат философских наук, доцент, заместитель директора Центра стратегии развития образования МГУ им. М.В. Ломоносова

Голенкова З.Т., доктор философских наук, профессор, руководитель Центра исследований социальной структуры и социального расслоения Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН

Горшков М.К., академик РАН, доктор философских наук, директор Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН

Диас Николас Х., доктор политологии, профессор факультета политических наук и социологии Мадридского университета Комплутенсе (Испания)

Егорышев С.В., доктор социологических наук, главный научный сотрудник Института социально-экономических исследований Уфимского федерального исследовательского центра РАН

Иванов В.Н., член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор, советник РАН

Куропятник М.С., доктор социологических наук, профессор кафедры культурной антропологии и этнической социологии Санкт-Петербургского государственного университета

Назарова И.Б., доктор экономических наук, директор Аналитического центра Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Пан Д., доктор социологических наук, профессор Института социологии Шанхайской академии общественных наук (КНР)

Подвойский Д.Г., кандидат философских наук, доцент кафедры социологии факультета гуманитарных и социальных наук РУДН

Пузанова Ж.В., доктор социологических наук, профессор кафедры социологии, заведующая социологической лабораторией факультета гуманитарных и социальных наук РУДН

Ротман Д.Г., доктор социологических наук, профессор, директор Центра социологических и политических исследований Белорусского государственного университета (Белоруссия)

Хазендорн Л., доктор философии (социальная психология), почетный профессор Утрехтского университета (Нидерланды)

Чамбаликова М., доктор философии (социология), профессор, научный сотрудник Института социологии Словацкой академии наук, заведующая кафедрой социологии и социальной психологии высшей школы Данубиуса (Словакия)

Шафранец К., доктор социологических наук, профессор кафедры социологии образования и молодежи Института социологии Университета Николая Коперника в Торуне (Польша)

Шнайдер С., доктор философии (социология), профессор Федерального университета Рио Гранде-ду Суль (Бразилия)

Шубрт И., доктор философии (социология), профессор, заведующий кафедрой исторической социологии факультета гуманитарных исследований Карлова университета (Чехия)

Шувакович У., доктор социологических наук, профессор кафедры философии и социальных наук, Белградский университет (Сербия)

Литературный редактор *К.В. Зенкин*

Компьютерная верстка *Е.П. Довголевская*

Адрес редакции:

115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Почтовый адрес редакции:

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 10/2

Тел.: (495) 434-20-12, e-mail: socioj@rudn.ru

EDITORIAL BOARD

HONORARY EDITOR

Haerpfher C., D.Sc (Political Sciences), Professor, University of Vienna; Director, Institute for Comparative Survey Research “Eurasia Barometer”; President, World Values Survey Association, Austria. E-mail: c.w.haerpfher@gmail.com

EDITOR-IN-CHIEF

Narbut N.P., D.Sc (Sociology), Professor, Head of Sociology Chair, RUDN University, Moscow, Russia. E-mail: narbut-np@rudn.ru

EXECUTIVE SECRETARY

Trotsuk I.V., D.Sc (Sociology), Professor, Sociology Chair, RUDN University, Moscow, Russia. E-mail: trotsuk-iv@rudn.ru

EDITORIAL BOARD

Bakirov V.S., D.Sc (Sociology), Professor, Rector of V.N. Karazin Kharkiv National University, Academician of National Academy of Sciences of Ukraine, President of Ukrainian Sociological Association (Ukraine)

Gasparishvili A.T., PhD (Philosophy), Associate Professor, Deputy Director, Center for Educational Development, Lomonosov Moscow State University (Russia)

Golenkova Z.T., D.Sc (Philosophy), Professor, Head of Center for Social Structure and Social Differentiation, Federal Sociological Research Center of Russian Academy of Sciences (Russia)

Gorshkov M.K., D.Sc (Philosophy), Academician of Russian Academy of Sciences, Head of Federal Sociological Research Center of Russian Academy of Sciences (Russia)

Hagendoorn L., D.Sc (Social Psychology), Professor Emeritus, Utrecht University (Netherlands)

Díez Nicolás J., D.Sc (Political Sciences), Professor, School of Political Sciences and Sociology, Complutense University of Madrid (Spain)

Egoryshev S.V., D.Sc (Sociology), Senior Researcher, Institute of Social and Economic Studies, Ufa Federal Research Centre of Russian Academy of Sciences

Ivanov V.N., D.Sc (Philosophy), Professor, Corresponding Member and Advisor, Russian Academy of Sciences (Russia)

Kuropatnik M.S., D.Sc (Sociology), Professor, Chair of Cultural Anthropology and Ethnic Sociology, Saint Petersburg State University (Russia)

Nazarova I.B., D.Sc (Economics), Head of Analytical Center, National Research University “Higher School of Economics” (Russia)

Pan D., D.Sc (Sociology), Professor, Sociology Institute of Shanghai Academy of Social Sciences (China)

Podvoyskiy D.G., PhD (Philosophy), Associate Professor, Sociology Chair, RUDN University (Russia)

Puzanova Zh.V., D.Sc (Sociology), Professor, Head of Sociological Laboratory, RUDN University (Russia)

Rotman D.G., D.Sc (Sociology), Professor, Head of Center for Sociological and Political Research, Belorussian State University (Belorussia)

Schneider S., D.Sc (Sociology), Professor of Sociology of Rural Development and Food Studies, Federal University of Rio Grande do Sul (Brazil)

Szafraniec K., D.Sc (Sociology), Professor, Chair of Sociology of Education and Youth, Institute of Sociology, Nicolaus Copernicus University in Toruń (Poland)

Čambáliková M., PhD (Sociology), Professor, Researcher, Institute of Sociology of Slovak Academy of Sciences; Head of Sociology and Social Psychology Chair, Higher School Danubius (Slovakia)

Šubrt J., PhD (Sociology), Professor, Head of Historical Sociology Chair, Charles University (Czech Republic)

Šuvaković U., D.Sc (Sociology), Professor, Department of Philosophy and Social Sciences, University of Belgrade (Serbia)

Review Editor *Konstantin V. Zenkin*
Computer design *Ekaterina P. Dovgolevskaya*

Editorial office:

Postal Address of the Editorial Board:

10/2 Miklukho-Maklaya str., 117198 Moscow, Russian Federation
Ph. +7 (495) 434-20-12; e-mail: socioj@rudn.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ, ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ

- Шубрт И.** Системная теория Никласа Лумана: критический анализ (на англ. яз.) 607

СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

- Анкита Ольмедо К., Гонсалес Гомес дель Миньо П.** Миграционный кризис в Средиземноморье: многомерный вызов для Европейского Союза (на англ. яз.) 617
- Кизилова К., Мосакова Е.А.** Уровень рождаемости в странах БРИКС в контексте гендерного неравенства на рынке труда (на англ. яз.) 630
- Осадчая Г.И.** Социальная база интеграционных процессов в Евразийском экономическом союзе 639
- Левашов В.К.** Трансформация информационной сферы гражданского общества 651
- Чугров С.В., Малов А.В.** Продовольственный суверенитет и воспитание: гармонизация по-японски 665

МАССОВЫЕ ОПРОСЫ, ЭКСПЕРИМЕНТЫ, КЕЙС-СТАДИ

- Данилов А.Н., Ротман Д.Г.** Особенности процесса обновления базовых ценностей в меняющейся реальности (на примере Республики Беларусь) 678
- Ивлева М.Л., Ивлев В.Ю., Курилов С.Н.** Проблема формирования социальной парадигмы эгоцентризма: опыт философского осмысления социологического исследования в вузе 692
- Найденко В.Н.** Факторы этнонациональной конфликтности в Российской Федерации 707
- Бегина И.А., Ивченков С.Г., Ивченкова М.С., Шахматова Н.В.** Уровень этноконфессиональной толерантности в Саратовском регионе 722
- Максимова С.Г., Омельченко Д.А., Ноянзина О.Е.** Международная миграция в приграничных регионах России: опыт структурного моделирования установок населения 737
- Акулич М.М.** Русскоязычные экспаты в странах Ближнего Востока 756
- Бочкарев С.А.** Состояние независимости прокуроров в отечественной системе правосудия 769
- Божков О.Б.** Семейное предпринимательство на селе: штрихи к портрету 787

Пузанова Ж.В., Ларина Т.И. Социальное измерение студенческих проблем в контексте развития инфраструктуры современного университета	800
Вакорина Л.Ю., Приходько О.Г., Югова О.В. Психолого-медико-педагогические комиссии в контексте инклюзивного образования: ключевые показатели деятельности	814
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЛЕКТОРИЙ	
Подвойский Д.Г., Солеймани С. Понятие социальной идентичности: основные исследовательские подходы	825
РЕЦЕНЗИИ И ЭССЕ	
Троцук И.В., Субботина М.В. Счастье и героизм, личное и коллективное как основные элементы «светлого будущего» в советской (не)утопии	835
Каргина И.Г. Социологический потенциал инструментария политологов	849
ЮБИЛЕЙ	
Ротману Д.Г. — 75 лет!	858
НАШИ АВТОРЫ	860

CONTENTS

HISTORY, THEORY AND METHODOLOGY OF SOCIOLOGICAL RESEARCH

- Šubrt J.** Niklas Luhmann's system theory: A critical analysis 607

CONTEMPORARY SOCIETY: THE URGENT ISSUES AND PROSPECTS FOR DEVELOPMENT

- Anguita Olmedo C., González Gómez del Miño P.** The migrant crisis in the Mediterranean: A multidimensional challenge for the European Union 617
- Kizilova K., Mosakova E.A.** The birth rate in BRICS countries under the gender inequality in the labor market 630
- Osadchaya G.I.** The support base of integration processes in the Eurasian Economic Union 639
- Levashov V.K.** Transformation of the information sphere of civil society 651
- Chugrov S.V., Malov A.V.** Food sovereignty and education: A Japanese type of harmonization 665

SURVEYS, EXPERIMENTS, CASE STUDIES

- Danilov A.N., Rotman D.G.** Features of the basic values transformation in the changing reality (on the example of the Republic of Belarus) 678
- Ileva M.L., Ilev V.Yu., Kurilov S.N.** The development of the social paradigm of eco-centrism: A philosophical interpretation of the sociological research in university 692
- Naydenko V.N.** Factors of interethnic conflicts in the Russian Federation 707
- Beginina I.A., Ivchenkov S.G., Ivchenkova M.S., Shakhmatova N.V.** The level of ethnic-confessional tolerance in the Saratov Region 722
- Maximova S.G., Omelchenko D.A., Noyanzina O.E.** International migration in border regions of Russia: Structural modeling of public attitudes 737
- Akulich M.M.** Russian-speaking expats in the Middle East countries 756
- Bochkarev S.A.** Independence of prosecutors in the Russian justice system 769
- Bozhkov O.B.** Family entrepreneurship in the countryside: Some details of the portrait 787

Puzanova Zh.V., Larina T.I. Social dimension of students' problems under the development of the contemporary university infrastructure	800
Vakorina L.Yu., Prikhodko O.G., Yugova O.V. Psychological-medical-pedagogical commissions in the context of inclusive education: Key evaluation indicators	814
SOCIOLOGICAL LECTURES	
Podvoyskiy D.G., Soleimani S. The concept of social identity: Basic research approaches	825
REVIEWS AND ESSAYS	
Trotsuk I.V., Subbotina M.V. Happiness and heroism, personal and collective as main elements of the 'bright future' in the Soviet (non)utopia	835
Kargina I.G. Sociological potential of political scientists' analytical tools	849
ANNIVERSARIES	
Rotman D.G. celebrates the 75 th anniversary	858
AUTHORS	860

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ, ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ

DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-4-607-616

Niklas Luhmann's system theory: A critical analysis*

J. Šubrt

Chair of Historical Sociology
Charles University in Prague
U Kříže, 8, 15800 Praha 5, Czech Republic

Abstract. This article considers the nature of the theoretical legacy — the system theory — of the German sociologist Niklas Luhmann. The author focuses on three topics: first, he briefly describes Luhmann's ideas in the context of the contemporary sociological thought; second, he identifies how Luhmann's works are perceived today; third, he presents a new reflection on Luhmann's works. Paradigmatically, Luhmann's ideas can be attributed to the system theory, neo-functionalism and radical constructivism due to his efforts to find inspiration in natural sciences. At the same time, Luhmann found himself in the close position to the traditions of the German philosophical idealism. Although the system theory is holistic in nature, Luhmann used for its elaboration elements of the individualist-oriented approach (based on Max Weber's ideas). Thus, in Luhmann's conception, systems become holistic entities that, like individual subjects, are capable of making decisions and managing themselves. One of the strengths of Luhmann's conception is determined by his evolutionary theory consistent with random (in Luhmann's terms — contingent) development connected with the idea of an open future. As with Parsons, in Luhmann's conception we find emphasis on the consensus ensured by communication processes. However, what is missing, are the topics of work, production, conflict, struggle and violence. The current decline in the interest in Luhmann's works has been reinforced by the fact that he was unable to translate his conceptions into instruments for the empirical sociological research. Nevertheless, Luhmann's theory of a functionally differentiated society and its consequences still represents a significant stimulus for the contemporary sociological thought.

Key words: sociological theory; social system; system theory; radical constructivism; Niklas Luhmann; social differentiation; complexity; autopoiesis; communication

Niklas Luhmann is undoubtedly among the greatest and most original representatives of the German sociological thought in the late 20th century. He was born on December 8, 1927, in Lüneburg and died on November 6, 1998, in Oerlinghausen near Bielefeld. By the end of his life, Luhmann was celebrated as one of the Germany's greatest talents. More than two decades after his passing, his works still attract readers from the field of sociology and philosophy, generating a lively response not only in sociology but also in philosophy and other social sciences [7; 15; 18]. Luhmann was a prolific

* © J. Šubrt, 2019.

The article was submitted on 08.08.2019. The article was accepted on 03.09.2019.

author, he published a tremendous number of works during his life while being a professor at the University of Bielefeld. It is hard to say what his works are the most significant ones, for instance, *Soziale Systeme* [23], four-part *Gesellschaftsstruktur und Semantik* [25], and six-volume collected works published under the title *Soziologische Aufklärung* [24]. In 1988, he was awarded the Hegel Prize of the City Stuttgart. The basic theme of Luhmann's studies is modern society, he aimed at its understanding, especially through theoretical capturing of the complexity of its relations.

Luhmann's status in contemporary sociology

Luhmann can be named a heretic opposing traditional approaches and trying to move sociology from its steady regular path. He was a critic worried by the current state of theoretical sociology, its traditional orientation, outdated terminology and inability to explain the processes that shaped modern society. According to Luhmann, sociology was bound by its past, did not keep pace with scientific thinking and was not able to offer an adequate theoretical model explaining the contemporary reality. Therefore, rather than looking into the history of sociology, Luhmann was interested in stimuli from other areas, which would allow sociology not to be excessively infatuated with itself. He was led by distrust to the traditional type of sociology, refused to over-estimate traditional sociological thinking and declined to turn to the 'classics' of the discipline. He did not follow approaches of the classical authors such as Weber, Durkheim or Pareto, and developed his own model of sociological theory.

As a creator and representative of the system theory/paradigm, in his early scientific career Luhmann was influenced by Parsons, but this influence was soon overwhelmed by other stimuli. He found inspiration in such disciplines as thermodynamics, cybernetics, information theory, biology and neurophysiology. The key disciplines for him were not physics or astrophysics, but genetics and cognitive biology. He was influenced by the operational logic of George Spencer-Brown and biological theory of knowledge of Chilean neurophysiologist Humberto Maturana. However, his conception based on the paradigm of autopoietic systems was original and — according to its creator — had the potential to theoretically describe the links and actions of the highly structured, independent and differentiated areas of social life.

If Luhmann's legacy is to be categorized in terms of existing schools or directions of social thought, then three terms are relevant: system theory (*Systemtheorie*), neo-functionalism and radical constructivism. System theory provides sociology with a professionally specific versatility as well as interdisciplinary and multidisciplinary universality (linking sociology to other sciences). However, Luhmann as a theorist of social systems seems to be a 'realist. His typical claim — *es gibt Systeme (there are systems)* [23. P. 31] — expresses his idea that systems are not just thought-based constructions or scientific models but real things. In the 1960s, Luhmann was influenced by Parsons' attempt to establish a universal sociological theory ("a theory for all cases") on the new system basis. However, later he changed his views: while in Parsons' theory the fundamental question was the preservation of structures and integration of the system, for Luhmann the key aspect was functional differentiation. Luhmann rejected Parsons' AGIL scheme and left aside Weber-Parsons' problem of individual action for he believed

in the existence of a larger number of partial social systems than in Parsons' theory (but did not provide a comprehensive list of these partial systems). The fundamental way in which Parsons influenced Luhmann was showing him how to apply the system approach in sociology, and Luhmann was also influenced by Parsons' later concept of the generalized media that he developed into a universal explanatory model.

However, in his theoretical works, Luhmann used other sources of inspiration as well. The general framework of his reflections is the concept of self-organization based on the study of thermodynamic processes and dissipative structures of Ilya Prigogine. Luhmann also studied the general theory of systems founded by Ludwig von Bertalanffy [8], in which system is a complex of interacting elements; cybernetics (control of self-regulating systems) founded by Norbert Wiener [44]; and the “discourse of radical constructivism” [26] as an interdisciplinary study of cognitive processes, self-reference, organizational closeness and self-organization, which brought together researchers from the fields of cybernetics, biology, neurophysiology, psychology, psychiatry, philosophy, sociology and others. Among the leaders of radical constructivism were Heinz von Foerster [10; 11] focusing on the cybernetic concept of the system spontaneous self-organization from random, previously unstructured elements, and two Chilean biologists — Humberto Maturana [31] and Francisco Varela [43], who introduced the concept of autopoiesis in the system theory in the 1970s. The assumption that social systems are created and functionally internally differentiate themselves on the basis of self-organization places Luhmann among these authors.

Despite the as if rejection of the sociological tradition, Luhmann did not completely isolate himself from it: he returned to the study of social differentiation introduced by Herbert Spencer, which was associated with the evolutionary theory, according to which social progress is manifested in more complex and more differentiated forms of social life (meaning that advanced societies are more differentiated than less developed ones). Luhmann used these ideas in his works on system differentiation that he defined as an evolutionary process of social system division into partial systems. As the complexity of social system increases, there is more pressure on selection, which leads to separation into subsystems with high level of autonomy. Sub-system formation takes place autocatalytically, and the only necessary premise is communication. Thus, systems create mechanisms to stabilize communication processes. Luhmann (inspired by Parsons) uses the concept of symbolically generalized communication media, which cannot be narrowed to everyday means of mass communication for here ‘media’ stand for power, money, law, faith or knowledge. Luhmann considers the differentiation of individual communication areas, such as politics, economy, law, religion, science, education, art or intimate relationships, as one of the main features of social evolution together with the relevant communication media.

Subsystems are surrounding worlds for each other, which means that society becomes a differentiated unity — a whole consisting of functionally dependent and at the same time autonomous social systems. Modern societies — unlike previous ones, hierarchically structured — are characterized by functional differentiation, i.e. a number of subsystems. Luhmann never provided a comprehensive list of these subsystems, but their number certainly exceeds a dozen for they include economy, politics, law, army, science, art, religion, media, education, health, sports, and family.

Today's reception of Luhmann's legacy

Today Luhmann's works do not make many researchers consider the questions he raised. It should be noted that while in Luhmann's native Germany in last decades his works were rather ignored, at the same time there is a growing interest in Pierre Bourdieu's works, a representative of French sociology whose influence on German (nationally-oriented) sociology has never been as strong as now. There are at least two reasons for this: first, the sociological perspective of Bourdieu is much closer to everyday experience than Luhmann's abstract interpretative models; second, it is not clear how Luhmann's concepts can be used in empirical research. On the contrary, Bourdieu's conceptions are implicitly linked to empirical research (Bourdieu even claims that he developed them on the basis of the empirical analysis). Although Luhmann was celebrated as one of the greatest German scholars, today many who celebrated him speak of his work with greater or lesser embarrassment.

Nevertheless, a significant number of researchers devoted their careers to explaining and developing Luhmann's ideas, but if during Luhmann's life their reception was rather confirmatory and celebratory today we see a greater criticism. Thus, Gunther Teubner strongly criticized Luhmann's definition of law as an autopoietic system [40; 41]. In sociology, Luhmann's system theory has been developed, among others, by Helmut Wilke [45—48]. In German speaking countries, the development of Luhmann's approach is associated mainly with Peter Fuchs [12], Rudolf Stichweh [38; 39] and Dirk Baecker [2]. The best known editors of Luhmann's work are Dirk Baecker [22; 29] and André Kieserling [28]. A special place in contemporary discussions is held by Armin Nassehi [19; 34; 35] — as one of the best translators of Luhmann's texts. In Italian sociology Elena Esposito [3] is the author of an original work on social memory based on Luhmann's theory [9], but this work was revised by the WCSA — World Complexity Science Academy [36]. The reception of Luhmann's works today is associated with different collective publications [14; 17], some of which are rather critical, and with Luhmann's philosophy of media.

Critical discussion of Luhmann's legacy

When Luhmann received the Hegel prize in Stuttgart in 1988, it was in many respects an indicator of the estimates of his thought. Hegel was a great German philosopher, active at the turn of the 18th and 19th centuries and often considered as a part of objective idealism conducting a multidimensional analysis of a supra-individual holistic entity of an idealistic type — absolute idea (*absolute Idee*), absolute spirit (*absolute Geist*) or world spirit (*Weltgeist*). Hegel's large-scale, many-layered works can simplistically be defined as a multifaceted effort of the objective analysis of this entity development in the spiritual sphere, nature and society, and at the same time as questioning the bases of human knowledge, philosophy and politics.

In Luhmann's works we see ways in which he approximates Hegel's way of thinking (though over a century separates two thinkers). In Luhmann's case the main theme is also a supra-individual entity, whose working principles are explained through examples, which is closer to idealism than to materialism. First, this theory is based on observation, information, sense, communication, irritation, codes and semantics;

second, phenomena of material nature are not usually understood as parts of systems but as parts of systemic environment. Thus, even human individuality is a part of the systemic environment (termed ‘psychic systems’) representing social system as something unique, autonomous and self-existent, i.e. close to the key supra-individual actor of philosophical idealism. Luhmann, who as if banished the human individual (methodologically speaking, ‘bracketed’ it), had to replace the missing human subject with something, which was the social system as a peculiar type of collective personality (including its philosophical feature of being self-directing).

Compared to Hegel, there are certainly some substantial differences. The main principle of Hegel’s thinking is dialectics, i.e. historical development is considered as driven by contradictions that are the essence of historical phenomena. From this perspective Hegel’s theory is one of the inspirations of Marx’s theory of class warfare. By contrast, Luhmann’s conception is a consensus theory, even though far from its radical Parsons’s type. Nevertheless, Luhmann, like Parsons, is not interested in such phenomena as armed violence, conflict, battles, destruction, war and revolution. If the system in its evolution faces a conflict, it is above all a range of options (variation) from which certain ones must be chosen (selected) and welcomed (stabilised).

The second fundamental difference between Luhmann and Hegel lies in their understanding of time. Hegel believed in development with a defined end, Luhmann — in an open future. In Hegel’s philosophy of history there are definite principles according to which history develops as predestined or directed to a certain culmination. For Luhmann evolution and its phenomena are guided by certain common principles, but historical development has no single unilinear path. Every historical step can be influenced by chance of a contingent character, and one cannot speak of a single possible legitimate course. Even if Luhmann did not consider deep reflection on the sociological tradition to be worthwhile and sought inspiration in the findings of other specialised fields, he did not reject the whole German or European thought, which is proved by the continuity of Luhmann’s evolutionary concept with Spencer’s evolutionary theory, and his theory of differentiation that follows Parson’s approach to historical development [27].

Luhmann’s thought can be seen in an interesting light if considered from two opposing positions formed at the turn of the 20th century. The first is represented by the French positivist, Emile Durkheim, the second — by the German anti-positivist Max Weber; Luhmann tried to combine these two perspectives in a specific way. Generally speaking, Luhmann’s sociology is holistic, like Durkheim’s, who understood sociology as a science of social facts of a supra-individual character. This, Durkheim’s conception corresponds to Luhmann’s methodology of anti-humanism, in which systems are formed by communication and individuals are just parts of the surroundings. The perspectives of holism and positivism also correspond to Luhmann’s functionalist method. At the same time, Luhmann implemented in his theory the key concept of Weberian anti-positivism: meaning (*der Sinn*). Furthermore, there is an obvious influence of Schutz’s phenomenological sociology and of Husserl’s phenomenology itself, which remains typical for the individualistic perspective. Even though Luhmann understands the concept of meaning as communicated by social systems rather than Weber’s way of operation, in the German

context Luhmann is considered as following the tradition of German humanism and Weberian sociology though in a somewhat non-traditional framework.

Luhmann devoted much time to phenomenology and respected it so much that declared it to be the framework for individual consciousness, meaning, and intersubjectivity, which contributed to the growing sympathy to Luhmann even from phenomenological sociologists. This was despite the fact that phenomenology did not interest him much, and he noted that Husserl's description of the work of consciousness as an auto-poetic process constituted meaning par excellence [37. P. 266]. Actually Luhmann was much closer to the French structuralism than to the Weberian theory of action. French structuralist Claude Levi-Strauss [21. P. 72] asserted (though accepting that the reality around us is multi-coloured, multi-dimensional and ever-changing) structuralist assumption that there are waiting-to-be-uncovered certain unchanging rules determining all phenomena. Something similar was assumed by Luhmann: he also supposed that in the phenomena of social life there are certain principles awaiting discovery, according to which history directs the running of events on the ground. The difference is that structuralism works with imagined rules of a static nature, while Luhmann speaks of a dynamically interconnected system of principles (constituting systems as real) awaiting theoretical observation and description in models (his own theoretical models Luhmann considered to be theoretical descriptions of really-existing systems).

Representatives of structuralism usually do not ask about the nature and origins of the structures they try to uncover, and if they do then they are usually satisfied with a general reference to the structures of human thought [33. P. 133]. Furthermore, such structures are presented as something unvarying, unchanging and static. Luhmann considered the formation of system principles from the evolutionary dynamic perspective using three key concepts: evolution, functional differentiation and autopoiesis. Based on them he created a theoretical model opposite to structuralism — its is not static but dynamic. With this model he wanted to capture and explain the essential principles of the system (system structures) not as something invariant but rather evolutionary, developing and dynamic.

Under the influence of cybernetics and biology, Luhmann understood systems as capable of not only monitoring and directing but also forming, shaping and changing themselves, i.e. of 'autopoiesis' — thus term he borrowed from two South-American representatives of cognitive biology — Maturana and Varela [32]. This implied capability allowed Luhmann to take the position of methodological anti-humanism as pushing the individual (in the system theory — psychic or personal systems) to the system environment. While Parsons tried to confirm the basis of human individuality — not only as system personalities but as players of social roles (capable of rewriting the system) — Luhmann did not consider this relevant. The missing human subject had to be replaced with something, and Luhmann assigned many capabilities ascribed in theories of action to individuals to a separate social system. In Luhmann's works many examples come from the theory of action. In Luhmann's approach, theory is constructed as a description of observing observation (the theorist observes how the system observes itself and what this observation is based on). Apparently, what the observer observes depends on the perspective taken, which also applies to the system that observes itself and also to the researcher undertaking observations of the second

degree. It is for this reason (though not only this reason) that sociology is a multi-paradigmatic science, and that researchers observe social reality differently than Luhmann did (for this reason, Luhmann said little about his own observational position).

Another important topic of discussions is the level of specificity of individual subsystems in Luhmann's theory. Perhaps, this is mainly the result of the 'methodological antihumanism' that, despite having written hundreds of articles on systems, Luhmann's works do not provide a detailed analysis of how the internal processes of systems operate. His approach identifies certain dominant characteristics of individual systems but goes into little detail. Everything is explained on the principle of symbolically generalized communication media, while systems remain mythical cybernetic 'black boxes'.

The system theory (since Bertalanffy) tried to uncover some kind of universal key, a supermethodology to explain individual processes in various types of systems. For Luhmann this universal key was the concept of generalized communication media introduced in sociology by Parsons. While Parsons, through the AGIL scheme, distinguished four types of such media — money, power, influence and value commitment — as corresponding to the bases of individual subsystems, Luhmann rejected this insisting that a much greater number of subsystems had their own ways of communication. The second feature of Luhmann's thought is the belief that these communication media, despite operating in different ways, are always binary coded — with positive and negative variants (how these communication media and their code originated is not clear). Luhmann's descriptions of communication media and codes often cause a feeling of arbitrariness. In general, Luhmann's interpretation of the functioning of individual subsystems is derived in a deductive manner from one pattern: the functioning of money in the economic system. This interpretation is based on a kind of faith in the single mechanism for the operation of all systems.

Luhmann's concept of communication mainly ignores the material world with its phenomena and structures. From the philosophical perspective, this is a kind of idealism with no room for the material. In Luhmann's works we do not find the world of things, because (we are not speaking about artificial intelligence) they are not autopoietic systems. What interested him were the principles that arranged reality, which he understood as codes and semantics or even different languages with specific rules. The fact that material objects such as technical equipment could play a role in communication networks, as Bruno Latour says [20], is not accepted by Luhmann.

Theoretical sociology of Luhmann searched for the most general principles. In theoretical disciplines, it is common to work with idealized objects not existing on the ground. In Mathematics or Physics, for example, we consider shapes like lines, circles, cubes or spheres to identify rules or laws associated with them, and develop tools for practical use even though we rarely encounter such ideal forms. Many scientific concepts in astrophysics, biology and medicine are formulated in the way that the standard theoretical model does not correspond to the reality, but the use of these concepts in research and technology confirms their correctness. Parsons did not want to construct sociology as a purely theoretical discipline resembling philosophy, he accepted the need to interconnect theory with reality. The problem with Luhmann's theory is how it can face the lived reality, i.e. how hypotheses can be deduced from it for the empirical

research. Luhmann himself did not conduct empirical research, and despite the fact that he sometimes used clear practical examples to illustrate his theories, unfortunately, he did not develop an empirically tested model, which is why today Luhmann's works are considered as a part of philosophy (for example, philosophy of media) rather than sociology.

Finally, another fundamental context in which it is necessary to consider Luhmann's thought is the contemporary intellectual debates on the nature of contemporary society, environmental problems, media communication, contemporary risks and trust. Post-modernists extended these discussions for they rejected earlier ideas about 'automatic' historical progress and, in opposition to monistic philosophical thinking, emphasized the priority of plural opinions. In the ongoing sociological debate after the Second World War, the 'mature' Western societies were described differently. For the critical theory of the Frankfurt school, there was 'late capitalism' (*Spätkapitalismus*) [16], for Raymond Aron [1] — 'industrial society'; for Talcott Parsons — 'modern society', for Daniel Bell [6] — 'post-industrial society', for Zygmunt Bauman [4] — 'post-modern society', for Ulrich Beck [5] — 'second modernity', for Anthony Giddens [13] — 'radicalized modernity', while for Luhmann — 'functionally differentiated society'. Though based on the theory of the development of functional differentiation, this term coincides with many ideas on the pluralistic nature of society of the representatives of post-modernism such as Jean-François Lyotard [30] and Baumann. Luhmann did not accept the common picture of society as a whole that integrated and would always integrate. In his sociology, there was no room for society as singular or monistic. Luhmann spoke of the plurality of systems and complex relations between them, which in no way could lead to any fundamentally connected whole. In the contemporary society, there is a range of different communications systems based on different media, and, according to Luhmann, no means of metacommunication, no position to connect, direct or manage all partial social systems.

References

- [1] Aron R. *18 Lectures on Industrial Society*. London; 1967.
- [2] Baecker D., Hutter M., Romano G., Stichweh R. (Eds.). *Zehn Jahre danach: Niklas Luhmanns die Gesellschaft der Gesellschaft. Soziale Systeme: Zeitschrift für Soziologische Theorie*. Stuttgart; 2007.
- [3] Baraldi C., Corsi G., Esposito E. *GLU: Glossar zur Niklas Luhmanns Theorie sozialer Systeme*. Frankfurt am Main; 1997.
- [4] Bauman Z. *Úvahy o postmoderní době*. Praha; 1995.
- [5] Beck U. *Risikogesellschaft: Auf dem Weg in eine andere Moderne*. Frankfurt am Main; 1986.
- [6] Bell D. *The Coming of Post-Industrial Society: A Venture in Social Forecasting*. New York; 1973.
- [7] Berg H. de, Schmidt J.F.K. (Eds.). *Rezeption und Reflexion: Zur Resonanz der Systemtheorie Niklas Luhmanns außerhalb der Soziologie*. Frankfurt am Main; 2000.
- [8] Bertalanffy L. von. *General System Theory: Foundations, Development, Applications*. New York; 1984.
- [9] Esposito E. *Soziales Vergessen*. Frankfurt am Main; 2002.
- [10] Foerster H. von. *Understanding Understanding: Essays on Cybernetics and Cognition*. Berlin — New York; 2002.

- [11] Foerster H. von. Erkenntnistheorien und Selbstorganisation. *Der Diskurs des Radikalen Konstruktivismus*. Frankfurt am Main; 1987.
- [12] Fuchs P. *Niklas Luhmann — beobachtet: Eine Einführung in die Systemtheorie*. Berlin; 2013.
- [13] Giddens A. *The Consequences of Modernity*. Stanford; 1991.
- [14] Giegel H.-J., Schimank U. (Eds.). *Beobachter der Moderne: Beiträge zu Niklas Luhmanns "Die Gesellschaft der Gesellschaft"*. Frankfurt am Main; 2003.
- [15] Gripp-Hagelstange H. (Ed.). *Niklas Luhmanns Denken: Interdisziplinäre Einflüsse und Wirkung*. Konstanz; 2000.
- [16] Habermas J. *Legitimationsprobleme im Spätkapitalismus*. Frankfurt am Main; 1973.
- [17] Haferkamp H., Schmid M. (Eds.). Sinn, Kommunikation und soziale Differenzierung: Beiträge zu Luhmanns Theorie sozialer Systeme. Frankfurt am Main; 1987.
- [18] Hellmann K.-U., Schmalz-Bruns R. (Eds.). *Theorie der Politik: Niklas Luhmanns politische Soziologie*. Frankfurt am Main; 2002.
- [19] Kneer G., Nassehi A. *Niklas Luhmanns Theorie sozialer Systeme: Eine Einführung*. München; 1993.
- [20] Latour B. *Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network-Theory*. New York; 2005.
- [21] Lévi-Strauss C. *Structural Anthropology*. Vol. 2. Harmondsworth; 1987.
- [22] Luhmann N. *Einführung in die Systemtheorie*. Heidelberg; 2002a.
- [23] Luhmann N. *Soziale Systeme: Grundriß einer allgemeinen Theorie*. Frankfurt am Main; 1984.
- [24] Luhmann N. *Soziologische Aufklärung*. Opladen; 1970, 1975, 1981, 1987, 1990, 1995.
- [25] Luhmann N. *Gesellschaftsstruktur und Semantik: Studien zur Wissenssoziologie der modernen Gesellschaft*. Frankfurt am Main; 1980, 1981, 1989, 1995.
- [26] Luhmann N. *Erkenntnis als Konstruktion*. Bern; 1988a.
- [27] Luhmann N. Warum AGIL? *Kolner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie*. 1988b; 40; 1.
- [28] Luhmann N. *Das Erziehungssystem der Gesellschaft*. Frankfurt am Main; 2002b.
- [29] Luhmann N. *Einführung in die Theorie der Gesellschaft*. Heidelberg; 2005.
- [30] Lyotard J.-F. *The Postmodern Condition: A Report on Knowledge*. Manchester; 1994.
- [31] Maturana H.R. Kognition. *Der Diskurs des Radikalen Konstruktivismus*. Hrsg. von Schmidt S.J. Frankfurt am Main; 1987.
- [32] Maturana H.R., Varela F. *Tree of Knowledge: The Biological Roots of Human Understanding*. Boston; 1992.
- [33] Meleghy T. Der Strukturalismus: Claude Lévi-Strauss. Morel J. et al. *Soziologische Theorie: Abriß der Ansätze ihrer Hauptvertreter*. München—Wien; 1995.
- [34] Nassehi A., Nollmann G. *Bourdieu und Luhmann: Ein Theorienvergleich*. Frankfurt am Main; 2004.
- [35] Nassehi A. *Differenzierungsfolgen: Beiträge zur Soziologie der Moderne*. Opladen; 1999.
- [36] Pitasi A., Mancini G. *Systemic Shift in Sociology: Essays on World Order Model Design*. Saarbrücken; 2012.
- [37] Šrubař I. Doslov: K architektuře Luhmannovy teorie autopoietických systémů. Luhmann N. *Láska jako vášeň. Paradigm lost*. Praha; 2002.
- [38] Stichweh R. Die Gesellschaft der Gesellschaft: Strukturentscheidungen und Entwicklungsperspektiven. Bango J., Karácsony A. (Eds.). *Luhmanns Funktionssysteme in der Diskussion*. Heidelberg; 2001.
- [39] Stichweh R. Politik und Weltgesellschaft. Hellmann K.-U., Schmalz-Bruns R. (Eds.). *Theorie der Politik: Niklas Luhmanns politische Soziologie*. Frankfurt am Main; 2002.
- [40] Teubner G. (Ed.) *Autopoietic Law: A New Approach to Law and Society*. Berlin; 1988.
- [41] Teubner G. (Ed.). *Nach Jacques Derrida und Niklas Luhmann: Zu (Un-) Möglichkeit einer Gesellschaftstheorie der Gerechtigkeit*. Stuttgart; 2008.
- [42] Teubner G. *Recht als autopoietisches System*. Frankfurt am Main; 1989.

- [43] Varela F.J. *Autonomie und Autopoiese. Der Diskurs des Radikalen Konstruktivismus*. Hrsg. von Schmidt S.J. Frankfurt am Main; 1987.
- [44] Wiener N. *Cybernetics, or the Control and Communication in the Animal and the Machine*. Cambridge; 1965.
- [45] Willke H. *Systemtheorie I. Eine Einführung in die Grundprobleme*. Stuttgart; 1991.
- [46] Willke H. *Systemtheorie II: Interventionstheorie: Grundzüge einer Theorie der Intervention in komplexe Systeme*. Stuttgart; 1994.
- [47] Willke H. *Systemtheorie III: Steuerungstheorie: Grundzüge einer Theorie der Steuerung komplexer Sozialsysteme*. Stuttgart; 1995.
- [48] Willke H. *Supervision des States*. Frankfurt am Main; 1997.

DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-4-607-616

Системная теория Никласа Лумана: критический анализ*

И. Шубрт

Кафедра исторической социологии
Карлов университет
Ул. У Криже, 8, Прага 5, 15800, Чехия

В статье предпринят критический анализ теоретического наследия — системной теории — известного немецкого социолога Никласа Лумана. Автор делает три тематических акцента: во-первых, кратко характеризует идеи Лумана в контексте современной социологической мысли; во-вторых, показывает спектр оценок, которые сегодня определяют восприятие теоретического наследия Лумана; в-третьих, предлагает новый концептуальный взгляд на работы Лумана. С парадигматической точки зрения идеи Лумана можно отнести одновременно к системной теории, неофункционализму и радикальному конструктивизму, поскольку Луман находил вдохновение и идеи не только в социальных, но и в естественных науках. В то же время, что признавал и сам Луман, его подход близок традициям немецкого философского идеализма. Хотя системная теория Лумана явна холистична, он использовал для ее разработки и элементы индивидуалистически-ориентированного подхода (в частности, опираясь на идеи Макса Вебера). Таким образом, в концепции Лумана системы превратились в холистические сущности, которые, подобно индивидуальным субъектам, способны принимать решения и управлять самими собой. Одна из сильных сторон концепции Лумана состоит в том, что его эволюционная теория основана на понятии случайного развития, в свою очередь связанного с идеей открытого будущего. Как и в теории Парсонса, в концепции Лумана очевиден акцент на консенсусе как гарантируемом коммуникативными процессами, и в его работах отсутствуют такие темы, как работа, производство, конфликт, борьба и насилие. Сегодняшний спад интереса к творчеству Лумана подкрепляется тем фактом, что он не смог перевести свои концептуальные построения в инструменты эмпирического социологического исследования. Тем не менее, предложенная Луманом теория функционально дифференцированного общества и его последствий все еще является важным исследовательским стимулом для современной социологической мысли.

Ключевые слова: социологическая теория; социальная система; радикальный конструктивизм; Никлас Луман; социальная дифференциация; сложность; аутопойезис; коммуникация

* © Шубрт И., 2019.

Статья поступила 08.08.2019 г. Статья принята к публикации 03.09.2019 г.

СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-4-617-629

The migrant crisis in the Mediterranean: A multidimensional challenge for the European Union*

Anguita Olmedo C., González Gómez del Miño P.

Complutense University of Madrid
*Facultad de Ciencias Políticas y Sociología, Campus de Somosaguas,
28223, Pozuelo de Alarcón, Madrid, Spain
(e-mail: canguita@ucm.es; pagonzal@ucm.es)*

Abstract. The European Union (EU) throughout its history has been the destination of diverse migratory flows. Therefore, migration has acquired special relevance by occupying a prominent position on the EU's political, economic, cultural, and social agenda. The most recent migration crisis of 2015 represents a multidimensional challenge with severe consequences that affect, first, the institutional foundations of the EU (governance, security, solidarity of member states and institutional stability) and, second, the migratory policies of receiving states and the EU itself. This crisis is characterized, first, by the high number of illegal migrants that cross the Mediterranean, and, second, by the humanitarian tragedy and insecurity, which make the sea a grey area and an international reference in the migratory processes. The migration-security equation became a field of applied research and analysis, and at the same time a focus of political debate and public opinion. The article aims at analysing the crisis of 2015 and its consequences, which is done by means of the methodological approach based on the consequences that this phenomenon entails for the EU and for certain member states. The response of the EU is limited primarily to securitization by strengthening the external borders, turning towards internal security rather than respecting international and Community Treaties and promotion of their values, which contradicts the anticipated leadership of this global actor. The authors believe that it is necessary to implement new mechanisms in addition to ensuring greater effectiveness of the existing ones.

Key words: international migration; European Union; securitization; crisis management; governance; Mediterranean

The migratory processes are of special relevance for the international society in the 21st century because they affect social, political and cultural spheres of the states that are sending, receiving or transit countries for migrants. The current migration can be considered a mixed one: although its motivations are diverse (economic, political, etc.), there are the same access routes to the countries of destination, the same means of transportation and the networks of traffickers to cross borders. What can be considered different

* © C. Anguita Olmedo, P. González Gómez del Miño, 2019.

The article was submitted on 23.05.2019. The article was accepted on 28.06.2019.

from previous migrations is that the current migration's scope, complexity and the response of states have changed. Moreover, the irregular immigration has intensified.

In this context, various migratory crises in Europe since 2015 and their consequences pose one of the greatest challenges to the policies and institutions of the EU, highlighting their fragility and inability to perform collective actions. In short, there is a profound crisis of governance, in which migration plays a catalyst role. It is an issue that has occupied for years a relevant place in the EU policies, but not in the public opinion as was the case with the migratory crises determined by the Arab uprisings in 2011. Moreover, the governments of the EU states face migration challenges differently, without a joint strategy, which is perceived by some countries as a security threat and a challenge for institutional stability. Thus, receiving states strive to keep a difficult balance between national security, national and European legislation and principles of the international human rights as applied to migrants.

The massive arrival of migrants to Lampedusa and their welcome made this island a symbol of solidarity. However, the uncontrolled increase of migrants, chaotic management and lack of clear answers from the EU reveal its weakness when facing this migratory challenge. The humanitarian tragedy caused by deaths, disappearances and insecurity make the Mediterranean a grey area in the migratory processes and a reference for both migration system and international disappearances (more than 20,000 recorded deaths in the Mediterranean from 2000 to June 2018; only in 2014, 75% of all migrants in the world died at sea).

The EU's migration policy is based on security as a combination of border control and rescue measures in addition to the fight against criminal organizations, which in fact opposes social and solidarity policies, neglects historical responsibility and normative system of values for Europe is increasingly fragmented. While there is a need to protect European borders from massive migrations, it is questionable whether the EU mechanisms for the protection of borders, especially the southern ones, are effective. From the analytical point of view, there are several questions imposed by the EU-migrations equation: What are the security policies implemented by the EU? Is it possible to develop a different policy to control borders? Is migration one of the main concerns for the European public opinion? Is rejection of unregulated immigration a reaction to the potential loss of the welfare state supported by radical nationalist parties and movements? And, finally, do migratory flows constitute a challenge for the EU that cannot confront this transnational phenomenon?

We focus on the position of the EU in the multidimensional crisis of 2015 determined, on the one hand, by the lack of leadership in the organization, of political will of the member states fearing the loss of sovereignty, and, on the other, by the inability to use sustainable collective mechanisms of cooperation due to prioritizing of securitization by both the EU and partner states. Therefore, the study considers how the *status quo* of European partners responds to protectionist policies of national interests making migration complex a challenge for the EU and its migration policies.

International migration is one of the greatest phenomena of the 21st century. In recent years, the numbers of migrants have tripled, and most of the states are involved in the exit, transit or reception of migrants, while only four decades ago 25 countries were

affected by the migratory dynamics. Classical theories of migration often consider it as linear and study only labour migration. The neoclassical approach influenced by Ernest Ravenstein [33] focuses on economic inequalities that affect personal motivation to emigrate in search for better living. Although these theories are questionable from the conceptual [2] and empirical [28] perspectives, they provide useful tools to analyse migration causes and effects [26]. New theories consider it as a part of global processes and social change. “New economic theories of migration continue to acknowledge the central role of (mainly economic) push and pull factors in determining the agency of individuals, but they also recognise the many intervening variables that facilitate and hinder migration. In these cases, migration research draws attention to the role played by the wider networks of family and friends who help migrants to move and to settle through financial and emotional support, and the middlemen, brokers, contractors and agencies that promote and facilitate migration”. World systems theory, on the contrary, “focuses more on wider systems than on individual agents. Here the world itself can be viewed critically as a single capitalist system in which poorer nations, the periphery, provide a constant supply of cheap labour to support the powerful and wealthy nations at the core of the system” [31].

There are several theories that can explain the migratory phenomenon in the 21st century. The most recent studies develop nonlinear concepts and frameworks, consider different types of migrants — for economic and other reasons, such as politics, religion and gender. Such an analysis focuses on globalization of migrations and uses such terms as transnationalism to explain crossing borders between nations. Migratory processes have special relevance for the international society for they affect social, political and cultural spheres of the states that are sending, receiving or transit countries for immigrants. “The volume, diversity, geographical scope and overall complexity of international migrations have increased as part of globalization” [5] or rather due to the asymmetric nature of globalization.

From the theoretical perspective both globalization and internationalization are features of the international society that generate significant changes in it. Their dynamics affects domestic politics, international and social relations. Moreover, new problems transform the traditional interpretation of security — its conceptualization is no longer limited to military terms, it acquired a transpolar dimension: the threats to security or the “risk factors” became multidimensional and combined for they include traditional threats and new ones such as economic, environmental, terrorism, drug trafficking, transnational crime and mass migrations. All these threats were included into the expanded security agenda. Globalization and internationalization of migrations are classified as a security risk and a challenge for the recipient countries. In the academic field, the migration-security connection became the field of applied research and analysis, and it also entered political debates and public opinion agenda.

Due to the new dimensions of migration in the Mediterranean since 2015, it is necessary address it with global and regional criteria similar to the EU. Receiving states strive to maintain a difficult balance between national security, national and EU legislation and principles of the international human rights regime that protects migrants, which causes political tensions and violations of the EU policies and values. Today

migration is multifaceted and offers different levels of analysis, one of them is, certainly, direction and continuity of the migratory flows, and the neoclassical approach allows to identify how and why the EU reacts on the current migratory flows that cause an institutional-governance crisis. The close link between security and migration makes us apply the critical theory as a methodological framework for our study for security challenges are not an objective or independent reality. This theory allows to identify patterns of conduct resulting from political decisions that are “neither natural nor irrevocable or immutable” [27].

The critical theory’s normative ideological bias, i.e. the so-called ‘emancipatory pattern’, allows for changing the international system by not considering its variables or their actors as fixed. Therefore, as the perception of security is a socially constructed reality it depends on the context in which it originates and finds its legitimization. The School of Copenhagen, pioneer of the theory of securitization, claims that circumstances become issues of security not because they constitute *per se* a real threat to the state but because the affected actor “claims the right to manage the problem through extraordinary means” [8]. Security is beyond ordinary political games and requires exceptional measures. Considering the Mediterranean, its migration flows are considered as affecting the European security, as a threat, which fosters broad debates with a multifaceted approach to the challenge the UE faces. Under these systemic crises that affect institutions it is questionable whether they violate community, international and humanitarian law? Do they break interstate solidarity? Do they increase Euroscepticism of European citizens? Has the fracture between the north and the south of the EU increased? Does the Visegrad group (Hungary, Poland, the Czech Republic and Slovakia) adopt different positions compared to the rest of the community partners?

Migration profiles of the crisis — from the east to the west of the Mediterranean

The EU always positioned itself as a pole of migratory attraction due to its economic and development potential. Until the Single European Act (1986), each country managed migratory flows by itself, then, after introduction of a single market and the principle of free movement, the EU had to differentiate internal and extra-community movements. For instance, the Schengen Agreement made it possible to reinforce security by controlling people at the border, facilitating domestic travel and strengthening external borders.

With the migration crisis, three routes were identified [22] due to different that migrants encounter as a result of the states’ responses: the western Mediterranean route through which Moroccans and Algerians cross the Strait of Gibraltar to Cádiz and the Spanish Mediterranean coast; the central Mediterranean — from the Gulf of Guinea through Algeria, Tunisia or Libya, to Malta and Lampedusa, an island of 5,800 inhabitants 205 km from Sicily and 113 km from Tunisia; the Eastern Mediterranean route to Greece.

The Mediterranean-Italy connection as the point of arrival for migrants was established after the Arab uprisings. From 11 to 14 of February 2011, 5,000 migrants from Tunisia arrived in Lampedusa, to which were added those fleeing from Libya. As a result,

Italy demands from the Frontex a joint operation called Hermes (February 20, 2011) to face this massive wave. The death of 300 migrants near the coast of Lampedusa in October 2013, in addition to the arrival of 40,000 immigrants in the same year and 170,000 in 2014, exceeded all expectations and led to the activation of the Mare Nostrum device with a radius of up to 70,000 km² in the Strait of Sicily with a monthly cost of nine million euros, which Italy cannot pay without the financial aid of the European partners. Mare Nostrum and previous joint operations will be replaced by the operation Triton (November 2014) supervised by the Frontex, and its monthly costs is about three million euros necessary to monitor the European maritime border. This operation will be replaced by Themis, whose mission is to repress the networks of traffickers and mafias in the Mediterranean. These securitization missions aimed at returning the migrants' entries by sea to 2006 figures.

From 2014 Italy and in particular the Island of Sicily has received the largest number of illegal migrants across the Mediterranean. In fact, “the route from North Africa had been providing this country with migrant labor, since at least the 1990s, but the agreement between Italy and Libya in 2010 restricted that labor supply” [6]. Illegal immigration by sea is often an alternative to the lack of other migration options, even though it is risky. For instance, only in 2015, 3,771 people died at sea [23], almost 700 migrants — at 120 miles from Lampedusa, The European Council (April 26, 2015) believes that “Europe needs a balanced approach to the phenomenon of migration, which is comprehensive from the geographical point of view and is based on solidarity and responsibility” [15], and adopted two measures to deal with the causes of this crisis: cooperation with the countries of origin and transit and struggle with the immigrant trafficking networks (90% of migrants and refugees use organized crime networks and human traffickers to reach the European area) [21]. In 2015, the networks dedicated to the traffic of migrants earned between 4,700 and 5,700 million euros [20].

At the eastern Mediterranean route, Greece is the main destination due to its geographical location. Despite the economic crisis, Greece remains a point of transit for immigrants: before “the Arab uprisings, Greece was already by far the country that endured greater migratory pressure, accumulating 86% of what the Frontex Agency denominates illegal crossings of all the EU. For example, in 2010 there were 55,700 illegal immigrants who accessed the EU through the eastern Mediterranean route, a figure that rose to 57,000 in 2011” [34]. In 2015, Greece received migrants from Syria, Eritrea, Iraq, Libya and Afghanistan through the maritime or Greek-Turkish border, and migrants aimed at accessing the route of the Western Balkans to reach Germany and the Nordic countries of the EU as final destination. Therefore, more than 853,650 migrants arrived to Greece, “56.1% of people who entered Greece that year originated from Syria, followed by Afghanistan (24.4%), Iraq (10.3%), Pakistan (2.7%) and Somalia (0.5%)” [36].

Before the massive arrival at the Balkan route, the Hungarian government unilaterally suspended the Dublin III Regulation for two reasons: the “protection of national interest” and “technical reasons”. Initially, this decision was criticized by Germany that opened its borders to welcome more refugees than it promised and suggested a new system of quotas. The negative response from the Czech Republic, Hungary, Slovakia and Romania demonstrated a community fracture putting at risk the Schengen Agreement, which forced Germany to readjust its policy and suspend the application of Dublin III.

Given the risk of “renationalization” of migration policy, the European migration leads to the security crisis. Due to the closure of borders, in addition to the European Union-Turkey agreement, the route through Greece used mainly by Syrians and Afghans, is no longer a preferred option. Since 2016, there has been a decrease in the flow of migrants due to the impossibility to use the traditional route of the Western Balkans.

Under the pressure of migration crises in Greece and Italy, the EU promised to relocate 22,500 refugees in 2016, settled in the camps of Turkey, Lebanon and Jordan, but finally resettled only 5,657, because the member countries of the former Soviet sphere agreed to receive a minimum number of refugees [11]. The European Council demands that the member countries relocate 63,000 migrants from Greece, reached only the promise to resettle 2,943, of which only 530 were finally resettled. As for those from Italy, the European Council requests the relocation of 34,953 refugees, while the member countries agreed only on 1,573 and relocated de facto only 615 [11].

The restrictive migration policy affecting the central and eastern routes of the Mediterranean reactivated the western route — its volume of migration tripled in the first half of 2018 compared to 2017 [24], with the migration profile of 75% men, 10% women and 15% of minors including a high share of unaccompanied minors [29; 30]. The summer of 2018 represents a change in the migration to Spain through the Mediterranean across the Alboran Sea and the Strait of Gibraltar, reaching record figures compared to other European countries. A smaller part of migrants reaches the borders of Ceuta and Melilla and then also the Spanish borders. The strict border policy of Algeria, whose coasts are 250 km from Almeria, makes migrants from Libya and Tunisia to seek alternative routes to reach Europe through Morocco that uses migratory flows in the foreign policy with Spain and the EU, being more or less permissive with migrants and their departure according to its own interests concerning fishing, air, association or the Western Sahara agreements that have a direct impact on the border gates. The tense relations on emigration were affected by the EU Court of Justice decision to oblige Morocco to modify agreements on agriculture and fishing so that no to let it take advantage of the natural resources of the Western Sahara. The European Commission adopts agreements with Morocco to stop migratory flows to Spain — for 140 million euros, but this is less than what was received by other migrant-sending countries such as Libya (227 million euros compared to 17 million euros given to Morocco). This money is allocated for the purchase of materials for border control and directly for the Moroccan budget. Moreover, a commitment was made to provide a channel of dialogue and permanent assistance in the coming years [13]. With this measure, the EU seeks to stop the arrival of migrants to Spain, which in 2017—2018 recorded their highest number in Europe.

Under the migratory crises, Spain shifted from the policy of greater border control to the policy of short-term actions, moving from a humanitarian action intended to provide a safe harbour for 630 migrants on board the rescue ship *Aquarius* towards a more severe immigration control policy, especially after the attack on the Ceuta border fence in the summer of 2018. This action revealed the contradictions at two levels — at the political level the Spanish government demonstrated an incoherent line of action, and, at the level of migration management it adopts expulsion measures without respecting legal procedures and considering the risks faced by migrants.

Responses of the European Union to the multilevel crisis

There is a tendency to identify the migratory processes since the Arab uprisings as a migratory crisis and even the most severe one suffered by the European Union since the Second World War. However, there is a different approach based on data saying that it is only the events of 2015 that are a crisis. In fact, the EU faces a political rather migratory crisis: there is an obvious proliferation of toxic narratives against migrants that supports the negative perception of the phenomenon, encourages radical and nationalist parties to use the populist rhetoric with xenophobic and anti-immigration elements (Austria, Hungary, Poland, France, etc.). The crisis of refugees and migrants highlighted the fractures and weaknesses of the EU affecting both its institutions and member states: “this crisis put to risk essential achievements of the European integration such as the Schengen area that guarantees free movement, and the options of the EU as a credible, effective and legitimate international actor facing, in accordance with its principles and values, the scenario of conflict and instability that surrounds it” [35]. Therefore, this crisis represents a challenge to the European governance as well as to the key guiding principles, values and identity of the last half century. The scale of migration in the EU causes institutions and national governments to adopt a range of responses that combine operational-military, political-legal and economic-cooperative plans. Through these plans the EU intends to face the reality and not to neglect its responsibility as a global actor. The measures adopted aim at securitization of borders and outsourcing of migration management in the situation when it is difficult to distinguish between refugees and migratory flows.

The European Commission implements the new European Agenda on Migration (May 13, 2015) [14] to boost the externalization of borders at the national, community and international levels. The Agenda [9] “emphasizes security aspects reinforcing the role of the European Border and Coast Agency, better known as Frontex, creating the European Coast Guard and enhancing all aspects related to cooperation with third countries for control purposes of immigration and the return of people. Among other issues, the Agenda proposes the creation of hotspots, defining them as emergency mechanisms to support states... The European Migration Agenda also mentions the relocation and resettlement programs for people in need of international protection, calling for solidarity between states and shared responsibility” [36]. The Agenda means a redefinition of migration policy with a security aspect and responds to emergency measures in four basic ways: reducing incentives for illegal immigration, border management, a strong common asylum policy, and a new legal immigration policy — in search for a “fair, solid and realistic” policy. For some states, the Agenda was too ambitious as they had to comply with European migration regulations, for other states rather too timid. Continuing with the securitization of borders, European countries created the European Border and Coast Guard Agency in October 2016, with the mission of managing borders and guaranteeing security in the EU through an operational strategy of intervention. Also the EU works to reinforce the Frontex [12] with a permanent body of 10,000 guards by 2027.

It is becoming increasingly common for states to consider that the sea a propitious area to extend borders and prevent migrants from arriving based on the argument is that “their international legal responsibilities do not apply when they operate outside their territory or their territorial waters, creating in essence an area where the rights of migrants are not protected and where it is difficult to supervise the actions of the states” [25]. The duty of assistance is a basic principle of international conventions on the sea, but the responsibility to protect the borders makes states implement measures to intercept migrants at sea depriving them of protection in accordance with the fundamental human rights. These measures have two goals — to prevent migrants’ arrivals and to avoid a negative image in the public opinion.

The arrival of migrants, mainly from Syria in 2015, multiplies the geopolitical and strategic value of Turkey as a buffer state, which explains the Agreement between the EU and Turkey in March 2016, which shows the inability of the EU and its member states to manage the humanitarian crisis. The aim of the EU-Turkey Agreement, according to the European Commission, is to discourage migration flows through the mafia business model [16]. This agreement establishes: the return of migrants in an irregular situation to Turkey together with those who denied the request for asylum prior to detention in the established centres. For every Syrian returned to Turkey the EU is to resettle a Syrian who requested asylum in Turkey [17]. This agreement benefits Turkey economically and politically: Turkey received 245 million euros for 2014—2016, which was increased to 3,000 million euros and another 3,000 more in March 2016 to assist refugees. Moreover, the EU supports Turkey’s accession process to the EU, which dates back to the association agreement (1963) and more recently to the European Strategy for Turkey of 1998, which is slowed down mainly by Germany, Greece, Cyprus and France, claiming that Turkey violated the ‘Copenhagen criteria’ (civil rights, human rights and democracy) and that the Turkish regime is authoritarian. The EU also undertakes to exempt Turkish citizens from visas to enter the member states, which constitutes the most notable measure of this EU-Turkey Joint Action Plan.

Several institutions together with some EU governments questioned the legality of this agreement as violating International Law and International Humanitarian Law [37], and “emphasize the great contradiction that exists between the European Union that affirms in its Treaty to be a space of internal and external solidarity as well as in its migration policy but, with this Agreement and the aggravation of the humanitarian drama of this population, they show a clear inclination towards the construction of a fortress Europe that entails an authoritarian drift in the position of some community governments” [32]. Moreover, some analysts question Turkey as a safe country to receive migrants returned from the EU based on the European Union Directive 2013/32/EU, according to which a person can only be remitted to a “third safe country”. Article 38 mentions legal requirements for a country to be considered safe [18]: “people who were readmitted from Greece to Turkey under the Greece-Turkey Readmission Agreement after the 18 March 2016 EU-Turkey Statement face particular obstacles to international protection. Their access to asylum is very limited yet Turkish authorities justify limiting

their access to asylum in Turkey on the basis that readmitted migrants already had an opportunity to seek asylum in Greece. This has created a vacuum for persons who are in need of international protection” [37].

Thus, with this outsourcing policy, refugees become “the bargaining chip of a negotiation, from which the Turkish side has tried to gain geopolitical and electoral advantages and the European side has prioritized needs of short-term security rather than the requirements of protection and rights” [35]. This agreement had a direct effect on the number of arrivals of migrants to Greece, which have decreased along the traditional routes, but at the same it has reinforced the use of more dangerous routes to the central and western Mediterranean [38].

Since the beginning of the 21st century, different instruments have been adopted for third countries “grouped under the rubric of the EU Global Approach on Mobility. These included the creation of mobility alliances with more favoured third countries; the maintenance of a long-term (albeit rather stagnant) dialogue with the Euro-Mediterranean region (the Rabat Process); and a considerable spending of political capital on the development of EU readmission agreements with the main transit and sending countries for migrants” [4]. These initiatives have not achieved the expected scope yet for the agreements focused more on reactive measures rather than preventive ones.

Under the current migration crisis various efforts were revitalized through regional and sub-regional initiatives, although the issue of migration in the relationship with third parties was not a priority at first. In the framework of the Rabat agreements, the Valletta Summit was held in November 2015, at which the action plan was adopted with the following objectives: “to address the real root causes of underdevelopment and poverty which are the matrix of irregular migration and forced displacement; strengthen cooperation on legal migration and mobility to prevent irregular movements; strengthen the protection of migrants and asylum seekers; prevent and combat irregular migration, smuggling of migrants and trafficking of human beings; collaborate more closely to improve cooperation on return, readmission and reintegration” [10]. The EU also made economic commitments through foreign aid to prevent migrants and refugees from accessing the EU: a minimum agreement was adopted to strengthen the EU’s relations with countries of origin and transit, especially with Libya, by increasing financial support and reinforcing the agreement with Turkey.

A crisis of the EU governance?

The lack of leadership, both internal and external, does not contribute to the EU policies, which is proved by its “inability to be equipped with instruments to carry out effectively and coherently the principle of internal and external solidarity that embodies the preamble of the Treaty on European Union wherein the crisis of the displaced and refugees is just another test — the most significant one — of the ‘downward’ situation in which the integration process is found” [32]. The crisis shows that the EU system of border control, asylum and immigration does not respond effectively to these massive, unforeseen, heterogeneous and complex movements. The EU is not able to adopt a com-

mon policy on migration. The national interests as prior to the community interests created an institutional gap that affects the governance, institutions and citizens and questions the solidary base of the EU and its achievements. The EU migration management covers three areas: “the mobility of people from member countries in the EU, migrations from third countries and, finally, reception of refugees and asylum seekers. These are three branches that have evolved as autonomous political areas within the EU and respond to differentiated political logics” [1]. The migration crisis creates tensions in the EU functioning due to the variety of its causes, diversity of ideological positions and disparity of national interests that complicate decision making.

The short-term policies adopted by the EU did not help, nor the “check-book policy” that implies economic investments so that third countries act as a barrier to prevent migrants from reaching Europe. These measures led to the reorganization of the routes and more business for migrant mafias. Although in 2011 European citizens were more concerned about the economic situation and unemployment, the data of the Eurobarometers in 2015 indicate that the migratory issue is a serious and growing concern — 72% of Europeans want the EU to intervene more in migratory management [19]. Illegal immigration and the Mediterranean crisis became sensitive topics for national public polls. European citizens became aware of what the massive arrival of migrants entails through the media that show impressive images of the humanitarian crisis that affects the EU institutions, member countries and population. Therefore, the question is: what should Europe do with the uncontrolled flows of migration?

Moreover, migration acts as a common denominator in the nationalist and xenophobic discourse of populist parties that try “to capitalize on the triple fear of immigration that nests in some segments of societies: fear of erosion of national identity and traditional values, fear of deterioration of the social-economic position and thinning of the welfare state; and security fears aggravated by the attacks of international terrorism that are associated with immigration” [3]. Nationalist parties and political movements developed a conservative extremist rhetoric, in which the migratory phenomenon is responsible for all bad things. In addition, the Eurosceptic facet is reinforced by the opposition to the measures implemented by the EU.

Although the populist term leads to a terminological confusion as meaning heterogeneous parties and movements, in the European context it is always linked to anti-immigration and anti-EU parties. The ideological weakness of populisms allows to use it by both left and right parties. The crisis of governance that Lampedusa triggered and that remains open and unresolved, spreads to other countries on the southern shore of the EU and contributes to the fear of the massive arrival of migrants, which, in turn, supports xenophobic movements and extremist parties in the EU countries such as Golden Dawn in Greece, Alternative for Germany (AfD), UK Independence Party (UKIP), FPÖ in Austria, Danish People’s Party, Party for Freedom (PVV) in Holland, Flemish Interest in Belgium; Finns Party (formerly True Finns) in Finland, Law and Justice in Poland, Five Star Movement and Northern League in Italy.

Although the EU is considered a normative power based on values, the migratory crisis shows that national interests are prior to the common European project, which

questions the integration process. In part, this is due to the crisis of governance and leadership, in part — to the diluted identity and internal fracture. Among the challenges that the EU faces is reconfiguration and effective harmonization of various policies that affect the migratory phenomenon. One of the priorities should be adequate responses to migratory flows, which combine securitization of borders and aid to the European recipient countries with economic endowment and operational support to third countries. All this would mean a sustainable paradigmatic shift in migration management — a move from a reactive police to the proactive one, which will test the effectiveness and unity of the European Union as a global player.

References

- [1] Aragall X. Refugees: another project that defies Europe. *Vanguardia Dossier*. 2015; 58.
- [2] Arango J. Explaining migration: A critical view. *International Social Science Journal*. 2000; 52.
- [3] Arango J. et al. Introduction: The immigration in the eye of the hurricane. Arango J., Mahía R., Moya D., Sánchez-Montijano E. (Eds.). *CIDOB's Yearbook of Immigration*. Barcelona; 2017.
- [4] Collett E. The cooperation of the EU with third countries: Rethinking concepts and investments. *Forced Migration Magazine*. 2016; 51.
- [5] Czaika M., de Haas H. The globalization of migration: Has the world become more migratory? *International Migration Review*. 2015; 48 (2).
- [6] D'Angelo A. Migratory flows in the Mediterranean. Figures, policies and multiple crises. Arango J. *CIDOB Yearbook of Immigration*. Barcelona; 2018.
- [7] Dimitriadi A. Europe to the refugees. *AFKAR/Ideas*. 2016; winter.
- [8] Diskaya A. *Towards a critical securitization theory*. <https://www.e-ir.info/2013/02/01/towards-a-critical-securitization-theory-the-copenhagen-and-aberystwyth-schools-of-security-studies>.
- [9] European Commission: A European Agenda On Migration. https://ec.europa.eu/anti-trafficking/sites/antitrafficking/files/communication_on_the_european_agenda_on_migration_en.pdf.
- [10] European Commission: Summit Union Europea-Africa. <https://www.consilium.europa.eu//meetings/international-summit/2015/11/11-12>.
- [11] European Commission: The European Union and the Refugee Crisis 2016. <http://publications.europa.eu/webpub/com/factsheets/migration-crisis/es>.
- [12] European Commission: European Agency of the Guard of Borders and Coasts. https://ec.europa.eu/home-affairs/sites/homeaffairs/files/what-we-do/policies/european-agenda-migration/20171207_the_european_border_and_coast_guard_agency_es.pdf.
- [13] European Commission: The Migratory Crisis. <http://publications.europa.eu/webpub/com/factsheets/migration-crisis/es>.
- [14] European Commission: To Manage Better the Migrations in All Its Aspects: European Agenda of Migration. https://ec.europa.eu/commission/sites/beta-political/files/euco-migration-booklet-june2018_es.pdf.
- [15] European Council: Conclusions of 25 and 26 of June, EUCO 22/15. https://www.consilium.europa.eu/media/21701/euco-conclusions_26062015_es.pdf.
- [16] European Council: EU-Turkey Declaration 2016. <http://www.consilium.europa.eu/es/press/press-releases/2016/03/18-eu-turkey-statement>.
- [17] European Parliament: The Migratory Crisis in Figures, 2017. <http://www.europarl.europa.eu/news/es/headlines/society/20170629STO78630/la-crisis-migratoria-en-cifras>.
- [18] European Union: Directive 2013/32/EU of the European Parliament and of the Council of 26 June 2013 on Common Procedures for Granting and Withdrawing International Protection. <https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2013/32/oj>.

- [19] European Union: Eurobarometer, May 2018. <http://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/index.cfm/WhatsNew/index>.
- [20] Europol: European Union Serious and Organised Crime Threat Assessment. SOCTA, 2017. <https://www.europol.europa.eu/socta/2017>.
- [21] Europol: Facilitation of Illegal Immigration. <https://www.europol.europa.eu/crime-areas-and-trends/crime-areas/facilitation-of-illegal-immigration>.
- [22] FRONTEX: Migration Flows: Eastern, Central, and Western Mediterranean Routes. <https://www.consilium.europa.eu/es/infographics/eastern-and-central-mediterranean-routes-09-2017>.
- [23] International Organization for Migration: <https://www.iom.int/es/news/la-oim-contabiliza-3771-muertes-de-migrantes-en-el-mediterraneo-en-2015-y-mas-de-un-millon-de>.
- [24] International Organization for Migration: Mediterranean 2018. <https://www.iom.int/es/news/se-contabilizan-50872-llegadas-y-2359-muertes-en-el-mediterraneo-en-2018>.
- [25] Kumin J. The challenge of mixed migration by sea. *Forced Migrations Magazine*. 2014. <https://www.fmreview.org/sites/fmr/files/FMRdownloads/es/crisis/kumin.pdf>.
- [26] Kurekova L. Theories of migration: Conceptual review and empirical testing in the context of the EU East-West flows. *CARIM AS*. 2010; April.
- [27] Larenas Álvarez A. The confluence between critical studies of security and human security: The dynamics of inclusion and overcoming. *International Relations*. 2013; June-September.
- [28] Massey D. et al. *Worlds in Motion. Understanding International Migration at the End of the Millennium*. London; 1998.
- [29] Ministry of Interior of Spain: Irregular Immigration. 2015. <http://www.interior.gob.es/documents/10180/3066430/Balance+2015+de+la+lucha+contra+la+inmigraci%C3%B3n+irregular.pdf/d67e7d4b-1cb9-4b1d-94a0-9a9ca1028f3d>.
- [30] Ministry of Interior of Spain: Irregular Immigration: Accumulated Data 2018. http://www.interior.gob.es/documents/10180/9654434/24_informe_quincenal_acumulado_01-01_al_31-12-2018.pdf/d1621a2a-0684-4aae-a9c5-a086e969480f.
- [31] O'Reilly K. Migration theories: A critical overview. Triandafyllidou A. *Handbook of Immigration and Refugee*. Oxford; 2015.
- [32] Palomares Lerma G. The question of refugees and the responsibilities of the EU: Responses from the Common Foreign and Security Policy, Cooperation and Assistance. *Revista Universitaria Europea*. 2017; July-December.
- [33] Ravenstein E. The laws of migration. *Journal of the Statistical Society*. 1989; 52.
- [34] Ruiz González F. Capacities of the common politics of safety and defense against the problem of displaced populations. *Effects on the PCSD of the European Union of the Migratory Crisis*. Madrid; 2016.
- [35] Sanahuja Perales J. The European Union and the refugee crisis: Failures of governance, securitization and “Diplomacy of checkbook”. Mesa M. (Ed.). *Yearbook Ceipaz 2015—2016. Unpostponed Challenges in the International System*. Madrid; 2016.
- [36] The Spanish Commission of Aid to Refugees: *Trapped in Greece. A Year After the Agreement EU-Turkey*. Madrid; 2016.
- [37] Ulusoy O., Battjes H. Situation of readmitted migrants and refugees from Greece to Turkey under the EU-Turkey Statement. *VU Migration Law Series*. 2017; 15.
- [38] United Nations Office on Drug and Crime: *Global Study on Smuggling of Migrants*. New York; 2018.

DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-4-617-629

Миграционный кризис в Средиземноморье: многомерный вызов для Европейского Союза*

К. Анкита Ольмедо, П. Гонсалес Гомес дель Миньо

Университет Комплутенсе

Факультет политологии и социологии, Кампус де Сомосагуас,

28223, Посуэло де Аларсон, Мадрид, Испания

(e-mail: canguita@ucm.es; pagonzal@ucm.es).

На протяжении всей своей истории Европейский Союз (ЕС) всегда был центром притяжения разнообразных миграционных потоков. Соответственно, миграция стала предельно важной темой в политической, культурной и социальной повестке ЕС, в значительной степени определяя его позицию в каждой из этих сфер. Последний миграционный кризис, начавшийся в 2015 году, стал многомерным вызовом для ЕС с жесточайшими последствиями, которые сказались и на институциональных основаниях самого ЕС (управление, безопасность, солидарность стран-членов и институциональная стабильность), и на миграционной политике принимающих стран и ЕС. Нынешний миграционный кризис, характеризуется, во-первых, огромным и все возрастающим числом нелегальных мигрантов, которые перебираются в Европу через Средиземноморье, во-вторых, прежде невиданными масштабами гуманитарной катастрофы и отсутствия безопасности, которые превратили Средиземное море, по сути, в серую зону и фокус всех мировых дискуссий о миграционных процессах. Соотношение понятий миграции и безопасности стало предметом прикладных исследований и теоретического анализа и одновременно находится в центре политических дебатов и общественных дискуссий. В статье рассматривается миграционный кризис 2015 года и последствия, которые он несет для ЕС и тех его стран-членов, которые в наибольшей степени вовлечены в миграционные процессы. Авторы считают, что реакция ЕС на миграционный кризис оказалась преимущественно сведена к политике обеспечения безопасности посредством усиления внешних границ и поддержки внутренней безопасности, вместо того чтобы выполнять международные и собственные соглашения и продвигать общеевропейские ценности, поэтому избранный ЕС курс на решение миграционного кризиса явно противоречит тому, чего от него ждут как от глобального игрока. Авторы делают вывод, что сегодня необходимы новые механизмы решения миграционных проблем наряду с повышением эффективности уже имеющихся.

Ключевые слова: международная миграция; Европейский Союз; политика обеспечения безопасности; управление кризисом; руководство; Средиземноморье

* © Анкита Ольмедо К., Гонсалес Гомес дель Миньо П., 2019.

Статья поступила 23.05.2019 г. Статья принята к публикации 28.06.2019 г.

DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-4-630-638

The birth rate in BRICS countries under the gender inequality in the labor market*

К. Kizilova¹, Е.А. Mosakova²

¹Institute for Comparative Survey Research “Eurasia Barometer”
Paniglgasse 17/7, Vienna, 1040, Austria

²Lomonosov Moscow State University
Leninsky Gory, 1, bldg. 13a, Moscow, Russia, 119991
(e-mail: ksenniya.kizilova@gmail.com; lizavetam@mail.ru)

Abstract. Demographic security under the uneven replacement of population due to significant fluctuations in birthrates is one of the most important problems for many states and global communities. According to the numerous studies, the developed countries face the challenge of depopulation and need to increase fertility, while the developing countries experience demographic boom and need to reduce fertility. The article considers the dynamics of fertility rates in the BRICS countries in the context of gender inequality in labor relations. The authors show that gender discrimination in labor relations affects fertility. The BRICS countries demonstrate that the lower birthrate the higher the level of women’s employment, of women’s wages, of gender equality in the economic sphere, and the larger the share of female students in the higher education. For the contemporary Russian society this correlation is reverse. The BRICS group consists mainly of developing countries, whose demographic transition has not yet been completed. For this reason, these countries demonstrate a negative correlation between fertility and gender inequality in the labor market. According to the sociological research findings, women there are still challenged with the choice between family and employment. Significant gender inequality in the labor market is an additional factor that forces women into the sphere of family employment. Gender discrimination in the labor market in Russia has a completely different impact on the birthrate than in other BRICS countries: a lower level of gender inequality in the labor market, on the contrary, contributes to the higher fertility. On the one hand, the higher level of gender equality in the labor market makes it easier for women to combine family employment and career, which results in larger number of children per family. On the other hand, the tradition to have several children declines. Therefore, the gender equality policy in a long run determines a smaller number of children per family in the future.

Key words: women; employment; fertility; labor market; gender discrimination; BRICS; sociological research

The study of the correlation between employment and the number of children in the family fell into the focus of field-specific literature for the first time only in the middle of the 20th century [11]. It was not until the last quarter of the 20th century that R. Andorka and S. Lloyd proved in their studies of the European countries that women’s involvement in economy determines the number of children in the family [4; 10]. For instance, women found it difficult to combine professional and family duties,

* © Kizilova K., Mosakova E.A., 2019.

The article was submitted on 06.03.2019. The article was accepted on 23.04.2019.

which made them choose between career and family. If the woman chose family with several children, then she had either to leave the labor market or to accept more flexible forms of employment. Thus, the fertility studies in the European countries until the last quarter of the 20th century proved an inverse correlation between fertility and employment.

However, studies in the developed countries in the late 20th — early 21st centuries identified a positive correlation between fertility and women's employment [1; 2; 5; 8; 9; 12; 13]. Thus, working women demonstrated higher fertility rates than those not employed (the 'fertility rate' stands for 'birthrate', i.e. the number of children per woman; this indicator eliminates the influence of the population age-gender structure). Demographers and sociologists explain this radical change by the demographic transition — the correlation between fertility and women's employment changes to the opposite after the transition is completed. Absence of correlation between women's unemployment and fertility is an indirect proof of the positive impact of women's employment on fertility. Thus, the transition of women into unemployment does not lead to a higher birthrate, according to G. Andersson, G. Liu and B. Hoem [3; 6].

There is no unified position on the direction of impact of women's economic employment on fertility. However, numerous researchers and sociologists believe that the most developed countries demonstrated a negative correlation of these indicators before their demographic transition started, and a positive one after its completion [1—3; 5—9; 12; 13].

Multiplicity of the correlation is a consequence of diversely directed impact of a set of factors. The labor market is characterized by the least level of homogeneity of impact including gender discrimination. The problem of gender inequality in the economic sphere exists in all countries despite anti-discriminatory policies of many governments. The Sustainable Development Goals agenda for 2016—2030 testifies to gender discrimination in the economic sphere: one of the goals is "gender equality and empowerment of women and girls" [15].

There has been very little research on the impact of gender discrimination in labor relations on the birthrate. Our aim is to identify whether there is a correlation between birthrate and gender discrimination in the labor market. If such a correlation exists, then what is its direction — is it positive or negative? We considered Russian and international surveys on fertility and women's reproductive behavior, and also official statistics on population and the labor market focusing on the Global Gender Gap-2017 review of the World Economic Forum [15] and on the BRICS countries including Russia. The Gender Inequality Index (GII, reflects the gender gap in politics, economy, education and healthcare) is used as an indicator of the level of gender discrimination in the labor market for it measures difference in sub-indices rather than absolute values. The Total Fertility Rate (TFR) and the Crude Birthrate (CBR) are used as birthrate indicators.

The 2017 research of the BRICS countries helped us to identify several important correlations. First, the higher level of women's involvement in the economic sphere corresponds with the lower birthrate (Table 1) (SAR is an exception as it is traditionally characterized by a higher fertility).

Table 1

Women's involvement in the economic sphere, 2017 [14; 16]

Country	Level of involvement	GBC, ‰	TFR (children per woman)
India	0.347	19	2.43
Brazil	0.745	14.1	1.75
SAR	0.804	20.2	2.29
China	0.834	12.3	1.6
Russia	0.865	11	1.61

Table 2

Women's wages in percentage to men's wages for similar jobs and fertility, 2017 [14; 16]

Country	Women's wages in % to men's	CBR, ‰	TFR (children per woman)
SAR	0.547	20.2	2.29
India	0.620	19	2.43
Brazil	0.517	14.1	1.75
China	0.643	12.3	1.6
Russia	0.648	11	1.61

Table 3

GII in the economic sphere, level of women's involvement and fertility, 2017 [14; 16]

Country	GII	CBR, ‰	TFR (children per woman)
India	0.376	19	2.43
SAR	0.652	20.2	2.29
China	0.654	12.3	1.6
Brazil	0.655	14.1	1.75
Russia	0.724	11	1.61

Second, there is a negative correlation between the birthrate and women's wages. This correlation for the BRICS countries can be identified only within homogeneous groups of countries fertility-wise (Table 2). Thus, in the BRICS countries, where birthrate is below the level of demographic replacement (Brazil, Russia, China), there is a negative correlation between the birthrate and gender equality in wages: greater gender equality and same or close wage rates (for similar jobs) are associated with lower birthrates. Similar conclusions can be made for the BRICS countries, where the birthrate level is higher than replacement of the population, in particular in India and Brazil.

Third, there is a negative correlation between birthrate and gender equality in the economic sphere though less notable: the BRICS country demonstrate a higher level of gender equality in the economic sphere with a lower birthrate (Table 3).

Fourth, women's engagement in paid employment is also affected by the level of education, which has a negative impact on fertility. The BRICS countries feature a higher percentage of female students in higher education and a lower birthrate (Table 4).

Fifth, there is a correlation between the levels of Internet usage and fertility. Continuous access to the Internet is usually determined by educational or professional needs, which indirectly presumes higher career aspirations and a higher educational level (Table 5). Thus, lower birthrate corresponds to a higher share of women using the Internet, and the BRICS countries illustrate this trend.

Table 4

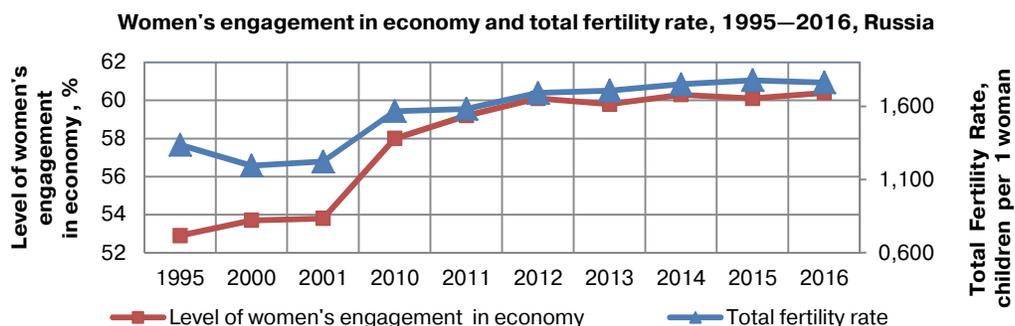
Percentage of women pursuing higher education and fertility, 2017 [14; 16]

Country	Share of women pursuing higher education (among women), %	CBR, ‰	TFR (children per woman)
SAR	23.3	20.2	2.29
India	26.7	19	2.43
China	47.3	12.3	1.6
Brazil	59.3	14	1.75
Russia	88.3	11	1.61

Table 5

Percentage of women using the Internet and fertility, 2017 [14; 16]

Country	Percentage of women using the Internet, %	CBR, ‰	TFR (children per woman)
SAR	—	20.2	2.29
India	—	19	2.43
China	—	12.3	1.6
Brazil	54.2	14	1.75
Russia	73	11	1.61

Figure 1. Women's engagement in the economy and fertility (TFR) [22; 23; 24; 26]

Thus, the lower is the birthrate (1) the higher is the level of engagement of women in the country's economic sphere; (2) the more equal are wage rates for women and men; (3) the higher is the level of gender equality in the economic sphere; (4) the higher is the share of female students in higher education and of women using the Internet. However, the BRICS countries present a diversity of demographic parameters, not every country has completed its demographic transition. Let us focus on the identified correlations for Russia.

First, the birthrate and employment of women in Russia were changing in diverging directions until the early 2000s, which illustrated a negative correlation between the indicators (Fig. 1). However, Russia completed its demographic transition by the end of the 20th century, which determined a considerable reduction of the birthrate — the child generation no longer replenishes the parent generation. A new trend has developed since the 2000s — a positive correlation between the women's economic engagement and fertility. There has been either simultaneous growth or simultaneous decline of both indicators; and participation in the paid employment has had a positive impact on fertility. Thus, the participation of women in labor relations is the factor that contributes to the higher birthrate, unlike other BRICS countries.

Table 6

Correlation between women's wages to that of men and fertility, Russia [25; 26]

Year	Correlation between women's and men's wages, %	TFR (children per woman)
2005	60.7	1.294
2007	63.1	1.416
2009	65.3	1.542
2011	64.1	1.582
2013	74.2	1.707
2015	72.6	1.777
2017	71.7	1.621

Table 7

The educational level of the population and fertility, Russia [19; 20; 21; 26]

Year	People with higher education (per 1000 persons of relevant birth cohort)	TFR (children per woman)
1989	109	1.892
2002	165	1.286
2010	248	1.567
2015	339	1.77

Second, in the past decade Russia, unlike other BRICS countries, presents a direct correlation between the birthrate and gender gap in wages: the closer the level of women's wages to those of men, the higher the birthrate (Table 6).

Third, the comparison between the educational levels of women and fertility in recent decades allows to identify a direct correlation between the indicators, unlike other BRICS countries. For instance, women in Russia strive for equal rights with men, which leads to a certain level of education as well as professional self-realization, which competes with the need to have several children. Consequently, the number of children drops. The analysis of the census data of 1989, 2002, 2010, and micro-census of 2015 seems to be most informative for they provide information on the educational level of the population (Table 7). Until the 2000s, Russia saw an inverse correlation between the birthrate and higher education among women: the share of women with higher education was surging, the birthrate was declining. However, we saw a simultaneous growth of both indicators since the 2000s, which means their positive correlation. The comparison of the micro-census data (2015) and results of the latest census (2002) is very illustrative: the share of women with higher education doubled, while increased by 30%.

Thus, in recent decades in Russia, the higher birthrate was associated with (1) the higher level of women's engagement in the economy; (2) the greater equality in wages; (3) the higher gender equality in the economic sphere; and (4) the higher share of women with higher education.

According to many sociological studies, women still face the choice between family and professional duties in the BRICS countries. When making decision about carrier, women who refuse paid employment for family employment tend to have a greater number of children. When making a choice in favor of the family and several children, women usually have to leave the sphere of paid employment, which, in turn, results in the lower fertility rates and fewer children in the family. The gender inequality

in the labor market of the BRICS countries works as an additional factor that pushes women into family employment, thus, making their choice even more difficult. For this reason, the higher gender equality in the labor market of the BRICS countries as well as an increase in women's employment are accompanied by shrinking fertility.

Wage rates and education are two factors that are closely linked with women's involvement in the labor market. The comparative analysis of the BRICS countries in 2017 shows that there was an inverse correlation between the birthrate, on the one hand, and the level of education and gender gap in wages, on the other. The more a woman is discriminated in the labor market, in particular, concerning her payment, the lower her wages and the more reasonable for her to leave the labor market and to devote herself to the family. The same is proven by the inverse correlation of the birthrate and the level of education in the BRICS countries: the higher educational level of women affects their values and priorities; the higher level of education contributes to the greater emphasis women place on professional development and, consequently, the family becomes of smaller importance, and vice versa.

The inverse correlation between the women's involvement in the labor market and the birthrate is explained by the fact that the BRICS consists primarily of developing countries. Russia and China — transitional economies — are the only exceptions, according to the IMF. For some developing countries the demographic transition is yet not completed, and these societies demonstrate an inverse correlation of the birthrate and the mentioned above factors. Thus, the gender discrimination in Russia has a different impact on the birthrate as compared to other BRICS countries. Russia has experienced either parallel growth or decline of the birthrate and the level of employment in recent decades: women's engagement in labor relations today is the factor contributing to the higher birthrate [16; 18]. This can be stipulated by both the completed the demographic transition in the late 20th century and the traditionally higher level of employment of women. The development of labor relations in the USSR (and Russia as its successor state) was aimed at maximization of women involvement in the economic sphere for the increase in production and improvement of economic performance of the state during the post-war recovery of the country. We should note that in 1990—2017 the share of women in the gender structure of the labor market did not change substantially (it went up by 1%) [24—26]. Thus, the Russian labor market offers nearly equal opportunities to both gender groups, and women find it much easier to combine family life and professional employment as compared to other BRICS countries.

However, the reasons why Russian women choose the paid employment differ considerably from other countries and Western Europe in particular. For many women this choice is largely motivated by the need to support their family: the income of one wage-earner usually is not enough to provide for the whole family even with one child, which pushes women into the labor market. The gender gap in wages is another factor contributing to women's employment. Russia saw a narrowing gender gap in wages in the last decade, which was largely determined by the reduction of the active working-age population: the small generation born during the deep economic crisis in the 1990s was becoming a workforce, while the larger generation born in the 1960s was retiring. This led to a workforce deficit, and employers had to cover it by higher wages for women, which are now close to men's wages. This explains to a great extent the direct correla-

tion between the gender gap in wages and fertility: the closer the levels of payment to men and women, the higher the birthrate.

The correlation between the birthrate and the level of education in Russia also differs substantially from other BRICS countries: a larger share of women with higher education has more children. The educational level and the level of employment are the factors contributing to fertility. The causes that led to the change in the correlation between the educational level and birthrate are comparable with those that affected the level of women's employment. The correlation between the educational level and fertility (TFR) was negative before demographic transition and is positive after its completion.

Gender discrimination in the labor market that includes a range of interrelated factors, is one of the crucial determinants of fertility. The country's social and economic development and peculiarities of its demography, in particular the completion of the demographic transition, determine these correlations. For instance, factors associated with women's employment, such as the gender gap in economy, women's wages as compared with those for men, and higher education level of women have a negative impact on the birthrate in BRICS, which consists mainly of developing countries, while in Russia, which is a country with transitional economy, according to the IMF methodology, the impact is positive. This represents a paradox of the contemporary labor market: on the one hand, a greater gender equality makes it easier for women to combine family employment and career resulting in more children in the family. On the other hand, the same contributes to the decline in the possibility to have several children, which becomes specifically relevant for future generations of women. Thus, the number of children per family declines despite the gender equality policy.

References

- [1] Ahn N., Mira P. A note on changing relationship between fertility and female employment rates in developed countries. *Journal of Population Economics*. 2002; 15.
- [2] Anderson G., Scott K. Childbearing dynamics of couples in a universalistic welfare state: The role of labor-market status, country of origin, and gender. *Demographic Research*. 2007; 17.
- [3] Andersson G., Liu G. Demographic trends in Sweden: Childbearing developments in 1961—2000, marriage and divorce developments in 1971—1999. *Demographic Research*. 2001; 5.
- [4] Andorka R. *Determinants of Fertility and Advanced Societies*. New York: Free Press; 1978.
- [5] Heer D. *Society and Population*. Englewood Cliffs: Prentice-Hall; 1968.
- [5] Hoem B. Entry into motherhood in Sweden: The influence of economic factors on the rise and fall in fertility 1986—1997. *Demographic Research*. 2000; 2.
- [6] Hoem B. The compatibility of employment and childbearing in contemporary Sweden. *Acta Sociologica*. 1993; 36.
- [7] Kharkova T.L., Andreev E.M. Did the economic crisis cause the fertility decline in Russia? Evidence from the 1995 micro-census. *European Journal of Population*. 2000; 16.
- [8] Kohler H.P., Kohler I. Fertility decline in Russia in the early and mid-1990s: The role of economic uncertainty and labor market crisis. *European Journal of Population*. 2001; 18.
- [9] Lloyd C. The contribution of the world fertility surveys to an understanding of the relationship between women's work and fertility. *Studies in Family Planning*. 1991; 22 (3).
- [10] Myrdal A., Klein Y. *Women's Two Roles: Home and Work*. London: Routledge; 1956.
- [11] Sweet J.A. *Woman in the Labor Force*. New York: Seminar Press; 1973.

- [12] Tevenon O. Family policies in developed countries: Contrasting models. *Population & Societies*. 2008; 448.
- [13] The World Factbook: TFR by countries of the world. 2017. <https://www.cia.gov/library/publications/resources/the-world-factbook/geos/ch.html>.
- [14] Transforming Our World: The 2030 Agenda for Sustainable Development. United Nations; 2015.
- [15] World Economic Forum: The Global Competitiveness Report. 2017. http://www3.weforum.org/docs/WEF_GGGR_2017.pdf.
- [16] Barinova Yu.A., Suslov S.A. Food security, agricultural development and demographic trends in some RF territories. *NGIEI Bulletin*. 2013; 1 (In Russ.).
- [17] Bunkovsky D.V. Shadow economy: A development analysis. *Bulletin of the East-Siberian Institute of the Russian Ministry of Interior*. 2015; 4 (In Russ.).
- [18] Women and Men in Russia. 2006: Statistical Digest. Moscow; 2007 (In Russ.).
- [19] Women and Men in Russia. 2016: Statistical Digest. Moscow; 2016 (In Russ.).
- [20] Education by Numbers: 2017: A Brief Statistic Digest. Moscow; 2017 (In Russ.).
- [21] Work and Employment in Russia: 2003: Statistical Digest. Moscow; 2003 (In Russ.).
- [22] Work and Employment in Russia: 2015: Statistical Digest. Moscow; 2015 (In Russ.).
- [23] Work and Employment in Russia: 2017: Statistical Digest. Moscow; 2017 (In Russ.).
- [24] State Statistics Federal Service of the Russian Federation: Relationship between Women's and Men's Wages. http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/wages/labour_costs/# (In Russ.).
- [25] State Statistics Federal Service of the Russian Federation: TFR in Russia. http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# (In Russ.).

DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-4-630-638

Уровень рождаемости в странах БРИКС в контексте гендерного неравенства на рынке труда*

К. Кизилова¹, Е.А. Мосакова²

¹Институт сравнительных исследований общественного мнения
«Евразийский барометр»
Панингассе 17/7, Вена, 1040, Австрия

²Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Ленинские горы, 1, стр. 13а, Москва, Россия 119991

В условиях неравномерного воспроизводства населения вследствие значительных скачков в уровне рождаемости демографическая безопасность становится важнейшей проблемой для многих государств и глобальных сообществ. Согласно данным многочисленных исследований развитие страны сталкиваются с проблемой депопуляции и нуждаются в повышении уровня рождаемости, тогда как развивающиеся страны, напротив, переживают демографический бум и стремятся снизить уровень рождаемости. Авторы рассматривают динамику показателей рождаемости в странах БРИКС в контексте гендерного неравенства в сфере трудовых отношений и показывают, как это неравенство влияет на уровень рождаемости. Для стран БРИКС характерна следующая ситуация: чем ниже уровень рождаемости, тем выше уровень занятости, заработная плата женщин, гендерное равенство в экономической сфере и доля женщин, получающих высшее образование. В современной России

* © Кизилова К., Мосакова Е.А., 2019.

Статья поступила 06.03.2019 г. Статья принята к публикации 23.04.2019 г.

наблюдается обратная ситуация, поскольку БРИКС состоит преимущественно из развивающихся стран, где демографический переход пока еще не завершен, и потому эти страны демонстрируют обратное соотношение рождаемости и гендерного неравенства на рынке труда. Согласно социологическим данным женщины здесь все еще сталкиваются с проблемой выбора между семьей и работой. Высокий уровень гендерного неравенства на рынке труда — дополнительный фактор, который выталкивает женщину в сферу семейной занятости. Гендерная дискриминация на российском рынке труда оказывает иное воздействие на уровень рождаемости, чем в других странах БРИКС: низкий уровень гендерного неравенства на рынке труда, напротив, обеспечивает более высокую рождаемость. С одной стороны, более высокий уровень гендерного равенства на рынке труда облегчает женщинам совмещение семейных обязанностей и карьеры, что приводит к большему количеству рождений детей на семью. С другой стороны, уходит традиция рождения нескольких детей. Соответственно, в долгосрочной перспективе политика гендерного равенства приведет к сокращению количества детей на семью в будущем.

Ключевые слова: женщины; занятость; рождаемость; рынок труда; гендерная дискриминация; страны БРИКС; социологическое исследование

DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-4-639-650

Социальная база интеграционных процессов в Евразийском экономическом союзе*

Г.И. Осадчая

Институт социально-политических исследований РАН
Ул. Фотиевой, 6/1, Москва, Россия, 119333
(e-mail: osadchaya11@gmail.com)

Статья посвящена осмыслению понятия «социальная база Евразийского экономического союза (ЕАЭС)» как показателя степени солидарности, меры сплоченности населения стран-членов вокруг интеграционной идеи, условия сохранения и успешного строительства Союза, а также обоснованию значимости социально-гуманитарных аспектов ее конструирования. Опираясь на результаты социологических исследований (1), автор раскрывает динамику социальной поддержки государств — членов интеграционных процессов в 2014—2018 годы, отмечает ее снижение в большинстве стран-членов, дифференциацию интеграционных настроений по возрастным характеристикам и факторы уменьшения социальной базы ЕАЭС. Обосновывая основные направления, практики и инструменты расширения социальной поддержки интеграции, автор подчеркивает, что разработка концепции социальной солидарности связана с идеями стабильности и справедливости. Обращаясь к работам современных российских и зарубежных ученых, разрабатывавших содержательные и методологические основания формирования солидарности, автор обозначает закономерности ее конструирования и направления воспроизводства социальной базы ЕАЭС. В статье утверждается, что ресурс консолидированности, сплоченности, структурного и функционального единства Союза формируется наряду с экономической эффективностью активным политическим и гражданским дискурсом стран-членов в рамках социально-гуманитарного сотрудничества. Конструирование социальной базы интеграционных процессов включает в себя такие практики и ресурсы, которые обеспечивают интериоризацию символов, норм и ценностей, формирование солидарности народов и элит Евразийского экономического союза.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз; интеграция; социальная база; сплоченность; солидарность; социально-гуманитарное сотрудничество

Социальная база интеграционных процессов Евразийского экономического союза: сущность и динамика

В строительстве Евразийского экономического союза начался новый и непростой период — повседневной работы по укреплению ЕАЭС. В этих условиях важнейшими факторами успешности интеграционных процессов становится консолидированность простых людей и элит стран-членов вокруг идеи нового интеграционного объединения, готовность взаимодействовать для достижения интеграционных целей. Эти обстоятельства и определяют теоретическую и практическую значимость социологической оценки динамики числа сторонников интеграции в ЕАЭС, характера воспроизводства его социальной базы как средства

* © Осадчая Г.И., 2019.

Статья поступила 09.01.2019 г. Статья принята к публикации 23.04.2019 г.

становления и сохранения ЕАЭС. Социальная база ЕАЭС — особая сущность новой евразийской социальной реальности, представленная группами сторонников нового интеграционного объединения на постсоветском пространстве. Это непостоянная изменяющаяся общность, стабильность, прочность, размер и характер которой зависит от свойств интеграционных процессов, детерминируется соответствием результатов интеграционных процессов представлениям и ожиданиям людей. Социальная база ЕАЭС — показатель степени солидарности, меры сплоченности населения стран-членов и уровня консолидированности населения вокруг интеграционной идеи, характеристика выраженности интересов, потребностей, ценностей той социальной группы, которую люди представляют, и эффективности их воплощения в становлении ЕАЭС. Возникновение социальной базы ЕАЭС сопряжено с социально-экономической и политической конъюнктурой, а ее структурно-функциональное единство обеспечивается, с одной стороны, самоорганизацией индивидов, с другой — действиями внешней среды, т.е. база объективирована — событиями, временем, действиями, ожиданиями.

Наши исследования и проекты коллег позволяют утверждать, что в ряде стран-членов социальная база в последние годы уменьшается. По данным Интеграционного барометра ЕАБР [12. С. 21, 23], уровень поддержки процессов евразийской интеграции имеет тенденцию к снижению во всех странах, кроме Кыргызстана (вырос на 66%). По сравнению с 2014 годом в Казахстане он упал на 10%, в России — на 14%, в Беларуси — на 17%, в Армении — на 22%. В 2017 году положительно к объединению стран в единый рынок относилось 76% населения Казахстана, 68% — России, 83% — Кыргызстана, 56% — Беларуси. В Армении поддержка интеграционных процессов находилась на критическом уровне — 50%, что не могло не отразиться на внутренней и внешней политике страны и, в целом, на интеграционных процессах в ЕАЭС.

Исследователи, осуществляющие мониторинг интеграционных процессов на постсоветском пространстве, отмечают неопределенное и многовекторное «интеграционное позиционирование России, при сохраняющемся небольшом превышении предпочтений СНГ и стран „остального мира“ (особенно — Китая), высокий уровень „автономистских настроений“», которые существенно выросли в Беларуси [11. С. 84—94]. К проблемным моментам следует отнести дифференциацию интеграционных настроений по возрастным характеристикам. В молодежной среде по сравнению со старшими когортами меньше доля тех, кто поддерживает евразийский интеграционный проект, а 40% относится к нему безразлично или отрицательно. Заметная доля российской и белорусской молодежи ориентированы на Европейский Союз [11. С. 101—124]. Недооценка значения евразийской интеграции молодежью на следующем этапе его становления может повлечь негативные экономические и политические последствия.

По нашим данным, в России снизился уровень ожиданий позитивных изменений в личной жизни от создания и функционирования ЕАЭС. Если накануне подписания Договора о ЕАЭС аванс доверия россиян (разница между ответами Да / Скорее да и Скорее нет / Нет) имел высокие значения, и оптимистические оценки на 27% превышали пессимистические, то в июне 2018 года оценка реальных результатов интеграции (разница между оптимистической и пессимистической

Распределение ответов на вопрос «Как Вы считаете, приведет ли создание Евразийского экономического союза к позитивным изменениям в Вашей жизни?»

Варианты ответов	%			
	Октябрь 2014		Июнь 2018	
Да; Скорее да, чем нет	55	+27	45	+7
Скорее нет, чем да; Нет	28		38	
Затрудняюсь ответить	21		17	

оценкой) снизилась почти в четыре раза. Меньше других ожидают положительного эффекта россияне в возрасте 35—44 лет, наибольшее число затруднившихся ответить на вопрос — среди 18—24-летних (табл. 1).

Объяснить уменьшение социальной базы евразийских процессов можно разочарованием части населения первыми результатами нового интеграционного формата. Оценивая первые шаги по решению задач, определенных Договором о создании Союза (ноябрь 2016), треть россиян достижениям ЕАЭС выставила неудовлетворительные оценки, треть — «троечку», каждый десятый затруднился ответить. По оценкам половины россиян, ЕАЭС так и не стал самостоятельным игроком с собственными консолидированными интересами (июнь 2017). Пятая часть считает, что государства — члены ЕАЭС проводят в отношении России недружественную политику (ноябрь 2017).

Действительно, первые годы были не простыми для ЕАЭС, а его результаты недостаточно продуктивными. Сложная геополитическая ситуация и экономическая конъюнктура, сильная сырьевая зависимость России от мировых цен на нефть, изменение курсовой разницы между рублем и долларом, высокая волатильность валютного курса, антироссийские санкции и контрсанкции России тормозили экономическое развитие стран — членов ЕАЭС, привели к снижению объема торговли, осложнили миграционные процессы, сократили объемы трудовой мобильности [22. С. 16—18]. Особенно серьезным было замедление экономического развития России и Беларуси [9. С. 17].

На ослабление социальной консолидации в государствах-членах, снижение количества сторонников ЕАЭС повлияла и слабая вертикальная и горизонтальная интегрированность элит, несогласованность их действий. Провозглашая на словах идею интеграции, своими действиями национальные элиты не обеспечивали ее реализацию. Вопреки здравому смыслу, каждое государство преследовало свои интересы, мало считаясь с интересами других, не доверяя друг другу, не всегда выполняя обязательства и договоренности. Люди наблюдали кризисы в российско-белорусских и кыргызско-казахских отношениях, рост противоречий в рамках интеграционного объединения, неумение государств-членов договориться даже в двухстороннем формате. Нефтегазовые споры России и Беларуси, вызванные падением цен на энергоносители, реэкспорт «санкционных товаров» в Россию через территорию Беларуси, проблемы неконтролируемого проникновения на союзный рынок товаров из Китая через Кыргызстан, трения, касающиеся экспорта кыргызской продукции в Казахстан, были негативным фоном для конструирования солидарности.

Важным фактором снижения поддержки интеграционных процессов в ЕАЭС стал уход из жизни поколений — носителей общей истории народов СССР. Общее прошлое постсоветского пространства сегодня не имеет такого значения, как раньше, исчез интерес к бывшим согражданам. Подрастает новое поколение, которое не помнит СССР, не знает русского языка, для них необходимость интеграции не очевидна. Стала приносить плоды политика по форсированному формированию новой идентичности, краеугольным камнем которой является суверенитет новых государств. В результате горизонтальный вектор консолидации ослабляется, снижается эффективность микросоциальной солидарности, возникающей внутри и между сообществ, уменьшается объем социальной поддержки.

При этом власть в государствах-членах не в полной мере использовала ресурс формирования солидарности, а наднациональная власть ЕАЭС такого ресурса не имеет. Социально-гуманитарное сотрудничество государств-членов практически не акцентировано в нормативных актах и договорах между его участниками [4. С. 4, 5, 8, 9]. В Положении о Евразийской экономической комиссии социальная и гуманитарная сферы деятельности вообще не предусмотрены. И, естественно, эти вопросы не рассматривались на заседаниях Высшего Евразийского экономического совета и Евразийского межправительственного совета. Социально-гуманитарные проблемы интеграции остаются за пределами внимания руководителей ЕАЭС. Хотя ряд экспертов обращает внимание на важность этой сферы, например, Таир Мансуров справедливо подчеркивает, что ЕАЭС должен быть союзом с общим экономическим, таможенным, гуманитарным и культурным пространством [15. С. 330]. Сегодня крайне важно, чтобы экономический прагматизм не привел к негативным последствиям в формировании ЕАЭС, как это было в России в годы перестройки.

Западные страны реализуют в странах — членах ЕАЭС социально-гуманитарные программы в контексте либерально-демократической идеологии, которые имеют разрушительный характер для народов Евразии. Китай, Турция и Саудовская Аравия предлагают свои проекты распространения культурно-религиозного влияния [4. С. 8, 9]. США ведут планомерную работу практически во всех постсоветских республиках, и особенно активно в Армении и Кыргызстане [1; 3; 18; 19]. Польша проводит грамотную политику привлечения в страну населения трудоспособного возраста из Беларуси — изменения в польском законодательстве могут обернуться ухудшением демографической ситуации и уменьшением числа рабочих рук в Беларуси [5]. Нельзя не замечать нарастающего национализма в Казахстане, недооценивать социально-культурные последствия перехода с кириллицы на латиницу [13].

Далеко не всегда СМИ стран-членов занимают социально-ответственную позицию. Наши данные свидетельствуют о формировании у населения завышенных ожиданий от интеграции и иждивенческих настроений. Проблемой остается расхождение между реальностью и тем, что отражается в СМИ: информация, как правило, не позволяет понять суть процессов и нацелена только на вызов эмоций, в ней нет аналитики и пояснений. На то, что говорится, накладываются политические взгляды учредителей, журналистов, требования медийного формата, невысокая квалификация журналистов — все это зачастую вводит людей в заблуждение.

Социально-гуманитарные направления и инструменты конструирования социальной базы ЕАЭС

Создание социальной ткани ЕАЭС невозможно без участия сообществ, поэтому социальная база интеграционных процессов как средство становления и сохранения ЕАЭС должна постоянно воспроизводиться во всей ее многомерности. Необходимо воспроизводить всю систему социальных отношений, обеспечивая консолидацию, сплоченность, солидарность народов. Разработка содержательных и методологических оснований солидарности связана с идеями социальной стабильности и справедливости [15. С. 150—152]. Усилиями социальных мыслителей сформулированы закономерности конструирования солидарности: объективированный характер и динамичность, обусловленные повседневым взаимодействием акторов [30. С. 12]; значимость общих культурно организованных кодов для символической коммуникации [17. С. 18]; ориентация на взаимопонимание [20. С. 158]; зависимость интеграции от создаваемых доминирующей группой сложно структурированных символических комплексов, важность социального капитала [6. С. 166, 167]; детерминированность интеграции осознанными стремлениями людей к более справедливому обществу [23. С. 44], а демократической и гражданской солидарности — политическим дискурсом лидеров стран [31. С. 98—108] и интеграцией правовой системы [27. С. 459—475]; обусловленность солидарности рациональными основаниями или лояльностью, преданностью, связанными с нарративами исторической преемственности и иррациональным чувством сопричастности [28. С. 476—491]; зависимость консолидированности от воспроизводства консистентной солидарности во всех структурных элементах общества [14. С. 8]; основополагающее значение социального взаимодействия для формирования и поддержания групповой солидарности, определяющая роль ровной и насыщенной коммуникации для чувства единения, принадлежности, разделяемой реальности [29. С. 8—11].

Очевидно, что стержнем формирования и расширения социальной базы ЕАЭС являются экономические выгоды от интеграции, соблюдение интересов бизнеса и простых граждан, выполнение интеграционных целей по созданию условий для стабильного развития экономик государств-членов в интересах повышения жизненного уровня населения. Все это сегодня осознано регуляторами интеграции — сделан акцент на формировании единого экономического пространства и развитии торгово-экономической сферы. Однако, учитывая опыт интеграционных объединений мира, следует признать, что воспроизводство социальной базы в интересах дальнейшего расширения и углубления интеграции невозможно без включения в повестку дня социально-гуманитарных задач, без разработки системной работы с населением государств — членов ЕАЭС. Социальные результаты ЕАЭС, несмотря на кажущееся внеэкономическое содержание, имеют решающее значение для будущего развития Союза, обладают способностью стимулировать процесс модернизации в государствах-членах. На увеличении поддержки интеграционных процессов, преодолении многочисленных препятствий в формировании сплоченности народов положительно скажется включение в стратегию построения нового интеграционного объединения социально-гуманитарной составляющей,

цель которой — формирование наряду с единым экономическим пространством единого социально-гуманитарного пространства. В противном случае механизмы консолидации не смогут действовать эффективно: в силу инерции какое-то время поддержка населением интеграционных процессов будет сохраняться, но скорее всего недолго.

Важнейшим ресурсом расширения социальной базы ЕАЭС является воспроизводство консистентной солидарности во всех структурных элементах общества, позитивного мнения об интеграции, этнокомплементарных отношений, толерантности, схожих интересов, норм и ценностей, символов, совокупности идей, побуждающих к конкретным действиям. Как свидетельствует наше исследование, ценностями, объединяющими народы, являются: повышение благосостояния населения каждой из стран — членов ЕАЭС, обеспечение прав человека и коллективной безопасности (ноябрь 2016). Важно сохранение общего культурно-исторического пространства, общей социальной памяти, традиций, поддержка русского языка, всего того, что способствует широкой и глубокой рефлексии интеграционных процессов, взаимопониманию различных социальных субъектов и обеспечивает связь поколений, включает человека, сообщества в деятельность систем общественного устройства. Следует отметить особую роль в конструировании социальной базы Союза лидеров стран — членов ЕАЭС, управленческой и бизнес-элиты. Важно работать над обновлением и консолидацией элит, их ориентацией на идеи евразийской интеграции, особенно в молодежной среде, где поддержка этой идеи ниже, нежели в старших группах.

Необходимо формирование двойной идентичности — национальной и обще-евразийской, обеспечение сдвига в сознании людей в сторону понимания ими своей исторической функции в жизни органического целого — Евразии. Двойная идентичность является важнейшим условием жизнеспособности евразийской идеи, эффективности наднациональных институтов ЕАЭС [3. С. 48—50], показателем успешности интеграционных процессов, результатом осознания себя частью ЕАЭС, придающим легитимность интеграции. Двойная идентичность свидетельствует о готовности людей руководствоваться общими интересами, а не интересами отдельного государства, о взаимопонимании между евразийскими нациями. Конечно, ожидать быстрого результата здесь сложно: по данным «Евробарометра», в Европейском союзе, функционирующем с 1993 года, «чистых европейцев всего 4%, ощущает себя и европейцами, и представителями определенной нации — 8%, представителями определенной нации и европейцами — 45%, исключительно жителями своей страны — 41%» [2].

Для выстраивания социально-гуманитарного взаимодействия необходимо создание социально-экономических и культурных условий для адаптации приезжих, развитие механизмов саморегулирования трудовой миграции. Вопрос миграции — важнейший для социальной базы интеграции. Приезжие из государств — членов ЕАЭС в любую из стран должны возвращаться домой с чувством удовлетворенности, с желанием вернуться — на основе их оценок складывается представление о ЕАЭС, формируется поддержка интеграционных процессов.

Конструирование социальной базы интеграционного процесса требует использования конкретных практик, средств и ресурсов. Очень важно задействовать способы социализационного процесса, интериоризации символического комплекса евразийской интеграции: поддержание идеологии евразийства, морально-этических норм, ритуалов, ценностей, практик, способствующих интеграции, объектов и событий, обладающих интеграционным потенциалом. Например, для возрождения общего образовательного пространства, воспитания новых поколений в духе сотрудничества следует подумать о важнейшей составляющей интеграционного процесса — общих системах среднего образования, профессиональной подготовки кадров для единого рынка труда. Учитывая новые возможности и вектор движения рабочей силы в ЕАЭС, важно провести дополнительные мероприятия с целью улучшения знания русского языка, усилить внимание к билингвальной языковой подготовке. Идеальным инструментом здесь могут стать совместные образовательные проекты, потенциал которых сегодня не используется или используется очень плохо. Результаты этих проектов будут полезны в долгосрочной перспективе в политике и экономике. Необходимо создание дополнительных мест в общежитиях, информирование об образовательных квотах на бюджетные места в вузах ЕАЭС, единой инфраструктуры трудовой мобильности (единая база данных предприятий, специальностей, в которых нуждаются страны-члены, различных органов исполнительной власти — налоговых органов, миграционных, социальных служб).

Для развития горизонтальных связей между сообществами, укрепления ядра общей культуры народов стран-членов, сохранения общей социальной памяти необходимы программы многостороннего сотрудничества с учетом всего комплекса возможных направлений и механизмов, которые будут оцениваться по единым для всех стран ЕАЭС показателям социальной эффективности. Нельзя признать удовлетворительной сложившуюся сегодня практику двустороннего сотрудничества на пространстве ЕАЭС в сфере культуры и науки — она явно недостаточна [4. С. 73—81]. Такая постановка вопроса поддержана большинством россиян (ноябрь 2017), полагающих, что без науки, культуры и образования нельзя выстроить отношения между народами и государствами. Социальная база — это понимание, а оно может быть выстроено только в ходе взаимодействия. Нужны контакты и сотрудничество во всех названных сферах.

Важнейший инструмент конструирования социальной базы — единая программа медийной поддержки проекта евразийской интеграции, которая может включать информацию о преимуществах интеграции, реальных действиях и результатах, позитивную информацию о соседях по союзу. Отсутствие у государств — членов ЕАЭС единой информационной политики, недостатки политико-гражданского дискурса привели к слабой осведомленности населения о том, как идут интеграционные процессы в ЕАЭС. Подавляющее большинство (82%) не знает, как работает регулирующий орган ЕАЭС — Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК) (ноябрь 2017). Информационная среда интеграции должна опираться на современные методы и инструменты продвижения идей, быть интересной и конкурентоспособной. Как показал наш опрос (ноябрь 2016), главным каналом получения информации об интеграционных процессах, а значит и формирования

представлений о них в ЕАЭС, для половины опрошенных в возрасте от 18 до 34 лет является Интернет — новостные порталы и социальные сети, 71% россиян черпает эту информацию из телепередач, где ее мало. ЕАЭС нуждается и в поддержке научно-экспертного сообщества. Его мнение представляется значимым для обеспечения полноты информация из разных источников при принятии решений. Экспертное сообщество собирает и анализирует факты, которые по разным причинам не озвучиваются в официальной среде, обозначает нерешенные вопросы.

Институционализация общего социально-гуманитарного и культурного пространства невозможна без определения субъекта управления или, как минимум, субъекта координации социально-гуманитарного взаимодействия всех стран-членов. С нашей точки зрения, он может размещаться только на общей интеграционной площадке. Сегодня для решения задач углубления интеграционных процессов в ЕАЭС состав евразийских институтов недостаточен. Следуя интеграционной практике — поэтапного усиления наднациональности — необходимо расширение компетенций ЕЭК как наднационального органа, внесение изменений в ее структуру с учетом социальных и гуманитарных аспектов взаимодействия, передача ЕЭК полномочий по инициированию и принятию решений, полноценное бюджетное планирование ее всесторонней деятельности. Мы не согласны с мнением ряда авторов, полагающих решающим значение — как субъектов укрепления культурного и гуманитарного межстранового сотрудничества в ЕАЭС — института некоммерческих организаций. Сокрушаясь их подпаданию под действие закона об «иностранных агентах», они полагают, что это снижает доверие к НКО, ограничивает их содействие интенсивному развитию взаимодействия в сфере культуры и искусства [10]. Однако реальные практики НКО свидетельствуют о далеко не всегда созидательном характере действий по расширению социальной базы евразийской интеграции.

Важную роль в развитии общекультурного информационного пространства играл «Интеграционный барометр ЕАБР». Он решал задачи изучения экономических аспектов евразийской интеграции в динамике, отношения к интеграционным процессам населения постсоветских стран. К сожалению, принято решение о завершении данного проекта, что негативно скажется на обратной связи власти и населения. Нужно восстановить проект и дополнить мониторингом, включающим социокультурные, гуманитарные проблемы взаимодействия, социальные показатели для адекватной оценки эффективности интеграционных процессов, характеризующие достигнутый уровень и динамику изменений. Оценки населения и экспертов станут аргументами при подготовке решений, основой разработки социально-гуманитарных программ.

Снижение уровня социальной поддержки народами государств — членов ЕАЭС — Армении, Беларуси, Казахстана, России — процессов евразийской интеграции, дифференциация интеграционных настроений по возрастным характеристикам детерминированы сложной геополитической ситуацией и экономической конъюнктурой, слабой вертикальной и горизонтальной сплоченностью элит, снижением эффективности микросоциальной солидарности и вертикальной консолидации. В этих условиях важнейшим фактором воспроизводства социальной

базы евразийского интеграционного объединения, наряду с экономической эффективностью, становится политический и гражданский дискурс, обеспечивающий структурное и функциональное единство ЕАЭС в рамках единого социально-гуманитарного пространства. Конструирование социальной базы интеграционных процессов включает в себя такие практики, средства и ресурсы, которые обеспечивают сотрудничество в области образования и обеспечения свободы движения рабочей силы, реализацию многосторонних социально-гуманитарных программ, направленных на развитие горизонтальных связей, единую медиа-поддержку интеграционных процессов, создание центра координации социально-гуманитарного взаимодействия стран-членов на уровне наднационального регулятора, мониторинг экономической и социальной эффективности интеграционных процессов.

Примечание

- (1) Проект «Социально-политическое измерение евразийской интеграции» (руководитель — Г.И. Осадчая) включает в себя мониторинг СМИ государств — членов ЕАЭС, анализ статистических данных и общероссийские репрезентативные опросы методом личного формализованного интервью по месту жительства. Выборка многоступенчатая, территориальная, стратифицированная с применением квотного отбора на последней ступени, объем — 1500, статистическая ошибка — 2,5%. Опросы проведены ИСПИ РАН в мае и октябре 2014 года, мае и октябре 2015, в феврале и ноябре 2016, апреле, июне, сентябре и ноябре 2017, июне 2018.

Библиографический список

- [1] «Агентура» США в Армении: посольство-разведцентр как символ влияния // <https://eadaily.com/ru/news/2016/08/27/agentura-ssha-v-armenii-posolstvo-razvedcentr-kak-simvol-vliyaniya>.
- [2] *Александрова Н.В.* К вопросу о формировании европейской идентичности // <http://www.politex.info/content/view/485/30>.
- [3] Американский аналитик: Армения играет ключевую роль во внешней политике Обамы // <https://news.am/rus/news/122530.html>.
- [4] Анализ содержания и развития межгосударственного сотрудничества в социальной и гуманитарной сфере стран — членов ЕАЭС на современном этапе. М., 2017.
- [5] Белорусские поляки: перед выбором репатриации // <https://www.dw.com/ru/белорусские-поляки-перед-выбором-репатриации/a-19182064>.
- [6] *Бурдые П.* Социология политики. М., 1993.
- [7] *Горшков М.К., Тюрина И.О.* Синтез этнонационального и гражданского как основа российской идентичности // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2018. Т. 18. № 1.
- [8] Договор о Евразийском экономическом союзе // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855.
- [9] Евразийский экономический союз в цифрах. М., 2018.
- [10] *Задорин И.* Третий элемент. Без гуманитарной основы интеграция в Евразии обречена // <http://eurasia.expert/print/tretiy-element-bez-gumanitarnoy-osnovy-integratsiya-v-evrazii-obrechena>.
- [11] Интеграционный барометр ЕАБР-2015. СПб., 2015.
- [12] Интеграционный барометр ЕАБР-2017. СПб., 2017.
- [13] Казахский национализм: на смену «романтикам» приходят «бунтари»? // <https://camonitor.kz/29389-kazahskiy-nacionalizm-na-smenu-romantikam-prihodyat-buntari.html>.

- [14] *Кармадонов О.А.* Солидарность, интеграция, конъюнкция // Социологические исследования. 2015. № 2.
- [15] *Мансуров Т.* Евразийский проект Нурсултана Назарбаева, воплощенный в жизнь. К 20-летию евразийского проекта. М., 2014.
- [16] *Осадчая Г.И.* Социальная сплоченность россиян: региональный аспект // Социокультурные характеристики повседневных практик россиян. М., 2013.
- [17] *Парсонс Т.* Система современных обществ. М., 1998.
- [18] Пентагон активизирует социально-экономические исследования в Центральной Азии // https://life.ru/t/%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D0%B8%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B0/922125/pentagon_aktiviziruiet_sotsialno-ekonomicheskie_issledovaniia_v_tsentralnoi_azii.
- [19] США продолжают работу по предоставлению адресной помощи широкому кругу населения Беларуси // <https://afn.by/news/i/63559>.
- [20] *Хабермас Ю.* Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб., 2000.
- [21] *Хабермас Ю.* Политические работы. М., 2005.
- [22] *Яковец Ю., Растворцев Е.* О системе целей и стратегий устойчивого развития Евразийского экономического союза // Экономические стратегии. 2016. № 7.
- [23] *Alexander J.C.* Morality as a cultural system: On solidarity civil and uncivil // Perspectives: Newsletter of the ASA Theory Section. 2011. No. 33.
- [24] *Alexander J.C.* The Civil Sphere. N.Y., 2006.
- [25] *Blumer H.G.* Symbolic Interactionism. Perspective and Method. Berkeley, 1969.
- [26] *Bourdieu H.* Language and Symbolic Power. Cambridge, 1991.
- [27] *Domurath I.* The three dimensions of solidarity in the EU legal order: Limits of the judicial and legal approach // Journal of European Integration. 2013. Vol. 35. No. 4.
- [28] *Kapeller J., Wolkenstein F.* The grounds of solidarity: From liberty to loyalty // European Journal of Social Theory. 2013. Vol. 16. No. 4.
- [29] *Koudenburg N., Postmes T., Gordij E.H.* Conversational flow promotes solidarity // PLoS ONE. 2013/11/12.
- [30] *Parsons T.* The Social System. New Orleans, 2012.
- [31] *Sierra R.* Solidaridad e integración regional. La forma ciudadana de la solidaridad en la comunidad política supranacional // Revista de Estudios Sociales. 2013. No. 46.

DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-4-639-650

The support base of integration processes in the Eurasian Economic Union*

G.I. Osadchaya

Institute for Socio-Political Research of the Russian Academy of Sciences

Fotieva St., 6/1, Moscow, Russia, 119333

(e-mail: osadchaya111@gmail.com)

Abstract. This article focuses on the conceptualization of the support base of the Eurasian Economic Union (EEU) as an indicator of solidarity, unity of the member-state population around the integration concept and condition for the EEU successful development, and also stresses the importance of social-humanitarian aspects in the construction of the EEU. Based on the results of sociological studies (1), the

* © G.I. Osadchaya, 2019.

The article was submitted on 09.01.2019. The article was accepted on 23.04.2019.

article identifies the dynamics of the social support of integration processes by the member-state population in 2014—2018, and notes its decrease in the majority of member-states, differentiation in integration moods by age, and factors responsible for the decrease of the EEU's support base. The author considers main directions, practices and instruments to enhance the social support for integration, and emphasizes that the concept of solidarity is interconnected with the ideas of social stability and justice. The author refers to the works of contemporary Russian and foreign scholars who developed the methodological grounds for promoting solidarity, and identifies ways to extend the EEU's support base. The article shows that the resource of social solidarity, unity and structural-functional integration of the EEU is in the everyday efforts to strengthen it together with the economic efficiency, and this resource can be ensured by the political and civil discourse of the member states in the field of social-humanitarian cooperation. The development of the support base for integration processes includes such practices and resources that ensure interiorization of symbols, norms, values, and solidarity of the peoples and elites of the Eurasian Economic Union.

Key words: Eurasian Economic Union; integration; support base; unity; solidarity; social-humanitarian cooperation

References

- [1] “Agentura» SShA v Armenii: posolstvo-razvedtsentr kak simvol vliyaniya [US “Agents” in Armenia: Embassy-intelligence center as a symbol of influence]. <https://eadaily.com/ru/news/2016/08/27/agentura-ssha-v-armenii-posolstvo-razvedtsentr-kak-simvol-vliyaniya> (In Russ.).
- [2] Aleksandrova N.V. K voprosu o formirovanii evropejskoj identichnosti [On the development of the European identity]. <http://www.politex.info/content/view/485/30> (In Russ.).
- [3] Amerikansky analitik: Armeniya igraet klyuchevuyu rol vo vneshnej politike Obamy [American analyst: Armenia plays a key role in Obama's foreign policy]. <https://news.am/rus/news/122530.html> (In Russ.).
- [4] Analiz sodержaniya i razvitiya mezhsudarstvennogo sotrudnichestva v sotsialnoj i gumanitarnoj sfere stran-chlenov EAES na sovremennom etape [Analysis of the content and development of interstate cooperation in the social and humanitarian sphere of the EEU member states at the present stage]. Moscow; 2017 (In Russ.).
- [5] Belorusskie polyaki: pered vyborom repatriatsii [Belarusian Poles: The choice of repatriation]. <https://www.dw.com/ru/белорусские-поляки-перед-выбором-репатриации/a-19182064> (In Russ.).
- [6] Bourdieu P. *Sociologiya politiki*. [Sociology of Politics]. Moscow; 1993 (In Russ.).
- [7] Gorshkov M.K., Tyurina I.O. Sintez etnonatsionalnogo i grazhdanskogo kak osnova rossiyskoj identichnosti [Synthesis of ethnic and civil as a basis for the Russian identity]. *RUDN Journal of Sociology*. 2018; 18 (1) (In Russ.).
- [8] Dogovor o Evrazijskom ekonomicheskom soyuze [Eurasian Economic Union Agreement]. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855 (In Russ.).
- [9] Evraziysky ekonomichesky soyuz v tsifrah [Eurasian Economic Union in Figures]. Moscow; 2018 (In Russ.).
- [10] Zadorin I. Tretiy element. Bez gumanitarnoy osnovy integratsiya v Evrazii obrechena [Third element. Without a humanitarian basis, integration in Eurasia is doomed]. <http://eurasia.expert/print/tretiy-element-bez-gumanitarnoy-osnovy-integratsiya-v-evrazii-obrechena> (In Russ.).
- [11] Integratsionny barometr EABR-2015 [EDB Integration Barometer]. Saint Petersburg; 2015 (In Russ.).
- [12] Integratsionny barometr EABR-2017 [EDB Integration Barometer]. Saint Petersburg; 2017 (In Russ.).
- [13] Kazahsky natsionalizm: na smenu “romantikam” prihodyat “buntari”? [Kazakh nationalism: “rebels” come to replace “romantics”?]. <https://camonitor.kz/29389-kazahskiy-natsionalizm-na-smenu-romantikam-prihodyat-buntari.html> (In Russ.).
- [14] Karmadonov OA. Solidarnost, integratsiya, konyunktsiya [Solidarity, integration, conjunction]. *Sociologicheskie Issledovaniya*. 2015; 2 (In Russ.).

- [15] Mansurov T.E. *Evrazijskij proekt Nursultana Nazarbaeva, voploshchenny v zhizn* [Nursultan Nazarbaev's Eurasian Project Brought to Life]. Moscow; 2014 (In Russ.).
- [16] Osadchaya G.I. *Socialnaya splochnost rossiyan: regionalny aspekt* [Russians' Social Solidarity: A Regional Aspect]. Moscow; 2013 (In Russ.).
- [17] Parsons T. *Sistema sovremennyh obshchestv* [The System of Modern Societies]. Moscow; 1998 (In Russ.).
- [18] Pentagon aktiviziruet socialno-ekonomicheskie issledovaniya v Tsentralnoj Azii [The Pentagon intensifies social-economic research in Central Asia]. https://life.ru/t/%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D0%B8%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B0/922125/pientagon_aktiviziruet_sotsialno-ekonomicheskie_issledovaniia_v_tsentralnoi_azii (In Russ.).
- [19] SShA prodolzhat rabotu po predostavleniyu adresnoy pomoshchi shirokomu krugu naseleniya Belarusi [The US will continue to provide targeted assistance to the wider population of Belarus]. <https://afn.by/news/i/63559> (In Russ.).
- [20] Habermas J. *Moralnoe soznanie I kommunikativnoe deistvie* [Moral Consciousness and Communicative Action]. Saint Petersburg; 2000 (In Russ.).
- [21] Habermas J. *Politicheskie raboti* [Political Works]. Moscow; 2005 (In Russ.).
- [22] Yakovets Yu., Rastvortsev E. O sisteme tselej i strategy ustojchivogo razvitiya Evrazijskogo ekonomicheskogo soyuza [On the system of sustainable development goals and strategies of the Eurasian Economic Union]. *Ekonomicheskie Strategii*. 2016; 141 (In Russ.).
- [23] Alexander J.C. Morality as a cultural system: On solidarity civil and uncivil. *Perspectives: Newsletter of the ASA Theory Section*. 2011; 33 (2).
- [24] Alexander J.C. *Civil Law Sphere*. New York; 2006.
- [25] Blumer H.G. *Symbolic Interactionism. Perspective and Method*. Berkeley; 1969.
- [26] Bourdieu P. *Language and Symbolic Power*. Cambridge; 1991.
- [27] Domurath I. Three dimensions of solidarity in the EU legal order: Limits of the judicial approach. *Journal of European Integration*. 2013; 35 (4).
- [28] Kapeller J., Wolkenstein F. The grounds of solidarity: From liberty to loyalty. *European Journal of Social Theory*. 2013; 16 (4).
- [29] Koudenburg N., Postmes T., Gordij E. *Conversational Flow Promotes Solidarity*. Oxford; 2006.
- [30] Parsons T. *The Social System*. New Orleans; 2012.
- [31] Sierra R. Solidaridad e integración regional. La forma ciudadana de la solidaridad en la nidad política supranacional. *Revista de Estudios Sociales*. 2013; 46.

DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-4-651-664

Трансформация информационной сферы гражданского общества*

В.К. Левашов

Институт социально-политических исследований РАН
ул. Фотиевой, 6-1, Москва, Россия, 119333
(e-mail: levachov@mail.ru)

Автор анализирует новые явления в информационной сфере гражданского общества, их влияние на характер и формы его развития, подчеркивая, что развитие российского гражданского общества происходит в общем потоке мирового цивилизационного процесса — становления глобального гражданского общества. Человечество подошло к объективно неизбежному и качественно новому этапу коэволюции биосферы, социума и техносферы — возникновению ноосферы. Социально-политической сущностью нового этапа социальной формы движения материи является поиск режима устойчивой жизнедеятельности на принципах гражданской справедливости в интересах всех и каждого на планете. Социальная статистика и социология беспристрастно высвечивают особенность момента развития цифровых технологий — рост материальных и информационных дисфункций в глобальном и региональных масштабах. Сложившаяся в последние десятилетия в неолиберальной парадигме экономических, политических и социальных практик информационная сфера не отвечает новым глобальным вызовам и потребностям развития гражданского общества и социального государства и продолжает функционировать в интересах малочисленных элитных групп. Получают широкое распространение практики дезинформации, и, как следствие, происходит деградация сущностного качества информации — достоверного отражения действительности — и частичное превращение СМИ в институты социальной и политической манипуляции. На основе данных социологических исследований автор показывает, что структура и формы проявления дисфункций отечественных СМИ несут отпечаток глобальных тенденций, и приходит к выводу, что потребность в гласности как порождение «кризиса правды» и сверхзадача СМИ по достоверному отражению социальной реальности становятся императивами и пропуском в будущее. Устойчивое развитие глобального и российского гражданского общества зависит от успешной социально-политической реконструкции информационной сферы на принципах коэволюции человека, общества и природы.

Ключевые слова: глобальное гражданское общество; информационная сфера; информационное общество; трансформация инфосферы; цифровые технологии; дисфункции глобальной инфосферы; постправда; устойчивое развитие

Информационная сфера: генезис, определение, дисфункции

В современном мире в условиях становления нового технологического уклада вольно или невольно все мы становимся участниками цивилизационного процесса — ускоренного формирования глобального гражданского общества и его информационной сферы на универсальных принципах эволюционного развития

* © Левашов В.К., 2019.

Статья поступила 24.06.2019 г. Статья принята к публикации 03.09.2019 г.

природы, общества и человека. Академик В.И. Вернадский, предсказывавший становление в будущем общества всемирного разума, писал: «Исторический процесс на наших глазах коренным образом меняется. Впервые в истории человечества интересы народных масс — всех и каждого — и свободной мысли личности определяют жизнь человечества, являются мерилем его представлений о справедливости. Человечество, взятое в целом, становится мощной геологической силой. И перед ним, перед его мыслью и трудом, ставится вопрос о перестройке биосферы в интересах свободно мыслящего человечества как единого целого. Это новое состояние биосферы, к которому мы, не замечая этого, приближаемся, и есть „ноосфера“» [2. С. 479—480; 20].

В социальной сущности этого процесса важно корректно понять генезис и диалектику развития представлений о ноосфере. Во-первых, необходимо обратить внимание на глобальный масштаб деятельности человечества, который неоднократно подчеркивал Вернадский: «Мы живем в эпоху, когда человечество впервые охватило в бытии планеты всю Землю. Биосфера, как удачно выразился Леруа, перешла в новое состояние — ноосферу» [3. С. 673]. Во-вторых, в инновационной глобальной деятельности человечества Вернадский обращает внимание на геологический характер преобразований и формирования ноосферы как стадии развития: «Мы живем в небывало новую, геологически яркую эпоху. Человек своим трудом — и своим сознательным отношением к жизни — перерабатывает земную оболочку — геологическую область жизни — биосферу. Он переводит ее в новое геологическое состояние; его трудом и сознанием биосфера переходит в ноосферу. Им создаются в биосфере новые, не существовавшие раньше биогеохимические процессы. Биогеохимическая история химических элементов — планетное явление — резко меняется. На нашей планете создаются, например, в огромных массах новые свободные металлы и их сплавы, в ней никогда не существовавшие. Таковы, например, алюминий, магний, кальций. Резчайшим образом изменяется и нарушается растительная и животная жизнь. Создаются новые расы и виды. Лик планеты меняется глубочайшим образом» [4. С. 2].

Научно-техническая революция, которая разворачивалась во второй половине XX века, и ее современный этап связаны с прорывным развитием информационно-коммуникационных технологий (Интернет, социальные сети, облачные технологии, искусственный интеллект и т.п.) и дают все основания для предположения о качественно новой стадии развития ноосферы — информационной. Сегодня ноосфера интенсивно развивается в принципиально новой информационной, цифровой форме взаимодействия общества и природы, в которой антропогенный фактор остается решающим в контроле и поддержании глобального гомеостаза на планете. В науке, ее понятийном аппарате и практической жизни социально-политический и управленческий аспект ноосферы до недавнего времени оставался на втором плане. С конца XX века в теоретических и эмпирических исследованиях акцент делается на материальной, производственно-технологической стороне жизнедеятельности, ученые чаще говорят об информационном обществе [1; 7; 10; 15; 19; 21; 23; 24]. В таком обществе большинство граждан занято или связано с производством, хранением, переработкой и реализацией информации, ее высшей

в своей достоверности формы — научных знаний. В научный оборот вошло и используется понятие «общество знаний», что является еще одним шагом к пониманию сущностного качества нового состояния общества — созидательной деятельности человеческого разума по поддержанию устойчивого режима эволюции биосферы. Информация становится одним из главных факторов материального и духовного производства и жизнедеятельности глобального и локальных социумов. Информационные продукты и коммуникации связывают и интегрируют глобальную цивилизацию на принципах социокультурного многообразия и устойчивости саморазвития биотехносоциальных форм жизнедеятельности.

Однако было бы наивно предполагать, что цифровая экономика и ее инновационные возможности в области массовых коммуникаций автоматически выводят цивилизацию на орбиту устойчивого мирного развития. Функционирование единой глобальной информационной сферы определяется многообразием социально-политических интересов, противоречий и возникающих на этой почве дисфункций в процессах взаимодействия национальных информационных сфер. Созидательная культура мира и разрушительная культура войны и политического насилия в равной мере стараются использовать информационную сферу и ее инструменты (средства массовой информации, цифровых социальных и политических коммуникаций) в своих стратегических целях [9]. Н. Винер отнес информацию к уровню фундаментальных элементов и понятий мироздания: «Информация — это не материя и не энергия, информация — это информация» [5. С. 208].

Информация — это сведения об объектах и явлениях окружающей среды, их параметрах, свойствах и состоянии, которые воспринимают живые организмы и информационные системы. Информация отражает количественные и качественные характеристики жизнедеятельности материального и духовного мира как меру неопределенности (энтропии). В социуме и биосфере она проявляется как мера самоорганизации устойчивой жизнедеятельности в настоящем и будущем. Постигание качественных и количественных свойств и параметров рационализированной информации в форме достоверного знания составляет цель и задачи науки. В условиях глобального социума информация в форме научного знания, подобно энергии атома в материальной природе, обладает колоссальной креативной и/или разрушительной силой. Стихийная глобальная конкуренция за ресурсы и рынки продуцирует материальные и духовные диспаритеты, ожесточает социальные противоречия и, как следствие, информационные противостояния между странами, создает критические степени социально-политических напряжений, которые могут приводить к разрушению государств, деградации и распаду обществ.

Социально-политические противоречия в глобальной и национальной информационной сфере настолько существенны для российского общества и государства [18], что потребовали принятия Доктрины информационной безопасности Российской Федерации, в которой дано определение информационной сферы — это «совокупность информации, объектов информатизации, информационных систем, сайтов в информационно-телекоммуникационной сети Интернет... сетей связи, информационных технологий, субъектов, деятельность которых связана

с формированием и обработкой информации, развитием и использованием названных технологий, обеспечением информационной безопасности, а также совокупность механизмов регулирования соответствующих общественных отношений» (1).

Следует признать, что в условиях становления глобального гражданского общества и перехода к массовым публичным цифровым формам демократии глобальная информационная сфера переживает кризис запаздывания процессов трансформации, который выражается в дисфункциях институтов и средств массовой информации и коммуникации. Еще в середине XX века американские исследователи считали, что печатные и электронные СМИ, с одной стороны, все чаще становятся экономически зависимыми, а с другой — социально безответственными [22. Р. 78, 79]. По их мнению, уже тогда все чаще в работе СМИ стали проявляться накапливавшиеся десятилетиями противоречия. Они деформировали институт свободной и независимой прессы и электронных СМИ как в развитых, так и в развивающихся странах. Эти процессы происходили в силу ряда причин: во-первых, СМИ сосредоточили в своих руках огромные властные ресурсы, которые используют по собственному усмотрению. Владельцы СМИ тиражируют свои мнения, особенно в экономических и политических вопросах, дискриминируя мнения оппонентов. Во-вторых, СМИ все чаще подпадают под контроль большого бизнеса и политиков, которые все жестче контролируют редакционную политику и содержание размещаемой информации. В-третьих, СМИ способны оказывать сопротивление социальным переменам. В-четвертых, СМИ часто отдают предпочтение сенсационной и поверхностной информации в ущерб текущей и актуальной, а развлекательность СМИ зачастую оборачивается бессодержательностью. В-пятых, СМИ своей деятельностью угрожают общественной морали. В-шестых, СМИ вторгаются в личную жизнь граждан без всяких на то причин и поводов. В-седьмых, СМИ контролируются одним социально-экономическим классом — «бизнес-классом». Для новичков доступ в индустрию СМИ затруднен, поэтому свободный и открытый рынок идей оказывается под угрозой. В дополнение к этим давно действующим в глобальной инфосфере дисфункциям можно выделить еще несколько интенсивно проявляющихся в последние годы: получают распространение практики дезинформации, и, как следствие, происходит деградация существенного качества информации — достоверного отражения действительности — и частичное превращение СМИ в институты манипуляции.

Мотивы и эффекты информационных манипуляций

Сегодня функция манипуляции вмонтирована и активно используется в политических технологиях, социальной и коммерческой рекламе [6]. Как правило, практика абсолютизации власти и экономической прибыли призвана вводить в заблуждение и заставлять граждан совершать политический выбор не в своих и общества интересах, а в ущерб им. Малочисленные и закрытые элитные группы пытаются формировать и контролировать информационную сферу, которая защищает «право сильного и богатого». Такая информационная сфера не отвечает новым общественным потребностям, по факту она дисфункциональна.

Масштабные кампании по дезинформации проявляются сегодня в феномене постправды — специально сконструированной поддельной информации, состоящей из фрагментов реальных событий, вымыслов, слухов, эмоционально окрашенных суждений и мифов. В массовых масштабах недостоверная информация уже выступает не только как феномен межличностного общения, но и как инструмент информационной сферы. Актеры, контролирующие информационную сферу, подают ее как информацию особой, «эксклюзивной» достоверности, что легко сделать в условиях дозирования информации. Манипуляция заменяет социально эффективное управление, дезинформация — информацию, вымысел — правду [11; 16].

В инфосфере в условиях рыночных отношений вымысел, скандалы, мифы и слухи становятся товаром — продаются и покупаются. Их потребительная стоимость во многом определяется сенсационностью. Специализирующиеся на слухах PR-специалисты продумывают и осуществляют в инфосфере кампании по распространению сенсаций. В обществе спектакля, стимулирующем избыточное фейковое потребление, скандалы и сенсации стали инструментами массовых манипуляций эмоциями и поведением не только в шоу-бизнесе и рекламе, но и в политике и экономике. Появление рубрик «Эксклюзивная информация», «Скандалы», «Сенсации», «Слухи» в прессе, теле- и радиопередачах, на интернет-сайтах говорит о том, что на эти феномены сегодня возложена особая задача привлечения внимания пользователей информации к работе конкретного канала телевидения, газеты, журнала, сайта, блога — для повышения рейтинга обращения и соответственно гонораров от дорогой рекламы [17]. В инфосфере возник социально деструктивный механизм симбиоза рекламы и недостоверной информации. Как с учетом вышеизложенного оценивают достоверность передач радио и телевидения российские граждане? (табл. 1) (2).

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос: «Как Вы оцениваете достоверность передач российских радио, телевидения, в которых рассказывается о событиях и жизни в стране?»
(РФ, %, данные ИСПИ РАН)

Варианты ответов	1995, I	1996, V	1997, I	1998, XII	2000, V	2002, XII	2003, X	2004, XI	2008, VII	2012, IV	2013, VI	2014, VI	2018, XII
В основном достоверно, правдиво показывают события	17	12	13	14	14	10	10	17	14	12	15	20	10
И достоверных и недостоверных передач почти поровну	42	49	42	44	48	54	57	50	53	45	46	50	51
В основном недостоверно, предвзято показывают события	18	23	25	27	25	25	22	21	20	36	30	20	30
Затруднились ответить	24	16	20	15	12	11	11	12	13	7	9	10	9

Как видно из представленных данных, уже на протяжении длительного периода времени — двадцати лет — граждане достаточно критически оценивают достоверность передач российского радио и телевидения. Всего лишь 10% респондентов в декабре 2018 года заявляли, что передачи радио и телевидения о событиях и жизни в стране правдивы, половина опрошенных указывали, что СМИ транслируют поровну достоверную и недостоверную информацию, 30% — что радио и телевидение недостоверно освещают события [13. С. 32]. Уровень доверия граждан всем источникам массовой информации, за исключением Интернета, снижается (табл. 2). Граждане считают, что наиболее точно и достоверно отражают информацию Интернет (41%) и центральное телевидение (32%), но треть опрошенных затруднились ответить на данный вопрос [13. С. 35].

В чем же причина низких оценок достоверности отражения реальности в СМИ? (табл. 3). Как видно из представленных данных, более половины опрошенных считают, что радио и телевидение показывают жизнь лучше, чем она есть [13. С. 38].

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос: «Какие источники массовой информации наиболее точно и достоверно, по Вашему мнению, отражают сейчас обстановку в нашей стране?» (РФ, %, данные ИСПИ РАН)

Источники информации	2004, XI	2013, VI	2018, XII
Центральное телевидение	42	40	32
Местное телевидение	20	23	13
Зарубежное телевидение	11	7	4
Центральное радио	16	12	9
Местное радио	10	7	5
Зарубежное радио	7	4	2
Центральная печать	19	13	10
Местная печать	13	10	5
Зарубежная печать	6	5	2
Интернет	24	45	41
Затруднились ответить	30	22	34

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос: «На радио и телевидении, которые Вы слушаете и смотрите, нашу жизнь показывают лучше или хуже, чем она есть на самом деле?» (РФ, %, данные ИСПИ РАН)

Варианты ответов	2017, VI	2018, VII
Показывают лучше, чем она есть	59	55
Показывают такой, какая она есть	27	24
Показывают хуже, чем она есть	4	4
Затруднились ответить	10	17

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос: «В чем, на Ваш взгляд, причины распространения недостоверной информации через СМИ?» (РФ, %, данные ИСПИ РАН)

Причины	1997, VIII	1998, XII	2001, XII	2002, XII	2003, X	2004, XI	2008, VII	2013, VI	2018, XII
Искажение информации журналистами	19	19	22	24	18	14	18	10	29
Замалчивание событий	19	18	15	25	23	20	22	22	39
Неискренность политиков	25	27	26	30	27	25	24	17	31
Преднамеренное искажение информации властью, негласная цензура	35	34	27			34	29	29	38
Зависимость журналистов от «денежных мешков»	41	40	46	54	47	41	33	23	34
Затруднились ответить	23	18	16	15	15	13	15	19	15
Другое	1	0		1	1	1	1	1	1

Таблица 5

Распределение ответов на вопрос: «Если Вы получаете противоречивую информацию о событиях, какому источнику Вы поверите скорее всего?» (РФ, декабрь 2018, данные ИСПИ РАН)

Варианты ответов	%
Радио	2
Газетам	3
Интернету — социальные сети, блоги	9
Телевидению	13
Интернету — новостные, аналитические, официальные сайты	17
Родственникам, друзьям, знакомым, сослуживцам	19
Никакому их перечисленных источников полностью	27
Затруднились ответить	10

Граждане сформировали достаточно ясную и определенную картину причин распространения недостоверной информации через СМИ (табл. 4).

В 2018 году на первое место вышли «замалчивание событий в СМИ» (39%) и «преднамеренное искажение информации властью, негласная цензура» (38%), далее идут «зависимость журналистов от „денежных мешков“» (34%), «неискренность политиков» (31%), искажение информации журналистами (29%) [13. С. 37].

Распределение ответов на вопрос о доверии источникам информации в случае ее противоречивости показывает, что нашей стране не удалось избежать кризиса информационной сферы (см. табл. 5). Чуть больше четверти респондентов не доверяет ни одному источнику информации, пятая часть доверяет каналам межличностного общения, 10% затруднились ответить на вопрос [13. С. 38].

Такая ситуация не может не сказываться на информационной сфере и реализации в ней одной из главных функций взаимодействия общества и государства — формировании органов и институтов управления. Обратимся к мнениям граждан о ходе предвыборных кампаний, проведении и результатах президентских выборов — важнейшего политического волеизъявления российского гражданского общества (рис. 1, 2).

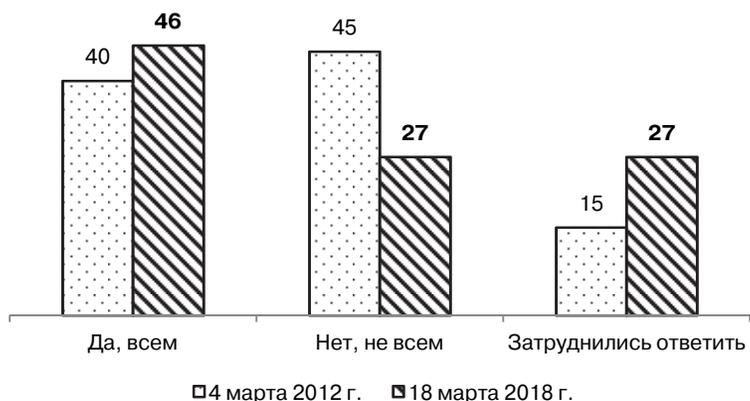

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос: «Как Вы считаете, всем ли кандидатам в Президенты в ходе предвыборной кампании были предоставлены равные возможности для изложения своих взглядов и программ?» (РФ, %, данные ИСПИ РАН)

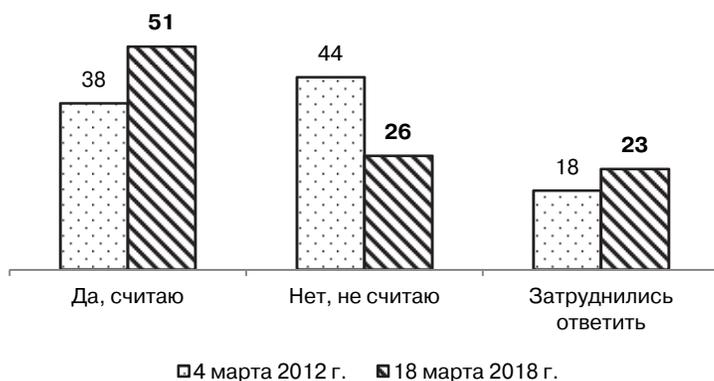

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос: «Считаете ли Вы, что выборы Президента РФ прошли честно и их результат является легитимным (законным)?» (РФ, %, данные ИСПИ РАН)

Таблица 6

Мнение респондентов о том, кого из кандидатов во время предвыборной кампании незаслуженно критиковали в СМИ (телевидение, радио, пресса, Интернет)?
(РФ, май 2018, %, данные ИСПИ РАН)

Кандидаты	%
Грудинин П.Н.	21
Собчак К.А.	16
Путин В.В.	6
Жириновский В.В.	5
Явлинский Г.А.	4
Титов Б.Ю.	1
Сурайкин М.А.	1
Бабурин С.Н.	0
Незаслуженной критики не было	61

На вопрос о том, всем ли кандидатам в президенты в ходе предвыборной кампании были предоставлены равные возможности для изложения своих взглядов и программ, граждане в 2018 году (46%) позитивнее, чем в 2012 году (40%) оценили проведение предвыборной кампании [12. С. 33]. Еще более позитивная динамика наблюдается по вопросу, считают ли респонденты, что выборы Президента РФ прошли честно и их результат является легитимным (законным). Больше половины респондентов в 2018 году назвали выборы Президента РФ и их результат легитимными, тогда как в опросе сразу после прошлых выборов так считало только 38% [12. С. 33]. Применялись ли, по мнению граждан, практики информационных манипуляций на последних выборах Президента РФ — ответ на этот вопрос дает таблица 6.

Значимыми стали ответы относительно пяти кандидатур: П.Н. Грудинин (21%), К.А. Собчак (16%), В.В. Путин (6%), В.В. Жириновский (5%), Г.А. Явлинский (4%). Как видно из представленных данных, граждане видят особенности и недостатки в работе отечественных СМИ. Структура и формы проявления их дисфункций несут отпечаток глобальных тенденций. Потребность в гласности как порождение «кризиса правды» и сверхзадача работы СМИ по достоверному отражению социальной реальности все более востребованы в нынешних условиях [12. С. 35].

Социально-политические последствия распространения недостоверной информации носят выраженно деструктивный характер. Ложь, вымысел, полуправда не могут лежать в основе функционирования институтов социального и политического управления в целях устойчивой жизнедеятельности социума — слишком велики и зачастую трагичны издержки. Научная информация, правдивое отражение социальной реальности являются моральными и профессиональными императивами успешной стратегии жизнедеятельности против меняющихся угроз и вызовов. Недостоверная информация, деформируя инфосферу, является главной угрозой для устойчивых государств и обществ. Последствия такой ситуации известны: жизнь в ее многообразии биологических и социальных форм не может возникать из нематериальных форм мифа и недостоверной информации. Она будет искать системные источники своего будущего материального бытия и духовного производства, в том числе средства технологические, социальные и политические. Предпосылки этих позитивных изменений заложены и диалектически вызревают в самой информационной сфере. В этой связи необходимо корректно понять движущие силы и механизмы социально-политических процессов и выборных кампаний в США и на Украине.

Феномены Д. Трампа и В. Зеленского, по сути, являются результатом кризиса неолиберальной информационной сферы и еще одной победой социальных сетей Интернета над «постмодернистскими» СМИ. Стратегическое преимущество социальных сетей заключается в возможности осуществления функции персональной коммуникации, в отличие от традиционных массовых печатных и электронных СМИ, которые остаются односторонними трансляторами. Б. Обама первым из крупных политиков успешно использовал организующую и мобилизующую силу Интернета, в том числе для сбора средств в свой предвыборный фонд. По его

мнению, «социальные медиа являются действительно мощным инструментом, благодаря которому люди с общими убеждениями могут объединиться, узнать друг о друге, но потом для них важно общаться вне Интернета, встретиться в баре, религиозных местах, общинах, узнать больше друг о друге, потому что правда в том, что в Интернете все упрощенное, а когда люди встречаются друг с другом, оказывается, что их взгляды очень запутаны» (3). Другими словами, Интернет не обладает монополией на социальную истину, она рождается в многообразии практик человеческой деятельности, в том числе и межличностного (не опосредованного ИКТ) общения. Недавняя кампания на Украине показала, как вымышленный герой спектакля, телевизионного сериала, практически не участвуя в первом туре политической гонки, обошел реальных действующих политиков.

При этом цифровые технологии не стоят на месте. Политические коммуникации диверсифицируются и приобретают новые формы и качества, которые позволяют гражданскому обществу на широкой социальной основе выстраивать эффективный контроль за властью, научно и публично верифицируемый по критерию достоверности информации. На старте этой эпической социально-политической трансформации инфосферы еще трудно разглядеть контуры будущего. Мастер реалистической прозы XIX века, создатель теории точного слова Г. Флобер, считавший, что вне правды жизни нет прекрасного, видел диалектику этого процесса в том, что будущее тревожит нас, а прошлое держит, и потому настоящее ускользает. Сегодня цифровое будущее зовет и улыбается нам. Прошлые мировых разрушительных войн, политического насилия и угнетающего биосферу нерационального массового потребления сопротивляется и тормозит развитие. И потому сегодня ученые и политики начинают строить цифровой мост в устойчивое будущее. Научные знания и практика беспристрастно показывают, что этот процесс имеет объективный характер — сегодня формируется новый цифровой технологический базис и социально-политическая надстройка общества для будущих поколений.

На самом деле прорастание будущего в настоящем не останавливается никогда. Аналитическое агентство We Are Social и крупнейшая SMM-платформа Hootsuite, занимающаяся продвижением компаний, брендов и продуктов в социальных сетях, подготовили отчет о глобальном цифровом рынке Global Digital 2018 (4). Сегодня во всем мире Интернетом пользуются более 4 млрд человек, т.е. более половины населения земного шара живут в режиме онлайн. Две трети из 7,6 млрд мирового населения имеют мобильный телефон, и более половины из них — смартфоны, которые предоставляют доступ в Интернет. Объективно большинство населения на нашей планете уже участвует в строительстве цифрового моста из прошлого в будущее. Важно не поддаваться искушениям отживших во времени ценностей и страстей, по случайной ошибке или недомыслию не свалиться в хаос прошлого, как это уже не раз происходило. Сегодня достаточно оснований надеяться, что мост в цифровое будущее будет построен. Будущее устойчивого развития российского гражданского общества и социального государства зависит от успешной социально-политической реконструкции информационной сферы на принципах стратегии коэволюции человека, общества и природы.

Примечания

- (1) См.: Доктрина информационной безопасности Российской Федерации, утвержденная Президентом РФ 5 декабря 2016 г. № Пр-646.
- (2) Здесь и далее приводятся результаты социологического мониторинга «Как живешь, Россия?», который проводится Центром стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН с 1992 года под научным руководством автора. В исследовании используется квотно-пропорциональная всероссийская выборка (пол, возраст, образование, местожительства). В основу территориального размещения выборки легло экономико-географическое районирование страны при соблюдении пропорций численности населения и городского-сельского населения. Объем выборки на разных этапах — 1312—1866 респондентов. Объект исследования — взрослое население России.
- (3) См.: <https://inforesist.org/internet-opasen-tam-vse-uproshheno-barak-obama-dal-intervyu-printsugarri>.
- (4) См.: <https://www.web-canape.ru/business/internet-2017-2018-v-mire-i-v-rossii-statistika-i-trendy>; <https://www.web-canape.ru/business/vsya-statistika-interneta-na-2019-god-v-mire-i-v-rossii>.

Библиографический список

- [1] Белл Д. Социальные рамки информационного общества // Новая технократическая волна на Западе. М., 1988.
- [2] Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера. М., 2004.
- [3] Вернадский В.И. Избранные сочинения. М.; Л., 1954. Т. 1.
- [4] Вернадский В.И. О коренном материально-энергетическом отличии живых и косных естественных тел биосферы // Проблемы биогеохимии. М.; Л., 1939. Вып. 2.
- [5] Винер Н. Кибернетика, или Управление и связь в животном и машине. М., 1983.
- [6] Владимирова Т.В. Сетевые коммуникации как источник информационных угроз // Социологические исследования. 2011. № 5.
- [7] Гидденс Э. Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М., 2004.
- [8] Дебор Г. Общество спектакля. М., 2000.
- [9] Дробот В.А. Информационная составляющая современной мировой политики // Информационное общество. 2018. № 2.
- [10] Кастельс М. Информационная эпоха: Экономика, общество и культура. М., 2000.
- [11] Кихтан В.В. Исследование процессов манипулирования массовым сознанием в современных средствах массовой информации // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. 2018. Т. 2. № 2.
- [12] Левашов В.К., Афанасьев В.А., Новоженкина О.П., Шушпанова И.С. Состояние гражданского общества в России. XLVII этап социологического мониторинга «Как живешь, Россия?», май 2018 года / под общ. ред. В.К. Левашова. М., 2018.
- [13] Левашов В.К., Афанасьев В.А., Новоженкина О.П., Шушпанова И.С. Экспресс-информация. «Как живешь, Россия?». XLVIII этап социологического мониторинга, ноябрь—декабрь 2018 года / под общ. ред. В.К. Левашова. М., 2019.
- [14] Леонова О.Г. Кибервойна и противоборство в цифровом информационном пространстве // Информационное общество. 2018. № 2.
- [15] Науменко Т.В. Методологический анализ концепции информационного общества // Информационное общество. 2018. № 2.
- [16] Озюменко В.И. Медийный дискурс в ситуации информационной войны: от манипуляции — к агрессии // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. 2017. Т. 21. № 1.
- [17] Секарева И.В. Рекламные и телевизионные мифы как форма манипуляции сознанием // Знание. Понимание. Умение. 2011. № 4.
- [18] Соколов И.А., Колин К.К. Развитие информационного общества в России и актуальные проблемы информационной безопасности // Информационное общество. 2009. Вып. 4, 5.

- [19] Уэбстер Ф. Теории информационного общества. М., 2004.
[20] Янишина Ф.Т. О появлении и первоначальном толковании термина «ноосфера» // Вестник РАН. 1994. Т. 64. № 11.
[21] Duff A.F. *Information Society Studies*. L., 2000.
[22] Gilbert F.S., Peterson T.B., Schramm W. *Four Theories of Press*. Urbana, 1956.
[23] Masuda Y. *The Information Society as Postindustrial Society*. Washington, 1983.
[24] May Ch. *Information Society: A Sceptical View*. Malden, 2002.

Информация о финансировании

Статья подготовлена при поддержке РФФИ. Проект № 17-03-00557-ОГН.

DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-4-651-664

Transformation of the information sphere of civil society*

V.K. Levashov

Institute for Socio-Political Research of the Russian Academy of Sciences
Fotieva St., 6-1, Moscow, Russia, 119333
(e-mail: levachov@mail.ru)

Abstract. The author considers new phenomena in the information sphere of civil society, their influence on the nature and forms of its development, emphasizing that the development of the Russian civil society follows the general formation of the global civil society. Humankind has come to the objectively inevitable and qualitatively new stage in the co-evolution of biosphere, society and technosphere — the emergence of noosphere. The social-political essence of the new stage of social evolution is the search for a sustainable life regime based on the principles of civil justice in the interests of everyone on the planet. Social statistics and sociology highlight the peculiarity in the development of digital technologies — the growth of material and informational dysfunctions of the global and regional scale. The information sphere that has developed in the neoliberal paradigm of economic, political, and social practices does not meet the new global challenges and the needs of civil society and social state for it continues to function in the interests of small elite groups. Misinformation becomes widespread, which leads to the loss by information of its key function of the reliable reflection of reality and to the partial transformation of the media into institutions of social and political manipulation. Based on the data of sociological studies, the author proves that the structure and forms of the Russian media dysfunctions reflect global trends, and concludes that the need for publicity is a result of the “truth crisis”; thus, the media’s task — to reliably reflect social reality — becomes an imperative and a pass to the future. The sustainable development of the global and Russian civil society depends on the successful social-political reconstruction of the information sphere based on the principles of co-evolution of man, society and nature.

Key words: global civil society; information sphere; information society; information sphere transformation; digital technologies; dysfunctions of global information sphere; post-truth; sustainable development

Funding

The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research. Project No. 17-03-00557-ОГН.

* © V.K. Levashov, 2019.

The article was submitted on 24.06.2019. The article was accepted on 03.09.2019.

References

- [1] Bell D. Socialnye ramki informatsionnogo obshhestva [Social framework of the information society]. *Novaya tekhnokraticeskaya volna na Zapade*. Moscow; 1988 (In Russ.).
- [2] Vernadsky V.I. *Biosfera i noosfera* [Biosphere and Noosphere]. Moscow; 2004 (In Russ.).
- [3] Vernadsky V.I. *Izbrannye sochinenija* [Selected Works]. Moscow; Leningrad; 1954. Vol. 1 (In Russ.).
- [4] Vernadsky V.I. O korennom materialno-energeticheskom otlichii zhivyh i kosnyh estestvennyh tel biosfery [On the fundamental material-energetic difference between the living and inert natural bodies of the biosphere]. *Problemy biogeokhimii*. Moscow; Leningrad; 1939, Vol. 2 (In Russ.).
- [5] Wiener N. *Kibernetika, ili upravlenie i svjaz v zhivotnom i mashine; ili Kibernetika i obshchestvo* [Cybernetics, or Control and Communication in the Animal and the Machine; or Cybernetics and Society]. Moscow; 1983 (In Russ.).
- [6] Vladimirova T.V. Setevye kommunikatsii kak istochnik informatsionnyh ugroz [Network communications as a source of information threats]. *Sociologicheskie Issledovanija*. 2011; 5 (In Russ.).
- [7] Giddens A. *Uskolzajushhij mir: kak globalizatsija menjaet nashu zhizn* [Runaway World: How Globalization is Reshaping Our Lives]. Moscow; 2004 (In Russ.).
- [8] Debord G. *Obshchestvo spektaklja* [The Society of the Spectacle]. Moscow; 2000 (In Russ.).
- [9] Drobot V.A. Informatsionnaja sostavljajushhaja sovremennoj mirovoj politiki [Information component of the contemporary world politics]. *Informatsionnoe Obshchestvo*. 2018; 2 (In Russ.).
- [10] Castells M. *Informatsionnaja epoha: Ekonomika, obshchestvo i kultura* [The Information Age: Economy, Society and Culture]. Moscow; 2000 (In Russ.).
- [11] Kikhtan V.V. Issledovanie protsessov manipulirovanija massovym soznaniem v sovremennyh sredstvakh massovoj informatsii [A study of the mass consciousness manipulation by the contemporary media]. *Vestnik Volzhskogo universiteta imeni V.N. Tatishcheva*. 2018; 2 (2) (In Russ.).
- [12] Levashov V.K., Afanasiev V.A., Novozhenina O.P., Shushpanova I.S. *Sostojanie grazhdanskogo obshhestva v Rossii. XLVII etap sociologicheskogo monitoringa “Kak zhivesh Rossija?”*, maj 2018 goda [The Status of Civil Society in Russia. XLVII wave of the sociological monitoring “How Are You, Russia?”, May 2018]. Moscow; 2018 (In Russ.).
- [13] Levashov V.K., Afanasiev V.A., Novozhenina O.P., Shushpanova I.S. *Ekspress-informatsija. “Kak zhivesh, Rossija?”*. XLVIII etap sociologicheskogo monitoringa, nojabr—dekabr 2018 goda [Express-information. “How are you, Russia?”. XLVIII wave of the sociological monitoring, November—December 2018]. Moscow; 2019 (In Russ.).
- [14] Leonova O.G. Kibervojna i protivoborstvo v tsifrovom informatsionnom prostranstve [Cyber war and confrontation in the digital information space]. *Informatsionnoe Obshchestvo*. 2018; 2 (In Russ.).
- [15] Naumenko T.V. Metodologicheskij analiz konceptsii informatsionnogo obshhestva [Methodological analysis of the concept of information society]. *Informatsionnoe Obshchestvo*. 2018; 2 (In Russ.).
- [16] Ozyumenko V.I. Medijny diskurs v situatsii informatsionnoj vojny: ot manipuljatsii — k agresсии [Media discourse under the information war: From manipulation to aggression]. *RUDN Journal of Linguistics*. 2017; 1 (In Russ.).
- [17] Sekareva I.V. Reklamnye i televizionnye mify kak forma manipuljatsii soznaniem [Advertising and television myths as a form of consciousness manipulation]. *Znanie. Ponimanie. Umenie*. 2011; 4 (In Russ.).
- [18] Sokolov I.A., Kolin K.K. Razvitie informatsionnogo obshhestva v Rossii i aktualnye problemy informatsionnoj bezopasnosti [Development of information society in Russia and actual problems of information security]. *Informatsionnoe Obshchestvo*. 2009; 4, 5 (In Russ.).

- [19] Webster F. *Teorii informatsionnogo obshhestva* [The Theories of Information Society]. Moscow; 2004 (In Russ.).
- [20] Yanshina F.T. О pojavlenii i pervonachalnom tolkovanii termina “noosfera” [On the emergence and initial interpretation of the term “noosphere”]. *Herald of the Russian Academy of Sciences*. 1994; 64 (11) (In Russ.).
- [21] Duff A.F. *Information Society Studies*. London; 2000.
- [22] Gilbert F.S., Peterson T.B., Schramm W. *Four Theories of Press*. Urbana; 1956.
- [23] Masuda Y. *The Information Society as Postindustrial Society*. Washington; 1983.
- [24] May Ch. *Information Society: A Sceptical View*. Malden; 2002.

DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-4-665-677

Продовольственный суверенитет и воспитание: гармонизация по-японски*

С.В. Чугров¹, А.В. Малов²

¹Московский государственный институт
международных отношений (Университет) МИД России
Просп. Вернадского, 76, Москва, Россия, 119454

²Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Ломоносовский просп., 27, ГСП-1, Москва, Россия, 119991
(e-mail: new-polis@politstudies.ru; malov.pvo@gmail.com)

В любой цивилизации существуют социокультурные ритуалы, сопровождающие прием пищи, и пример современной Японии особенно показателен. Уважительное отношение к еде используется архитекторами японской продовольственной политики двояко — как инструмент мягкой силы для распространения японского влияния в мире и как эффективный способ обеспечения продовольственной безопасности. Вторая составляющая и стала предметом интереса авторов. В статье раскрываются основные проблемы продовольственной политики Японии. С помощью методов институционального анализа и теории продовольственных режимов показан структурный характер продовольственной импортозависимости Страны восходящего солнца. Сочетание компаративистского подхода и ретроспективного анализа позволило обнаружить в социальной практике Японии ряд элементов, имеющих тесную связь с идеей продовольственного суверенитета, особенно распространенная в Японии концепцией *сёкуику* (продовольственное просвещение). На основе историко-генетического метода был построен когнитивный маршрут терминологической единицы «от компонента фольклора до законодательного акта», зафиксированы структурно-функциональные особенности закона о продовольственном просвещении (*сёкуику кихон-хо*). Анализ трех базовых планов по стратегическому продвижению *сёкуику* выявил переориентацию японского общества на коллективизм, здоровый образ жизни и диетологический тонус подрастающего поколения. Несмотря на то, что эффективность перепрофилирования была подтверждена эмпирическими данными, в статье представлен и критический анализ *сёкуику*. Государственная монополия на продовольственные знания и дискурс риска легитимируют идеологии, генерируют управляемую тревогу и приводят к продовольственному национализму.

Ключевые слова: Япония; продовольственное просвещение; *сёкуику*; продовольственный суверенитет; продовольственный режим; продовольственная безопасность; глобализация

Судьба каждой нации зависит от способа продовольственного обеспечения.
Ж.А. Брийя-Саварен

Пищевые привычки и ритуально-обрядовый комплекс, связанный с приемом пищи, издревле приобрели в Стране восходящего солнца охраняемый традициями почти культовый характер. Еда занимает приоритетнейшее место в структуре японской идентичности. Видный мыслитель Догэн Дзэндзи (1200—1253), принесший дзэн-буддизм из Китая в Японию, известен как автор свода лекций

* © Чугров С.В., Малов А.В., 2019.

Статья поступила 08.03.2019 г. Статья принята к публикации 28.06.2019 г.

«Сёгоэндо» — «уникального шедевра мировой философии о способах приготовления пищи и продуктах питания» [51. Р. 74]. Догэн учит почтительно относиться к кухонной утвари, выбирать палочки для еды тщательно, «с искренностью», и рекомендует несущим послушание по храмовой кухне: «Используйте уважительные глагольные формы для описания того, как обращаться с рисом, овощами, солью и соевым соусом; не используйте для этого простой язык» [28. Р. 720].

Не меньший вклад в концептуализацию кулинарного искусства внес Хаяси Радзан (1583—1657) — основатель школы неоконфуцианской философии чжусианского толка, создавший трактат «Заметки повара», который прививает принципы эстетизма принятию пищи для воспитания чувства благодарности окружающим людям и природе [15] и описывает, в частности, *сикиботё* — «ритуал кухонного ножа». Церемония состояла в демонстрации виртуозной техники владения кулинарным ножом, а в итоге повар создавал нечто вроде ажурной композиции, своего рода икэбаны из дичи или рыбы. Процесс приготовления пищи на глазах у гостей превращался в комплекс поз и жестов, который можно сравнить с показом мастерства корифеев единоборств или чайной церемонии, — он исполнял символическую функцию высвобождения духа зверя, чтобы отогнать злую карму от повара и его сюзерена [5. С. 30—46].

В наше время, по образному выражению Дж. Ритцера, «мир превратился в „плавильный котел“ еды» [54. Р. 7]. После того, как даже «суши оторвались от своих японских корней», «множественно выраженные и повторенные локальные вкусовые предпочтения в сочетании с космополитическими вкусами в итоге обернулись сложной системой — возникла гибридная еда как составная часть „текучей“ еды, включающая сочетание двух и более элементов питания, относящихся к разным культурам» [1. С. 206]. Например, роллы («Филадельфия», «Калифорния», «Аляска») — изделие, чуждое по названию (в японском нет звука «л») и по органолептике вкусовым предпочтениям японцев, поскольку содержат много жиров в майонезе и сыре. Но японская гибкость смирилась с тем, что роллы стали считаться принадлежностью японской кухни.

В 2007 году при поддержке государства и Японского фонда (практически подразделения МИДа) стартовала кампания по пропаганде «исконно японской кухни». В 2008 году Ассоциация зарубежных японских ресторанов попыталась создать систему лицензирования и контроля качества, но зашла в тупик, как только обнажились противоречия между кулинарной традицией и новомодными трендами. Визитной карточкой японской идентичности стал необычный гибрид аутентичной и мировой кухни: «В каком-то смысле японская культура подобна губке, которая, поглощая различные стимулы из внешней среды и сама меняется под их воздействием» [9. С. 168].

Затратив много сил на попытки сохранить кулинарную самобытность, японцы упустили из виду вопрос продовольственного суверенитета: благополучие росло, но доля агросектора в ВВП упала с 12,8% в 1960-х до 1,2% в 2016 году [57. Р. 54]. Пашня сократилась с 6,09 млн га в 1961 году до 4,44 млн га в 2017-м, а заброшенные земли с 1975 года увеличились втрое (400 тыс. га) [30. Р. 18; 57. Р. 56]. Итогом стало сокращение числа работников агросектора — с 13,4 млн человек в 1960 году (30,2% рабочей силы) до 2,2 млн в 2016 (3,4%) [57. Р. 54]. Лишь 21% фермерских

хозяйств получают основной доход от агропроизводства, более 50% вынуждены заниматься иными видами деятельности [16]. Оплата в агросекторе на 40% меньше, чем средняя по стране, что усугубляет непривлекательность труда земледельца. Потому и средний возраст занятых в секторе составил в 2013 году 66 лет 5 месяцев; доля фермеров до 65 лет составил 22%, а старше — более 61% [30].

Кризис обостряет зависимость от импорта продуктов; около 60% потребляемых калорий поступают из-за границы. В течение последних 20 лет индекс продовольственной самообеспеченности держится на отметке в 40% [22. Р. 16; 31], оставаясь низким по сравнению с показателями Франции (128%), США (122%), Германии (84%) и Великобритании (70%) [20. Р. 4]. Япония превратилась во второго по величине нетто-импортера пищевых товаров, уступая лишь Китаю [61. Р. 277]. В говядине и свинине она самодостаточна лишь на 53%, а комбикорма целиком зависят от импорта [57. Р. 62; 20. Р. 7]. Обострилась и проблема безопасности продуктов. Структурный кризис вызревал на фоне активности импортеров (особенно США) [42. Р. 206]. По данным на 2018 год, доля США в импорте Японии составила более 50% по таким товарам, как соевые бобы (71,6%) и пшеница (50,4%) [22. Р. 17]. В рамках Второго продовольственного режима (длившегося с середины 1940-х по 1970-е годы) Вашингтон сделал излишки продуктов своим «геополитическим оружием» [32—34; 46], материализовав, по аналогии с Marshall Aid, «Обратный курс». Закон, принятый в 1950-х годах североамериканскими властями, предусматривал предоставление продовольственной «помощи» на условиях денежной оплаты или кредита нуждающимся странам [33; 34; 46] — он закрепил за США статус генерального импортера риса [40. Р. 216].

Тенденция планетарного регулирования усилилась в 1980-х с наступлением Третьего продовольственного режима [25; 47; 52]. Запрет протекционизма и эскалация фритредерства исказили контуры мирового сельского хозяйства, а Уругвайский раунд ГАТТ заставил Токио смириться со снижением тарифов и сокращением субсидий [42]. Выиграли растущие отрасли японской промышленности, а рынок продовольствия оказался уязвим для натиска глобального бизнеса [41. Р. 52]. Пищевые гиганты и крупные ритейлеры использовали «открытость» мирового сельского хозяйства для навязывания модели частного глобального регулирования [34. Р. 52], став агентами, контролирующими производство и потребление продуктов питания [34. Р. 53]. «Агропродовольственный ультраимпериализм» руководствуется принципом максимизации прибыли посредством нещадной эксплуатации экосистем, культивации монокультур, уничтожения биоразнообразия пищевых товаров. Противостоять процессу, пагубному для мировой экологической устойчивости, стало возможно лишь благодаря стратегии продовольственного суверенитета таких акторов, как *La Via Campesina*, *Food First*, *Slow Food*, *GRAIN* и др. [4].

«Десять аксиом» стратегии продовольственного суверенитета

Концепция продовольственного суверенитета была сформулирована в Центральной Америке 1980-х, став радикальным ответом на инициированную США перестройку структуры агропроизводства и импорта продовольствия в регионе.

В то время продовольственный суверенитет воспринимался как отрицательная реакция на запрет поддержки сельского хозяйства и постулировал отказ от североамериканского импорта продовольствия [26. Р. 34; 28]. Потенциал идеи продовольственного суверенитета основан на следующих десяти постулатах: укрепление локальных продовольственных систем — сближение производителей и потребителей, поддержка мелких фермеров; местный контроль над биоресурсами и территориями — децентрализация и рассредоточение материальных благ; переход на агроэкологические принципы производства продуктов питания, достижение продовольственного самообеспечения и безопасности; уважение культурных обычаев, обмен локальными знаниями и развитие навыков по производству продуктов питания; противодействие деградации почв, защита биоразнообразия, сокращение выбросов парниковых газов и сопротивление ГМО; усиление ответственности государства за обеспечение продуктами питания уязвимых групп населения; укрепление позиций неправительственных организаций на всех уровнях принятия решений; гарантии международного правового приоритета права на продовольствие и продовольственного суверенитета над макроэкономической политикой и либерализацией торговли; особый социокультурный статус продовольствия; защита от гендерной дискриминации женщин (исконно владеют знаниями об агрокультуре) [3; 4; 66].

Эти «десять аксиом» могут быть рекомендованы сегодня как защита от угроз, которые несут агрофере корпоративный тоталитаризм и фритредерство. Они актуальны и для Японии, где ввоз продовольствия форсируется крупными торговыми компаниями и сетями универсамов, действующих в рамках стратегии «Развитие и импорт» [23]. Импортные продукты дорожают по мере того, как удлиняются дистанции перевозок. В будущем, если местный японский рис вновь станет конкурентоспособным, «участки плодородного верхнего слоя почвы в Японии уже окажутся подмытыми морем и зарастут бамбуком» [24. Р. xiii].

Самобытность социокультурного ландшафта Японии отражена в принципах продовольственного суверенитета. Среди них — продовольственное просвещение (食育 — *сёкуику*), локавористское движение (地産地消 — *тисан-тисё* — «местно произведенный, локально употребленный») и рейтингование районов, реализующих продукты питания (緑提灯 — *мидори тётин* — «зеленый фонарь»). По мнению исследователей, именно концепция *сёкуику* ведет к воссозданию продовольственного суверенитета [Ягути], японской самобытности и обратит вспять процесс «колонизации пищи» [12. С. 74].

Сёкуику переводится как «продовольственное просвещение» и состоит из двух иероглифов: 食 (*сёку*) — съестные припасы, прием пищи, 育 (*ику*) — образование, воспитание, просвещение. Морфологический каркас концепции говорит о наличии когнитивных оснований, рождающих формулы «воспитание через питание» [59. Р. 102]. Но *сёкуику* неравнозначно диете [42; 43; 45]. Автор термина — С. Исидзука, врач императорской армии, почитаемый как отец макробактериальной диеты, основанной на буддистских традициях. Вдохновленный трудами Г. Спенсера, он писал в конце XIX века о долге родителей сызмальства давать детям

образование на основе *сёкуику* — квинтэссенции народной мудрости для совершенствования тела, знаний и морали [10. С. 276; 11. С. 5]. Затем литератор той эпохи М. Гэнсай употребил слово *сёкуику* в романе «Гурман» (食道楽). Несмотря на коммерческий успех романа, концепт не обрел популярности. Мыслитель первой половины XX века Вацудзи Тэцуро, полемизируя с М. Хайдеггером, писал, что в процессе обучения мы «особенно остро ощущаем радость от организационной стороны трапезы и от сервировки пищи, гармоничного общения с другими людьми» [39. Р. 74].

Востребованность идеи *сёкуику* обнаружилась в 1990-е годы благодаря таким энтузиастам, как Ю. Хаттори, Т. Сунада, Й. Мурота, М. Адати. Так, журналистка Т. Сунада использовала термин *сёкуику*, представляя диетологическое образование в зарубежных странах. Парадоксально, но лишь после включения в инокультурный контекст концепция вызвала интерес на родине и в 2002 году вошла в японский дискурс [43. Р. 279; 61]. Идея *сёкуику* вписалась в патримониальную традицию, издревле связывающую общество и верховную власть — ее символизирует ритуал начала посевной кампании с посадки первого саженца риса лично японским монархом. Озабоченные урбанизацией и бегством молодых людей из сельской местности защитники природы предлагают радикальные меры по спасению заливного земледелия от деградации. Так, учащимся школ дают подработку («арбайто») на рисовых террасах в воскресные дни [13]. Пример императора, выходящего на рисовое поле, призван, в частности, вдохновить подростков на волонтерский труд, подкрепляемый, кстати, неплохим вознаграждением.

Официальный статус концепция *сёкуику* получила в июле 2005 года, когда был принят «Базовый закон о продовольственном просвещении» № 63 (食育基本法 — *Сёкуику кихон-хо*). Он включает в себя 33 статьи с поправками, касающиеся обязанностей властей, педагогов, фермеров и рыболовов, работников пищевой промышленности и граждан всячески содействовать *сёкуику*. В преамбуле закона сформулирована суть продовольственной стратегии государства: *сёкуику необходимо для развития Японии в XXI веке как фундамент интеллектуального, нравственного и физического воспитания подрастающего поколения*. Для преодоления последствий несбалансированного питания (лишнего веса или анорексии) и зависимости от нездоровой пищи и импортных продуктов японцы должны осваивать собственный «продовольственный путь». Роль «гида» отводится стратегии *сёкуику* со следующими функциями: возрождение сельских общин (ст. 7); симбиоз города и деревни (ст. 6); укрепление доверительных отношений между производителями и потребителями продовольственных товаров (ст. 7); защита и развитие автономных пищевых традиций (ст. 24); уважение к природе и содействие производству и потреблению органических продуктов (ст. 3); повышение уровня продовольственной самодостаточности (ст. 7); обеспечение безопасности продуктов питания (ст. 8).

Закон обязывает профильные министерства сотрудничать (ст. 22). Так, Кабинет министров отвечает за планирование, координацию и оценку эффективности стратегии. Министерство здравоохранения, труда и социального обеспечения сфо-

кусировано на здоровье и безвредности продуктов питания. За Министерством образования, культуры, спорта, науки и технологии закреплены полномочия по привлечению педагогов к совершенствованию учебных программ. Министерство сельского, лесного и рыбного хозяйства занято сокращением зависимости от импорта за счет продвижения отечественного производства и потребления продуктов [61. Р. 279]. Специальный Совет по содействию продовольственному воспитанию при Кабинете разработал пятилетний «Базовый план по продвижению *сёкуику*». Он был принят в марте 2006 года, обязав сотрудничать центральные и местные органы власти, НКО и производителей продуктов питания [18; 63]. Префектуры формировали свои планы с учетом специфики регионов [48. Р. 160; 14. С. 197]. Термин *сёкуику* применяется повсюду, включая школьные программы, что подтверждают и опросы: порядка 80% отвечают, что знакомы с ним [62. Р. 50].

Продовольственное просвещение начинается в детских садах [45. Р. 393]. Воспитатели вовлекают детей в приготовление пищи, причем с учетом сезонности. Например, среди летних кулинарных фестивалей выделяется *Нагаси-сомэн* («текущая лапша»): «Стебли бамбука разрезают вдоль и соединяют друг с другом под наклоном. По получившемуся „каналу“ пускают холодную воду и погружают в нее тонкую лапшу *сомэн*. Дети и родители, вооружившись палочками для еды, должны поймать протекающую мимо лапшу и полакомиться ею, опуская в соус, в котором плавают кубики льда... Лапшу украшают летними овощами: помидорами, огурцами, баклажанами. О свойстве летних овощей охлаждать организм детям рассказывают заранее» [2].

Система *сёкуику* охватывает и пенсионеров. Например, в местечке Саку (префектура Нагано) наблюдалась высокая смертность от инсультов. Мэр городка создал комиссию — не только из врачей, но и из домохозяек, каждая из которых представляла 30—50 семей. Изучив условия жизни, комиссия призвала горожан сократить потребление прославленных местных маринадов и солений — и статистика резко изменилась.

Медийное пространство Японии перенасыщено телешоу, восхваляющими японскую еду на всех каналах и в прайм-тайм в течение примерно такого же эфирного времени, что и автомобили [37]. «Дискурсы питания умножаются, становятся фрагментарными, утрачивают единую логику и даже вступают в противоречие друг с другом, как, например, сосуществующие в рекламе символы пользы, принадлежащие медикалистскому и экологическому дискурсам, и вкуса как проявления героизма» [1. С. 177].

Задачи, обозначенные во Втором (ратифицированном 31 марта 2011 года) и Третьем (вступившем в силу 18 марта 2016 года) Базовых планах, отдавали приоритет фиксации шаблона здорового образа жизни и популяризации трапез в кругу семьи, а также традиционной диете, якобы предотвращающей различные недуги [19. Р. 12; 65]. Массовый информационный натиск и интенсивная спектаклизация дискурса еды серьезно видоизменили цель проекта. Идеи продовольственного суверенитета, которые и так были трудными для понимания, еще более затемнялись избыточными и гипертрофированными сведениями о пользе японской пищи как панацеи [61. Р. 280]. Коррекция заданного в 2005 году маршрута объяснялась не только трудностями массовой перцепции. Авария 11 марта 2011 года

на станции Фукусима-1 изменила и «продовольственный менталитет», и административный фундамент Базового плана по продвижению *сёкуику*. После трагических событий радиоактивные элементы, выброшенные в атмосферу, море и грунтовые воды, в частности йод-131 и цезий, впоследствии были обнаружены в овощах, зерне, мясе и молоке, степень зараженности которых превышала установленные в разное время стандарты безопасности (от 500 до 100 беккерелей на один кг) [53. Р. 507—511].

Последствия техногенной катастрофы девальвировали доверие к местному продовольствию, угрожая покупательской переориентацией на зарубежные пищевые аналоги. Критический уровень продовольственной безопасности грозил сокращением занятости в японском агропродовольственном секторе, запустением угодий, падением коэффициента продовольственной самодостаточности, внедрением альтернативных рационов, что вынудило правительство провести программное перепрофилирование *сёкуику* на коллективизм, здоровье и диетологический тонус подрастающего поколения. Широкое распространение получили концепции самоограничения — одного из самых действенных инструментов контроля за здоровьем.

Статистика свидетельствует об эффективности *сёкуику*. Процентное содержание локально произведенного продовольствия в школьных обедах составляет 26,9%, а доля использованных в них отечественных ингредиентов — 77,3%. Употребляют традиционные блюда и соблюдают соответствующие обычаи 41,6% населения, а семьи собираются на совместные трапезы в среднем десять раз в неделю [65. Р. 16]. Более того, в 2017 году численность новичков в сельском хозяйстве впервые за шесть лет превысила 60 тысяч человек, что на 13% больше, чем в 2016 году. При этом более 30% новоиспеченных земледельцев попали в возрастную когорту до 50 лет, что стало рекордом с момента принятия в 2006 году первого Базового плана [21. Р. 6; 22. Р. 5].

Альтернативный взгляд или концептуальная уязвимость?

Критический анализ проблемы требует выделить такой компонент социальной реальности, как респонсификация [55. Р. 139], которая подразумевает, что полномочия властных органов по решению продовольственных задач делегируются гражданскому обществу. *Сёкуику* становится инструментом, способным смягчить критику государства в сфере продовольственной политики [42], а для поддержания высокого уровня ответственности в обществе используется конструкт, известный как самомотивация [49. Р. 1, 2]. В итоге установленные Базовым законом о продовольственном просвещении правила воспринимаются как общегражданский долг, а не как право. Жители Японских островов стремятся поднять индекс продовольственной самодостаточности, употребляя отечественные продукты, хотя их порой более высокая цена не компенсируется правительством [43. Р. 54].

Часть медиаресурсов критикует власти за отсутствие поддержки потребителей, за эксплуатацию искренних побуждений, навязывание идеологических дискурсов с помощью воспитательных программ. Действительно, финансируемые японским правительством программы по продовольственному воспитанию легитимируют идеологические нормы и социальные практики по принципу М. Фуко:

через образование индивид получить доступ к любому виду дискурса, включая знания и полномочия, которые он содержит в себе [32. Р. 227]. Например, акцентирование дискурса риска в сфере общественного здравоохранения позволяет государству, задающему рамки этого дискурса, контролировать психический тонус населения, а его эффективность трудно оспорить, особенно если он эксплуатирует экзистенциальные угрозы. Дискурс угрозы (вместо безопасности) сдвигает психологический вектор в сторону тревоги, а не спокойствия [44. Р. 433]. Монополия властей на продовольственные знания (дискурс) порождает так же продовольственный национализм: он предполагает, что приверженность пищевым символам способствуют воспроизводству японской ментальности и телесности [58. Р. 24, 25].

Тип пищевых привычек и ритуалов японцев напоминает слоеный пирог, состоящий из трех цивилизационных пластов — глобального, дальневосточного и японского. Под напором глобализации фаст-фуд потеснил символы «палочковой» цивилизации (рис, морепродукты, сою) и даже японскую пищу (суши, сасими, соевая паста натто, суп мисо и т.д.). Рост индивидуализма в японском обществе порой приводит к эскапизму — снижению коммуникации среди молодежи вплоть до отказа от принципов совместной трапезы. Важно, однако, что макдоналдизация и социальная дезадаптация молодого поколения больше похожи на демонстрацию внешней причастности к глобальной поп-культуре, а на самом деле молодежь уважительно относится к ритуальной стороне национальной кулинарной культуры, особенно к такому ее символу, как рис.

Японию называют не только Страной восходящего солнца, но и Землей рисового изобилия (*瑞穂の国, мидзухо-но кuni*), что говорит о высочайшей оценке вклада этого источника в процветание нации. Рис для японцев не только еда, а часть культа синтоистских божеств *ками*: «рисовые зерна имеют „душу“ и тесно связаны с японским словом *нигитама* (*和魂*, мирная/позитивная сила божества)» [50. Р. 55]. Не менее культовый продукт — чай, который «имеет важную сакральную ценность для населения, поскольку стал частью национальной мифологии, делающей его психологическим якорем для индивидов под натиском урбанистического способа существования» [27. Р. 254]. Таким образом, отечественные продукты питания используются государством в качестве инструмента, укрепляющего национальную идентичность на основе бинарной оппозиции «мы—они». Порой дело доходит до забавных и даже абсурдных преувеличений: например, Т. Холден утверждает, что для японцев «яйцо, шипящее на сковороде — символ японского флага» [38]. Верно, однако, что концепция «японского образа жизни» основывается на идеализации «своего» продукта питания и на критике иностранного, преимущественно западного, «продовольственного другого».

Продовольственная уязвимость Японии мотивировала власти проводить антикризисную программу, инструментом которой стала концепция *сёкуику*. Функциональная специфика концепции *сёкуику* коррелирует с принципами стратегии продовольственного суверенитета. Эпистемологическое тождество двух концепций зафиксировано по пяти параметрам, что позволяет считать *сёкуику* эквивалентом стратегии продовольственного суверенитета — ядра Четвертого продовольственного режима (табл. 1).

**Сопоставление концепций продовольственного суверенитета
и продовольственного просвещения**

Принципы	Продовольственный суверенитет	Сёкуику
Энвайронментализм / Козволюционизм	Переход на агроэкологические принципы производства, противодействие деградации почв, защита биоразнообразия	Воспитание уважения к природе и содействие экологически благоприятному производству/ потреблению продуктов питания
Локализация производства и потребления	Укрепление локальных продовольственных систем: сближение производителей и потребителей, сокращение разрыва между городом и деревней	Ревитализация сельских общин, укрепление системы информирования производителями потребителей пищевых товаров
Децентрализация властных полномочий / Субсидиарность	Децентрализация власти и рассредоточение материальных благ	Интеграция компетенций трех министерств (MHLW, MEXT и MAFF) и трансляция властных полномочий
Мультикультурализм / Полицентризм	Уважение культурных обычаев, обмен знаниями и развитие навыков по производству продуктов питания	Протекция автохтонной кулинарной культуры (<i>васёку</i>), популяризация совместных трапез в кругу семьи (<i>кёсоку</i>), пропаганда японской диеты и образа жизни (<i>JSDL</i>)
Продовольственное самообеспечение	Продовольственная самодостаточность — фундамент продовольственного суверенитета	Повышение коэффициента продовольственного самообеспечения
Продовольственная безопасность	Сопrotивление «зеленой революции» — загрязнению почвы ядохимикатами и генной инженерией	Обеспечение безвредности продуктов питания, информирование о вредных пищевых добавках

Наступление нового продовольственного режима должно остановить процесс неолиберализации жизни, в частности рост эскапизма и девальвацию моральных максим, а укрепление продовольственной безопасности за счет опоры на национальные пищевые традиции должно подкрепить и основы японской идентичности.

Библиографический список / References

- [1] Зарубина Н.Н., Кравченко С.А., Носкова А.В., Карпова Д.Н., Голоухова Д.В. Социология питания: традиции и трансформации. М., 2017 / Zarubina N.N., Kravchenko S.A., Noskova A.V., Karpova D.N., Goloukhova D.V. *Sotsiologiya pitaniya: traditsii i transformatsii* [Sociology of Food: Traditions and Transformations]. Moscow; 2017 (In Russ.).
- [2] Кириченко М.А. Воспитание через культуру питания в японском детском саду / Kirichenko M.A. *Vospitanie cherez kulturu pitaniya v yaponskom detskom sadu* [Education through food culture in the Japanese kindergarten]. <http://russijapansociety.ru/?p=1837> (In Russ.).
- [3] Малов А.В. Продовольственный суверенитет: политическая концепция, общественное движение и контргегемонистский дискурс XXI века // Государственное управление. 2017. № 65 / Malov A.V. *Prodovolstvenny suverenitet: politicheskaya kontseptsiya, obshchestvennoe dvizhenie i kontr-gegemonistskii diskurs XXI veka* [Food sovereignty: Political concept, social movement and counter-hegemonic discourse of the 21st century]. *Gosudarstvennoe Upravlenie*. 2017; 65 (6) (In Russ.).
- [4] Малов А.В. Международный продовольственный режим // Вестник МГИМО-Университета. 2018. № 1 / Malov A.V. *Mezhdunarodny prodovolstvenny rezhim* [International food regime]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*. 2018; 1 (In Russ.).

- [5] *Наливайко О.А.* Хаяси Радзан «Заметки повара» // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2017. № 1 / Nalivayko O.A. Hayasi Razan “Zametki povara” [Hayashi Razan “Hōchō shoroku”]. *Huminitarian Studies in Eastern Siberia and Far East*. 2017; 1 (In Russ.).
- [6] *Троцук И.В.* Социологическая «калорийность»: кулинарное, культурное и пространственное «измерения» еды // Социологическое обозрение. 2018. Т. 17. № 1 / Trotsuk I.V. The “sociological-caloric” value of food: Culinary, cultural, and spatial “measurements”. *Russian Sociological Review*. 2018; 17 (1) (In Russ.).
- [7] *Чугров С.В.* Социокультурная традиция и внешнеполитический менталитет современной Японии: дис. д.с.н. М., 2007 / Chugrov S.V. Sotsiokulturnaya traditsiya i vshnepolitichesky mentalitet sovremennoy Yaponii [Socio-cultural tradition and foreign-policy mentality of contemporary Japan]. Moscow; 2007 (In Russ.).
- [8] *Икегами К., Ивасаки М., Хараяма К., Фудзихара Т.* Сёку-но кёдотай. Доин-кара рэнтай-э [Сообщество еды. От отдельного члена к объединению]. Киото, 2008 / Ikegami K., Iwasaki M., Narayama K., Fijihara T. Shoku-no kyodotai. Doin-kara rentai-e [Community of Food: From Mobilization to Solidarity]. Kyoto; 2008 (In Jap.).
- [9] *Иногучи Т.* Сэйджи рирон [Политическая теория]. Токио, 2015 / Inoguchi T. Seiji riron [Political Theory]. Tokyo; 2015 (In Jap.).
- [10] *Ишизука С.* Кагакутэки сёкуё тёдзю рон [Химическая теория диеты для долголетия]. Токио, 1896 / Ishizuka S. Kagakuteki shokuyo chojuron [Chemical Theory of Diet for Longevity]. Tokyo; 1896 (In Jap.).
- [11] *Ишизука С.* Цуёку сёкубуцу ёсэйхо [Диетическое питание доступными продуктами]. Токио, 1899 / Ishizuka S. Tsuyoku shokubutsu yoseiho [Popular Diet]. Tokyo; 1899 (In Jap.).
- [12] *Нисимура К.* Сэйкацу-ни ёру «сёку-но сёкэн» кайфуку ундо то ситэ-но сёкуику: сосяру-инобэсэн-но кантэн-кара [Продовольственное воспитание как движение потребителей за восстановление продовольственного суверенитета: с точки зрения социальных инноваций] // *Досися дайгаку сэйсаку рёгаку кэнкю* [Журнал политики и менеджмента Университета Досися]. 2008. Т. 10. № 2 / Nishimura K. Shokuiku — Seikatsu-ni yoru ‘shoku-no shuken’ kaifuku undo to shokuiku: sosharu-inobeshon-no kanten-kara [Shokuiku — food education as consumers movements of regaining the sovereignty over food: From the viewpoint of social innovation]. *Doshisha daigaku seisaku kagaku kenkyu*. 2008; 10 (2) (In Jap.).
- [13] *Нихон-но суйдэн инасаку тэйки-суру сёмондай* [Проблемы возрождения заливного рисоводства в Японии] // *Кокусай Нихон гаку* [Международное японоведение. Собрание тезисов научно-исследовательских докладов]. 2017. № 14 / *Nihon no suiden inasaku geiki suru shomondai* (Problems of Revival of Aspic Rice Cultivation in Japan). Kokusai Nihon gaku. 2017; 14 (In Jap.).
- [14] *Фудзита С., Ёшикэ Н., Имаяма Т., Накасудзи Н.* Кокё сэйсаку-но ситэн-кара мита тиики сякай-ни окэру сёкуику-но каносэй [Возможности сёкуику в публичной политике региональных сообществ] // *Нихон сёкуику гаккай си* [Журнал Японского общества изучения сёкуику]. 2015. Т. 9 / Fujita S., Yoshiike N., Imayama T., Nakasuji N. Koko seisaku-no shiten-kara mita chiiki shakai-ni okeru shokuiku-no kanosei [Possibility of Shokuiku (food education) in communities as a public policy]. *Nihon shokuiku gakkai shi*. 2015; 9 (In Jap.).
- [15] *Хаяси Р.* Хотё сёроку [Заметки повара] // *Нихон дзуйхицу тайсэй* [Собрание эссе «Вслед за кистью»]. Токио, 1976. Т. 23 / Hayashi R. Nocho shoroku [Cook’s notes]. *Nihon zuihitsu taisei*. Tokyo; 1976. Vol. 23 (In Jap.).
- [16] *Ягучи Ё.* «Сёкурё сёкэн» какухо-но ими то дзёкэн. Сёхися нидзу га сэйсан-сёхи-о каэру [Смысл и условия обеспечения «продовольственного суверенитета». Нужды потребителей могут изменить наши производство и потребление] // *Сёкурё сёкэн кинкю тэйгэн кура-си-но андзэн то ансин-но тамэ* [Продовольственный суверенитет и срочные рекомендации для безопасной и спокойной жизни]. Токио, 2000 / Yaguchi Y. Shokuryo shuken kakuho-no

- imi to joken — shohisha nizu ga seisan-shohi-wo kaeru [Meaning and condition of ‘food sovereignty’: Consumer needs can change our production and consumption]. *Syokuryo shuken kinkyu teigen kurashi-no anzen to anshin-no tame-ni.* Tokyo; 2000 (In Jap.).
- [17] Ямасита К. Ногё-но кодзо мондай то сэйсаку-но кихон гэнри [Структурные проблемы сельского хозяйства и базовые принципы политики]. Токио, 2004 / Yamashita K. *Nogyo-no kozo mondai to seisaku-no kihon genri* [Structural problems of agriculture and basic principles of policy]. Tokyo; 2004 (In Jap.).
- [18] Annual Report on Food, Agriculture and Rural Areas in Japan. 2006. http://www.maff.go.jp/e/pdf/fy2006_rep.pdf.
- [19] Annual Report on Food, Agriculture and Rural Areas in Japan. 2012. <http://www.maff.go.jp/e/data/publish/attach/pdf/index-10.pdf>.
- [20] Annual Report on Food, Agriculture and Rural Areas in Japan. 2015. <http://www.maff.go.jp/e/pdf/fy2014.pdf>.
- [21] Annual Report on Food, Agriculture and Rural Areas in Japan. 2017. http://www.maff.go.jp/j/wpaper/w_maff/h29/pdf/eibun/eibun1.pdf.
- [22] Annual Report on Food, Agriculture and Rural Areas in Japan. 2018. <http://www.maff.go.jp/e/data/publish/attach/pdf/index-93.pdf>.
- [23] Aoki K. Political economics involved in Japan’s safeguard. *Seasonal Report*. 2001; 45.
- [24] Becker C.B. Foreword: Back to the future? Japanese environmental philosophy. New York; 2017.
- [25] Bernstein H. Agrarian political economy and modern world capitalism: The contributions of food regime analysis. *Journal of Peasant Studies*. 2016; 43 (3).
- [26] Claeys P. Via Campesina’s struggle for the right to food sovereignty: From above or from below? *Rethinking Food Systems: Structural Challenges, New Strategies, and the Law*. San Francisco; 2014.
- [27] Cross T. *The Ideologies of Japanese Tea. Subjectivity, Transience and National Identity*. Folkestone; 2009.
- [28] Dogen. Instructions on Kitchen Work (Ji kuin mon). *Treasury of the Trite Dharma Eye: Zen Master Dōgen’s Shōbōgenzō*. Boston; 2010.
- [29] Edelman M. Food sovereignty: Forgotten genealogies and future regulatory challenges. *Journal of Peasant Studies*. 2014; 41 (8).
- [30] Hisano S. Food Security Politics and Alternative Agri-food Initiatives in Japan. Academic Forum on Food Security and Agricultural Development in East Asia. 2014. <http://www.econ.kyoto-u.ac.jp/~chousa/WP/131.pdf>.
- [31] Farina F. Japan in the international food regimes: Understanding Japanese food self-sufficiency decline. *Feeding Japan: The Cultural and Political Issues of Dependency and Risk*. London; 2017.
- [32] Foucault M. *The Archaeology of Knowledge and the Discourse on Language*. New York; 1972.
- [33] Friedmann H., McMichael P. Agriculture and the state system: The rise and decline of national agricultures, 1870 to the present. *Sociologica Ruralis*. 1989; 29.
- [34] Friedmann H. The political economy of food: A global crisis. *New Left Review*. 1993; 197 (1).
- [35] Friedmann H. Feeding the empire: Pathologies of globalized agriculture. *The Socialist Register 2005*. London; 2004.
- [36] Goodman D., Watts M. Agrarian questions: Global appetite, local metabolism: nature, culture, and industry in fin-de-siècle agro-food systems. *Globalising Food: Agrarian Questions and Global Restructuring*. London; 1997.
- [37] Holden T.J.M. The Well-Tempura’d Nation: Japan, television food shows and cultural nationalism. Paper presented at the 5th Conference of the Asia Pacific Sociological Association. Brisbane; 2002.
- [38] Holden T.J.M. Japan’s Mediated «Global» Identities. 2008. www.intcul.tohoku.ac.jp/~holden/MediatedSociety.

- [39] Inutsuka Yu. Sensation, betweenness, rhythms: Watsuji's environmental philosophy and ethics in conversation with Heidegger. *Japanese Environmental Philosophy*. New York; 2017.
- [40] Jussaume R., Shūji H., Yoshimitsu T. Food safety in modern Japan. *Japanstudien*. 2001; 12 (1).
- [41] Kimura A., Nishiyama M. The chisan-chisho movement: Japanese local food movement and its challenges. *Agriculture and Human Values*. 2008; 25 (1).
- [42] Kimura H. Food education as food literacy: privatized and gendered food knowledge in contemporary Japan. *Food and Foodways*. 2011; 19 (3).
- [43] Kojima A. Responsibility or right to eat well: Food education (Shokuiku) campaign in Japan. *Stanford Journal of East Asian Affairs*. 2011; 11 (1).
- [44] Lupton D. Risk as moral danger: The social and political functions of risk discourse in public health. *International Journal of Health Services*. 1993; 23 (3).
- [45] Mah C. Governing food and public health in contemporary Japan. *Journal of Sociology*. 2010; 46 (4).
- [46] McMichael P. A food regime genealogy. *Journal of Peasant Studies*. 2009; 36 (1).
- [47] McMichael P. A food regime analysis of the 'World Food Crisis'. *Agriculture and Human Values*. 2009; 26 (46).
- [48] Miyoshi M., Tsuboyama-Kasaoka N., Nishi N. School-based «Shokuiku» program in Japan: Application to nutrition education in Asian countries. *Asia Pacific Journal of Clinical Nutrition*. 2012; 21 (1).
- [49] Ohe Y., Kurihara S., Shimoura S. Evaluating willingness to become a food education volunteer among urban residents in Japan: Toward a participatory food policy. *Agricultural and Food Economics*. 2014; 2 (6).
- [50] Ohnuki-Tierney E. *Rice as Self: Japanese Identities through Time*. Princeton; 1994.
- [51] Parkes G. Kūkai and Dōgen as exemplars of ecological engagement. *Japanese Environmental Philosophy*. Oxford — New York; 2017.
- [52] Pechlaner G., Otero G. The Third Food Regime: Neoliberal globalism and agricultural biotechnology in North America. *Sociologia Ruralis*. 2008; 48 (46).
- [53] Reiher C. Food pedagogies in Japan: From the implementation of the Basic Law on food education to Fukushima. *Australian Journal of Adult Learning*. 2012; 52 (3).
- [54] Ritzer G. *The Globalization: The Essentials*. Hoboken; 2011.
- [55] Rose N.S. *Powers of Freedom: Reframing Political Thought*. Cambridge; 1999.
- [56] Spencer H. *Education: Intellectual, Moral, and Physical*. London; 1861.
- [57] Statistical handbook of Japan. 2018. <http://www.stat.go.jp/english/data/handbook/pdf/2018all.pdf>.
- [58] Takeda H. Delicious food in a beautiful country: Nationhood and nationalism in discourses on food in contemporary Japan. *Studies in Ethnicity and Nationalism*. 2008; 8 (1).
- [59] Takeda H. Securitizing food in Japan: Global crises, domestic problems and a neoliberal state. *Governing Insecurity in Japan: The Domestic Discourse and Policy Response*. New York; 2014.
- [60] Takeda W. Reconsidering Individualization of Eating: A Cross-Cultural Analysis on Determinants of Commensality and Solo-Eating. 2016. <https://openresearch-repository.anu.edu.au/bitstream/1885/101431/1/Takeda%20Thesis%202016.pdf>.
- [61] Takeda W., Banwell C., Dixon J. Advancing food sovereignty or nostalgia: The construction of Japanese diets in the national *Shokuiku* policy. *Anthropological Forum*. 2016; 26 (3).
- [62] Takeda W., Melby M.K., Ishikawa Y. Food education for whom? Perceptions of food education and literacy among dietitians and laypeople in urban Japan. *Food Studies*. 2017; 7 (4).
- [63] Takimoto H., Sarukura N., Ishikawa-Takata K. How to define family meals in “Shokuiku” (Food and Nutrition Education). *Journal of Nutritional Science and Vitaminology*. 2015; 61.
- [64] Wegren S.K., Nikulin A.M., Trotsuk I.V. The Russian variant of food security. *Problems of Post-Communism*. 2016; 64 (1).
- [65] White paper on Shokuiku. 2016. <http://www.maff.go.jp/e/data/publish/attach/pdf/index-53.pdf>.
- [66] Wittman H. Food sovereignty: A new rights framework for food and nature? *Environment and Society: Advances in Research*. Special Issue on Food. 2011; 2 (1).

DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-4-665-677

Food sovereignty and education: A Japanese type of harmonization*

S.V. Chugrov¹, A.V. Malov²

¹Moscow State Institute of International Relations (University)
Prosp. Vernadskogo, 76, Moscow, Russia, 119454

²Lomonosov Moscow State University
Lomonosova Prosp., 27, GSP-1, Moscow, Russia, 119991
(e-mail: new-polis@politstudies.ru; malov.pvo@gmail.com)

Abstract. Every civilization has specific social-cultural rituals for eating, and contemporary Japan is a particularly interesting case. The architects of the Japanese food policy use a special respect for food in two ways: first, as a tool of soft power to spread Japanese influence worldwide; second, as an effective way to ensure food security. It is the second component that interests the authors. The article identifies key issues of Japan's food policy. Based on the institutional analysis and the food regime theory, the authors identify the structural nature of food import dependency of the Land of the Rising Sun. The combination of the comparative approach and retrospective analysis allowed to discover a number of elements that are closely connected with the idea of food sovereignty, especially the concept of *shokuiku* (food education). Based on the historical-genetic method, the authors suggest a cognitive route of the terminological unit "from the component of folklore to the legislative act" and identify structural-functional features of the Basic Law (*Shokuiku Kihon-ho*). The analysis of three Basic Plans for promotion of *Shokuiku* proved the institutional reorientation of Japan to collectivism, healthy lifestyle and dietetics of younger generations. Despite the fact that effectiveness of re-profiling was verified by empirical data, the article provides a critical analysis of *shokuiku* as well. The state monopoly on food knowledge and risk discourse legitimize ideologies, generate alarmist feelings and lead to food nationalism.

Key words: Japan; food education; *shokuiku*; food sovereignty; food regime; food security; globalization

* © S.V. Chugrov, A.V. Malov, 2019.

The article was submitted on 08.03.2019. The article was accepted on 28.06.2019.

МАССОВЫЕ ОПРОСЫ, ЭКСПЕРИМЕНТЫ, КЕЙС-СТАДИ

DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-4-678-691

Особенности процесса обновления базовых ценностей в меняющейся реальности (на примере Республики Беларусь)*

А.Н. Данилов¹, Д.Г. Ротман²

¹Белорусский государственный университет
ул. Кальварийская, 9, Минск, 220004, Республика Беларусь

²Центр социологических и политических исследований
Белорусского государственного университета
ул. Академическая, 25, Минск, 220072, Республика Беларусь
(e-mail: a.danilov@tut.by; dgrotman@rambler.ru)

В статье анализируются данные проекта «Европейские ценности» (EVS), а также социологического мониторинга информационного поля Республики Беларусь, проведенного Центром социологических и политических исследований Белорусского государственного университета (ЦСПИ БГУ). Авторы приходят к заключению, что базовые ценности белорусов практически не отличаются от ценностей жителей других европейских государств; ценностное сознание жителей Беларуси формировалось на протяжении веков под влиянием ключевых событий европейской истории; ценности общества, в том числе в современных условиях, меняются медленно, их реформирование даже в незначительной степени может осуществляться на протяжении жизни как минимум двух поколений; изменение базовых ценностей невозможно под внешним или внутренним давлением. Попытки быстро под давлением изменить ценностные предпочтения приводят, как правило, к накоплению негативных настроений и в конечном итоге к социальным взрывам. Современные технологии открывают широкие возможности информационного насилия, манипуляции общественным сознанием. Информационное воздействие традиционных СМИ и Интернета (включая социальные медиа) — один из факторов формирования ценностных ориентаций. Медиапространство создает условия для возникновения устойчивого интеллектуального фона, который формирует восприятие и последующую поведенческую реакцию индивида на происходящие в стране и в мире события. Изменяющаяся реальность задает новую ценностную матрицу, а ключевым технологическим игроком становятся СМИ — в формате новых информационно-коммуникационных возможностей.

Ключевые слова: ценности; базовые ценности; устойчивое развитие; информационное воздействие; меняющаяся реальность; Всемирное исследование ценностей; Республика Беларусь

* © Данилов А.Н., Ротман Д.Г., 2019.

Статья поступила 17.07.2019 г. Статья принята к публикации 03.09.2019 г.

Мир буквально на глазах ставится другим, и этого нельзя не замечать. Трансформация базовых ценностей — результат укоренения новых мировоззренческих смыслов, которые отражают состояние культуры как среды, в недрах которой постоянно происходит синтез традиционного и зарождающегося нового опыта. Когда общество вступает в фазу перехода к новому состоянию, его активная часть становится той питательной средой, которая определяет направленность изменений и их содержание [24]. Почвой же, где «завязываются» точки роста нового, где обновляются ценности, наполняются новым смыслом, обогащаются или отвергаются, является наша действительность. И постепенно накапливается исследовательский материал, который помогает определить контуры новой стратегии развития [23. С. 411—466]. В этой связи возникает вопрос о предпосылках и механизмах формирования точек роста нового содержания базовых ценностей в ответ на перемены в мире. Что мы принимаем и от чего отказываемся — один из самых актуальных вопросов, поскольку формирование новой системы ценностей — процесс не простой и не быстрый [26]. С ним всегда связано нарастание неустойчивости, ослабление власти и обострение многих социальных проблем.

Роль базовых ценностей в обеспечении устойчивого функционирования социума

Фундаментом общества являются ценности — они объединяют людей, способствуют выработке совпадающих по смыслу и содержанию жизненных целей и идеалов, помогают, поддерживая друг друга, идти к их достижению во имя лучшего будущего. Ценности — это, как правило, одобряемые и разделяемые большинством представления о том, что такое счастье, успех, жизненный комфорт, доброта и справедливость, патриотизм. Проблема ценностей является одной из центральных в социологии. Серьезный вклад в ее разработку внесли Э. Дюркгейм, М. Вебер, Т. Парсонс, Г. Мюнстерберг (автор книги «Философия ценностей»). После возрождения социологии в СССР в середине 1960-х годов первыми включились в исследование ценностных ориентаций В.А. Ядов и А.Г. Здравомыслов [8. С. 16, 17, 22]. В последние десятилетия появились новые нормы, правила и образцы социального поведения, преобразовываются социальные представления, ожидания и идеалы. Новый жизненный опыт личности, изменение его среды обитания, планов и установок приводит к переоценке системы ценностей. Обновление содержания системы ценностей детерминировано меняющейся социально-экономической и духовной реальностью. Очевидно, что, когда преобразуется общество, ценностные ориентации закономерно трансформируются тоже [27—29].

Каждое время содержательно меняет матрицу ценностей, изменяется и механизм их формирования, институты влияния, человек со своими поведенческими предпочтениями и установками, информационная среда обитания. С современной информационной коммуникационной революцией радикально изменился и механизм восприятия и влияния информации [10]. Современные технологии

несут и новые беды: они открыли широкие возможности информационного насилия, манипуляции общественным сознанием [21]. На современном этапе на роль доминирующего претендует сценарий, реализованный в потребительских обществах Запада: он основан на идее роста потребления как условия экономического роста, включая в этот процесс научно-технологические революции, формирующие новые типы технологического уклада [14. С. 369—399].

Человеку дано определять свои ценностные ориентиры, выбирать те или иные нормы поведения в рамках функционирования реального ценностного пространства. Одни привержены ценностям коллективизма, другие — ценностям индивидуализма. Специфический признак существования ценности — значимость, или синоним ценности, если это положительная значимость (значения могут быть и отрицательными). Ценности могут быть самыми разными: объективными, виртуальными, не существующими в природе (мечты, идеалы), фантастическими. В.С. Степин писал: «Сегодня решение проблемы формирования новой матрицы ценностей выступает условием перехода к новым стратегиям цивилизационного развития. Идея устойчивого развития цивилизации и преодоления глобальных кризисов нереализуема без выполнения этой задачи» [25. С. 11].

Система ценностей современного общества содержит множество пересекающихся по содержанию и направленности элементов, каждый из которых поддерживает и дополняет другие. Это обстоятельство дает возможность объединения ценностей в расширенные страты, сформировать группу «базовых ценностей» и осуществлять их регулярное изучение и социологический анализ, в том числе и в мониторинговом режиме. В статье используются результаты социологических исследований, которые проводятся в рамках проекта «Европейские ценности (EVS)» с участием практически всех стран Европы. Головной организацией выступает университет Тилбурга (Нидерланды). Социологи ЦСПИ БГУ принимают участие в исследованиях с 1990 года (директор — Д.Г. Ротман, табл. 1, 8). Анализ данных, полученных в рамках мониторинга (1990—2018) в Республике Беларусь, позволил выявить содержательные особенности процессов формирования, становления и возможного обновления ценностей белорусского общества. Приведенные в таблицах 2—9 данные получены в рамках социологического мониторинга ситуации в информационном поле Беларуси, осуществляемого Центром социологических и политических исследований БГУ.

Анализ приведенных данных осуществлен с учетом того, что 1990 год стал последним годом существования мировой супердержавы — СССР. Идеология и устоявшиеся традиции этой огромной, многонациональной и мультиконфессиональной страны базировались на ряде неизменных установок, в частности, «безусловного приоритета» и «неоспоримости принципов» коммунистического строя и «верховенстве» атеистических взглядов, но стали ощущаться отрицательные последствия перемен. Скорее всего, именно по этим причинам ответы людей в ходе сбора социологической информации по предпочтениям несколько отличались в 2018 году (табл. 1).

Таблица 1

**Базовые ценности населения Беларуси (1990—2018, в %).
Распределение ответов на вопрос «Насколько важно (очень важно, скорее важно, скорее не важно или совсем не важно) в Вашей жизни следующее»**

Базовые ценности	Очень важно	Скорее важно	Скорее не важно	Совсем не важно	Затрудняюсь ответить
Работа 1990	54,8	29,4	13,9	1,9	0
Работа 2018	59,9	28,6	7,2	3,4	0,9
Семья 1990	76,9	19,7	2,9	0,5	0
Семья 2018	89	9,3	0,8	0,5	0,4
Друзья и знакомые 1990	36,5	43,9	18,6	1	0
Друзья и знакомые 2018	40,8	47	10,6	1,3	0,3
Досуг 1990	36,7	38,4	22,6	2,4	0
Досуг 2018	30,3	51,5	15,9	1,9	0,4
Политика 1990	14	23,1	50,1	12,8	0
Политика 2018	10,9	28	39,3	20,6	1,1
Религия 1990	12,3	17,9	44,4	25,4	0
Религия 2018	20,5	34,2	27,5	16,3	1,5

Еще один вывод можно сделать с учетом событий на постсоветском пространстве в последние три десятилетия [15; 18; 19; 20]. Прежде всего, следует отметить факт изменения установок жителей Беларуси, связанных с отношением к распаду СССР (табл. 2—4). Как видно из приведенных данных, установки людей могут изменяться стихийно, но во многих случаях они возвращаются на «стартовые позиции», когда жизненный опыт начинает играть свою роль. И на этот процесс, безусловно, оказывают влияние устоявшиеся базовые ценности, хотя многое в оценках ситуации зависит от меняющейся реальности.

Таблица 2

**Распределение ответов на вопрос «Одобряете ли Вы соглашение лидеров России, Украины и Беларуси от 8 декабря 1991 года о прекращении существования Советского Союза?» (в %)
(опрос 9—10 декабря 1991 года)**

Варианты ответов	Беларусь
Одобряю	69
Не одобряю	10
Затрудняюсь с ответом	21

Таблица 3

**Распределение ответов на вопрос «Одобряете ли Вы соглашение лидеров России, Украины и Беларуси от 8 декабря 1991 года о прекращении существования Советского Союза?» (в %)
(опрос 9—10 декабря 1994 года)**

Варианты ответов	Беларусь
Одобряю	9,2
Не одобряю	65,6
Затрудняюсь с ответом	25,2

Таблица 4

**Распределение ответов на вопрос «Одобряете ли Вы соглашение лидеров России, Украины и Беларуси от 8 декабря 1991 года о прекращении существования Советского Союза?» (в %)
(опрос 9—10 декабря 2006 года)**

Варианты ответов	Беларусь
Одобряю	17,4
Не одобряю	63,4
Затрудняюсь с ответом	19,2

Революции и перевороты, локальные вооруженные конфликты, мировые и гражданские войны, террористические атаки, экономические и политические кризисы — далеко не полный перечень социальных катаклизмов, которые либо пришлось преодолеть в прошлом, либо приходится переживать сегодня народам практически всех стран мира. Сложными, а порой и трагическими событиями отмечен рубеж XX и XXI столетий, когда произошли радикальные изменения в Центральной и Восточной Европе [1. С. 291—306], вызвавшие не только падение коммунистических режимов, но и, как следствие распада СССР, образование 15 независимых государств, 12 из которых вошли в состав Содружества независимых государств (СНГ). Разрушение устоявшихся в большой общей стране многолетних политических, экономических и социальных связей не могло не повлиять на состояние национальных экономик. Уровень жизни людей резко снизился, инфляция и безработица стали привычным и постоянным явлением. Бедность, а зачастую и нищета большинства населения — представителей практически всех социально-демографических групп — стали печальной реальностью [5; 9; 30].

Все это происходило на фоне слабости властей, в условиях политической неразберихи. Таким образом, старт в будущее в 1991—1992 годы для всех стран, образовавшихся на постсоветском пространстве, происходил примерно с одинаковых экономических и политических позиций, но процесс становления новых государств проходит далеко не одинаково. Если для таких стран, как Азербайджан, Беларусь и Казахстан, характерен достаточно мирный, без вооруженных противостояний и конфликтов, поиск путей развития, то Грузия, Украина, Молдова и Кыргызстан стали лидерами по числу случаев смены власти так называемыми «революционными методами».

В чем же причины экстремальных ситуаций в ряде постсоветских государств: можно говорить о чисто политических мотивах борьбы за власть. Например, попытки популистских политиков и поддерживающих их группировок в постсоветских государствах создать все якобы необходимые условия для вступления в Европейский Союз (ЕС), а следовательно, и выполнение ряда требований ЕС, приводили к искусственным и «оперативным» изменениям традиционных для народов этих стран базовых ценностей. При этом нельзя не отметить заинтересованность ЕС в усилении своего влияния на политику постсоветских государств [4]. Одним из инструментов «усиления воздействия» стали базовые ценности, а точнее их искусственное и быстрое (под давлением) изменение в пользу заинтересованной стороны. Упомянутые ранее события в ряде постсоветских государств не только показывают результаты «борьбы за сферы влияния», но и позволяют сделать вывод: «искусственное», под давлением, внедрение ценностей, не свойственных объектам воздействия, приводит к негативным последствиям: противостоянию, революциям, локальным войнам. Кстати, последствия искусственного внедрения несвойственных народам ценностей видны в действиях по смене власти в Ираке, Ливии, Афганистане и Сирии. Результат — возникновение Исламского государства, гражданские войны и т.д. Подобные ситуации возникали и продолжают возникать в ряде государств, образовавшихся после распада СССР.

Возможность реализации базовых ценностей как условие стабильности

Результаты исследований, которые проводятся социологами ЦСПИ БГУ, свидетельствуют, что стабильность в государстве, мир и правопорядок в значительной степени зависят от того, как и в какой мере государство создает условия для реализации базовых ценностей (табл. 5).

Таблица 5

Распределение ответов на вопрос «Как Вы считаете, созданы ли на сегодняшний день в нашей стране условия для реализации базовых ценностей?» (в %)

Базовые ценности	Да, созданы в полной мере	Скорее да, чем нет	Скорее нет, чем да	Нет, не созданы в полной мере	Трудно сказать определенно
Работа	29,9	32,5	22	10	5,6
Семья	33,2	47,6	10,9	4,1	4,2
Друзья и знакомые	30	49,8	7,6	2	10,6
Досуг	26,7	44,4	18,2	5	5,7
Политика	18,6	28,9	18,7	10,5	23,3
Религия	41,7	41,6	6,1	1,1	9,5

Согласно этим данным, с точки зрения жителей, в Республике Беларусь предпринимаются шаги по созданию условий, позволяющих людям успешно реализовывать свои базовые ценности, которые принимаются всем обществом. Вместе с тем в стране имеется значительный резерв в деле создания названных условий. Можно предположить, что наличие широких возможностей для реализации базовых ценностей выступает важнейшим условием стабильного развития общества, что, в свою очередь, способствует устранению причин протестного поведения. Сказанное подтверждают и результаты социологических опросов, которые приведены в таблице 6.

Таблица 6

Распределение ответов на вопрос «Можно ли утверждать, что отсутствие условий для реализации в полной мере важнейших базовых ценностей влияет на формирование поведенческих установок населения?» (в %)

Варианты ответа	Доли
Да, можно утверждать	39,5
Скорее можно	36,3
Скорее нельзя	5,6
Нет, так утверждать нельзя	7
Трудно сказать определенно	11,6

Во-первых, практически две трети населения считают, что отсутствие условий для реализации базовых ценностей могут влиять на поведенческие установки. Во-вторых, характер и содержательная направленность этих установок трудно предсказуема, поэтому следует максимально способствовать созданию условий для реализации базовых ценностей, учитывая при этом особенности национального характера людей. Для толерантных и рассудительных белорусов максимализм в поведенческих установках не является приоритетом, что находит подтверждение в данных, приведенных в таблице 7. Вместе с тем проблемная ситуация может постепенно расширяться и охватывать значительное число людей, способствовать накоплению недовольства и, в конечном итоге, привести к социальному взрыву (рис. 1).

Таблица 7

Распределение ответов на вопрос «Если в ближайшем будущем экономическая ситуация ухудшится, как Вы поступите?» (в %)

Варианты ответа	Доли
Буду терпеливо ждать лучших времен	25,1
Буду самостоятельно искать любой путь улучшения своей жизни	44,3
Примкну к организации, добивающейся смены власти путем выборов	4,6
Примкну к организации, добивающейся смены власти вооруженным путем	0,7
Стану участником экономических забастовок	0,7
Стану участником политических стачек	0,1
Буду участвовать в акциях протеста	3,7
Поступлю как большинство людей	15,7
Не знаю	10,4

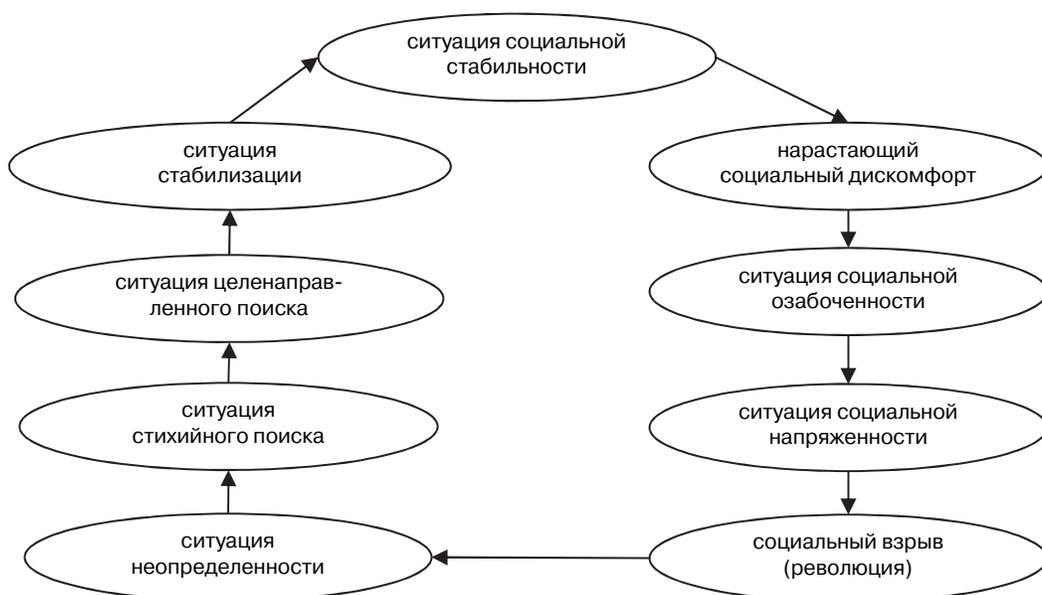

Рис. 1. Изменение ситуации в стране

Представленная на рисунке 1 схема возможного изменения ситуации, безусловно, является гипотетической. Однако отсутствие условий для реализации базовых ценностей в любом государстве не способствует благосостоянию и реализации жизненных планов людей. Поскольку конфликты и противоречия присущи любой социальной структуре, в основе функционирования любых обществ априори заложены факторы латентной конфликтогенности [21. С. 6—31]. Любое общество представляет собой совокупность столкновений интересов и убеждений, вопрос лишь в умении разрешать противоречия и минимизировать потенциальные риски. Чтобы довести конфликт до взрыва и после него стабилизировать ситуацию, требуется серия взаимосвязанных стадий, в каждой из которых есть точка невозврата. Социальный взрыв, вызванный технологиями дестабилизации сформировавшейся модели социальной системы, предполагает несколько вариантов дальнейшего развития (или свертывания) либо вступление в фазу долговременного кризиса. Непосредственный повод для взрыва народного гнева, который придает

социально-политическому конфликту необратимый характер и может обернуться радикальной трансформацией правящих элит и устоявшейся системы социально-экономических отношений, часто на первый взгляд имеет локальный характер.

Периоды объявления и проведения избирательных кампаний, принятия правовых актов, затрагивающих интересы большинства граждан, представляются наиболее опасным временем в плане активизации как внутреннего, так и внешнего давления на постсоветские страны [11; 14; 17]. Темп и характер изменений политической и экономической системы, а также предрасположенность к той или иной модели развития во многом зависит от структурно-экономических, этнокультурных, политических и иных конкретно-исторических черт каждой страны [5. С. 22—40]. Ситуация растущей неудовлетворенности условиями жизни, возможностями реализации базовых ценностей присуща любой стране, и мы говорим о Республике Беларусь [10]. Однако базовые ценности жителей Беларуси практически не отличаются от ценностных предпочтений жителей других стран, о чем свидетельствует сравнительный анализ исследований, осуществляемых в мониторинговом режиме в странах Европы (табл. 8).

Таблица 8

ВОЛНА 2018: Распределение ответов на вопрос «Пожалуйста, ответьте, насколько важно (очень важно, скорее важно, скорее не важно или совсем не важно) в Вашей жизни следующее» (в %)

Базовые ценности	Альтернативы	Беларусь	Россия	Германия	Австрия	Польша
Работа	Очень важно	60,5	52,2	50,5	49,5	59,9
	Скорее важно	28,8	29,6	37,7	37,3	34,4
	Скорее не важно	7,2	9,8	6	9,9	2,7
	Не важно	3,5	8,4	5,8	3,3	3
Семья	Очень важно	89,4	77,4	89,5	83,7	93,6
	Скорее важно	9,3	19,8	8,8	13	5,8
	Скорее не важно	0,8	2,1	1,5	2,9	0,4
	Не важно	0,5	0,7	0,1	0,3	0,2
Друзья и знакомые	Очень важно	41	36,6	56,4	59,5	39,6
	Скорее важно	47,1	49,1	39,2	35,8	55,6
	Скорее не важно	10,6	12,1	4,2	4,3	4,1
	Не важно	1,3	2,2	0,2	0,3	0,7
Досуг	Очень важно	30,4	35,7	40,2	46,8	41,7
	Скорее важно	51,7	47,2	52,9	44	53,2
	Скорее не важно	16	14	6,2	8,2	3,9
	Не важно	1,9	3,2	0,6	1	1,2
Политика	Очень важно	11	10,8	16,1	11,1	8,5
	Скорее важно	28,3	30,6	51,8	39,7	39,1
	Скорее не важно	39,8	37,6	26,3	36,1	31,8
	Не важно	20,8	21	5,8	13,1	20,6
Религия	Очень важно	20,9	16,1	13,2	13,9	38,6
	Скорее важно	34,8	35,2	24,6	30,5	41,8
	Скорее не важно	27,9	31,7	36,3	33	12,9
	Не важно	16,5	17	25,9	22,5	6,7

Воздействие информационного поля на обновление базовых ценностей

Массовые протесты могут быть вызваны только теми проблемами, которые задевают людей лично и препятствуют реализации базовых ценностей, в первую очередь это ценности «семья» и «работа» [11; 16; 17]. От возможностей их реализации зависит жизнь гражданина, а также его детей, родных, близких, друзей [2]. Жизненные трудности подталкивают людей к анализу проблемной ситуации и поиску выхода из нее. Как правило, поиск виноватых заканчивается выводом, что виноваты во всем властные структуры и органы управления. Причем выводы, побуждающие к определенным действиям, могут строиться на информации, полученной из «провоцирующих источников». «Успех воздействия» зависит от того, какой источник информации («провоцирующий» или «объективно разъясняющий») более доступен для понимания, более эффективен, в большей степени совпадает с реальностью. В случае «победы» провоцирующих источников объектом, на который направлены протестные действия, становится «власть»: точно по В.И. Ленину возникает революционная ситуация [12. С. 218].

Анализ результатов многолетних (с 1989 года) мониторинговых исследований ЦСПИ БГУ показывает, что невозможны агрессивные протестные действия в стране, где экономическая ситуация хотя бы незначительно меняется в лучшую сторону [7. С. 78—87]. Очевидно, что недостаток информации о причинах проблемной ситуации, признание допущенных ошибок и недочетов, оперативная работа (часто совместная) по устранению причин и наказание виновных могут свести на нет протестные действия или минимизировать их последствия. Причем излишние упоминания главенства принципа стабильности не всегда эффективны: «застывшая стабильность» может перерасти в явление, которое называется «стагнацией», а она, в свою очередь, может привести к развалу экономики, ухудшению условий жизни и активным протестным действиям.

На обновление базовых ценностей большое влияние оказывают традиционные СМИ, а в последнее время и Интернет. СМИ в виде новых информационно-коммуникационных технологий активно меняют стандарты восприятия реальной политики, поведение и реакции на перемены. Поэтому в ходе «гибридных войн» чаще всего используются «информационные атаки». Их преимущества связаны как с возможностью скрытых поставок «объекту воздействия» ложной деструктивной информации, так и вызова ответной реакции на провокационный «вброс». Инструментом таких атак выступают массовые социальные медиа. Приведенные в таблице 9 данные говорят о росте влияния современных источников информации — Интернета и социальных медиа, которые по популярности уверенно обошли радио и печатные издания и практически сравнялись с телевидением.

Информационное воздействие представляет собой форму влияния на сознание личности с применением ресурса СМИ в целях изменения оценок, мнений, убеждений, ценностей, жизненных стратегий, национальной и культурной идентичностей — для последующего изменения поведенческой реакции на события. Позитивное информационное воздействие характеризуется положительным влиянием на личностные установки и ценностные ориентации.

**Источники получения населением информации о событиях
в основных сферах жизнедеятельности общества (в %)**

Сферы жизнедеятельности общества	Варианты ответов	Год					
		1995	2000	2005	2010	2015	2018
Политика	Нет ответа	0,03	0	0,6	0,8	0,9	0,1
	Из газет	67,2	51,5	47,6	39,6	19,6	26,1
	Из передач радио	24,3	17,1	14,9	11,7	7,7	10,8
	Из передач телевидения	88,6	83,1	85,3	80,6	69,9	69,1
	Из сети Интернет	0	0,3	2,7	20,1	44,6	53,7
	Из социальных медиа	0	0	3,8	3,9	4,8	16,6
Экономика	Нет ответа	0	1,1	0,5	1,8	1,1	1,1
	Из газет	65,9	53,7	44,1	34,1	19	24,3
	Из передач радио	28	16,7	12,2	10,8	7,6	9,5
	Из телепередач	92,1	86,8	83,4	74,6	65,4	66,4
	Из сети Интернет	0,06	0,3	2,8	19,6	43,9	51,6
	Из социальных медиа	0	0	4,2	6,1	8,1	16,2
Культура	Нет ответа	0	0,1	0,4	0,5	1	1,1
	Из газет	62,3	60,3	39,5	28,1	17,6	25,6
	Из передач радио	26,1	17	16,5	17,1	10,8	13,6
	Из телепередач	96,3	81,3	82,6	78,9	66,6	65,8
	Из сети Интернет	0	0,1	4	21,5	44,9	51,5
	Из социальных медиа	0	0	4,2	4,4	5,2	10,6

Пример позитивного информационного воздействия — патриотическое воспитание или просвещение, направленные на предотвращение национальных, религиозных и социальных конфликтов. Негативным информационным воздействием является заведомо ложная и провокационная информация — влияние на сознание личности с целью изменения ее мировоззрения и последующего управления ее поведенческой реакцией. Ресурсы и технические возможности Интернета и социальных сетей позволяют осуществлять передачу информационного контента, влияющего на взгляды, оценки и суждения как в негативном, так и в позитивном плане. Например, ресурсы СМИ и социальных медиа активно используются противоборствующими сторонами в политическом конфликте. Как правило, начальной фазой информационного противостояния выступает увеличение материалов и иных форм информационной активности (нагнетание обстановки) для привлечения внимания к противоречию или проблемной ситуации. Следующим этапом выступает «завоевание аудитории» либо консолидация потребителей информационного продукта вокруг противоречия. Третий этап заключается в массивной информационной обработке аудитории, насыщении информационного пространства материалами и сведениями, позволяющими привлечь часть аудитории на свою сторону. Заключительным этапом является управляемая итоговая реакция аудитории.

Библиографический список

- [1] Антонович И.И., Данилов А.Н. Геополитика в эпоху нестабильности. Минск, 2018.
- [2] Бульинко А.М., Воднева А.К. и др. Молодежь суверенной Беларуси: штрихи к портрету. Минск, 2012.
- [3] Водопьянов П.А., Крисаченко В.С. Стратегия бытия человечества: от апокалиптики к ноо-сферному веку. Минск, 2018.
- [4] Восточное партнерство: проблемы и перспективы / под ред. Е. Коростелевой. Минск, 2011.
- [5] Данилов А.Н. Переходное общество: проблемы системной трансформации. Минск, 1997.
- [6] Данилов А.Н. Социология власти: теория и практика глобализма. Минск, 2001.
- [7] Данилов А.Н., Ротман Д.Г. Приоритет мягкой силы в дестабилизации современного социума (на примере Республики Беларусь) // Социологические исследования. 2019. № 2.
- [8] Журавлева Н.А. Динамика ценностных ориентаций личности в российском обществе. М., 2006.
- [9] Здоровье населения и социальные перемены в постсоветских государствах / под ред. П. Бригадина, М. Мак-Ки, Д. Ротмана и др. Минск, 2013.
- [10] Кастельс М. Власть коммуникации. М., 2016.
- [11] Карлюкевич А.Н., Ротман Д.Г. и др. Современное информационное поле: особенности функционирования и новые подходы к социологическому исследованию СМИ. Минск, 2019.
- [12] Ленин В.И. Крах II Интернационала. М.: ПСС. Изд. 5. Т. 26.
- [13] Нарбут Н.П., Троцук И.В. Социальное самочувствие молодежи постсоциалистических стран (на примере России, Казахстана и Чехии): сравнительный анализ ценностных ориентаций (Часть 1) // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2018. Т. 18. № 1.
- [14] Образ жизни и здоровье населения новых независимых государств / под ред. Х. Херпфера, Д. Ротмана, С. Туманова. Минск, 2003.
- [15] Особенности становления и развития белорусского государства: социологический анализ / под общ. ред. А.Н. Данилова, Д.Г. Ротмана. Минск, 2018.
- [16] Посталовский А.В., Ротман Д.Г. Оперативные социологические исследования в работе редакций региональных печатных СМИ. Минск, 2019.
- [17] Правдивец В.В., Ротман Д.Г., Русакевич В.В. Информационное поле Республики Беларусь. Структура и подходы к изучению. Формирование и развитие. Минск, 2009.
- [18] Ротман Д.Г., Данилов А.Н. и др. Актуальные проблемы современного белорусского общества: социологический аспект. Минск, 2005.
- [19] Ротман Д.Г., Данилов А.Н. и др. Актуальные проблемы современного белорусского общества (2005—2010). Минск, 2011.
- [20] Ротман Д.Г., Данилов А.Н. и др. Актуальные проблемы современного белорусского общества (2011—2016): социологический аспект. Минск, 2016.
- [21] Ротман Д.Г. Избранное. Минск, 2014.
- [22] Современное белорусское общество: социологическое прочтение. Минск, 2018.
- [23] Степин В.С. Человек. Деятельность. Культура. СПб., 2018.
- [24] Стёпин В.С. Проблемы прогнозирования сложных развивающихся социальных систем // Журнал БГУ. Социология. 2018. № 3.
- [25] Степин В.С. Цивилизация в эпоху перемен: поиск новых стратегий развития // Журнал БГУ. Социология. 2017. № 3.
- [26] Харари Ю.Н. Homo Deus. Краткая история будущего. М., 2019.
- [27] Ценностный мир современного человека: Беларусь в проекте «Исследование европейских ценностей». Минск, 2009.
- [28] Ценностный мир современного человека: Беларусь и ее соседи в международных проектах по изучению ценностей. Минск, 2013.

- [29] Ценностный мир современного человека: страны Восточного партнерства, Европейский союз и Россия в международных проектах по изучению ценностей. Минск, 2016.
- [30] *Шавель С.А.* Перспективы развития социума. Минск, 2015.
- [31] *Щеткина М.А., Данилов А.Н.* Реализация целей устойчивого развития в Беларуси: повестка дня до 2030 г. // Журнал БГУ. Социология. 2019. № 1.

DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-4-678-691

Features of the basic values transformation in the changing reality (on the example of the Republic of Belarus)*

A.N. Danilov¹, D.G. Rotman²

¹Belarusian State University

Kalvarijskaja St., 9, Minsk, 220004, Republic of Belarus

²Center for Sociological and Political Studies of the Belarusian State University

Akademicheskaya St., 25, Minsk, 220072, Republic of Belarus

(e-mail: a.danilov@tut.by; dgrotman@rambler.ru)

Abstract. The article presents the data of two research projects — European Values Study (EVS) and sociological monitoring of the information field of the Republic of Belarus conducted by the Centre for Sociological and Political Studies of the Belarusian State University. The authors make the following conclusions: the basic values of the Belarusians are quite similar to the values of other European countries; the values of the Belarussians have developed for centuries under the influence of the key events in the European history; the values of society change slowly and can be transformed only in the life cycle of at least two generations; changes in the basic values are impossible under any external or internal pressure. Any attempts to quickly change value preferences of the people under pressure usually lead to the accumulation of negative moods and finally to social upheavals. Contemporary technologies open wide opportunities for informational violence and manipulation of public consciousness. The informational impact of the traditional media and the Internet (including social media) became one of the main factors affecting the structure and content of individual value orientations. The media create the sustainable intellectual background that determines the individual perception and subsequent behavioral response to events in the country and the world. The changing everyday reality forms a new value matrix, and the media become the key technological player due to the new information-communication possibilities.

Key words: values; basic values; sustainable development; informational influence; changing reality; World Values Study; Republic of Belarus

References

- [1] Antonovich I.I., Danilov A.N. *Geopolitika v epokhu nestabilnosti* [Geopolitics in the Era of Instability]. Minsk; 2018 (In Russ.).
- [2] Bulynko A.M., Vodneva A.K. et al. *Molodezh suverennoy Belarusi: shtrikhi k portretu* [Youth of the Sovereign Belarus: Details of the Portrait]. Minsk; 2012 (In Russ.).
- [3] Vodopyanov P.A., Krisachenko V.S. *Strategiya bytiya chelovechestva: ot apokaliptiki k noosfernomu veku* [Strategy of Human Existence: From Apocalyptic to Noospheric Age]. Minsk; 2018 (In Russ.).

* © A.N. Danilov, D.G. Rotman, 2019.

The article was submitted on 17.07.2019. The article was accepted on 03.09.2019.

- [4] *Vostochnoe partnerstvo: problemy i perspektivy* [Eastern Partnership: Challenges and Prospects]. Pod red. E. Korostelevoy. Minsk; 2011 (In Russ.).
- [5] Danilov A.N. *Perekhodnoe obshchestvo: problemy sistemnoy transformatsii* [Society in Transition: Challenges of Systemic Transformation]. Minsk; 1997 (In Russ.).
- [6] Danilov A.N. *Sotsiologiya vlasti: teoriya i praktika globalizma* [Sociology of Power: Theory and Practice of Globalism]. Minsk; 2001 (In Russ.).
- [7] Danilov A.N., Rotman D.G. *Prioritet myagkoy sily v destabilizatsii sovremennogo sotsiuma (na primere Respubliki Belarus)* [Soft power priority in destabilization of contemporary society (on the example of the Republic of Belarus)]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2019; 2 (In Russ.).
- [8] Zhuravleva N.A. *Dinamika tsennostnykh oriyentatsiy lichnosti v rossiyskom obshchestve* [Dynamics of Personal Value Orientations in Russian Society]. Moscow; 2006 (In Russ.).
- [9] *Zdorovie naseleniya i sotsialnye peremeny v postsovetskikh gosudarstvakh* [Public Health and Social Changes in Post-Soviet States]. Pod red. P. Brigadina, M. McKee, D. Rotmana et al. Minsk; 2013 (In Russ.).
- [10] Castells M. *Vlast kommunikatsii* [Communication Power]. Moscow; 2016 (In Russ.).
- [11] Karlyukevich A.N., Rotman D.G. et al. *Sovremennoe informatsionnoe pole: osobennosti funktsionirovaniya i novye podkhody k sotsiologicheskomu issledovaniyu SMI* [Contemporary Information Field: Features of Functioning and New Approaches to the Sociological Study of the Media]. Minsk; 2019 (In Russ.).
- [12] Lenin V.I. *Krakh II Internatsionala* [The Collapse of the Second International]. Moscow; 5th ed. Vol. 26 (In Russ.).
- [13] Narbut N.P., Trotsuk I.V. *Sotsialnoe samochuvstvie molodezhi postsotsialisticheskikh stran (na primere Rossii, Kazakhstana i Chekhii): sravnitelny analiz tsennostnykh oriyentatsiy (Chast 1)* [The social well-being of the post-socialist countries' youth (on the example of Russia, Kazakhstan and Czech Republic): Comparative analysis of value orientations (Part 1)]. *RUDN Journal of Sociology*. 2018; 18 (1) (In Russ.).
- [14] *Obraz zhizni i zdorovie naseleniya novykh nezavisimykh gosudarstv* [Lifestyle and Health of the Population of the New Independent Countries]. Pod red. C. Haerpfera, D. Rotmana, S. Tumanova. Minsk; 2003 (In Russ.).
- [15] *Osobennosti stanovleniya i razvitiya belorusskogo gosudarstva: sotsiologichesky analiz* [Features of the Belarusian State Development: A Sociological Analysis]. Pod obshch. red. A.N. Danilova, D.G. Rotmana. Minsk; 2018 (In Russ.).
- [16] Postalovsky A.V., Rotman D.G. *Operativnye sotsiologicheskie issledovaniya v rabote redaktsiy regionalnykh pechatnykh SMI* [Express Sociological Research in the Work of the Editorial Boards of Regional Print Media]. Minsk; 2019 (In Russ.).
- [17] Pravdivets V.V., Rotman D.G., Rusakevich V.V. *Informatsionnoe pole Respubliki Belarus. Struktura i podkhody k izucheniyu. Formirovanie i razvitie* [Information Field of the Republic of Belarus. Structure and Approaches to the Study. Formation and Development]. Minsk; 2009 (In Russ.).
- [18] Rotman D.G., Danilov A.N. et al. *Aktualnye problemy sovremennogo belorusskogo obshchestva: sotsiologichesky aspekt* [Actual Problems of the Contemporary Belarusian Society: A Sociological Aspect]. Minsk; 2005 (In Russ.).
- [19] Rotman D.G., Danilov A.N. et al. *Aktualnye problemy sovremennogo belorusskogo obshchestva (2005—2010)* [Actual Problems of the Contemporary Belarusian Society (2005—2010)]. Minsk; 2011 (In Russ.).
- [20] Rotman D.G., Danilov A.N. et al. *Aktualnye problemy sovremennogo belorusskogo obshchestva (2011—2016): sotsiologichesky aspekt* [Actual Problems of the Contemporary Belarusian Society (2011—2016): A Sociological Aspect]. Minsk; 2016 (In Russ.).
- [21] Rotman D.G. *Izbrannoe* [Selected Works]. Minsk; 2014 (In Russ.).
- [22] *Sovremennoe belorusskoe obshchestvo: sotsiologicheskoe prochtenie* [Contemporart Belarusian Society: A Sociological Interpretation]. Minsk; 2018 (In Russ.).

- [23] Stepin V.S. *Chelovek. Deyatelnost. Kultura* [Person. Activity. Culture]. Saint Petersburg; 2018 (In Russ.).
- [24] Stepin V.S. Problemy prognozirovaniya slozhnykh razvivayushchikhsya sotsialnykh sistem [Challenges of forecasting the complex social systems development]. *Zhurnal BGU. Sotsiologiya*. 2018; 3 (In Russ.).
- [25] Stepin V.S. Tsivilizatsiya v epokhu peremen: poisk novykh strategiy razvitiya [Civilization in the era of changes: A search for new development strategies]. *Zhurnal BGU. Sotsiologiya*. 2017; 3 (In Russ.).
- [26] Harari Yu.N. *Homo Deus. Kratkaya istoriya budushchego* [Homo Deus. A Brief History of Tomorrow]. Moscow; 2019 (In Russ.).
- [27] *Tsennostny mir sovremennogo cheloveka: Belarus v proekte "Issledovanie evropeyskikh tsennostey"* [Value World of Contemporary Man: Belarus in the Project European Values Study]. Minsk; 2009 (In Russ.).
- [28] *Tsennostny mir sovremennogo cheloveka: Belarus i ee sosedi v mezhdunarodnykh proektakh po izucheniyu tsennostey* [Value World of Contemporary Man: Belarus and its Neighbors in International Projects of Values Study]. Minsk; 2013 (In Russ.).
- [29] *Tsennostny mir sovremennogo cheloveka: strany Vostochnogo partnerstva, Evropeysky soyuz i Rossiya v mezhdunarodnykh proektakh po izucheniyu tsennostey* [Value World of Contemporary Man: Eastern Partnership, European Union and Russia in International Projects of Values Study]. Minsk; 2016 (In Russ.).
- [30] Shavel S.A. *Perspektivy razvitiya sotsiuma* [Prospects for the Development of Society]. Minsk; 2015 (In Russ.).
- [31] Shchetkina M.A., Danilov A.N. Realizatsiya tseley ustoychivogo razvitiya v Belarusi: povestka dnya do 2030 g. [Implementation of the sustainable development goals in Belarus: An agenda until 2030]. *Zhurnal BGU. Sotsiologiya*. 2019; 1 (In Russ.).

DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-4-692-706

Проблема формирования социальной парадигмы экоцентризма: опыт философского осмысления социологического исследования в вузе*

М.Л. Ивлева¹, В.Ю. Ивлев², С.Н. Курилов³

¹Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

²Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана
2-я Бауманская ул., 5/1, Москва, Россия, 105005

³Московский энергетический институт
ул. Красноказарменная, 14, Москва, Россия, 111250

(e-mail: ivleva-ml@rudn.ru; vitalijivlev@yandex.ru;
kurilov85@mail.ru)

В статье рассматриваются особенности отношения молодежи к экологической проблематике и экологическому кризису, ситуация в экологической науке — характерные ее черты на современном этапе развития, и обосновывается актуальность теоретических и практических разработок, посвященных развитию экологического сознания и воспитанию экологической культуры. Приведены две альтернативные точки зрения на экологические проблемы: алармистские и оптимистические стереотипы. Сегодня в связи с качественным и количественным ростом информации меняется отношение к экологическим проблемам — оно становится более рациональным и взвешенным. В то же время задача отслеживать ценностные трансформации в общественном сознании в отношении к экологии продолжает быть актуальной. В статье представлены результаты собственного социологического исследования, проведенного среди студентов, обучающихся по программам бакалавриата на инженерных и гуманитарных направлениях. Исследование было направлено на изучение экологических взглядов российской молодежи и проведено в 2019 году в четырех вузах Москвы: Московский энергетический институт, Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана, Российский университет дружбы народов и Московский государственный лингвистический университет. Результаты опроса свидетельствуют, что традиционное экологическое образование, основанное на механическом увеличении удельного веса знаний об охране природы, не приводит к изменению экологических ценностей и поведения человека в природе. В статье обосновывается необходимость внедрения в современную экологию и неформальное (информальное) экологическое образование новой социальной парадигмы экоцентризма, соответствующей идее гармонизации отношений человека и природы и взвешенного, «спокойного» отношения общества к экологическому кризису. Также показана связь психоэкологии с экологическими проблемами в общественном сознании и возможности данной концепции как морально-этической основы социальной парадигмы экоцентризма.

Ключевые слова: социальная парадигма экоцентризма; психоэкология; экологическая этика; социальная экология; экологическая ответственность; экологические ценности; экологический кризис; экологический алармизм; экологический оптимизм

* © Ивлева М.Л., Ивлев В.Ю., Курилов С.Н., 2019.

Статья поступила 05.05.2019 г. Статья принята к публикации 28.06.2019 г.

В современной экологической науке, если рассматривать ее в широком дисциплинарном смысле, сложилась следующая ситуация: во-первых, большое разнообразие методологических и философских направлений и подходов, которое формирует поле актуальных экологических исследований. Фундаментальным и классическим подходом, ставшим сегодня методологической парадигмой теоретических и прикладных исследований, является учение В.И. Вернадского о ноосфере [1; 13]. Традиция ее выделения из биосферы восходит к работам по эволюционизму Т. де Шардена [14]. «Несмотря на разнообразие подходов к определению и изучению экологического сознания, их объединяет общность методологической позиции, которая лежит в основе разных исследований экологического сознания и реализует основные позиции гносеологической (субъект-объектной) парадигмы взаимодействия человека с миром природы. Методологической предпосылкой такого подхода к проблеме сознания выступает отношение „субъект — объект“, трансформированное в психологии в отношение „субъект сознания — объект сознания“. Принципиальной особенностью данного отношения как исходной предпосылки построенных на нем подходов к изучению сознания является изначальная заданность его компонентов и противопоставление их друг другу в субъект-объектной логике рассуждений» [10. С. 60].

Во-вторых, основополагающим вектором современных экологических исследований следует признать поиск ответов на вопрос о месте и роли экологии в науке и культуре. Наконец, саму экологию в архитектонике современной науки можно рассматривать как транснауку, которая базируется на биологических, химических, технических, социально-гуманитарных и других междисциплинарных науках о Земле, дает возможность выйти за пределы одной дисциплинарной направленности и расширяет эмпирическую базу и возможности ее осмысления. Идея междисциплинарной специфики экологии берет свое начало в работах классиков эпохи становления экологии как науки — А. фон Гумбольдта, К. Рулье и Э. Геккеля, который сформулировал понятие «экология», и Ю. Либиха — основоположника факториальной экологии [8]. В подобной ситуации актуальной становится идея интеграции в рамках философии разнообразных экологических направлений и подходов и разработки такой матрицы, которая создала бы возможность, с одной стороны, целостно представить экологическую картину мира, а, с другой — обозначить те проблемы, которые требуют неотложного разрешения.

Об экологических проблемах написано необозримое в научном смысле количество работ [4; 12; 25]. На рубеже столетий экология и экологические проблемы стали чрезвычайно актуальными как в теоретическом, так и в практическом отношениях, вызывают озабоченность всего мирового сообщества. Грядущий экологический кризис прогнозировался, начиная с деятельности Римского клуба, созданного итальянским промышленником А. Печчеи [11]. И в течение полувекового периода разработок экологических проблем в общественном сознании сформировалось множество представлений о будущем кризисе. В целом общественные настроения можно представить в виде двух альтернативных точек зрения: оптимистической, в которой отрицаются любые алармистские идеи, и пессимистической — доходящей до эсхатологических настроений. Однако, начиная с периода

массового использования Интернета, экологическая информация стала множиться, и в общественном сознании привычным стало существование различных, порой противоположных точек зрения на актуальные экологические проблемы. Яркий пример — бурные дискуссии по поводу глобального потепления, относительно которого существуют прямо противоположные воззрения.

Сегодня, когда немного поутихли горячие споры, пришло время взвешенного анализа экологической ситуации и экологических проблем и отказа от радикальных идей и практик. Взвешенный анализ должен состоять не только из экологического мониторинга, но и социокультурных исследований, в ходе которых возможно зафиксировать трансформации в общественном сознании в отношении к экологии. В статье обосновывается необходимость внедрения в современную экологию как междисциплинарную область знания и содержательную основу преподаваемых в вузах дисциплин экологической направленности экоцентризма — как синтеза социально-гуманитарных, или ценностных, исследований и естественнонаучных разработок. В парадигме экоцентризма основополагающим вектором научного поиска становится этический компонент, в котором реализуется гуманистический подход и взвешенное рациональное отношение к экологическому кризису. Экоцентризм исходит из следующих предпосылок: опора на культурные традиции и нормы, которые способствуют гармоничному существованию разнообразных форм жизни на Земле; реализация оптимальных форм жизнедеятельности, увеличивающих жизнеспособность как сообщества, так и каждой личности; не декларативное, а реальное функционирование гуманистических принципов в системе «человек—общество—природа»; понимание научно-образовательным сообществом экологии как междисциплинарной области, складывающейся из различных дисциплинарно-методологических подходов [7; 9; 20].

Социальная парадигма экоцентризма представляет собой философско-методологическую концепцию, включающую в себя как гуманистические ценности ответственного отношения к природе, так и научные методы исследований экологических проблем, в первую очередь, социологический мониторинг. Термин «социальная парадигма экоцентризма» подчеркивает единство социального и биологического знания и подходов, синтез социальной и естественнонаучной (инженерной) экологии. Решение проблем экологии зависит не только от собственно научных исследований, но и от того, как эти проблемы осознаются на уровне социума и культуры, формирующей отношение к приоритетам в этой области знаний. Первым шагом к внедрению парадигмы экоцентризма может служить исследование отношения молодежи к экологическим проблемам: чтобы человек научился ответственно относиться к природе и понимать значимость экологических проблем, необходимо «прозондировать» настрой молодежи в отношении перспектив развития экологии как науки, выделить и описать имеющиеся стереотипы и проанализировать их роль в общественном сознании. Сегодня много написано о необходимости внедрения этических принципов и ценностей в экологическое знание, но пока это утверждение носит скорее декларативный характер [15].

В школах и вузах преподаются курсы по экологии, хотя на уровне высшего профессионального образования экология не входит в федеральный компонент

общеобязательных дисциплин. В технических вузах обычно читается курс инженерной экологии, в котором практически не уделяется место ценностным, этическим проблемам. На многих направлениях гуманитарной подготовки в сетке расписания присутствует предмет «Концепции современного естествознания», в рамках которого преподаватели рассказывают о философских основаниях естественнонаучных теорий. Мы предположили, что в преподаваемых в вузах гуманитарного и технического профиля дисциплинах экологического характера должны присутствовать различия. Не менее важной задачей было обнаружить факторы, способствующие или препятствующие гармонизации отношения молодежи к природе. В 2019 году был проведен социологический опрос студентов четырех московских вузов (N = 400). Гипотезой нашего исследования выступило предположение, что отношение к экологическим проблемам отличается в зависимости от направления подготовки студентов и специфики получаемого образования. Были опрошены студенты четырех вузов по принципу: два технических вуза (МГТУ им. Н.Э. Баумана — факультеты радиоэлектроники и лазерной техники и специального машиностроения, МЭИ — институт тепловой и атомной энергетики, радиотехнический факультет) и два гуманитарных вуза (РУДН — факультет гуманитарных и социальных наук, МГЛИ — факультет немецкого языка). В МГТУ им. Баумана было опрошено 87 студентов, в МЭИ — 100, в РУДН — 112, в МГЛУ — 101. В опросе приняли участие студенты первого, второго и третьего курсов, возраст которых составляет 18—20 лет.

В анкете присутствовали вопросы как философско-мировоззренческого характера, так и о конкретных ситуациях и значимости экологической сферы. В анкету был также включен вопрос об ощущении экологической катастрофы (табл. 1) с 7-балльной шкалой оценок. Тот факт, что чуть более четверти опрошенных поставили 5 баллов — переходный показатель от средних к высоким оценкам, можно объяснить озабоченностью и негативным настроением по отношению к ситуации в окружающей среде. Одновременно превалирование средних показателей свидетельствует о разумном отношении к этому вопросу.

Таблица 1

Считаете ли Вы, что мир на грани экологической катастрофы? (оцените в баллах от 1—7)	%
1 балл	2,8
2 балла	6,6
3 балла	13
4 балла	21,2
5 баллов	26,9
6 баллов	14,8
7 баллов	9,5

В вопросах, касающихся экологического кризиса, разобраться непрофессионалу проблематично в силу ограниченности знаний и разнообразия точек зрения на экологические проблемы. В анкете мы пытались структурировать обществен-

ные настроения по экологическим темам, поэтому использовали вопрос о преувеличении негативного влияния технического прогресса на окружающую среду. Со времен античной культуры в философии функционирует принцип меры, который может быть назван одним из важнейших компонентов научной рациональности. Радикальные идеи, в виде которых нам преподносятся ответы на глобальные экологические вопросы, обычно однобоки и эмоциональны. При более взвешенном анализе мы видим всю сложную палитру фактов, которые выстраиваются в единое рациональное здание. Из результатов опроса можно сделать вывод о понимании как отрицательного, так и положительного влияния научно-технической революции на природу, т.е. количество потребляемой информации переросло в новое качество экологического сознания. 32% ответивших против 10,5% считают, что преувеличения отрицательного воздействия технического прогресса на природу нет, что подтверждает высокую степень экологической осознанности молодежи (но 56,3% отмечают, что иногда такое преувеличение присутствует).

В художественной литературе и искусстве XX столетия одной из самых популярных стала тема экологических катастроф или ситуаций, которые способны вызвать разрушительные процессы такой силы, что они станут необратимыми для окружающей среды. Техногенные катастрофы, такие как взрывы на АЭС, взрывы атомных бомб, применение оружия массового поражения, повлекли за собой последствия широкого спектра: от распространения заболеваний (например, онкологических) до уничтожения природных систем и угроз потери биологического разнообразия [24]. И в начале XXI века не утихают споры о степени влияния этих катастроф на окружающую среду и сознание людей [22]. В опросе респондентам было предложено оценить по 7-балльной шкале степень их интереса к экологическим катастрофам, и четверть ответивших (табл. 3) выставили 5-балльную оценку. Несмотря на разброс оценок, наблюдается тенденция к превалированию средних и высоких оценок: от 4 до 7.

Таблица 2

Интересуют ли Вас экологические катастрофы, происходящие на планете? (оцените в баллах от 1–7)	%
1 балл	2,3
2 балла	6,6
3 балла	11
4 балла	22
5 баллов	25,1
6 баллов	15,1
7 баллов	14,6

Если переходить от общих мировоззренческих вопросов к конкретным, то необходимо задать вопрос о факторах, губительно влияющих на экологическую ситуацию в общепланетарном масштабе. Он может показаться абстрактным, но респонденты упоминают экологические проблемы, которые характерны для их района или города. И если представить, что можно суммировать эти данные в раз-

ных странах, то получится вполне достоверная картина приоритетных проблем — так от конкретики можно вернуться на уровень глобальных концептуальных положений. В таблице 3 мы видим, что студенты отдают предпочтение конкретным проблемам: например, бытовые отходы мы видим в каждом городском дворе, а количество стихийных свалок невозможно точно подсчитать.

Таблица 3

Какие факторы, на Ваш взгляд, усугубляют экологическую ситуацию на Земле?	%
Загрязнение почвы бытовыми отходами	79,2
Вырубка леса	75,6
Кризис ресурсов пресной воды и широкое использование вредных веществ, токсичных металлов	67,4
Интенсивное использование природных ресурсов	52,3
Использование автомобильного транспорта	44,6
Перенаселение планеты	40,5
Изменение климата на Земле	30,8
Появление новых опасных болезней — пандемии	17,4
Сокращение биологического разнообразия	15,6
Таких факторов нет	0,8

Сегодня в развитых странах активно осуществляется внедрение экологических технологий в производство и быт [16]. На государственном уровне введены меры организационного, административного, законодательного характера, с помощью которых решаются конкретные экологические задачи [19]. Вместе с тем в ряде стран мира, к числу которых относится и Россия, результативность природоохранной деятельности неадекватна остроте кризисной обстановки. Ключевая причина видится нам в недостаточной изученности экологических проблем и состояния окружающей среды. Также среди причин можно назвать недостаточность финансирования экологических проектов и отсутствие сформированной экологической культуры. Согласно таблице 4, подавляющее большинство респондентов дали низкие оценки экологическим мероприятиям в России — 1—2 балла, а высокие оценки (6—7 баллов) вообще отсутствовали, что является тревожным сигналом и стимулом не столько к пересмотру конкретных технологий, сколько к переосмыслению экологической концепции в современном обществе.

Таблица 4

Насколько эффективны известные Вам мероприятия по улучшению экологической ситуации в нашей стране? (оцените в баллах от 1—7)	%
1 балл	50,9
2 балла	28,1
3 балла	5,9
4 балла	3,6
5 баллов	9

Ситуация кризиса требует не столько реализации конкретных мер, которые часто воспринимаются и являются в реальности паллиативными, сколько смены приоритетов. Общество потребления в целом рассматривает природу как нескончаемый резервуар для наших потребностей, поэтому корень экологических проблем скрывается в социальных, экономических, политических и культурных «ризوماх». Сама модель цивилизации требует пересмотреть потребительский характер отношения к биосфере, поставить под этический контроль деятельность людей в сфере инновационных технологий [23]. Несмотря на низкие баллы мероприятиям по улучшению экологической ситуации в стране в целом, мы предложили вопрос о конкретных мерах, которые отчасти уже внедрены или внедряются в нашей стране. Из таблицы 5 можно сделать вывод, что респондентов больше всего волнуют проблемы, связанные с уборкой мусора и внедрением экологических технологий в сфере производства.

Таблица 5

Как Вы считаете, какие практические решения нужно внедрить для решения экологических проблем?	%
Разделять мусор и сдавать его в пункты приема	72,8
Необходимо устанавливать современные очистные сооружения, внедрять экологические инновации на производстве	64,5
Перевести автотранспорт на электричество	48,8
Своевременно вывозить мусор из города	36,8
Организовать зеленые зоны для населения (парки, сады, скверы)	32,1
Не забывать выключать свет	31,1
Использовать многоразовые пакеты и посуду вместо одноразовых	28,8
Использовать велосипед вместо автомобиля	21,3
Использовать для освещения не обычные лампочки, а люминесцентные энергосберегающие или LED-лампочки	18,3
Ложась спать, выключать компьютер, что позволит сэкономить более 1000 киловатт электроэнергии за месяц	15,2
Возобновить субботники	12,3
Использовать для ребенка экологически чистые пеленки, а не подгузники	9,8
Не есть мясо хотя бы один раз в неделю. Это небольшое самоограничение значительно поможет миру и улучшит состояние здоровья	8,5
Я думаю, что уже ничего не поможет	3,9

«Доминирующие в современном обществе экологические ценности и отношения можно определить термином „антропоцентрическое мировоззрение“, или „антропоцентрическая парадигма“. Мировоззрение лежит в основе восприятия, понимания и интерпретации окружающего мира, представляя собой тот умственный образ окружающей реальности, который проектирует и формирует желаемое (или ожидаемое) состояние природной среды» [5]. С психологической точки зрения мировоззрение — это образ-цель, направляющий конкретные практические действия и деятельность личности в окружающей среде. Экологические проблемы порождают проблемы искаженного сознания и непонимания важности гармонии с природой. И, наоборот, изъяны сознания, отсутствие эколого-этических принципов отражаются на состоянии биосферы, угрожая ее существованию. Потребительское отношение к природе складывается в основном из двух объективных

факторов: высокого уровня материальных благ и ускоряющейся научно-технической революции. В индустриальном и информационном обществе нивелировалось эстетическое преклонение перед природой, поэтому зачастую мы наблюдаем безнравственное, обесцененное отношение к ней [17]. 78% опрошенных ответили, что наблюдали факты сознательного вреда, причиняемого природе, не наблюдали таковые лишь 6% (15% затруднились ответить на соответствующий вопрос анкеты).

Вместе с тем, несмотря на господство в общественном сознании эгоистической потребительской парадигмы, новые социально-экологические идеи «укладываются» в сознание и начинают функционировать в обществе. Осознание того, что природа — наш общий дом, а не только источник удовлетворения материальных потребностей — главное условие формирования социальной парадигмы экоцентризма. И хотя наши респонденты невысоко оценивают эффективность конкретных мероприятий, определенные результаты благодаря этим мероприятиям достигаются хотя бы на мировоззренческом уровне. Так, в современный лексикон прочно вошли такие понятия, как «пределы роста», «баланс природы», «природное равновесие», «экологическая ответственность», «ответственное отношение к природе», «экологическая этика» и др., что означает поворот к гуманизации в связке «природа—человек».

Несмотря на неверие в результативность экологических мероприятий и технологий, экологические проблемы можно отнести к первостепенным. Согласно таблице 6, большинство опрошенных дают высокие оценки — от 5 до 7 баллов — значимости экологических проблем на планете.

Таблица 6

Согласны ли Вы с тем, что в последние два десятилетия возросла значимость экологических проблем на Земле? (оцените в баллах от 1—7)	%
1 балл	0,8
2 балла	1
3 балла	5,6
4 балла	12
5 баллов	28,6
6 баллов	26,3
7 баллов	23,5

В анкету был включен вопрос «Согласны ли Вы с тем, что человечеству нужно изменить свое отношение, мировоззрение к окружающей среде?». Большинство (76%) ответило на этот вопрос утвердительно — «да, согласен, многое изменится в лучшую сторону», каждый пятый (18%) полагает, что «если изменит свое отношение, глобально ничего не изменится», и лишь 4% считают, что «такой проблемы не существует». Исследования показывают, что степень осознанности экологических проблем и готовность принять парадигму гуманистической экологии, а также разумное, взвешенное отношение к глобальной экологической катастрофе свойственны людям с высшим образованием, высоким уровнем интеллектуального развития и широким кругозором [5]. Чем образованнее человек,

тем у него больше возможностей адекватно понять научные факты и эмпирические оценки. В анкете был задан вопрос «Было бы Вам интереснее изучать экологические проблемы, если бы в школе и в вузе увеличилось количество уроков-экскурсий на природу?»: согласие с введением дополнительных занятий по экологии и позиция «затрудняюсь ответить» набрали практически одинаковое количество ответов (38% и 36%). Этот факт можно объяснить по-разному: как низким уровнем осознания значимости экологических проблем, так и нежеланием изменять существующую систему экологического образования.

Значительный вклад в практическое решение экологических проблем вносят организации и сообщества по защите окружающей среды, о которых в общественном сознании существуют различные мнения: от восторженных до критических [18]. Одна из самых известных и старейших экологических организаций в мире — Greenpeace, возникшая в США в 1971 году. Она была подвергнута критике одним из ее же основателей канадским экологом Патриком Муром, который отметил, что «зеленые» намеренно стущают краски и играют на страхе людей: «В середине 80-х годов я внезапно обнаружил, что я единственный из директоров „Гринписа“, имеющий профильное образование и занимающийся наукой. Никто из моих коллег не обладал научной степенью в хоть сколько-нибудь близкой области. Это были политические деятели, какие-то публичные фигуры, экологические карьеристы [21]. Чуть больше половины опрошенных (52,2%) отметили, что деятельность экологических организаций важна и необходимо развивать и поддерживать их работу (табл. 7).

Таблица 7

Вы считаете, что движение Greenpeace, общества защиты животных и подобные организации...	%
Очень нужны и необходимо расширять их деятельность	52,2
Интересно смотреть телепередачи об их деятельности	9
Их деятельность — это скорее модное направление и выгодное вложение денег	20,7
Затрудняюсь ответить	16,6

Интересно отметить, что среди предложенных в вопросе организаций Greenpeace оказался на второй позиции, хотя в стереотипном представлении чаще всего именно она — символ всемирного экологического движения (табл. 8). Респонденты также назвали несколько организаций в разделе «другие», чуть менее половины указали Всемирный фонд дикой природы, что объясняется длительной и богатой историей его деятельности, начиная с 1961 года.

Таблица 8

Какая экологическая организация у Вас на слуху?	%
Всероссийское общество охраны природы (ВООП)	9,7
Всемирный фонд дикой природы (WWF или World Wildlife Fund)	45,8
Гринпис (Greenpeace) «зеленый мир»	35,5
Международный Зеленый Крест	3,1
BirdLife International	2
Другие	0,5

Экологическая деятельность сегодня широка и многообразна, объединяет разные сферы деятельности, интегрируя в себя знания, имеющие разные истоки. В современной науке развиваются как экология естественнонаучной и инженерной направленности, так и социально-гуманитарная экология. Тем не менее в нашем обществе продолжают сохраняться два типа мировоззрения, которые можно условно назвать «научно-инженерный» и «гуманитарно-художественный». Экологические темы выступают наглядными иллюстрациями непрекращающихся споров между «физиками» и «лириками». И если первые чаще, в силу своей профессии, смотрят на научно-технический прогресс оптимистично, видя в нем больше пользы для природы, чем вреда, то вторые чаще отстаивают пессимистические сценарии экологического кризиса.

Ключевым пунктом различия студентов гуманитарной и инженерной направленности как представителей разных ценностных систем стал вопрос об изменении нашего отношения к природе, так как по критерию одного из ответов фиксируется уровень понимания роли мировоззрения (ценностей) определенного типа в жизни людей. Из философско-идеологических установок формируются ценности культуры, в рамках которой функционирует и тип отношения в системе «человек—природа». Мы полагаем, что гуманитарии, в силу акцентированности их образования на мировоззренческих аспектах науки, должны лучше понимать роль смены мировоззрения. Из Таблицы 9 видно, что важность смены ментальности понимают и те, и другие.

Таблица 9

Согласны ли Вы с тем, что человечеству нужно изменить свое отношение, мировоззрение к окружающей среде?	Направление		Итого в %
	инженеры в %	гуманитарии в %	
Не согласен, такой проблемы не существует	6,9	1	3,7
Если я изменю свое отношение, глобально ничего не изменится	19,4	18	18,6
Согласен, многое изменится в лучшую сторону	73,7	81,1	77,7

Слишком пристальное внимание к экологическим проблемам среди современных ученых и общественных деятелей способствует отторжению общественного сознания от этой тематики. У наших респондентов наблюдается «легкий» вариант отторжения (табл. 10), что можно объяснить тем, что респонденты либо изучали экологию в школе и вузе недавно, либо изучают сейчас, а также тем, что экологические проблемы часто упоминаются на занятиях по другим предметам.

Таблица 10

Считаете ли Вы, что люди преувеличивают значение отрицательного воздействия технического прогресса на природу?	Направление		Итого в %
	инженеры в %	гуманитарии в %	
Да, преувеличивают	13,8	7,4	10,4
Иногда присутствует преувеличение	58	56,2	57
Нет, преувеличения нет	28,2	36,5	32,6

Как мы видим, по двум вопросам ответы инженеров и гуманитариев отличаются незначительно, но на вопрос о включении в школьную и вузовскую систему экологического воспитания экскурсий респонденты ответили с заметной разницей. Гуманитарии, выступая сторонниками расширения экологического образования, подтверждают понимание ими ценностных аспектов образования, так как в экскурсиях мы непосредственно соприкасаемся с окружающим миром, получая не только знания о нем, но и формируя отношение к нему (табл. 11).

Таблица 11

Было бы Вам интереснее изучать экологические проблемы, если бы в школе и в вузе увеличилось количество уроков-экскурсий на природу?	Направление		Итого в %
	инженеры в %	гуманитарии в %	
Да	27,1	48,8	38,7
Нет	35,9	16,9	25,8
Затрудняюсь ответить	37	34,3	35,6

Механическое увеличение объема усваиваемых знаний недостаточно для положительных сдвигов в развитии экологических ценностей и поведения учащихся. Наблюдающееся в школьных и вузовских учебниках увеличение знаний об охране природы не приводит к совершенствованию экологических ценностей и поведения. Учащиеся в большинстве своем не понимают значимость научных исследований в области экологии, что может быть связано отчасти с тем, что в школах и вузах не придают этим исследованиям значения либо проводят их формально, для отчетности: на вопрос «Если бы Вам предложили участвовать в научных исследованиях биологического или экологического направления, Вы бы приняли участие?» положительно ответило лишь 23%, отрицательно — каждый пятый (20%), а каждый второй (54,5%) выбрал вариант ответа «не знаю, может быть».

В экологическом образовании необходим пересмотр традиционного подхода к формированию и усвоению экологических знаний. «Для традиционного экологического образования основная цель заключалась в получении и распространении экологических знаний и формировании экологической культуры... При этом экологические знания, умения и навыки должны выступать не в качестве объекта усвоения, а в качестве психолого-педагогического средства развития этих способностей и потребности к экологичному взаимодействию с окружающей природой и природой самого человека» [10]. Важен не сам объем знаний, а представление знаний в качественно новом аспекте, в рамках которого возможны сравнение, анализ, критика, оценка и обобщение моделей социально-экологической деятельности. Необходимо прививать учащимся основы психоэкологии как культуры, под которой понимаются «традиции, нормы поведения, способы оценки и разрешения кризисных ситуаций, которые передаются из поколения в поколение как оптимальные формы жизнедеятельности, увеличивающие жизнеспособность сообщества в целом и каждого из его отдельных представителей» [6].

В современной науке, стремящейся к интеграции различного вида знаний, считавшихся еще недавно несовместимыми, востребован синтез инженерной и естественнонаучной экологии с социальной экологией и психоэкологией, или экологией сознания. Экология сознания, или гуманитарная экология, — это установка личности на согласование своих целей и интересов с целями и интересами других людей, на основе чего формируются умения управлять своими эмоциями, конструктивно разрешать конфликты. Эта установка — ключевая идея современной экологии как системы отношений человека к природе и обществу. Данная концепция может стать морально-этической основой социальной парадигмы экоцентризма, а также теоретико-методологической стратегией современных экологических исследований.

В прикладных исследованиях часто не придается значение ценностным аспектам, поэтому необходимо раскрытие обратной связи экологии с этикой. Тот факт, что сегодня в производство внедряются экологические технологии и проводятся различные мероприятия, такие как объявление 2017 года годом экологии, говорят о понимании важности этих проблем [3]. Однако комплексный подход пока не реализуется в связи с непониманием на уровне общественного сознания, что экологизация биосферы в реальном, а не в декларативном отношении может начаться только с экологизации общества. Социальная экология, в свою очередь, детерминируется экологизацией мышления отдельной личности, т.е. общественная экокультура формируется из совокупности индивидуальных экокультур.

В социальной парадигме экоцентризма сформулированы важнейшие идеи психоэкологии: единство этических, гуманитарных, естественнонаучных и инженерных исследований в области экологии; рациональное, разумно-взвешенное отношение как к оптимистическим, так и к пессимистическим взглядам на экологический кризис; неформальное (информальное) экологическое образование и просвещение для реализации устойчивого развития России; сформированная на уровне личностного сознания экокультура и экосознание в системе отношений «человек—природа—общество». Социальная парадигма экоцентризма в современной науке может принести результат, если станет теоретико-методологической базой для исследования различных точек зрения и стереотипов общественного сознания по поводу экологических проблем. Ее основные положения в случае применения их на практике могут конституировать общество нового типа, в котором ценности — не декларируемые тезисы, а реально функционирующие законы поведения. В рамках данной парадигмы могут быть приведены к точкам совпадения и примирения как результаты научных исследований, так и полярные ценностные позиции по отношению к экологическому кризису. В поле данной концепции можно вести спокойный диалог оптимистам и пессимистам, гуманитариям и инженерам, исследователям, настроенным на фактологию, и ученым-теоретикам.

Информация о финансировании

Статья подготовлена при поддержке РФФИ. Проект № 19-011-00753 «Социальное знание: вызовы современной техногенной цивилизации».

Библиографический список

- [1] Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера. М., 2004.
- [2] Глазачев С.Н., Гагарин А.В. Экологическая культура как вершинное достижение личности на этапе развития информационного общества // Вестник Международной академии наук. Русская секция. 2013. № 1.
- [3] Год экологии в России: педагогика и психология в интересах устойчивого развития / сост.: М.О. Мдивани, В.И. Панов, Ю.Г. Панюкова. М., 2017.
- [4] Ивлева М.Л., Курмелева Е.М., Рудановская С.В. Человек и общество в контексте современности // Вопросы философии. 2018. № 4.
- [5] Карона Г.Н. Экологическое образование школьников: ведущие тенденции и парадигмальные сдвиги. Минск, 2001.
- [6] Курилов С.Н. Роль экологии сознания в формировании развития экологии // Российская наука в современном мире. М., 2018.
- [7] Мясинников С.П. Мировоззренческие основания эгоцентризма и экомышление // Известия ТПУ. 2005. Т. 308. № 1.
- [8] Никольский А.А. Великие идеи великих экологов: История ключевых концепций в экологии. М., 2014.
- [9] Осипов В. Первая попытка синтеза эгоцентризма // Зеленый мир. 1994. № 7.
- [10] Панов В.И. Психологические аспекты экологического образования // Педагогика. Вып. 5. М., 2015.
- [11] Печчи А. Человеческие качества / пер. с англ. О.В. Захаровой. М., 1985.
- [12] Ульянова Н.В. Экологическое сознание и экологическая культура, проблемы и перспективы // Вестник ТГПУ. 2007. № 6.
- [13] Философские идеи В.И. Вернадского и современность. Вып. 51: Ценологические исследования. М., 2013.
- [14] Шарден де Т. Феномен человека / Предисл. и комм. Б.А. Старостина; пер. с фр. Н.А. Садовского. М., 1987.
- [15] Ясвин В.А. Формирование экологической культуры не сводится к экологическому образованию // На пути к устойчивому развитию России. 2006. Вып. 34.
- [16] Bartram T. Employee management systems and organizational contexts: A population ecology approach // Management Research Review. 2011. Vol. 34. No. 6.
- [17] Biro A. Towards of denaturalized ecological politics // Polity. 2003. Vol. 35. No. 2.
- [18] Brulle R.J. Environmental discourse and social movement organizations: A rhetorical perspective on the development of US environmental organizations // Sociological Inquiry. 1996. Vol. 66. No. 1.
- [19] Gladwin T.N., Kennely J.J., Krause T.S. Shifting paradigms for sustainable development: Implications for management theory and research // Academic Management Review. 1995. Vol. 20. No. 4.
- [20] Hanna M.D. Environmentally responsible management behavior: Is ecocentrism a prerequisite? // Academic Management Review. 1995. Vol. 20. No. 4.
- [21] Moore P. Pacific Spirit: The Forest Reborn. Terra Bella Publishers, 1995.
- [22] Pindyck R.S. Risk and return in the design of environmental policy // Journal of Association of Environmental and Resource Economists. 2014. Vol. 1. No. 3.
- [23] Rapport D.J. Economics and ecologically sustainable futures // International Journal of Social Economics. 1997. Vol. 24. No. 7/8/9.
- [24] Repetto R. The Forest for the Trees? Government Policies and the Misuse of Forest Resources. Washington, 1988.
- [25] Shin D-H., Park Y.J. Understanding the Internet of things ecosystem: Multi-level analysis of users, society, and ecology // Digital Policy, Regulation and Governance. 2017. Vol. 19. No. 1.

The development of the social paradigm of eco-centrism: A philosophical interpretation of the sociological research in university*

M.L. Ivleva¹, V.Yu. Ivlev², S.N. Kurilov³

¹RUDN University (Peoples' Friendship University of Russia)
Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, Russia, 117198

²Moscow State Technical University named after N.E. Bauman
2nd Baumanskaya St., 5/1, Moscow, Russia, 105005

³Moscow Power Engineering Institute
Krasnokazarmennaya St., 14, Moscow, Russia, 111250

(e-mail: ivleva-ml@rudn.ru; vitalijivlev@yandex.ru; kurilov85@mail.ru)

Abstract. The article considers the features of the youth's attitudes to environmental issues and environmental crisis and the situation in environmental science — its features at the present stage of development, and explains the relevance of theoretical and practical studies of the environmental awareness and development of environmental culture. Two alternative interpretations of environmental issues are presented: alarmist and optimistic social stereotypes. Today, due to the qualitative and quantitative growth of information, the attitude to environmental issues is changing — it becomes more rational and balanced. However, the task of monitoring transformations of the public consciousness in relation to ecology is still relevant. The article presents the results of the sociological research conducted among students of undergraduate programs in engineering and humanities. The survey aimed at studying environmental values of the Russian youth and was conducted in 2019 in four Moscow universities: Moscow Power Engineering Institute, Moscow State Technical University named after N.E. Bauman, RUDN University, Moscow State Linguistic University. The survey results show that the traditional environmental education based on the increase of knowledge about nature does not lead to the change of environmental values and behavior in nature. The authors insist on introducing into contemporary ecology and informal ecological education the new social paradigm of eco-centrism that corresponds to the idea of harmonizing the relationship between man and nature and of a balanced, "calm" attitude of society to the environmental crisis. The authors also show the connection of psycho-ecology with environmental problems in public consciousness and the potential of this concept as a moral-ethical basis of the social paradigm of eco-centrism.

Key words: social paradigm of eco-centrism; psycho-ecology; environmental ethics; social ecology; environmental responsibility; environmental values; environmental crisis, environmental alarmism; environmental optimism

Funding

The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research. Project No. 19-011-00753 "Social knowledge: The challenges of modern technogenic civilization".

References

- [1] Vernadsky V.I. *Biosfera i noosfera* [Biosphere and Noosphere]. Moscow; 2004 (In Russ.).
- [2] Glazachev S.N., Gagarin A.V. *Ekologicheskaya kultura kak vershinnoe dostizhenie lichnosti na etape razvitiya informatsionnogo obshchestva* [Ecological culture as the highest personal achievement at the stage of information society]. *Vestnik Mezhdunarodnoy Akademii Nauk. Russkaya Sektsiya*. 2013; 1 (In Russ.).

* © M.L. Ivleva, V.Yu. Ivlev, S.N. Kurilov, 2019.

The article was submitted on 05.05.2019. The article was accepted on 28.06.2019.

- [3] *God ekologii v Rossii: pedagogika i psikhologiya v interesakh ustoychivogo razvitiya* [The Year of Ecology in Russia: Pedagogy and Psychology for Sustainable Development]. Sost.: M.O. Mdivani, V.I. Panov, Yu.G. Panyukova. Moscow; 2017 (In Russ.).
- [4] Ivleva M.L., Kurmeleva E.M., Rudanovskaya S.V. Chelovek i obshchestvo v kontekste sovremennosti [Man and society in the context of modernity]. *Voprosy Filosofii*. 2018; 4 (In Russ.).
- [5] Karopa G.N. *Ekologicheskoe obrazovanie shkolnikov: vedushchie tendentsii i paradigmalyne svigi* [Environmental Education of Schoolchildren: Leading Trends and Paradigmatic Shifts]. Minsk; 2001 (In Russ.).
- [6] Kurilov S.N. Rol ekologii soznaniya v formirovanii razvitiya ekologii [The role of ecology of consciousness in shaping the development of ecology]. *Rossiyskaya nauka v sovremennom mire*. Moscow; 2018 (In Russ.).
- [7] Myakinnikov S.P. Mirovozzrencheskie osnovaniya ekotsentrizma i ekomyshlenie [Ideological foundations of eco-centrism and eco-thinking]. *Izvestiya TPU*. 2005; 308 (1) (In Russ.).
- [8] Nikolsky A.A. *Velikie idei velikikh ekologov: Istoriya klyuchevykh kontseptsiy v ekologii* [Great Ideas of Great Ecologists: A History of Key Concepts in Ecology]. Moscow; 2014 (In Russ.).
- [9] Osipov V. Pervaya popytka sinteza ekotsentrizma [The first attempt of eco-centrism synthesis]. *Zeleny Mir*. 1994; 7 (In Russ.).
- [10] Panov V.I. Psikhologicheskie aspekty ekologicheskogo obrazovaniya [Psychological aspects of environmental education]. *Pedagogika*. Vyp. 5. Moscow; 2015 (In Russ.).
- [11] Peccei A. *Chelovecheskie kachestva* [The Human Quality]. Per. s angl. O.V. Zakharovoy. Moscow; 1985 (In Russ.).
- [12] Ulyanova N.V. Ekologicheskoe soznanie i ekologicheskaya kultura, problemy i perspektivy [Environmental consciousness and environmental culture, problems and prospects]. *Vestnik TGPU*. 2007; 6 (In Russ.).
- [13] *Filosofskie idei V.I. Vernadskogo i sovremennost* [Philosophical Ideas of V.I. Vernadsky and Modernity]. Vyp. 51. Tsenologicheskiye issledovaniya. Moscow; 2013 (In Russ.).
- [14] Chardin de T. *Fenomen cheloveka* [The Phenomenon of Man]. Predisl. i komm. B.A. Starostina; per. s fr. N.A. Sadovskogo. Moscow; 1987 (In Russ.).
- [15] Yasvin V.A. Formirovanie ekologicheskoy kultury ne svoditsya k ekologicheskomu obrazovaniyu [The formation of environmental culture is not limited to environmental education]. *Na puti k ustoychivomu razvitiyu Rossii*. 2006; 34 (In Russ.).
- [16] Bartram T. Employee management systems and organizational contexts: A population ecology approach. *Management Research Review*. 2011; 34 (6).
- [17] Biro A. Towards of denaturalized ecological politics. *Polity*. 2003; 35 (2).
- [18] Brulle R.J. Environmental discourse and social movement organizations: A rhetorical perspective on the development of US environmental organizations. *Sociological Inquiry*. 1996; 66 (1).
- [19] Gladwin T.N., Kennely J.J., Krause T.S. Shifting paradigms for sustainable development: Implications for management theory and research. *Academic Management Review*. 1995; 20 (4).
- [20] Hanna M.D. Environmentally responsible management behavior: Is eco-centrism a prerequisite? *Academic Management Review*. 1995; 20 (4).
- [21] Moore P. *Pacific Spirit: The Forest Reborn*. Terra Bella Publishers; 1995.
- [22] Pindyck R.S. Risk and return in the design of environmental policy. *Journal of Association of Environmental and Resource Economists*. 2014; 1 (3).
- [23] Rapport D.J. Economics and ecologically sustainable futures. *International Journal of Social Economics*. 1997; 24 (7/8/9).
- [24] Repetto R. *The Forest for the Trees? Government Policies and the Misuse of Forest Resources*. Washington; 1988.
- [25] Shin D-H., Park Y.J. Understanding the Internet of things ecosystem: Multi-level analysis of users, society, and ecology. *Digital Policy, Regulation and Governance*. 2017; 19 (1).

DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-4-707-721

Факторы этнонациональной конфликтности в Российской Федерации*

В.Н. Найденко

Институт социологии Федерального научно-исследовательского
социологического центра Российской академии наук
ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5, Москва, Россия, 117218
(e-mail: vnaidenko@yandex.ru)

В статье рассматриваются конфликтогенные факторы в сфере этнонациональных отношений в Российской Федерации. Опрос экспертов, являющихся специалистами в сфере противодействия этноэкстремизму и локализации этнонациональных конфликтов, результаты массовых опросов, анализ научных работ и публикаций в СМИ позволили оценить факторы, которые в ближайшие годы будут оказывать негативное воздействие на этнонациональную обстановку в стране и могут спровоцировать межнациональные конфликты. В первую группу наиболее опасных факторов вошли: кризисное состояние российской экономики, низкий уровень жизни населения, коррупция, миграция, распространение международного исламистского экстремизма, деятельность иностранных государств, борьба между правящими элитами и этническими группами за власть и доступ к федеральным деньгам, недостаточно эффективная политика в области образования и культуры. Во вторую группу факторов, имеющих средний потенциал воздействия, были включены: деятельность внутрироссийских этнонациональных и этнорелигиозных организаций, организованная преступность, снижение доли русских в численности населения, недостаточно эффективная политика органов власти в области этнонациональной отношений. К третьей группе факторов со сравнительно невысоким потенциалом были отнесены: международная политика государства и систематические нарушения прав и свобод граждан.

Ключевые слова: этнонациональные конфликты; факторы этнонациональной конфликтности; социальная напряженность; этнонациональные элиты; миграция; международная политика; интересы государства; права человека

Постсоветский период развития российского общества характеризуется ростом значимости этнического фактора, осложнением межнациональных взаимоотношений, возрастанием рисков этнических противостояний и открытых этнонациональных конфликтов [8; 14; 25; 32; 37]. В основе этноконфликтов зачастую лежат процессы социальной напряженности, характеризующиеся особым состоянием общественного сознания и поведения [49]. В ходе массового социологического опроса ФНИСЦ РАН в апреле 2018 года значительное количество (40%) наших сограждан отметили рост напряженности в стране (14% полагают, что социальная напряженность «существенно возрастает», 26% — «немного возрастает»). Треть респондентов (32%) высказали мнение, что напряженность снижается (10% — «существенно», 22% — «немного»). 38% считают, что «ситуация такая же,

* © Найденко В.Н., 2019.

Статья поступила 12.07.2019 г. Статья принята к публикации 05.09.2019 г.

как и была раньше» [35. С. 26]. Оценивая ситуацию в стране в целом, 46% высказали мнение, что «ситуация напряженная, кризисная», 6% — что «катастрофическая», 39% — что «ситуация нормальная, спокойная» [35. С. 28]. Общий уровень социальной напряженности является не только важным индикатором отношения россиян к социальной реальности, но и оказывает непосредственное влияние на динамику конфликтного потенциала в этнонациональной сфере.

Результаты опроса, проведенного ФНИСЦ РАН в 2017 году, показали, что 9% опрошенных испытывают чувства неприязни и раздражения по отношению к представителям других национальностей, что свидетельствует о наличии среди части граждан открытой этнонациональной напряженности. Вместе с тем можно говорить и о значительном количестве скрытых сигналов межэтнической напряженности: 51% иногда испытывают чувства неприязни и раздражения по отношению к представителям каких-либо национальностей [33. С. 65].

Этнонациональные конфликты препятствуют позитивной социально-политической консолидации российского общества, подрывают единство системы государственной власти и межнациональное согласие [11; 12; 23; 24]. Они сужают возможности формирования гражданской нации и эффективного решения долгосрочных задач государственного строительства: концепция гражданской идентичности (нации) в силу своего значения для успешного развития полиэтнической России находится в центре внимания и политиков [16; 41], и ученых [10; 13; 36; 38; 39; 48]. Соответственно, этноконфликты не только подрывают межнациональное согласие, но и представляют угрозу национальной безопасности Российской Федерации [28].

Цель нашего исследования состояла в анализе факторов, способствующих возникновению и развитию этнонациональных конфликтов, и в определении степени их влияния на этнонациональные отношения и социально-политическую обстановку в России. Гипотеза исследования утверждала, что наиболее важными факторами, влияющими на этнонациональные конфликты в России, — кризисное состояние экономики, низкий уровень жизни, коррупция, миграция, борьба элит и этнических групп в национальных образованиях и деятельность иностранных государств. Эмпирическую базу исследования составили материалы массовых опросов, проведенных Институтом социологии ФНИСЦ РАН в 2014—2018 годы, результаты опроса экспертов и анализа публикаций в СМИ. Опрос двадцати экспертов было проведен в октябре 2018 — марте 2019 года методами анкетирования и интервью: вначале эксперты заполнили анкету по теме исследования, а затем проводились глубинные интервью, где гайд адаптировался под интересы и знания каждого эксперта.

Эксперты являются специалистами в сфере деятельности международных структур, органов государственной и муниципальной власти, правоохранительных органов, в области юриспруденции, науки, образования, культуры и искусства. Они имеют опыт работы в Экспертно-аналитическом управлении секретариата Совета Межпарламентской Ассамблеи СНГ, Антитеррористическом центре СНГ, Евразийском информационно-аналитическом консорциуме, Совете Безопасности и Федеральной службе безопасности Российской Федерации, аппарате Националь-

ного антитеррористического комитета, Министерстве юстиции, Министерстве науки и высшего образования, Главном управлении региональной безопасности Московской области, МГУ, МГИМО МИД России, профессиональном сообществе аналитиков «Русская аналитическая школа». Эксперты имеют практический, аналитический, научный и педагогический опыт (от 12 до 35 лет) в области обеспечения безопасности в этнонациональной сфере. 15 экспертов (75%) имеют ученые степени (из них 6 докторов наук и 9 кандидатов наук) по отраслям философских, политических, юридических, экономических и исторических наук. Некоторые из них имеют опыт проведения научных исследований и преподавательской работы в области этнонациональных и религиозных отношений и конфликтов.

В ходе экспертного опроса изучался потенциал факторов, которые в ближайшие 5—7 лет будут оказывать деструктивное воздействие на этнонациональную обстановку в стране и могут спровоцировать конфликты. Потенциал этих факторов оценивался по шкале от 1 до 5, где 1 — наименьшее негативное воздействие, а 5 — наибольшее. Полученные результаты представлены в таблице 1.

Таблица 1

**Оценка потенциала негативного влияния разных факторов
на этнонациональную обстановку в России в ближайшие 5—7 лет**

Факторы, негативно влияющие на этнонациональную обстановку	Средняя оценка
Кризисное состояние российской экономики	4
Низкий материальный уровень жизни населения	4
Коррупция	4
Миграция	4
Борьба элит и этнических групп в национальных образованиях	4
Неэффективная политика в области образования	4
Недостаточно эффективная политика в области культуры	4
Распространение международного исламистского экстремизма	4
Деятельность иностранных государств	4
Деятельность внутрироссийских этнонациональных организаций	3
Деятельность внутрироссийских религиозных организаций	3
Организованная преступность (этническая)	3
Снижение доли русских в общей численности населения	3
Недостаточно эффективная политика органов власти в области этнонациональных отношений	3
Неэффективная работа правоохранительных органов в этнонациональной сфере	3
Международная политика российского государства	2
Систематические нарушения прав и свобод граждан	2

Анализ экспертных оценок позволил выделить три группы факторов. В первую группу факторов, наиболее опасных по степени воздействия (с высокой оценкой 4), вошли: кризисное состояние российской экономики, низкий материальный уровень жизни населения, коррупция, миграция, борьба элит и этнических групп в национальных образованиях, недостаточно эффективная политика в области образования и культуры, распространение международного исламистского экстремизма, деятельность иностранных государств. Характеризуя влияние на этнонациональную обстановку в стране факторов кризисного состояния экономики и низкого уровня жизни населения, эксперт отметил: *«Внутри страны на угрозы в этнонациональной сфере оказывает существенное негативное воздействие социально-экономический фактор. Социально-экономические проблемы решаются*

у нас слишком медленно, санкции тормозят их решение. Необходимость концентрации и накопления средств для модернизации производства вынуждают руководство страны сдерживать рост жизненного уровня граждан, ограничивать уровень потребления. Деньги остро нужны для развития производства. Перманентный рост цен, снижение жизненного уровня, повышение пенсионного возраста рождают недовольство россиян и негативно влияют на внутривнутриполитическую обстановку. Если не держать экономическую ситуацию под контролем, она может закончиться дефолтом или другим острым кризисом».

Массовые социологические опросы ФНИСЦ РАН показали, что «под влиянием сложных экономических условий последних лет проблемы, вызывающие у населения наибольшее беспокойство, связаны в первую очередь именно с благосостоянием и уровнем жизни — это рост цен на товары и услуги, который вызывает тревогу у 65% россиян, рост жилищно-коммунальных платежей (51%), снижение уровня жизни значительной части населения (43%) и сокращение доступа к бесплатному образованию и медицинскому обеспечению (39%). Эти проблемы, связанные с социально-экономическими условиями жизни, беспокоят россиян гораздо сильнее, чем проблемы, характеризующие другие сферы жизни» [9. С. 60, 61]. В этих обстоятельствах важнейшим вызовом для российского государства и его социальной политики становится проблема избыточных и нелегитимных социально-экономических неравенств [46].

Прошедшее с президентских выборов время не только не помогло преодолеть тенденцию стагнации материального благополучия россиян, но и продемонстрировало дальнейшее падение реальных доходов. Это нашло отражение в распространении среди россиян, после кратковременного роста оптимистичных ожиданий в период предвыборной кампании, пессимизма в отношении нынешнего материального положения и в формировании «эффекта обманутых ожиданий» [44. С. 42, 43]. По данным Росстата, число россиян с доходами ниже прожиточного минимума увеличилось в первом квартале 2019 года до 20,9 млн человек, или 14,3% населения (против 13,9% в 2018 году). А между тем, согласно майским указам Президента, к 2024 году бедность в России должна снизиться в два раза, однако эксперты сомневаются, что в ближайшее время в России можно истребить бедность [31].

Вышеназванные социально-экономические факторы обуславливают формирование в обществе запроса на перемены, который тесно связан с проблемами, больше других беспокоящих россиян. «Среди них три первые позиции занимают: усиление социальной справедливости и борьба с коррупцией (51% опрошенных), экономические реформы, нацеленные на преодоление нефтегазовой зависимости страны — 41%, и реформы социальной сферы (науки, образования, здравоохранения, культуры) — 37%». Поэтому главный вектор ожиданий общества ориентирован «на реализацию принципа социальной справедливости, минимизацию разнообразных неравенств» [30. С. 47], а также на борьбу с коррупцией.

Опрос экспертов показал, что фактор коррупции не только играет серьезную дестабилизирующую роль в этнонациональных отношениях, но и существенно снижает возможности развития нашей страны: «Важным фактором, негативно

влияющим на обстановку в России, является высокая коррумпированность органов власти и управления в некоторых национальных республиках. В республиках Северного Кавказа... сформировалась национальная иждивенческая, высокомерная и достаточно состоятельная (по местным меркам) элита, способная при необходимости возбудить свой этнос и спровоцировать острые этнонациональные конфликты для защиты своих узкокорыстных интересов. Националистический гонор этнических элит тесно сплетается с коррупцией и массовым разворовыванием финансовых средств. В ряде случаев федеральный центр фактически финансирует местных князьков — феодалов, что существенно тормозит социально-экономическое развитие регионов и страны в целом».

О масштабах коррупции в стране свидетельствует статистика коррупционных преступлений за последние восемь лет, которую обнародовал 7 декабря 2018 года председатель Следственного комитета России Александр Бастрыкин. По его словам, в 2011—2018 годы СК было расследовано и направлено в суд более 71 тыс. уголовных дел коррупционного характера, в том числе 453 — в отношении организованных групп и преступных сообществ. В числе завершенных и направленных в суд коррупционных дел: 11,6 тыс. связаны с мошенничеством; 25 — с дачей взятки; 12 — с получением взятки; 3,5 — со злоупотреблением должностными полномочиями; 3 — со служебным подлогом; по 2,5 — с превышением должностных полномочий и коммерческим подкупом. Чаще всего коррупционные преступления фиксируются в сферах: правоприменительной деятельности — более 55 тыс. преступлений; науки и образования — свыше 27; социального обеспечения и здравоохранения — 19; финансовой деятельности — 11 тыс. [2; 6].

Характеризуя негативное влияние фактора миграции, эксперт отмечает: *«Сейчас ситуация в стране напряженная, и обстановку усугубляет приток трудовых мигрантов. По разным оценкам, в год к нам прибывает 15—20 миллионов несчастных бедных людей, не имеющих, как правило, ни хорошего образования, ни хорошей профессии, которые получают очень скромную зарплату. Работодатели и некоторые представители власти еще и обкладывают их дополнительными поборами. Мигранты видят достаточно высокий уровень жизни российских граждан, особенно в Москве, и у них накапливаются чувства неудовлетворенности, обиды, зависти и враждебности. Не случайно органы безопасности в последние годы постоянно фиксируют появление в России спящих ячеек «Исламского государства»* и небольших террористических групп из числа мигрантов из Центрально-Азиатского региона. Это не наши кавказские этносы, не поволжские или крымские татары. Это жители Узбекистана, Казахстана, Таджикистана, Киргизии. А поскольку их много, они объединяются в землячества. В Москве и в других российских городах сформировались районы их компактного проживания, что-то типа „гетто“, откуда они „выжили“ коренных жителей. Местные жители и полиция опасаются наведываться в эти районы. Возникает вопрос: а что там*

* Исламское государство» — исламистская террористическая организация (сокращенно ИГ, ИГИЛ или ДАИШ), которая запрещена в России, США, Канаде, Великобритании, Австралии, Таджикистане и ряде других государств.

зреет среди большого количества обиженных и озлобленных людей? Сложившаяся в среде мигрантов ситуация является потенциальной угрозой для безопасности Российской Федерации. Мигрантские среднеазиатские преступные структуры могут установить контакты или, наоборот, войти в конфликты с действующими в России этническими преступными группировками — кавказскими, грузинскими, азербайджанскими. Это может привести или к войнам между ними, или к их объединению на почве этнической вражды к русским или другим этносам.

Другой эксперт обратил внимание на террористические угрозы, связанные с потоками трудовой миграции: *«Наиболее опасной в потоках трудовой миграции является угроза терроризма. Большое число лиц, которые воевали в Сирии на стороне экстремистских структур, стремятся по заданию зарубежных главарей проникнуть на территорию России через третьи страны по подложным документам. Многие из них получают задания по проведению вербовочной и террористической деятельности именно на территории Российской Федерации. Нет ничего проще, чем под видом трудового мигранта въехать в нашу страну и здесь развернуть преступную деятельность».*

Еще одним важным конфликтогенным фактором в сфере этнонациональных отношений является борьба между правящими элитами и этническими группами в национальных образованиях за власть и доступ к федеральным деньгам. Экспертные оценки подтверждаются выводами российских ученых, которые отмечают серьезные просчеты в деятельности государства, ставшие результатом недальновидной и эгоистичной политики российских элит [43]. Современные элиты и субэлиты «в принципе не осознают необходимости выполнения определенных функций в рамках неформального договора с обществом. Складывается впечатление, что российские элиты вообще не мыслят в этих категориях и просто пытаются снять с себя любую ответственность за реализацию социальных (в широком смысле этого слова) функций государства» [47. С. 41, 42]. На фоне экономического кризиса и дефицита финансовых средств «обострилась борьба за власть уже собственно внутри этнических элит, которая приобрела кланово-территориальный характер» [4].

Оценивая конфликтогенный фактор неэффективной политики в области образования, один из экспертов, в частности, отметил: *«У нас из образования практически ушла воспитательная функция. В своих бездумных копированиях Болонской схемы мы свели образование к натаскиванию знаний и навыков, совершенно забыв про их носителей — про воспитание творческих личностей».* Эксперты отметили и высокую степень воздействия на этнонациональную сферу фактора недостаточно эффективной политики в области культуры: *«Важно поднять на принципиально иной уровень культурную политику, обеспечить реальное сближение национальных культур, их взаимное обогащение. Сила российских народов заключается в их национально-культурной самобытности, с одной стороны, и в их дружбе и взаимоуважении — с другой. Мы должны культивировать и укреплять эти важные качества. В народной художественной культуре заложен огромный миротворческий потенциал. В основе всех народных художественных культур лежат единые архетипы коллективного бессознательного. И не надо опасаться роста этнокультурной идентичности. Она начинает пред-*

ставлять угрозу только тогда, когда плохо обстоят дела с экономикой. Целесообразно на государственном уровне сформулировать основные духовные ценности российской культуры и обеспечить их культивирование в жизни граждан, общества и государства... Если раньше культура была основным средством идеологической политико-воспитательной работы хотя бы на уровне привития традиционных морально-нравственных (духовных) ценностей, то сегодня культура сведена к сфере досуга и развлечения... Запрет на государственную идеологию в Конституции РФ — это атавизм либеральных реформ, от него надо решительно избавляться».

Оценивая фактор деятельности иностранных государств как оказывающий влияние на содержание и динамику этнонациональной конфликтности в России, один из экспертов заявил: *«Политика США и их союзников по НАТО представляет для России наиболее серьезную угрозу не только в этнонациональной сфере, но, прежде всего, в политической и военной области. Наши неосторожные или недостаточно продуманные действия в ответ на провокационную политику иностранных государств могут привести к дальнейшей эскалации обстановки и даже к военному конфликту. Этнонациональный же фактор может быть использован и при соответствующих условиях обязательно будет использован зарубежными странами как предлог для дискредитации внешней и внутренней политики России, обострения международных и внутренних конфликтов, подрыва нашей безопасности».*

Во вторую группу негативных факторов, имеющих средний потенциал воздействия на этнонациональную обстановку (оценка 3), следует включить: организованную преступность (в том числе этническую), снижение доли русских в численности населения; недостаточно эффективную политику российских органов власти в области этнонациональных отношений и неэффективную работу правоохранительных органов. Так, один из экспертов отмечает: *«Непродуманная национальная политика в значительной степени является причиной этнонациональной нестабильности в ряде регионов Российской Федерации. Кроме простых деклараций фактически не обеспечивается реализация и углубленное развитие сотрудничества и взаимопомощи в межнациональных отношениях. Должным образом не культивируются чувства национальной общности интересов разных этносов, то, что в советское время декларировалось как „дружба народов“. Мы находимся в шорах пресловутой идеи толерантности, навязанной нам Западом вместе с мультикультурализмом, и должны от этого решительно избавиться. Толерантность — это идеология постиндустриального общества развитого индивидуализма. России нужен возврат к формуле „расцвета и сближения национальных культур, их взаимного обогащения“».*

Другой эксперт, комментируя фактор недостаточно эффективной политики органов власти в области этнонациональных отношений, подчеркнул необходимость ее корректировки в национальных регионах: *«Если мы не хотим, чтобы Российская Федерация развалилась, то должны, прежде всего, правильно выстраивать национальную политику в регионах. Нельзя закрывать глаза на имеющие место этноэкстремистские тенденции. Достаточно с нас примера развала Советского Союза».*

Недостаточно продуманные действия органов власти, затрагивающие этнонациональную сферу, могут привести к острым конфликтам. Так, в октябре 2018 года в столице Республики Ингушетия Магасе состоялся массовый митинг протеста против соглашения об административной границе с Чеченской Республикой. Участники продолжавшегося две недели многотысячного митинга требовали не только пересмотра этого соглашения, но и отставки «предавшего интересы народа» руководителя Ингушетии. Добиться пересмотра соглашения протестующим не удалось: Конституционный суд РФ подтвердил его законность, наиболее активных участников митинга взяли под арест за организацию столкновений с полицией. Недовольство граждан было вызвано не только тем, что ингушские власти приняли решение о передаче земель без учета мнения местных жителей и обсуждения этого вопроса с общественностью. На обострение конфликта влияние оказали и проблемы безработицы, коррупции, клановости, сложных взаимоотношений между ингушами и чеченцами, а также недостатки в системе государственного управления, которые особенно актуальны на Северном Кавказе. Авторитету Юнус-Бека Евкурова также повредил его конфликт с частью религиозной общественности республики, в результате которого возглавляющий муфтият Ингушетии Иса Хамхоев фактически оказался в оппозиции главе региона [17; 18; 20; 26]).

Что касается деятельности этнонациональных и этнорелигиозных организаций, то яркий пример их негативного воздействия — межнациональный конфликт и столкновения с полицией в ауле Кенделен Кабардино-Балкарской Республики 18 сентября 2018 года. Поводом стало проведение кабардинскими организациями конного похода в честь 310-летия Канжальской битвы: они считают, что тогда черкесы победили войска крымских татар. Итоги этого сражения до сих пор болезненно воспринимаются тюркскими (в том числе балкарскими) активистами, поэтому жители балкарского села Кенделен запретили конникам проходить по их территории. Балкарцы за вниманием кабардинцев к историческому событию видят также претензии на свои земли [21]. На помощь кабардинцам в село прибыли многочисленные участники черкесских молодежных организаций, и вспыхнувший конфликт пытались остановить силы Росгвардии, но властям республики пришлось вести переговоры с участниками столкновений [19].

К третьей группе факторов, имеющих невысокий потенциал воздействия на этнонациональную обстановку, следует отнести международную политику государства и систематические нарушения прав и свобод граждан. Анализируя перестройку политических пространств, ряд российских ученых [1; 3; 5; 15; 22; 29] отмечают формирование полицентрического миропорядка и изменение принципов системы международных отношений, которые способствуют росту радикализации общественного сознания и повышают вероятность этнополитических конфликтов [29. С. 47]. Впрочем, россияне позитивно воспринимают внешнюю политику руководства страны: «активизация внешней политики в 2000-е годы была воспринята гражданами как долгожданная реализация желания „подняться с колен“... российское правительство смогло очень успешно компенсировать далеко не самые яркие и однозначные события внутри страны важнейшими достижениями на международной арене» [9. С. 51, 53].

Оценивая фактор систематических нарушений прав и свобод граждан, эксперты отметили традиционное доминирование в России интересов государства по отношению к интересам и правам граждан. Показательным является снижение активности использования политологами и философами концепции прав человека. Так, традиционная для европейской политологии проблематика прав человека была представлена на VIII Всероссийском конгрессе политологов в 2018 году в заметно меньших масштабах, чем на форумах предыдущих лет, что в целом коррелировало с соответствующей переменной и на всемирных конгрессах в Брисбене и Пекине в том же году. Эта проблематика, доминировавшая в 1990-е годы, стала обрастать иной терминологией, а словосочетание «права регионов» встречается в докладах чаще, чем «права человека» [7. С. 95].

Оценки экспертами значимости фактора систематических нарушений прав и свобод граждан коррелируют с результатами опросов ФНИСЦ РАН, согласно которым в России сложилось «державное» восприятие общества и государства: подавляющее большинство россиян (88%) считает, что «государство должно отстаивать интересы своего народа перед интересами отдельной личности» [34. С. 315]. Однако в последнее время начался «процесс изменения отношения россиян к праву государства на реализацию своих интересов в ущерб правам человека (и, следовательно, к легитимности государственного насилия в отношении граждан), а также к праву человека защищать свои интересы любыми способами... российское общество расколото в этом отношении на две полярные группы, насчитывающие примерно по 20% населения каждая, а также „молчаливое большинство“, не имеющее четко выраженной позиции» [45. С. 134].

Таким образом, выводы экспертов подтверждаются результатами общероссийских опросов, оценками ученых и других экспертов, а также анализом публикаций СМИ по проблемам этноконфликтов. Представленные в статье данные свидетельствуют о необходимости дальнейшего изучения проблем этнонациональных конфликтов, в том числе поиска оптимального соотношения интересов государства и прав этнических общностей, исследования факторов, оказывающих влияние на содержание и динамику конфликтного потенциала, а также выработки рекомендаций органам власти по своевременному выявлению, предупреждению и локализации этнонациональных конфликтов. Учет деструктивных факторов и степени их воздействия на этнонациональную сферу позволит органам власти более эффективно реализовать комплекс политико-организационных и социально-культурных мер по укреплению общероссийского гражданского самосознания и духовной общности российской нации, гармонизации этнонациональных отношений в Российской Федерации.

Информация о финансировании

Статья подготовлена при поддержке РФФИ. Проект № 19-011-00380.

Библиографический список

- [1] Айвазов А.Э., Пантин В.И. От столкновения к партнерству цивилизаций: новое мироустройство и проблема реформирования ООН // История и современность. 2018. № 1—2.

- [2] Александр Бастрыкин принял участие в международной научно-практической конференции, посвященной проблемам противодействия коррупции // <https://sledcomrf.ru/news/366399-aleksandr-bastryikin-prinyal-uchastie-v-mejdunarodnoy-nauchno-prakticheskoy-konferentsii-posvyaschennoy-problemam.html>.
- [3] *Бакушев В.В., Понделков А.В.* Поиск стратегической стабильности с участием России: отторжение «двойных стандартов» и политической лжи // *Власть*. 2019. Т. 27. № 3.
- [4] *Бундин Ю.И.* Нацестроительство на постсоветском пространстве: проблемы и перспективы // *Полиэтнические государства и нормативно-юридические системы народов Кавказа: понятие, разновидности, историческое значение для формирования национальных государств*. Ростов-на-Дону, 2017.
- [5] *Вайнштейн Г.* Европейский популизм в конце 2010-х // *Мировая экономика и международные отношения*. 2018. Т. 62. № 3.
- [6] В СК подсчитали ущерб от коррупционных преступлений в России с 2011 года // <https://ria.ru/20181207/1547620742.html>.
- [7] *Гаман-Голутвина О.В., Никитин А.И., Чугров С.В.* Мир и политика сквозь призму научных форумов // *Политические исследования*. 2019. № 3.
- [8] *Григорян Д.К., Ароян А.С., Веренич И.Г.* Межэтнические конфликты: типы, содержание и пути преодоления // *Философия права*. 2018. № 3.
- [9] Двадцать пять лет социальных трансформаций в оценках и суждениях россиян: опыт социологического анализа / отв. ред. М.К. Горшков, В.В. Петухов. М., 2018.
- [10] *Дробижева Л.М.* Динамика российской гражданской идентичности в полиэтничном пространстве России // XIII Конгресс антропологов и этнологов России. М.; Казань, 2019.
- [11] *Дробижева Л.М.* Общероссийская идентичность и уровень межнационального согласия как отражение вектора консолидационных процессов // *Социологические исследования*. 2017. № 1.
- [12] *Дробижева Л.М.* Потенциал межнационального согласия: осмысление понятия и социальная практика в Москве // *Социологические исследования*. 2015. № 11.
- [13] *Дробижева Л.М.* Российская гражданская идентичность в научно-политических дискуссиях и общественном мнении // *Вопросы национальных и федеративных отношений*. 2018. Т. 8. № 4.
- [14] *Дробижева Л.М.* Этнополитические конфликты. Причины и типология (конец 80-х — начало 90-х гг.) // *Россия сегодня: трудные поиски свободы*. М., 1993.
- [15] *Загладин Н.* Переходные периоды в мировой политике // *Мировая экономика и международные отношения*. 2016. Т. 60. № 12.
- [16] Заседание Совета по межнациональным отношениям: 31 октября 2016 // <https://www.putin-today.ru/archives/35726>.
- [17] Ингуши грозят выйти из своих границ // <https://www.kommersant.ru/doc/3760075>.
- [18] Ингушская оппозиция вернулась к границам // <https://www.kommersant.ru/doc/3916825>.
- [19] Кабардино-Балкарский конфликт в Кенделене: хроника противостояния // https://news-r.ru/news/kabardino_balkar_republic/249303.
- [20] Конституционный суд признал соглашение о границе Чечни и Ингушетии // <https://www.kommersant.ru/doc/3821343>.
- [21] Конфликт кабардинцев и балкарцев в селе Кенделен стал поводом для доследственной проверки // <https://www.interfax.ru/russia/629866>.
- [22] *Лапкин В.В.* О национальном vs имперском обустройстве современного миропорядка // *Политические исследования*. 2018. № 4.
- [23] Межнациональное согласие в общероссийском и региональном измерении. Социокультурный и религиозный контексты / отв. ред. Л.М. Дробижева. М., 2018.
- [24] Межнациональное согласие как ресурс консолидации российского общества / отв. ред. Л.М. Дробижева. М., 2016.

- [25] Межэтнический конфликт: основные концепции и исходные теоретические гипотезы // https://studexpo.ru/895633/filosofiya/mezhethnicheskii_konflikt_osnovnye_kontseptsii_ishodnye_teoreticheskie_gipotezy.
- [26] Митингующие в Магасе призвали Евкурова отозвать подпись под соглашением о границе // <https://ria.ru/politics/20181010/1530378983.html>.
- [27] *Мурадов М., Сергеев Н., Тяжлов И.* У главы Ингушетии разладилось с обществом // https://www.kommersant.ru/doc/4011510?from=doc_vrez.
- [28] *Найденко В.Н.* Угрозы безопасности России в сфере этнонациональных отношений // Социологическая наука и социальная практика. 2018. Т. 6. № 3.
- [29] *Пантин В.И., Лапкин В.В.* Трансформации политических пространств в условиях перехода к полицентричному миропорядку // Политические исследования. 2018. № 6.
- [30] *Петухов В.В.* Динамика социальных настроений россиян и формирование запроса на перемены // Социологические исследования. 2018. № 11.
- [31] Плохое начало: бедных стало больше // <https://www.gazeta.ru/business/2019/07/29/12541783.shtml>.
- [32] *Попов М.Е.* Современные теории конфликта этнических идентичностей // Политическая экспертиза. 2015. Т. 11. № 1.
- [33] Российское общество в 2017-м: социальное самочувствие, тревоги, надежды на будущее. М., 2017.
- [34] Российское общество и вызовы времени. Кн. 3 / под ред. М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой. М., 2016.
- [35] Российское общество после президентских выборов—2018: запрос на перемены. М., 2018.
- [36] *Семенов И.С., Лапкин В.В., Бардин А.Л., Пантин В.И.* Между государством и нацией: дилеммы политики идентичности на постсоветском пространстве // Политические исследования. 2017. № 5.
- [37] *Семенов И.С., Лапкин В.В., Пантин В.И.* Типология этнополитической конфликтности: методологические вызовы «большой теории» // Политические исследования. 2016. № 6.
- [38] *Семенов И.С.* Политика идентичности и идентичность в политике: этнонациональные ракурсы, европейский контекст // Политические исследования. 2016. № 4.
- [39] *Скворцов Н.Г.* Формирование национальной идентичности в современной России // Гуманитарий Юга России. 2016. № 4.
- [40] Следственным управлением инициировано проведение доследственной проверки по событиям в селении Кенделен // <http://kbr.sledcom.ru/news/item/1256940>.
- [41] Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года // <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70184810>.
- [42] Текст официального выступления В.А. Колокольцева на расширенном заседании коллегии МВД России // <https://мвд.рф/document/3172398>.
- [43] *Тихонова Н.Е.* Динамика нормативно-ценностной системы российского общества: 1995—2010 годы // Общественные науки и современность. 2011. № 4.
- [44] *Тихонова Н.Е.* «Негативная стабилизация» и факторы динамики благосостояния населения в посткризисной России // Социологический журнал. 2019. Т. 25. № 1.
- [45] *Тихонова Н.Е.* Соотношение интересов государства и прав человека в глазах россиян: эмпирический анализ // Политические исследования. 2018. № 5.
- [46] *Тихонова Н.Е.* Социальная политика в современной России: новые системные вызовы // Общественные науки и современность. 2019. № 2.
- [47] *Тихонова Н.Е.* Социальный либерализм: есть ли альтернативы? // Общественные науки и современность. 2013. № 2.
- [48] *Ткаченко А.Г.* Укрепление российской национальной идентичности как противодействие радикальному национализму // Вестник АЭБ МВД России. 2015. № 6.
- [49] *Шахбанова М.М.* Межэтническая напряженность и этнический конфликт: содержание, факторы формирования, типология // Вестник Института ИАЭ. 2017. № 1.

DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-4-707-721

Factors of interethnic conflicts in the Russian Federation*

V.N. Naydenko

Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences
Krzhizhanovskogo St., 24/35, bldg. 5, Moscow, Russia, 117218, Russia
(e-mail: vnaidenko@yandex.ru)

Abstract. The article considers the conflict factors of interethnic relations in the Russian Federation. The survey of experts, qualified professionals in the spheres of ethno-extremism and interethnic conflicts, the data of opinion polls, analysis of academic papers and relevant mass media allowed the author to identify factors that can have a negative impact on interethnic relations and provoke ethnic conflicts in the next five to seven years. The first group of factors that are highly dangerous in terms of their impact includes economic crisis, low living standards, corruption, migration, proliferation of international Islamic extremism, activities of foreign states, struggles for power and access to federal money between governing elites and ethnic groups in national republics, ineffective educational and cultural policies. The second group of negative factors with a medium impact on interethnic situation consists of activities of interethnic and ethno-religious organizations, organized crime (including ethnic), decrease in the share of Russians in the population, ineffective ethnic policy and poor performance of law enforcement agencies. The third group of factors with a modest impact consists of foreign policy and systematic violations of the rights and freedoms of citizens.

Key words: interethnic conflicts; factors of interethnic conflict; social tension; national elites; migration; foreign policy; interests of the state; human rights

Funding

The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research. Project No. 19-011-00380.

References

- [1] Aivazov A.E., Pantin V.I. Ot stolknoveniya k partnerstvu tsivilizatsiy: novoe miroustroistvo i problema reformirovaniya OON [From the clash to the partnership of civilizations: A new international order and the UN reform]. *Istoriya i Sovremennost*. 2018; 1—2 (In Russ.).
- [2] Aleksandr Bastrykin prinyal uchastie v mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoj problemam protivodejstviya korruptsii [Alexander Bastrykin took part in the international scientific-practical conference on anti-corruption]. <https://sledcomrf.ru/news/366399-aleksandr-bastrykin-prinyal-uchastie-v-ejdunarodnoy-nauchno-prakticheskoy-konferentsii-posvyaschennoj-problemam.html> (In Russ.).
- [3] Bakushev V.V., Ponedelkov A.V. Poisk strategicheskoy stabilnosti s uchastiem Rossii: otorzhenie “dvoynih standartov” i politicheskoy lzhi [Search for strategic stability with the participation of Russia: Denial of “double standards” and political lie]. *Vlast*. 2019; 27 (3) (In Russ.).
- [4] Bundin Yu.I. Natsiostroitelstvo na postsovetском prostranstve: problemy i perspektivy [Nation-building in the post-Soviet space: Challenges and prospects]. *Polietnicheskie gosudarstva i normativno-yuridicheskie sistemy narodov Kavkaza: ponyatie, raznovidnosti, istoricheskoe znachenie dlya formirovaniya natsionalnykh gosudarstv*. Rostov-on-Don; 2017 (In Russ.).

* © V.N. Naydenko, 2019.

The article was submitted on 12.07.2019. The article was accepted on 05.09.2019.

- [5] Wainstein G. Evropeysky populizm v kontse 2010-h. [European populism in the late 2010s]. *Mirovaya Ekonomika i Mezhdunarodnye Otnosheniya*. 2018; 62 (3) (In Russ.).
- [6] V SK podschitali usherb ot korruptsionnyh prestuplenij v Rossii s 2011 goda [Investigative Committee calculated the costs of corruption in Russia since 2011]. <https://ria.ru/20181207/1547620742.html> (in Russ.).
- [7] Gaman-Golutvina O.V., Nikitin A.I., Chugrov S.V. Mir i politika skvoz prizmu nauchnyh forumov [World and politics through the prism of scientific forums]. *Politicheskie Issledovaniya*. 2019; 3 (In Russ.).
- [8] Grigoryan D.K., Aroyan A.S., Verenich I.G. Mezhetnicheskie konflikty: tipy, sodержanie i puti preodoleniya [Interethnic conflicts: Types, content and ways to overcome them]. *Filosofiya Prava*. 2018; 3 (In Russ.).
- [9] *Dvadsat pyat let sotsialnyh transformatsij v otsenkah i suzhdeniyah rossiyan: opyt sotsiologicheskogo analiza* [Twenty-five Years of Social Transformations in Estimates of Russians: A Sociological Analysis] / Pod. red. M.K. Gorshkova, V.V. Petukhova. Moscow; 2018 (In Russ.).
- [10] Drobizheva L.M. Dinamika rossijskoj grazhdanskoj identichnosti v polietnicheskom prostranstve Rossii [Dynamics of Russian civic identity in the multi-ethnic space of Russia]. *XIII Kongress antropologov i etnologov Rossii*. Moscow; Kazan; 2019 (In Russ.).
- [11] Drobizheva L.M. Obshcherossijskaya identichnost i uroven mezhnatsionalnogo soglasiya kak otrazhenie vektora konsolidatsionnyh protsessov [All-Russian identity and interethnic consent as a reflection of consolidation processes]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2017; 1 (In Russ.).
- [12] Drobizheva L.M. Potentsial mezhnatsionalnogo soglasiya: osmyslenie ponyatiya i sotsialnaya praktika v Moskve [The potential of interethnic consent: The notion and social practice in Moscow]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2015; 11 (In Russ.).
- [13] Drobizheva L.M. Rossijskaya grazhdanskaya identichnost v nauchno-politicheskikh diskussiyah i obshchestvennom mnenii [Russian civic identity in scientific-political discussions and public opinion]. *Voprosy Natsionalnykh i Federativnykh Otnosheniy*. 2018; 8 (4) (In Russ.).
- [14] Drobizheva L.M. Etnopoliticheskie konflikty. Prichiny i tipologiya (konets 80-h — nachalo 90-h gg.) [Ethno-political conflicts. Causes and typology (the late 1980s — early 1990s)]. *Rossiya segodnya: trudnye poiski svobody*. Moscow; 1993 (In Russ.).
- [15] Zagladin N. Perekhodnye periody v mirovoy politike [Transition periods in world politics]. *Mirovaya Ekonomika i Mezhdunarodnye Otnosheniya*. 2016; 60 (12) (In Russ.).
- [16] Zasedanie Soveta po mezhnatsionalnym otnosheniyam [Meeting of the Council for interethnic relations]. <https://www.putin-today.ru/archives/35726> (In Russ.).
- [17] Ingushi grozyat vyjti iz svoih granits [Ingush threaten to go beyond their borders]. <https://www.kommersant.ru/doc/3760075> (In Russ.).
- [18] Ingushskaya oppozitsiya vernulas k granitsam [The Ingush opposition returned to borders]. <https://www.kommersant.ru/doc/3916825> (In Russ.).
- [19] Kabardino-Balkarskij konflikt v Kendelene: hronika protivostoyaniya [Kabardino-Balkar conflict in Kendelen: A chronicle of confrontation]. https://news-r.ru/news/kabardino_balkar_republic/249303 (In Russ.).
- [20] Konstitutsionnyj sud priznal soglashenie o granitse Chechni i Ingushetii [Constitutional Court approved the Agreement on Ingush—Chechen border]. <https://www.kommersant.ru/doc/3821343> (In Russ.).
- [21] Konflikt kabardintsev i balkartsev v sele Kendelen stal povodom dlya dosledstvennoj proverki [Kabardinian-Balkars conflict in the village of Kendelen caused a pre-investigation check]. <https://www.interfax.ru/russia/629866> (In Russ.).
- [22] Lapkin V.V. O natsionalnom vs imperskom obustrojstve sovremennoogo miroporyadka [Nation vs empire in the contemporary world order]. *Politicheskie Issledovaniya*. 2018; 4 (In Russ.).
- [23] *Mezhnatsionalnoe soglasie v obshcherossijskom i regionalnom izmerenii. Sotsiokulturnyj i religioznyj konteksty* [Interethnic Consent in National and Regional Dimension. Social-Cultural and Religious Contexts]. Otv. red. L.M. Drobizheva. Moscow; 2018 (In Russ.).

- [24] *Mezhnatsionalnoe soglasie kak resurs konsolidatsii rossijskogo obshchestva* [Interethnic Consent as a Resource for Consolidation of the Russian Society]. *Otv. red. L.M. Drobizheva. Moscow; 2016 (In Russ.)*.
- [25] *Mezhnatsionalnyy konflikt: osnovnye kontseptsii i iskhodnye teoreticheskie gipotezy* [Interethnic conflict: Basic concepts and theoretical hypotheses]. https://studexpo.ru/895633/filosofiya/mezhnatsionalnyy_konflikt_osnovnye_kontseptsii_ishodnye_teoreticheskie_gipotezy (In Russ.).
- [26] *Mitinguyushchie v Magase prizvali Evkurova otkazatsya podpis pod soglaseniem o granitse* [Protesters in Magas encouraged Evkurov to revoke his signature from the Agreement on border]. <https://ria.ru/politics/20181010/1530378983.html> (In Russ.).
- [27] *Muradov M., Sergeev N., Tyazhlov I. U glavy Ingushetii razladilos s obshchestvom* [Head of Ingushetia at odds with society]. https://www.kommersant.ru/doc/4011510?from=doc_vrez (In Russ.).
- [28] *Naydenko V.N. Ugrozy bezopasnosti Rossii v sfere etnonatsionalnykh otnoshenij* [Threats to Russia's security in the sphere of ethnic-national relations]. *Sotsiologicheskaya Nauka i Sotsialnaya Praktika. 2018; 6 (3) (In Russ.)*.
- [29] *Pantin V.I., Lapkin V.V. Transformatsii politicheskikh prostranstv v usloviyakh perekhoda k politsentrichnomu miroporyadku* [Transformations of political spaces under the transition to polycentric world order]. *Politicheskije Issledovaniya. 2018; 6 (In Russ.)*.
- [30] *Petukhov V.V. Dinamika sotsialnykh nastroyenij rossiyan i formirovanie zaprosa na peremenu* [Dynamics of Russians' social attitudes and a public demand for changes]. *Sotsiologicheskije Issledovaniya. 2018; 11 (In Russ.)*.
- [31] *Plohoe nachalo: bednyh stalo bolshe* [A bad start: The number of poor people increased]. <https://www.gazeta.ru/business/2019/07/29/12541783.shtml> (In Russ.).
- [32] *Popov M.E. Sovremennye teorii konflikta etnicheskikh identichnostej* [Contemporary theories of ethnic identities conflict]. *Politicheskaja Ekspertiza. 2015; 11 (1) (In Russ.)*.
- [33] *Rossijskoe obshchestvo v 2017-m: sotsialnoe samochuvstvie, trevogi, nadezhdy na budushchee* [Russian Society in 2017: Social Well-Being, Concerns, Hopes for the Future]. *Moscow; 2017 (In Russ.)*.
- [34] *Rossijskoe obshchestvo i vyzovy vremeni*. Kn. 3 [Russian Society and Challenges of the time. Book 3]. *Pod red. M.K. Gorshkova, N.E. Tikhonovoy. Moscow; 2016 (In Russ.)*.
- [35] *Rossijskoe obshchestvo posle prezidentskikh vyborov—2018: zapros na peremenu* [Russian Society after the Presidential Election—2018: A Demand for Changes]. *Moscow; 2018 (In Russ.)*.
- [36] *Semenenko I.S., Lapkin V.V., Bardin A.L., Pantin V.I. Mezhdru gosudarstvom i natsiej: dilemmy politiki identichnosti na postsovetском prostranstve* [Between state and nation: Dilemmas of identity politics in post-Soviet societies]. *Politicheskije Issledovaniya. 2017; 5 (In Russ.)*.
- [37] *Semenenko I.S., Lapkin V.V., Pantin V.I. Tipologiya etnopoliticheskoi konfliktnosti: metodologicheskie vyzovy "bolshoi teorii"* [Typology of ethnic conflicts: Methodological challenges of 'big theory']. *Politicheskije Issledovaniya. 2016; 6 (In Russ.)*.
- [38] *Semenenko I.S. Politika identichnosti i identichnost v politike: etnonatsionalnye rakursy, evropejskij kontekst* [Identity politics and identity in politics: Interethnic perspectives, European context]. *Politicheskije Issledovaniya. 2016; 4 (In Russ.)*.
- [39] *Skvortsov N.G. Formirovanie natsionalnoj identichnosti v sovremennoj Rossii* [Development of national identity in contemporary Russia]. *Gumanitarniy Yuga Rossii. 2016; 4 (In Russ.)*.
- [40] *Sledstvennym upravleniem initsiirovano provedenie dosledstvennoj proverki po sobytiyam v selenii Kendelen* [Investigative Committee initiated a pre-investigation check of the events in the village of Kendelen]. <http://kbr.sledcom.ru/news/item/1256940> (In Russ.).
- [41] *Strategiya gosudarstvennoj natsionalnoj politiki Rossijskoj Federatsii na period do 2025 goda* [Strategy of State National Policy of Russian Federation until 2025]. <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70184810> (In Russ.).
- [42] *Tekst ofitsialnogo vystupleniya V.A. Kolokoltseva na rasshirennom zasedanii kollegii MVD Rossii* [Official statement of V.A. Kolokoltsev at the meeting of the board of the Russian Ministry of Internal Affairs]. <https://mvd.rf/document/3172398> (In Russ.).

- [43] Tikhonova N.E. Dinamika normativno-tsennostnoj sistemy rossijskogo obshchestva: 1995—2010 gody [Dynamics of the normative-value system of the Russian society: 1995—2010]. *Obshchestvennye Nauki i Sovremennost*. 2011; 4 (In Russ.).
- [44] Tikhonova N.E. “Negativnaya stabilizatsiya” i faktory dinamiki blagosostoyaniya naseleniya v postkrizisnoj Rossii [“Negative stabilization” and factors of social welfare dynamics in post-crisis Russia]. *Sotsiologicheskij Zhurnal*. 2019; 25 (1) (In Russ.).
- [45] Tikhonova N.E. Sootnoshenie interesov gosudarstva i prav cheloveka v glazah rossiyan: empiricheskij analiz [Relation of state interests and human rights in perception of Russians: An empirical analysis]. *Politicheskie Issledovaniya*. 2018; 5 (In Russ.).
- [46] Tikhonova N.E. Socialnaya politika v sovremennoj Rossii: novye sistemnye vyzovy [Social policy in contemporary Russia: New system challenges]. *Obshchestvennye Nauki i Sovremennost*. 2019; 2 (In Russ.).
- [47] Tikhonova N.E. Sotsialny liberalizm: est li alternativy? [Social liberalism: Are there alternatives?]. *Obshchestvennye Nauki i Sovremennost*. 2013; 2 (In Russ.).
- [48] Tkachenko A.G. Ukreplenie rossijskoj natsionalnoj identichnosti kak protivodejstvie radikalnomu natsionalizmu [Strengthening Russian national identity as a way to counter radical nationalism]. *Vestnik AEB MVD Rossii*. 2015; 6 (In Russ.).
- [49] Shakhbanova M.M. Mezhetnicheskaya napryazhennost i etnicheskij konflikt: sodержanie, faktory formirovaniya, tipologiya [Interethnic tension and ethnic conflict: Content, forming factors, typology]. *Vestnik Instituta IAE*. 2017; 1 (In Russ.).

DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-4-722-736

Уровень этноконфессиональной толерантности в Саратовском регионе*

И.А. Бегинина¹, С.Г. Ивченков¹, М.С. Ивченкова²,
Н.В. Шахматова¹

¹Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н.Г. Чернышевского

Ул. Большая Казачья, 120, корп. 7, Саратов, Россия, 410012

²Институт социологии Федерального научно-исследовательского
социологического центра Российской академии наук

Ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5, Москва, Россия, 117218

(e-mail: begininaia@info.sgu.ru; ivchenkovsg@mail.ru;

m.ivchenkova@gmail.com; nadezhdashakhmatova@yandex.ru)

Этноконфессиональные взаимоотношения в полиэтнических регионах отличаются динамизмом и выстраиваются как под влиянием процессов глобализации и роста горизонтальной мобильности, так и под воздействием повседневных практик населения. Все эти факторы определенным образом структурируют общественное мнение и определяют степень толерантности регионов и России в целом. Цель работы — оценка уровня этноконфессиональной толерантности населения в полиэтнической среде Саратовской области. В статье представлены результаты социологического опроса, проведенного в марте 2018 года в городе Саратове и одиннадцати районах области. Опрос показал, что степень принятия человека иной национальности обратно пропорциональна величине социальной дистанции. Уровень религиозной толерантности населения также высок, но не увязывается с размером социальной дистанции. Согласно полученным данным, подавляющее большинство опрошенных не сталкивались с нарушениями национальных или религиозных прав, а среди тех, кто реально испытывал национальную дискриминацию (лично или близкое окружение), это выражалось в форме игнорирования, оскорбления и насмешек, сложностей при приеме на работу, угроз и физического насилия. В целом низкая степень распространения прямых форм негативного этноконфессионального отношения подчеркивает достаточно высокий уровень толерантности в Саратовской области. Межнациональные отношения саратовцев с представителями кавказских народов более рискогенны, чем с представителями народов, традиционно селившихся на территории области (украинцы, татары, казахи, евреи, башкиры, поволжские немцы). Несмотря на доминирование положительных оценок национальной политики, она все же нуждается в корректировке с учетом особенностей региона.

Ключевые слова: толерантность; общественное мнение; этническая толерантность; конфессиональная толерантность; идентификация; конфликт

Современные процессы глобализации, с одной стороны, и регионализации — с другой, отражаются в противостоянии двух тенденций: стремлении к социально-культурной этнической идентификации и социально-культурной унификации. Этнические и конфессиональные составляющие определенным образом структу-

* © Бегинина И.А., Ивченков С.Г., Ивченкова М.С., Шахматова Н.В., 2019.

Статья поступила 23.01.2019 г. Статья принята к публикации 23.04.2019 г.

рируют общественное мнение населения и определяют степень толерантности регионов и России в целом. Исследование этноконфессиональной толерантности актуализируется в условиях резко возросшего расслоения населения по критерию материального достатка, усиления миграционных потоков, возрастания роли религии и этничности [18]. Хрупкость и динамичность этноконфессиональных отношений требует своевременного и научно обоснованного анализа государственных и муниципальных органов власти, что требует постоянного социологического мониторинга межэтнических и межконфессиональных взаимоотношений в современной полиэтнической среде, в том числе — в многонациональном принимающем регионе, каким является Саратовская область.

Межэтническое и межрелигиозное социальное взаимодействие постоянно находятся в поле зрения этносоциологии [1]. Социологический анализ межэтнических отношений в регионах России проводится в контексте их гармонизации, т.е. сохранения этнокультурной идентичности всех групп: в частности, изучаются факторы, провоцирующие этническую нетерпимость, реакция общества на приток инокультурных мигрантов [1; 6; 14]. Исследования последних лет показывают, что этническая и конфессиональная ситуация в стране динамична и неустойчива [5; 15; 19]. Сегодня в России, прежде всего в крупных городах, имеют место проявления экстремизма, насилия и агрессии, заметен и радикальный национализм, который разделяет россиян по этническому признаку и препятствует утверждению общероссийской идентичности [13].

Феномен толерантности уходит корнями еще в античность: первоначально ее определяли как лояльное отношение к людям с другими религиозными взглядами. И. Кант считал, что толерантность предполагает существование мотивации индивида участвовать в жизни социума, но сама по себе мотивация не является достаточным условием познания и полноценной толерантности — важно равенство сторон в возможностях реализации своих взглядов [9. С. 28]. П. Николсон выделил основные признаки толерантности, которые интегрируют такие признаки, как невмешательство и ненасилие: «несмотря на свое моральное несогласие с нетривиальным для него отклонением в нормах, толерантный субъект, следуя своеобразному императиву толерантности, все же не отторгает это отклонение и не старается помешать его существованию» [22. С. 146].

В России понятие толерантности появилось в XIX веке в либеральной среде как синоним терпимости, потом было забыто и вновь актуализировалось в конце XX века с более широким спектром значений [26]. Так Л.Х. Батагова [2] полагает, что этническая и межконфессиональная толерантность — залог государственной безопасности страны. Д.С. Батарчук [3] подчеркивает, что этническое разнообразие требует от каждого человека понимания, уважения и принятия другого. С.В. Колесова [12] рассматривает толерантность как антипода ксенофобии и подчеркивает опасность последней в молодежной среде. К.М. Ольховиков [24] показывает взаимосвязь толерантности с моралью и религиозностью общества. Л.И. Сосковец [28] увязывает религиозную толерантность со свободой совести и исповедания, а Г.О. Цверганишвили [31] и А. Циприс [32] считают толерантность неотъемлемой частью повседневной и гражданской активности современ-

ного человека. Многие авторы проводят границу между понятиями толерантности и терпимости [4; 10; 16], например, отмечая, что понятие толерантности шире терпимости и предполагает добровольное, активное и сознательное уважение чужого мнения, иных ценностей и стандартов поведения. М.Б. Хомяков [30] решает проблему границ толерантности, выделяя три ее типа — прагматический (практика обретения спокойствия), либеральный (рациональный консенсус свободных людей) и как самостоятельной ценности (**взаимное** уважение и признание). Л.В. Скворцов [27] разработал типологию толерантности в зависимости от существующего в конкретном месте и в конкретное время общественного сознания: тип толерантности соотносится с концептом «свой—чужой» и определяет поведенческие стереотипы участников взаимодействия.

Будучи поликомпонентным явлением, толерантность может быть рассмотрена в рамках диверсификационного подхода, предполагающего разные уровни ее формирования и функционирования применительно к конкретной ситуации, группе и индивиду [25]. Индивидуальные границы толерантности зависят от многих параметров: человеческие качества, широта восприятия, порог сопротивляемости, идентичность и т.д. Б.Р. Могилевич [17] предложила рассматривать толерантность через триаду: «интерес—понимание—уважение» к «чужой/иной» личности, группе, государству, культуре, которые соответствуют эмоциональной, когнитивной и поведенческой составляющей личностно-ориентированного подхода. При таком подходе толерантность проявляется в понимании и уважении различий, в признании равенства личностей, их идентичностей. Толерантность является признаком уверенной идентичности и открытости. Толерантность как социально-субъектное качество индивида актуализируется в его отношениях с представителями других культур, говорящих на другом языке, исповедующих другие религиозные взгляды. В этом смысле толерантность — это осознанная житейская позиция, которая предполагает взаимную ответственность сообщества и индивида в конкретной ситуации.

Цель нашего исследования — выявление уровня этноконфессиональной толерантности населения в полиэтнической среде региона, каким является Саратовская область. В марте 2018 года в области был проведен социологический опрос методом анкетирования квотно-стратифицированной выборки в 1305 человек. В опросе приняли участие жители областного центра (Саратов) и одиннадцати районов Саратовской области: 34,5% — представители младшего поколения, 44% — среднего и 21% — старшего. 85,3% опрошенных — русские. Представители других, типичных для Поволжья национальностей, представлены в меньшей степени: татары (5,5%), туркмены (1,4%), евреи, казахи, башкиры, украинцы и болгары (по 0,7%), армяне, чеченцы, лакцы (по 0,5%), грузины, осетины, дагестанцы, поволжские немцы, молдаване (по 0,2%). Верующими себя назвали 54,6%, четверть затруднились с ответом, и пятая часть верующими себя не считают. Чуть более 40% указали религиозную конфессию: доминирует (81,6%) православие, 16,2% исповедуют ислам, по 1% — иудаизм, буддизм или протестантизм. Основные параметры выборки соответствуют характеристикам генеральной совокупности, что позволяет говорить о репрезентативности данных (ошибка выборки — 2,5%).

Результаты опроса показали, что самый высокий уровень самоидентификации жителей саратовского региона — семейный: 78,2% определяют себя через призму своей семьи и близкого окружения. Чаще других на это указывали лица со средним специальным образованием (83,9%), специалисты (89,2%), ученые (85,7%) и все магистры. Гражданская идентичность проявлена чуть меньше семейной, однако также определяет позиции большинства: 63,3% идентифицируют себя с гражданами России, чаще других так идентифицировали себя респонденты с неоконченным средним (84%) и со средним специальным (76%) образованием. Выделение самохарактеристики «россияне» свидетельствует о том, что она, по сути, замещает прежнее понятие «советский народ» и востребовано общественным мнением как символ этноконфессионального единения и высокой степени толерантности (табл. 1), т.е. высокий уровень толерантности опирается на историческую и социокультурную память советских принципов интернационализма.

Таблица 1

Группы, о которых респондент может сказать «это — мы», %

Идентификационные группы	%
семья, близкие	78,2
граждане России	63,2
россияне	60,2
земляки, жители города, села, области	48,3
люди, строго соблюдающие законы	40
люди той же национальности, что и я	39,1
люди моего поколения	38,4
коллектив моего предприятия	36,3
люди того же достатка, что и я	30,1
люди моей профессии	29,2
люди моей веры, вероисповедания	28,3
люди, лояльные президенту	27,4
советские люди	26,2
люди схожих политических взглядов	22,3
те, кто добился успеха	20,2
менеджеры, управленцы	11,3
люди, разделяющие европейские ценности	11,3

Землячество также проявлено в идентификационных позициях, однако в меньшей степени (48,3%), особенно среди лиц с неоконченным средним образованием (61,5%), с полным средним (54,8%) и средним специальным образованием (57,9%). Однако тот факт, что оно оказалось на четвертом месте свидетельствует об актуальности региональной идентификации, формировании регионального самосознания. Причем чем ниже уровень образования, тем больше население ориентировано на этот критерий самоидентификации. В семерку по наибольшей выраженности вошли также правовая (40%), национальная (39,1%) и поколенческая (38,4%) идентичности. В значительной степени близость с членами трудового коллектива ощущают 36,3% респондентов, с людьми одного достатка — 30%, своей профессии — 34,3% опрошенных. Пороговым маркером в последнем случае выступает высшее образование: имеющие его чаще других ощущают близость с людьми своей профессии: 39,1% — среди бакалавров, 45,7% — среди специалистов, 50% — среди магистров и 57% — среди ученых.

На близость с представителями своей национальности указали 44,2% саратовцев. Чаще других об этом говорили представители со средним специальным образованием (54,3%) и специалисты (46%). Ощущает эту близость каждый второй с неоконченным и полным средним образованием, а также бакалавры (59,6%), специалисты (47,8%) и магистры (53,3%). На отсутствие такой близости в четыре раз чаще других указывали ученые (42,9% против 9,4% по выборке), т.е. чем выше уровень образования, тем тоньше связь с людьми своего этноса. В число наименее проявленных вошли профессиональная, религиозная, ценностная, мировоззренческая и политическая идентичности.

Как показали результаты опроса, уровень этнической толерантности саратовского региона сопоставим с общероссийским и достаточно высок. Более 60% всегда готовы принять человека другой национальности в качестве близкого друга, более 50% — в качестве матери или отца своих детей (табл. 2). Тех, кто ни при каких условиях не готов принимать человека иной национальности, оказалось не более 12%. Причем чем выше уровень образования, тем выше уровень готовности принять человека другой национальности в качестве близкого друга, однако люди с высшим образованием чаще склонны к ситуативному оцениванию такого принятия. В качестве соседа по дому готовы принять человека другой национальности 47,1% опрошенных, особенно лица со средним специальным (55,7%) образованием, специалисты (53,2%), магистры (60%). Негативно к этому относятся преимущественно лица с начальным (50%), неполным средним (7,7%) и общим средним образованием (7,6% при 5,1% в среднем по выборке). В качестве коллеги по работе всегда согласны принять человека другой национальности большинство опрошенных (50,1%) — противоположной точки зрения придерживается 3,9%, преимущественно лица с начальным (50%), общим средним (5,1%), средним специальным (5,7%) образованием и бакалавры (4,2%), которые чаще воспринимают трудовых мигрантов как конкурентов за свое рабочее место. Чем выше уровень образования, тем толерантнее отношения саратовцев с потенциальными или реальными коллегами по работе другой этнической принадлежности. Иными словами, степень принятия человека иной национальности обратно пропорциональна величине социальной дистанции — чем меньше дистанция, тем выше уровень толерантности.

Таблица 2

Принятие человека другой национальности, %

Согласие всегда принять человека другой национальности в качестве...	%
близкого друга	61,1
матери или отца ваших детей	50,6
коллеги по работе	50,1
супруга/супруги	48,7
гостя, туриста в нашей стране	47,6
соседа по дому	47,1
гражданина нашей страны	42,1

Уровень религиозной толерантности населения саратовского региона также высок, но не увязывается с размером социальной дистанции. В качестве близкого друга человека иной веры готовы принять 57,7%, в качестве коллеги по работе — 46,4%, матери или отца своих детей — 46%, соседа — 44,4% (табл. 3). Обнаружилось два вектора принятия человека другой веры в качестве гражданина: по мере повышения образования от начального к среднему специальному это принятие изменялось от полного негативизма (все с начальным образованием) через ситуативное (доминировало у лиц с неоконченным средним — 66,7% — и средним образованием — 51,3%) до полного принятия людьми со средним специальным образованием (45,1%). Среди людей с высшим образованием вектор был иным: от 48,9% бакалавров, полостью принимающих людей другой веры в качестве граждан через ситуационное принятие у специалистов и магистров (51,3% и 58,3%) до неприятия учеными (12,5% против 6,1% в среднем по выборке).

Таблица 3

Принятие человека другой веры, %

Согласие всегда принять человека другой веры в качестве...	%
близкого друга	57,7
коллеги по работе	46,4
матери или отца ваших детей	46
соседа по дому	44,4
гостя, туриста в нашей стране	42,8
супруга /супруги	43,9
гражданина нашей страны	39,1

Подтверждаются эти тенденции данными об окружении респондентов. Так, у 13,6% супруги — представители иной национальности, у 11,3% — иной веры. В родственном кругу у 36,6% опрошенных есть представители иной национальности, у 25,1% — иной веры. Среди друзей у 72,4%, среди коллег у 71,7% и среди соседей у 67,6% встречаются представители другой национальности, более 60% имеют представителей иной веры среди друзей, коллег и соседей (табл. 4). Иными словами, население Саратовской области придерживается принципов межэтнического согласия, и чем шире социальное окружение, тем выше уровень толерантности по этноконфессиональным признакам.

Таблица 4

Наличие представителей других национальностей и вероисповеданий в близком социальном окружении, %

Близкое социальное окружение	Представитель другой национальности	Представитель иной веры
муж или жена	13,6	11,3
круг родственников (племянники, тети, дяди, бабушки, дедушки...)	36,3	25,1
соседи	67,6	58,2
друзья	72,4	63,2
коллеги	71,7	61,1

Социологический контекст толерантности предполагает диалектическое существование нетолерантности как понятия, противоположного по своей сути и проявляющегося во враждебном отношении индивидов, представителей разных социальных, культурных, политических культур друг другу и к другим группам. Речь идет об этноконфессиональных конфликтах, когда этничность или вера выступают как основание дискриминации, отрицательной установки, неприязни, крайним выражением которых становятся ксенофобия и агрессивный национализм. 77,5% опрошенных не сталкивались с ситуациями нарушения национальных прав (лично или их знакомые), что свидетельствует о стабильности и высоком уровне толерантности населения. О подобных случаях вспомнили 22,4%: 15% слышали от знакомых, 3% — от близких, 4,5% сами оказывались в ситуации национальной дискриминации. Учитывая модальные значения по всем социально-демографическим параметрам можно составить портрет жителя саратовского региона, национальные или религиозные права, которого чаще всего нарушаются: это мужчина старше 56 лет, с низким достатком, чаще армянин (христианин) или дагестанец (мусульманин), проживающий в Октябрьском районе Саратова, Лысогорском, Красноармейском или Саратовском районе Саратовской области.

Было целесообразно рассмотреть ситуации нарушения национальных прав у тех 7,5% респондентов, кто все же сталкивался с такими случаями. По описаниям респондентов, речь обычно идет об оскорблениях или насмешках (48,8%), сложностях при приеме на работу (24,4%), избиениях (12,2%), игнорировании (4,9%), непринятии коллективом (7,3%) и плохом обслуживании (2,4%). Участникам опроса для контроля было предложено из списка действий, имплицитно или напрямую отражающих негативное отношение к представителям их национальности, выбрать те, с которыми они лично сталкивались. Большинство отметили субъективные эмоциональные формы негативного (но не насильственного) отношения по национальному признаку, демонстративное нежелание разговаривать, холодное, отчужденное общение (табл. 5).

Таблица 6

Виды негативных эмоциональных реакций на национальность респондента, с которыми он сталкивался за последние 2—3 года

Виды реакций	%
холодно, отчужденно общались	27,2
демонстративно не желали разговаривать	15,2
делали в мой адрес оскорбительные замечания, насмешки	13
отказывали в получении желаемой работы	11,6
осложняли поступление в вуз или другое учебное заведение	9,8
отказывались продать какой-либо товар	8,9
угрожали физической расправой	8,9
применяли физическое насилие	5,4

Выявлено, по сути, три формы конфликтов, которые можно сопоставить со стадиями их развертывания: в рамках первой формы (63,8%) выказывалось латентное недовольство; в рамках второй (21,9%) — открыто демонстрировалось

негативное отношение; в рамках третьей (14,3%) — прямые угрозы и насильственные действия. Последняя форма отражает высокий уровень межнациональной напряженности, но на территории Саратовской области доля таких проявлений невелика. Более 85,5% опрошенных за последний год не участвовали и не наблюдали конфликтных ситуаций, вызванных национальными разногласиями. Лично участвовали в них 1,2% респондентов, 8,8% наблюдали, а 4,6% слышали о подобных ситуациях от знакомых. Респонденты, которые описывали суть конфликтных ситуаций, обычно говорили о форме одежды или бытовых разногласиях как поводах для конфликта. О случаях нарушения их национальных прав чаще упоминают армяне, лакцы, дагестанцы, реже — русские и татары. О подобных ситуациях, произошедших с их близкими, чаще говорят туркмены, лакцы, евреи и казахи. Слышали о случаях национальной дискриминации чаще татары, болгары, молдаване и осетины. Таким образом, межнациональные отношения саратовцев с представителями кавказских народов более рискогенны, чем с представителями народов, традиционно селившихся на территории области (украинцы, татары, казахи, евреи, башкиры, поволжские немцы).

Религиозные разногласия в конфликтных ситуациях проявлены в еще меньшей степени (не сталкивались с ними 92,6%). Чуть больше 7% знают о подобных случаях лично или слышали о них от других от других. Поводами в таких конфликтах чаще были религиозные ритуалы или нетерпимое отношение к представителям иной веры одной из сторон конфликта.

Все данные свидетельствуют о низком уровне этнорелигиозной конфликтности в Саратовской области. Тем не менее, дискриминационные практики необходимо отслеживать и способствовать их сокращению, на что и направлена национальная политика. Ряд оценочных высказываний, отражающих мнение жителей региона о качестве реализуемой национальной политики, требовал определения меры согласия, где 1 балл отражал полное несогласие, 5 баллов — полное согласие (табл. 6). Самый высокий усредненный балл (3) был выявлен относительно позиции «Власти располагают комплексной стратегией национальной политики и успешно ее реализуют»: 34% с этим согласились. 26% согласились с тем, что, располагая комплексной стратегией, власти неэффективно ее реализуют. Разрозненными и неэффективными стратегии национальной политики в саратовском регионе посчитали 21%. Об отсутствии каких-либо действий в этой области говорят 19%. Модальным значением оказались 3 балла, выражающие частичное согласие с каждым из высказываний. Несмотря на доминирование положительных оценок национальной политики, реализуемой в регионе, она все же нуждается в корректировке для повышения ее эффективности. Видимо, отталкиваясь от собственного опыта, положительную оценку национальной политике в регионе чаще дают поволжские немцы, дагестанцы и башкиры — они все в той или иной степени одобряют эту политику. К ним присоединились каждый второй туркмен, чеченец и армянин. Среди татар доля одобряющих в той или иной степени национальную политику в регионе — 47,8%, среди русских — 34,10%, среди евреев — каждый третий. Вместе с тем все молдаване и лакцы (по 100%), 66,7% украинцев, а также каждый третий русский, еврей и казах считают эту национальную политику в регионе неэффективной.

Современные исследования показывают, что на динамику межэтнических и межконфессиональных отношений в субъектах Российской Федерации оказывают влияние внутренние (демографические, социально-экономические, религиозно-институциональные) и внешние (миграционные, идеологические и пр.) факторы [19. С. 287—307; 27. С. 10]. Все они создают условия для возникновения или снижения межэтнических и межконфессиональных противоречий и напряженности. Исходя из этого, несмотря на низкий уровень конфликтности этноконфессиональных взаимоотношений в Саратовской области, важно отслеживать факторы, которые способствуют или препятствуют нарушению баланса в данной сфере. В ходе корреляционного анализа была выявлена поколенческо-возрастная специфика: чаще всего в ситуации нарушения национальных прав попадали представители старшей возрастной группы (табл. 6). Сам факт меньшей конфликтности среди молодежи демонстрирует позитивную тенденцию в развитии толерантности этноконфессиональных отношений, что согласуется с результатами других исследований [8].

Таблица 6

Случаи этнической дискриминации по возрастам, %

Возрастные интервалы	Наличие случаев нарушения национальных прав			
	да, случилось со мной лично	да, случилось с моими близкими	слышал(а) об этом среди моих знакомых	нет
18—29 лет	2,2	3	14,9	79,9
30—55 лет	5,5	2,2	18,6	73,8
56—86 лет	6	4,8	7,1	82,1
По выборке	4,5	3	15	77,6

О том, что что наблюдали конфликтные ситуации за последний год или слышали о них от знакомых, чаще говорят представители младшей возрастной группы (табл. 7), что может свидетельствовать либо о частоте подобных ситуаций в молодежной среде, либо об обостренном восприятии младшим поколением подобных случаев, а также о реакции молодежи на этноконфессиональную несправедливость, отражаемую в СМИ, особенно в интернет-пространстве. О том, что лично участвовали в конфликтах на национальной почве, чаще заявляют представители среднего поколения. В целом чем старше население, тем реже оно сталкивается с реальными этноконфликтами, возможно, в силу меньшей мобильности и коллективной памяти о советском интернационализме.

Таблица 7

Столкновение с конфликтами на национальной почве по возрастам, %

Возрастные интервалы	Столкновение за последний год с конфликтной ситуацией, вызванной национальными разногласиями			
	нет	да, я лично участвовал	да, я лично наблюдал подобное	да, слышал об этом от моих знакомых
18—29 лет	81,9	0,7	11,4	6
30—55 лет	87	1,6	7,3	4,2
56—86 лет	88,2	1,1	7,5	3,2
По выборке	85,5	1,2	8,8	4,6

Низкий уровень конфликтогенности сказывается на мнении поколений об эффективности национальной политики в регионе. Среди представителей младшего поколения с этим согласились чуть более 28% респондентов. Критичнее других оказались представители среднего поколения — 36,3% из них в той или иной мере считают ее неэффективной, хотя почти такова же доля тех, кто поддерживает усилия региональной власти в данном направлении (36,4%). В группе старших поколений солидарны с этой позицией 44%. Чем старше респондент, тем чаще он полностью согласен с тем, что региональные власти успешно реализуют стратегию национальной политики в Саратовской области.

Хотя и мужчины, и женщины в большинстве случаев говорят о том, что не сталкивались с ситуациями дискриминации по национальному или религиозному признаку, среди мужчин, тех, с кем это случалось лично, в два раза больше, чем среди женщин. Среди женщин в два раза больше тех, с кем это случалось в их близком окружении.

Уровень жизни также влияет на распространенность случаев национальной и религиозной дискриминации: чем ниже уровень жизни, тем чаще упоминаются случаи дискриминации. Так, в группе с самым низким уровнем жизни («едва сводим концы с концами») чуть более 27% упоминают, что случаи нарушения национальных или религиозных прав случались с ними лично, в группах с высоким уровнем жизни о подобных ситуациях вообще никто не упоминал. Иными словами, чем выше уровень жизни, тем реже саратовцы непосредственно сталкиваются с нарушением национальных прав, однако чаще имеют такую информацию от знакомых (за исключением самых состоятельных).

Что касается влияния района проживания на распространенность случаев этнической дискриминации, то случаи нарушения своих национальных прав чаще упоминали жители Октябрьского района Саратова, Красноармейского района, Саратовского района и Лысых гор. О подобных ситуациях с близкими людьми чаще говорят жители Волжского и Октябрьского районов Саратова, слышали о подобных ситуациях чаще проживающие в Заводском районе Саратова, а также Петровском и Пугачевском районах области. Также можно отметить, что чаще всего по совокупному проценту с подобными ситуациями сталкивались жители Октябрьского района Саратова (более 50% опрошенных). Кроме того, из числа опрошенных жителей Фрунзенского района Саратова и Балтайского района Саратовской области никто о подобных ситуациях не упоминал. Следовательно, территориальный фактор сказывается на этноконфессиональных отношениях и целесообразно более пристально наблюдать за развитием ситуаций в выявленных рискогенных районах. Тем более что более 50% опрошенных жителей Саратовского района, около 60% Балтайского, 42% Красноармейского районов области и 56% Фрунзенского района Саратова полагают, что власти региона не располагают комплексной эффективной стратегией национальной политики.

Таким образом, результаты исследования — относительно низкий уровень значимости этнической и религиозной идентичностей — свидетельствует об их слабой актуализированности для саратовцев, что подтверждается важностью самоидентификации как «россиянина», видимо, как символа межнационального единения и высокой степени толерантности. Степень принятия человека иной национальности оказалась обратно пропорционально величине социальной дистанции, а религиозная толерантность населения хотя также высока, но не связана с величиной социальной дистанции. Соответственно, подавляющее большинство саратовцев не оказывались лично в ситуациях нарушения своих национальных или религиозных прав, но даже те, кто сталкивался с национальной или религиозной дискриминацией, как правило, не упоминают прямые и активные формы негативного конфликтного этнорелигиозного взаимодействия, что подчеркивает достаточно высокий уровень толерантности в Саратовской области. Чем моложе население, тем реже оно лично сталкивается с нарушениями своих национальных прав, но острее на них реагирует. Чем ниже уровень жизни семьи, тем чаще люди лично сталкиваются с проявлениями национальной или религиозной дискриминации. Больше всего упоминаний о конфликтных ситуациях по национальному признаку фиксируется в Красноармейском и Саратовском районах области, которые можно отнести к наиболее рискованным с точки зрения возможных проявлений этноконфессиональной нетерпимости, а потому на этих районах следует сфокусировать мероприятия в рамках реализации региональной стратегии национальной политики.

Библиографический список

- [1] *Арутюнова Е.М.* Запросы населения в сфере языка и культуры в Республике Татарстан // ИНАБ. 2017. № 3.
- [2] *Батагова Л.Х.* Религиозный экстремизм и проблемы этноконфессиональной толерантности на Северном Кавказе // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2009. № 118.
- [3] *Батарчук Д.С.* Толерантность как социально-психологический феномен этнически диверсифицированного общества // Вестник ТГПУ. 2010. № 5.
- [4] *Горина М.* Терпение и толерантность. Одного ли «поля» эти «ягоды»? // Логос: молодежная православная газета. 2007. № 1.
- [5] *Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра / отв. ред. Л.М. Дробижева. М., 2013.*
- [6] *Дробижева Л.М. и др.* Межнациональное согласие как ресурс консолидации российского общества / отв. ред. Л.М. Дробижева. М., 2016.
- [7] *Дробижева Л.М.* Гражданская и этнонациональная идентичность как ресурс консолидации общества // Роль и место национально-культурной автономии в гармонизации межэтнических отношений в регионах России. Казань, 2017.
- [8] *Дробижева Л.М., Кошарная Г.Б.* Актуальная идентичность и межэтнические отношения в поволжском регионе // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. 2016. № 4.
- [9] *Кант И.* Критика способности суждения. СПб., 1989.
- [10] *Каплан В.* Толерантность: христианский взгляд // Фома. 2013. № 3.

- [11] *Касьянова Е.И.* Нравственный механизм детерминации толерантности // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2008. № 75.
- [12] *Колесова С.В.* Воспитание толерантности у студенческой молодежи // Молодой ученый. 2012. № 4.
- [13] *Кузнецов И.М., Хухлаев О.Е.* Диагностический подход к мониторингу рисков межнациональной конфликтности // Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие. М., 2012.
- [14] *Лурье С.В.* Кризису вопреки: возрождение сценария «Дружбы народов» // Глобальный мир: системные сдвиги, вызовы и контуры будущего. СПб., 2017.
- [15] Межэтническая напряженность в меняющемся социальном контексте: результаты исследования / отв. ред. М.Ф. Черныш. М., 2017.
- [16] *Мезенцев Е.А.* Проблема границ толерантности // Международный научно-исследовательский журнал. 2015. № 8.
- [17] *Могилевич Б.Р.* Межкультурная коммуникация в системе социологического знания. Саратов, 2008.
- [18] *Морозова Н.М.* Адаптация мигрантов на региональном уровне: ключевые проблемы // Актуальные вопросы перспективных научных исследований. Смоленск, 2017.
- [19] *Мчедлова М.М.* Религиозно-мировоззренческий фактор и межнациональные отношения в России // Научный результат. Серия: Социология и управление. 2016. Т. 2. № 3.
- [20] *Мчедлова М.М.* Религия и общество в современной России: поиск единства // Российское общество и вызовы времени. Кн. 5 / под ред. М.К. Горшкова, В.В. Петухова. М., 2017.
- [21] *Нарбут Н.П., Троцук И.В.* Страхи и опасения российского студенчества: возможности эмпирической фиксации // Теория и практика общественного развития. 2014. № 2.
- [22] *Николсон П.П.* Толерантность как моральный идеал // Толерантность. Исследования. Переводы. Информация / науч. ред. М.Б. Хомяков. Екатеринбург, 2001.
- [23] *Новикова Т.* Проблемы толерантности в современном обществе и журналистика // RELGA. 2005. № 12.
- [24] *Ольховиков К.М.* Толерантность через конфликт: власть религии в зеркале социологии морали // Вопросы политологии и социологии. 2012. № 2.
- [25] *Петтай И.* Взаимная толерантность эстонцев и не эстонцев // Интеграция эстонского общества. Мониторинг 2000. Таллин, 2000.
- [26] *Семашко М.А.* Развитие термина «толерантность» в гуманитарных науках // <http://www.emissia.org/offline/2007/1204.htm>.
- [27] *Скворцов Л.П.* Толерантность: иллюзия или средство спасения // Октябрь. 1997. № 3.
- [28] *Сосковец Л.И.* Религиозная толерантность и свобода совести: история и теория вопроса // Известия ТПУ. 2004. № 2.
- [29] *Сушко П.Е.* Возможности прогнозного моделирования межэтнических отношений в российских регионах на примере изучения диаспорных и земляческих групп // Этнос и общество в контексте межнациональных отношений. Краснодар, 2017.
- [30] *Хомяков М.Б.* Толерантность и ее границы // Национальный психологический журнал. 2011. № 2.
- [31] *Цверганишвили Г.О.* О толерантности в межнациональных отношениях // RELGA. 2013. № 8.
- [32] *Циприс А.* Толерантность означает терпимость // <http://pokolenie-x.com/?p=23029>.
- [33] *Чебыкина О.А.* Историко-методологический анализ проблемы толерантности // Медицина и образование в Сибири. 2013. № 1.

The level of ethnic-confessional tolerance in the Saratov Region*

I.A. Beginina¹, S.G. Ivchenkov¹, M.S. Ivchenkova²,
N.V. Shakhmatova¹

¹Saratov State University
Bolshaya Kazachya St., 120, bldg. 7, Saratov, Russia, 410012

²Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences
Krzhizhanovskogo St., 24/35, bldg. 5, Moscow, Russia, 117218
(e-mail: begininaia@info.sgu.ru; ivchenkovsg@mail.ru;
m.ivchenkova@gmail.com; nadezhdashakhmatova@yandex.ru)

Abstract. Ethnic-confessional relationships in multiethnic regions are dynamic and influenced by globalization and the growth of horizontal mobility, and also by everyday practices. All these factors structure the public opinion in a certain way and determine the degree of tolerance of the regions and Russia as a whole. The article aims at assessing the level of ethnic-confessional tolerance in the multiethnic Saratov Region. The article presents the results of the sociological survey conducted in March 2018 in the city of Saratov and eleven districts of the Saratov Region. According to the survey's results, the degree of acceptance of a person of a different nationality is inversely proportional to the size of social distance. The level of the religious tolerance is also high, but does not correlate with the size of social distance. According to the data, the vast majority of respondents did not encounter violations of national or religious rights, and among those who actually experienced national discrimination (personally or in close social circle) it was expressed in the form of ignoring, insulting, difficulties when looking for employment, threats and physical abuse. In general, the low prevalence of direct forms of negative ethnic-religious attitudes proves the high level of tolerance in the Saratov Region. Interethnic relations of the Saratovites with representatives of the Caucasian peoples are more prone to conflicts than with representatives of peoples traditionally settled in the region (Ukrainians, Tatars, Kazakhs, Jews, Bashkirs, Volga Germans). Despite the prevailing positive assessments of the national policy, it still needs to take into account the features of the Saratov Region.

Key words: tolerance; public opinion; ethnic tolerance; confessional tolerance; identity; conflict

References

- [1] Arutyunova E.M. Zпросы naseleniya v sfere yazyka i kultury v Respublike Tatarstan [Requests of the population in the field of language and culture in the Republic of Tatarstan]. *INAB*. 2017; 3 (In Russ.).
- [2] Batagova L.Kh. Religiozny ekstremizm i problemy etnokonfessionalnoy tolerantnosti na Severnom Kavkaze [Religious extremism and problems of ethno-confessional tolerance in the North Caucasus]. *Izvestiya RGPU im. A.I. Gertsena*. 2009; 118 (In Russ.).
- [3] Batarchuk D.S. Tolerantnost kak sotsialno-psikhologichesky fenomen etnicheski diversifitsirovannogo obshchestva [Tolerance as a social-psychological phenomenon of ethnically diversified society]. *Vestnik TGPU*. 2010; 5 (In Russ.).

* © I.A. Beginina, S.G. Ivchenkov, M.S. Ivchenkova, N.V. Shakhmatova, 2019.
The article was submitted on 23.01.2019. The article was accepted on 23.04.2019.

- [4] Gorinova M. Terpenie i tolerantnost. Odnogo li “polya” eti “yagody”? [Patience and tolerance. Are they ‘berries’ from the same ‘field’?]. *Logos: molodezhnaya pravoslavnyaya gazeta*. 2007; 1 (In Russ.).
- [5] *Grazhdanskaya, etnicheskaya i regionalnaya identichnost: vchera, segodnya, zavtra* [Civil, Ethnic and Regional Identity: Yesterday, Today, and Tomorrow]. Otv. red. L.M. Drobizheva. Moscow; 2013 (In Russ.).
- [6] Drobizheva L.M. i dr. *Mezhnatsionalnoe soglasiye kak resurs konsolidatsii rossiyskogo obshchestva* [Interethnic Harmony as a Resource of Consolidation of the Russian Society]. Otv. red. L.M. Drobizheva. Moscow; 2016 (In Russ.).
- [7] Drobizheva L.M. *Grazhdanskaya i etnonatsionalnaya identichnost kak resurs konsolidatsii obshchestva* [Civil and ethnic-national identity as a resource of consolidation of society]. *Rol i mesto natsionalno-kulturnoy avtonomii v garmonizatsii mezhnatsionalnykh otnosheniy v regionakh Rossii*. Kazan; 2017 (In Russ.).
- [8] Drobizheva L.M., Kosharnaya G.B. Aktualnaya identichnost i mezhetnicheskie otnosheniya v povolzhskom regione [Actual identity and interethnic relations in the Volga Region]. *Izvestiya Vysshikh Uchebnykh Zavedeniy. Povolzhskiy Region*. 2016; 4 (In Russ.).
- [9] Kant I. *Kritika sposobnosti suzhdeniya* [Critique of judgment]. Saint Petersburg; 1989 (In Russ.).
- [10] Kaplan V. Tolerantnost: khristiansky vzglyad [Tolerance: A Christian perspective]. *Foma*. 2013; 3 (In Russ.).
- [11] Kasyanova E.I. Nravstvenny mekhanizm determinatsii tolerantnosti [Moral mechanism of tolerance determination]. *Izvestiya RGPU im. A.I. Gertsena*. 2008; 75 (In Russ.).
- [12] Kolesova S.V. Vospitanie tolerantnosti u studencheskoy molodezhi [Teaching students of tolerance]. *Molodoy Ucheny*. 2012; 4 (In Russ.).
- [13] Kuznetsov I.M., Khukhlaev O.E. Diagnostichesky podkhod k monitoringu riskov mezhnatsionalnoy konfliktnosti [A diagnostic approach to the monitoring of ethnic conflict risks]. *Sotsiologiya i obshchestvo: globalnye vyzovy i regionalnoe razvitie*. Moscow; 2012 (In Russ.).
- [14] Lurie S.V. Krizisu vopreki: vozrozhdenie stsenariya “Druzhby narodov” [Contrary to the crisis: A revival of the ‘peoples’ friendship’ scenario]. *Globalny mir: sistemye sdvigi, vyzovy i kontury budushchego*. Saint Petersburg; 2017 (In Russ.).
- [15] *Mezhnatsionalnaya napryazhennost v menyayushchemsya sotsialnom kontekste: rezultaty issledovaniya* [Inter-Ethnic Tensions in the Changing Social Context: Results of the Study]. Otv. red. M.F. Chernysh. Moscow; 2017 (In Russ.).
- [16] Mezentsev E.A. Problema granits tolerantnosti [The problem of tolerance limits]. *Mezhdunarodny Nauchno-Issledovatel'skiy Zhurnal*. 2015; 8 (In Russ.).
- [17] Mogilevich B.R. *Mezhkulturnaya kommunikatsiya v sisteme sotsiologicheskogo znaniya* [Intercultural Communication in the System of Sociological Knowledge]. Saratov; 2008 (In Russ.).
- [18] Morozova N.M. Adaptatsiya migrantov na regionalnom urovne: klyuchevye problem [Adaptation of migrants at the regional level: Key challenges]. *Aktualnye voprosy perspektivnykh nauchnykh issledovaniy*. Smolensk; 2017 (In Russ.).
- [19] Mchedlova M.M. Religiozno-mirovozzrenchesky faktor i mezhnatsionalnye otnosheniya v Rossii [Religious-ideological factor and interethnic relations in Russia]. *Nauchnyy Rezultat. Seriya: Sotsiologiya i Upravlenie*. 2016; 2 (3) (In Russ.).
- [20] Mchedlova M.M. Religiya i obshchestvo v sovremennoy Rossii: poisk edinstva [Religion and society in contemporary Russia: In search for unity]. *Rossiyskoe obshchestvo i vyzovy vremeni*. Kn. 5. Pod red. M.K. Gorshkova, V.V. Petukhova. Moscow; 2017 (In Russ.).
- [21] Narbut N.P., Trotsuk I.V. Strakhi i opaseniya rossiyskogo studenchestva: vozmozhnosti empiricheskoy fiksatsii [Fears and concerns of Russian students: An empirical study]. *Teoriya i Praktika Obshchestvennogo Razvitiya*. 2014; 2 (In Russ.).
- [22] Nicholson P.P. Tolerantnost kak moralny ideal [Tolerance as a moral ideal]. *Tolerantnost. Issledovaniya. Perevody. Informatsiya*. Nauch. red. M.B. Khomyakov. Ekaterinburg; 2001 (In Russ.).

- [23] Novikova T. Problemy tolerantnosti v sovremennom obshchestve i zhurnalistika [Issues of tolerance in contemporary society and journalism]. *RELGA*. 2005; 12 (In Russ.).
- [24] Olkhovikov K.M. Tolerantnost cherez konflikt: vlast religii v zerkale sotsiologii morali [Tolerance through conflict: The power of religion in the mirror of sociology of morality]. *Voprosy Politologii i Sotsiologii*. 2012; 2 (In Russ.).
- [25] Pettai I. Vzaimnaya tolerantnost estontsev i ne estontsev [Mutual tolerance of Estonians and non-Estonians]. *Integratsiya estonskogo obshchestva. Monitoring 2000*. Tallinn; 2000 (In Russ.).
- [26] Semashko M.A. Razvitie termina “tolerantnost” v gumanitarnykh naukakh [Development of the term ‘tolerance’ in Humanities]. <http://www.emissia.org/offline/2007/1204.htm> (In Russ.).
- [27] Skvortsov L.P. Tolerantnost: illyuziya ili sredstvo spaseniya [Tolerance: Illusion or a means of rescue]. *Oktyabr*. 1997; 3 (In Russ.).
- [28] Soskovets L.I. Religioznaya tolerantnost i svoboda sovesti: istoriya i teoriya voprosa [Religious tolerance and freedom of conscience: History and theory]. *Izvestiya TPU*. 2004; 2 (In Russ.).
- [29] Sushko P.E. Vozможности prognosticheskogo modelirovaniya mezhetnicheskikh otnosheniy v Rossiyskikh regionakh na primere izucheniya diaspornykh i zemlyacheskikh grupp [Possibilities of predictive modeling of interethnic relations in the Russian regions on the example of the study of diasporas and nation-community groups]. *Etnos i obshchestvo v kontekste mezhnatsionalnykh otnosheniy*. Krasnodar; 2017 (In Russ.).
- [30] Khomyakov M.B. Tolerantnost i ee granitsy [Tolerance and its limits]. *Natsionalny Psikhologichesky Zhurnal*. 2011; 2 (In Russ.).
- [31] Chorionicvillus G.O. O tolerantnosti v mezhnatsionalnykh otnosheniyakh [On tolerance in interethnic relations]. *RELGA*. 2013; 8 (In Russ.).
- [32] Tsipris A. Tolerantnost oznachaet terpimost [Tolerance means toleration]. <http://pokolenie-x.com/?p=23029> (In Russ.).
- [33] Chebykina O.A. Istoriko-metodologicheskyy analiz problemy tolerantnosti [Historical-methodological analysis of tolerance]. *Meditina i Obrazovanie v Sibiri*. 2013; 1 (In Russ.).

DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-4-737-755

Международная миграция в приграничных регионах России: опыт структурного моделирования установок населения*

С.Г. Максимова, Д.А. Омельченко, О.Е. Ноянзина

Алтайский государственный университет
Просп. Ленина, 61, Барнаул, Россия, 656049
(e-mail: svet-maximova@yandex.ru; daria.omelchenko@mail.ru;
noe@list.ru)

Смена миграционных паттернов и структуры международной миграции в России, ее переориентация на транзитные формы, подстраивающиеся под изменения рынка труда и местные условия, в совокупности с серьезными экономическими и демографическими потерями, привели к необходимости корректировки миграционной политики. Политика, ориентированная только на мигрантов, без учета мнений принимающего населения, не способна обеспечить баланс интересов и стабильность в регионе, а также обретение выгод, которые способна дать международная миграция. Именно от принимающего населения во многом зависит то, каких аккультурационных стратегий будут придерживаться мигранты, насколько успешно будет проходить их адаптация и интеграция. По материалам социологического исследования, проведенного в приграничных регионах России в 2018 году, авторы обосновывают наличие общего фактора оценки, предопределяющего установки населения, представляют структурную модель их детерминации, включающую характеристики регионального социума, социоструктурные и идентификационные факторы. Жители приграничных регионов уверены в отсутствии позитивного влияния международной миграции на российскую экономику и ее способности компенсировать демографические потери, недооценивают риски дискриминации и социальной эксклюзии трудовых мигрантов. Практически во всех обследованных регионах на общее восприятие миграции влияют диаспоральные идентичности и результаты субъективного сравнения региона с «остальной Россией». Ощущение личной безопасности, оценка материального положения, миграционный опыт и культурные факторы важны для объяснения оценок по отдельным индикаторам и регионам. Исследование подчеркивает значение борьбы с этническими предрассудками и мигрантофобией и позитивного общественного мнения для эффективности миграционной политики, соответствующей национальным интересам в вопросах привлечения иностранного человеческого и культурного капитала.

Ключевые слова: международная миграция; транзитная миграция; установки населения; миграционная ситуация; приграничные регионы; моделирование; конфирматорный факторный анализ

Россия остается одним из флагманов международной миграции, занимая четвертое место в мире (после США, Саудовской Аравии и Германии) по количеству мигрантов на ее территории: по данным ООН за 2017 год, их было более 11,6 млн

* © Максимова С.Г., Омельченко Д.А., Ноянзина О.Е., 2019.

Статья поступила 13.03.2019 г. Статья принята к публикации 28.06.2019 г.

(в США — 50 млн, в Саудовской Аравии и Германии — по 12 млн)? или около 8% ее населения, что в 2,3 раза выше общемирового уровня [24]. Полученные в России доходы поддерживают не только отдельные домохозяйства, но и целые государства, составляя значительную долю в структуре ВВП стран СНГ — лидирующих поставщиков рабочей силы в Россию: только в 2017 году личные отчисления трудовых мигрантов из России превысили 20,6 млрд долларов, доля доходов трудовых мигрантов, в том числе работающих в России, обеспечила 35,1% ВВП Киргизии, 32,2% — Таджикистана, 20,5% — Молдовы, 15,5% — Армении [40]. Зависимость российской экономики и особенно демографии от результатов международной миграции велика. Миграционный прирост более чем наполовину позволяет компенсировать естественную убыль населения, растет доля иностранных работников в общей численности занятого населения (с 0,3% в 1999—2000 годах до 2,4% в 2018 году), увеличивается количество получающих российское гражданство иностранцев (только в 2018 году — 239,3 тыс.) и смешанных браков, растет приток высококвалифицированных мигрантов, что позволяет увеличивать бюджетные поступления [3; 5; 7—9]. Несмотря на характерное для последних лет снижение привлекательности российского рынка труда, приводящее к сокращению миграционных потоков из постсоветских стран и их переориентации на другие рынки [2], международные мигранты по-прежнему тесно вплетены в экономические, социально-правовые и культурные отношения, а миграционная ситуация не сходит с политической повестки дня.

Хотя влияние международной миграции дифференцировано — более всего оно ощущается в Центральном федеральном округе, где миграционный прирост максимален, все российские регионы в той или иной степени задействованы в международном миграционном обмене [9]. При этом очевидные для демографов и экономистов положительные эффекты международной миграции далеко не так очевидны для принимающего населения. Присутствие значительного количества мигрантов на территории России, разнообразие их жизненных траекторий и планов создают проблемы адаптации населения к новым миграционным условиям, увеличивают риск поляризации общества, его разделения на «своих» и «иных» [4], что обуславливает необходимость изучения восприятия трудовых мигрантов принимающим населением.

В зарубежных исследованиях последних лет проблемы взаимодействия принимающего населения с новыми, пусть и временными, членами общества, часто описываются через факторы, определяющие вариабельность реакций старожильческих групп на растущее культурное, этническое и конфессиональное разнообразие: угроза потери национальной идентичности [27], издержки и рост конкуренции за ресурсы [19], оценка необходимости и идентификационных характеристик мигрантов, их восприятие в качестве членов общества или обособленной группы [18; 21], националистические взгляды и идеология [32]. Прослеживается четкое понимание того, что аккультурация — это двусторонний процесс, и от принимающего населения зависит, какие аккультурационные и, в перспективе, интеграционные стратегии будут разделять мигранты [38].

Важное значение для понимания роли представлений и установок населения в отношении миграции и мигрантов имеют несколько теоретических моделей. Одной из ранних теоретических конструкций, исследующих отношения между мигрантами и принимающим населением, является гипотеза контакта (Contact Hypothesis). Согласно данной гипотезе, негативные установки и предубеждения у обеих сторон вызваны, прежде всего, недостатком знаний и опыта сотрудничества, а их преодоление возможно благодаря совместным действиям, поощряемым властями. Критический анализ возможностей и ограничений гипотезы контакта можно найти в многочисленных работах [11; 38], в том числе в России [1]. Гипотеза воспринимаемого сходства (Similarity-Attraction Hypothesis [13]) позволяет взглянуть на проблемы отношения населения к мигрантам как на результат идентификации. Она объясняет, почему люди стремятся жить в сообществах, члены которых имеют сходные расовые и этнические характеристики, образ жизни, политические и религиозные взгляды и, напротив, уезжают, если местные жители вызывают экзистенциальную тревогу своим внешним видом, обычаями и идеологией [17; 31].

Одной из наиболее влиятельных и авторитетных является интегративная теория угроз (Integrated Threat Theory, ИТТ) [34], вобравшая в себя положения когнитивных теорий, теорий социального сравнения и конфликта. В первоначальном варианте теории ее авторы (В. и К. Штефан) утверждали, что существует четыре типа угроз, выраженность которых способствует распространению предубеждений, расизма и этнической дискриминации: реалистические угрозы — воспринимаемые как объективные и реальные угрозы благополучию группы или ее членов; символические угрозы — связанные с ценностями, убеждениями и верованиями; внутригрупповая тревога — результат негативной оценки, страха потери самоуважения и негативных стереотипов. В 2002 году В. Стефан и К. Ренфро [35] предложили обновленную версию теории, в которой количество угроз было сокращено до двух (реальные и символические), а внутригрупповая тревога и негативные стереотипы обозначены в качестве факторов, способствующих их усилению. Эта теория широко применяется в миграционных исследованиях для объяснения негативных установок населения, особенно в сочетании с другими моделями. Например, в рамках инструментальной модели группового конфликта взаимоотношения между принимающим населением и мигрантами описываются в терминах межгрупповой конкуренции вследствие ограниченности ресурсов, неравного доступа к ним и социальной иерархии, поддерживающей неравенство [20]. Исследования в США, Канаде и Новой Зеландии [20; 39] подтвердили практическую значимость этой модели в объяснении реакции принимающего населения на интенсификацию миграционных процессов.

Между тем акцент только на отрицательных аспектах взаимодействия мигрантов и местного населения не соответствует реальным отношениям между ними, которые вполне могут восприниматься как положительные и взаимовыгодные. В этой связи представляют интерес появившиеся в последние годы теоретические модели, способные выявлять как негативные, так и позитивные установки насе-

ления [10; 37]. Например, проводя исследование среди социальных работников в Израиле, Е. Тартаковский и С. Уолш [36], основываясь на теории гуманистических ценностей и расширенной интегральной теории угроз, предположили, что население воспринимает миграцию как благоприятное явление и одновременно как угрожающее для принимающего общества. Концептуализация результатов исследования в виде четырех типов угроз (экономических, физических, социальной сплоченности и современности) и четырех типов преимуществ (экономических, физических, гуманитарных и культурного разнообразия) позволила авторам доказать их опосредующее воздействие на взаимосвязи между предпочтением социальных ценностей и поддержкой миграционной политики, направленной на защиту прав мигрантов либо принимающего общества.

Перечисленные модели не являются всеобъемлющими, они имеют определенные ограничения. Понятия «культуры» и «идентичности», присущие большинству исследований миграции, могут быть отнесены к значительному количеству артефактов, групп и институтов, требуют теоретического и методического уточнения и дополнения другими концептами. Научные представления о миграции стремительно меняются под влиянием глобализации и технологического прогресса, расширяющих возможности для осуществления миграционных намерений, развития транзитной (по сути, непрекращающейся) миграции и поддержания транснациональных контактов. Проведенное социологическое исследование, с одной стороны, позволило применить вышеописанные теории и концепции для описания особенностей миграционной ситуации в регионах российского приграничья, отличающихся географическим положением, этнокультурным составом, степенью влияния международной миграции на демографические, экономические и социальные показатели регионального развития, с другой стороны — предоставило данные для построения эмпирических моделей, учитывающих специфическую миграционную ситуацию, особенности реализации миграционной политики и установки населения.

Исследование было проведено в 2018 году в семи приграничных регионах России: Алтайском крае, Оренбургской, Мурманской, Псковской, Ростовской областях, Республике Алтай и Республике Дагестан. Выбор регионов базировался на типологии регионов России, учитывающей особенности географического положения, динамические характеристики миграционных процессов, социально-экономические и демографические показатели [6]. Выборочная совокупность формировалась на основе пропорционального (квотного) метода в сочетании с маршрутными технологиями отбора респондентов и репрезентировала половозрастную и поселенческую структуру региона (N = 3770). Наибольшие межрегиональные различия наблюдались по типу населенного пункта — в Мурманской и Псковской областях доля опрошенных в городах составила 90% — и этноконфессиональной принадлежности — в национальных республиках была опрошена наименьшая доля русского населения и наибольшая доля населения, исповедующего отличные от христианства религии (табл. 1).

Основные демографические и социокультурные характеристики опрошенных в регионах исследования, %

Показатель		Алтайский край	Оренбургская область	Мурманская область	Псковская область	Республика Алтай	Республика Дагестан	Ростовская область
Тип населенного пункта	Городские поселения	64,3	69	90	90	27,4	59,7	68,9
	Сельские поселения	35,7	31	10	10	72,6	40,3	31,1
Пол	Мужчины	49,4	47,1	46,9	44,6	48,3	46,1	51,4
	Женщины	50,6	52,9	53,1	55,4	51,7	53,9	48,6
Возраст	До 29 лет	31,7	19	28,6	27	33,1	43,8	22,8
	30—49 лет	38,7	46,6	39,8	37,2	38	36,9	46
	50 лет и старше	29,6	34,4	31,6	35,8	28,9	19,2	31,2
Образование	Начальное профессиональное или менее	20	12	17	27,7	19,6	27,4	24,6
	Среднее профессиональное (техникум, колледж) или неполное высшее	40,2	46,4	37,4	36,9	41,7	36,4	42,1
	Высшее профессиональное, ученая степень	39,7	41,6	45,5	35,3	38,7	36,2	33,3
Национальность	Русские	76,8	78,8	69,1	76	19,6	3,5	74,6
	Другие национальности	23,2	21,2	30,9	24	80,4	96,5	25,4
Религиозная принадлежность	Православие и другие христианские течения	35,3	73,8	72,5	84,1	26,7	3,5	88,5
	Ислам	13,7	13,3	4,9	4,4	6,5	90,7	5,1
	Буддизм, иудаизм	16,8	0	1,2	0	3,6	1,4	0,5
	Верю в Высшие силы		5,2	11	5,9		3,3	3,2
	Исповедую традиционную религию своих предков, поклоняюсь богам и силам природы	4,9				50,5		
	Затрудняюсь ответить, не могу сказать точно	20,6	7,7	8,5	2,4	9,8	0,8	2,1

Представления, мнения и оценки населения о международной миграции оценивались с помощью процедуры многомерного шкалирования: респонденты отмечали степень своего согласия с 12 утверждениями, в совокупности представляющих континуум, один полюс которого характеризовался положительным восприятием международной миграции, а другой — отрицательным, предвзятым отношением к мигрантам и миграции. Для удобства интерпретации оценки были сгруппированы в категории «низких» (1—3 баллов), «средних» (4—7) и «высоких» (8—10). На начальном этапе обработки данных был проведен первичный описательный анализ результатов с опорой на статистические показатели. Далее с помощью факторного анализа была проанализирована структура взаимосвязей между показателями. Полученные факторы легли в основу комплексной статистической модели установок населения по отношению к международной миграции.

Общая характеристика оценок населения

Согласно полученным данным, в структуре общественного мнения о международной миграции преобладают характеристики, ассоциирующие ее исключительно с трудовой миграцией и стереотипными представлениями о характере взаимоотношений мигрантов и работодателей: с тем, что «мигранты делают работу дешевле и быстрее, чем местные жители», «мигранты создают конкуренцию на рынке труда и „отнимают“ работу у местных жителей» согласились более 40%. Одновременно значительная часть населения (42,9%, в том числе от 44% до 54% в группах, поставивших высокие баллы по предыдущим показателям) придерживается позиции, что мигранты — это такие же люди, как и коренные жители. Таким образом, для большинства жителей приграничных регионов международная миграция находит воплощение прежде всего в трудовой сфере, связана с привычными социальными практиками и взаимоотношениями между приезжими и местными на рынке труда. При этом демпинговые стратегии трудовых мигрантов являлись скорее обычным фактом, чем поводом для борьбы за «отнятые» рабочие места.

Исследование подтвердило распространенность среди населения негативных стереотипов и предубеждений: от 30% до 40% выразили высокую степень согласия с тем, что миграция введет к ухудшению криминогенной обстановки, ухудшает межнациональные отношения, приводит к размыванию традиционной российской культуры и образа жизни. Серьезную обеспокоенность вызвали дискутируемые в СМИ предположения, что мигранты являются разносчиками инфекций и заболеваний: 31,3% поставили высокие баллы по соответствующим показателям, в том числе 15% — максимальный балл. Одновременно население практически не разделяет очевидные для научного сообщества и политических элит убеждения, что миграция позволяет восполнить дефицит квалифицированных специалистов и улучшить демографическую ситуацию: только 9,7% дали высокие оценки по первому и 16,1% по второму показателю. Сомнительным в глазах большинства (только 14,1% оценок выше 7 баллов) является и потенциал миграции для повышения культурного разнообразия, открытости России новым идеям и культурам.

Опасной по своим последствиям и свидетельствующей о наличии «дремлющих» конфликтов стала тенденция сочетания предвзятого отношения к мигрантам как к заведомо ненужным и опасным «чужакам» с отрицанием негативных последствий их стигматизации: незначительная часть опрошенных (11,6% высоких оценок) согласилась с тем, что мигранты являются объектом дискриминации и могут быть ущемлены в правах.

В конечном итоге с утверждением, что миграция в целом полезна для развития экономики, согласились только 15,8%, 54,3% поставили средние оценки и 30% — низкие, среднее значение составило 4,85 балла (табл. 2). В сознании населения приграничных регионов международная миграция не является проблемой, заслуживающей серьезного внимания, у большинства отсутствует четкая позиция и рефлексия о ее социальных, экономических или культурных последствиях. Как положительные аспекты, так и угрозы миграции выделялись только отдельными категориями респондентов.

Общие оценки международной миграции по регионам

Показатель	Среднее	Медиана	Мода	Стандартное отклонение	Низкие значения (1—3 балла), %	Средние (4—7), %	Высокие (8—10), %
Мигранты делают работу дешевле и быстрее, чем местные жители	6,76	7	10	2,63	12,9	41,3	45,8
Мигранты такие же люди, как и коренные жители, и заслуживают гуманного отношения к ним	6,65	7	10	2,65	12,8	44,3	42,9
Мигранты создают конкуренцию на рынке труда и «отнимают» работу у местных жителей	6,39	7	10	2,73	16,9	43,4	39,8
Миграция введет к ухудшению криминогенной обстановки	6,09	6	5	2,66	17,7	48,5	33,9
Миграция формирует негативные стереотипы о представителях других национальностей	6,07	6	5	2,66	18,1	49,2	32,7
Мигранты завозят новые заболевания, распространяют инфекции, способствуют повышению заболеваемости	5,82	6	10	2,85	24	44,6	31,3
Миграция приводит к размыванию традиционной российской культуры и образа жизни	5,84	6	5	2,74	20,5	49,3	30,2
Мигранты помогают улучшить демографическую ситуацию в стране	4,68	5	5	2,61	35,4	48,5	16,1
Миграция — это в целом хорошо для развития экономики	4,85	5	5	2,46	30,0	54,3	15,8
Мигранты делают Россию более открытой новым идеям и культурам, привносят этническое и культурное разнообразие	4,75	5	5	2,48	33,4	52,5	14,1
Мигранты являются изгоями общества, ограничены в правах и свободах, испытывают дискриминацию	4,29	4	1	2,50	41,1	47,3	11,6
Миграция обеспечивает восполнение нехватки высококвалифицированных специалистов	4,07	4	1	2,43	44	46,3	9,7

**Модель детерминации восприятия угроз
и возможностей международной миграции
населением приграничных регионов России**

Следующий этап исследования состоял в построении комплексной математико-статистической модели для обоснования влияния значимых факторов — как общих, релевантных для зоны приграничья, так и специфических — на восприятие рисков и угроз, выгод и возможностей международной миграции. Был выбран один из наиболее востребованных в анализе данных метод, сочетающий возможности факторного, регрессионного и путевого анализа — метод моделирования структурными уравнениями (SEM) [12; 26]. В процессе разработки инструментария предполагалось, что используемые для измерения оценок населения шкалы в соответствии с threat-benefit подходом целесообразно разделить на две большие

группы. Однако предварительный анализ на объединенном массиве данных (использовался метод главных осей и вращение Varimax) показал, что исходные данные описываются не двумя, а как минимум тремя факторами, объясняющими в совокупности около 40% дисперсии.

В первый фактор с максимальной нагрузкой (больше 0,4) вошли переменные V28_3 (Мигранты создают конкуренцию на рынке труда и «отнимают» работу у местных жителей), V28_9 (Миграция введет к ухудшению криминогенной обстановки), V28_10 (Миграция приводит к размыванию традиционной российской культуры и образа жизни), V28_11 (Мигранты завозят новые заболевания, распространяют инфекции, способствуют повышению заболеваемости), V28_12 (Миграция формирует у людей негативные стереотипы о представителях других национальностей). Таким образом, первый фактор описывал наиболее значимые и актуализированные страхи и опасения, связанные с последствиями неконтролируемой миграции, незащищенности местного населения перед лицом новой миграционной реальности. Условно говоря, это был фактор угроз международной миграции (Threats). Во второй фактор с положительной нагрузкой вошли четыре переменные: V28_1 (Миграция — это, в целом, хорошо для развития экономики), V28_2 (Мигранты делают Россию более открытой новым идеям и культурам, привносят этническое и культурное разнообразие), V28_7 (Мигранты помогают улучшить демографическую ситуацию в стране), V28_8 (Миграция обеспечивает восполнение нехватки высококвалифицированных специалистов). Это фактор положительного восприятия миграции, который можно назвать фактором возможных выгод и позитивного потенциала международной миграции (Benefits). Третий фактор был представлен двумя переменными — V28_5 (Мигранты такие же люди, как и коренные жители, и заслуживают гуманного отношения к ним), V28_6 (Мигранты делают работу дешевле и быстрее, чем местные жители). Эти две переменные в наибольшей степени соответствовали реальному отношению к трудовым мигрантам, которые, с одной стороны, вытесняли местных на рынке труда, успешно конкурируя с ними и создавая собственные трудовые ниши, с другой — вызывали жалость, поскольку эта конкуренция достигалась путем согласия на менее выгодные и более тяжелые условия. Поскольку фактор объяснял всего 4% дисперсии и являлся, по сути, второстепенным, он был исключен из анализа (табл. 3).

Далее на региональных выборках был проведен анализ внутренней согласованности основных факторов (использовались коэффициенты α Кронбаха и множественной корреляции — SMC, R^2). Его результаты показали, что в большинстве регионов в первом факторе переменная V28_3 (мигранты создают конкуренцию на рынке труда и отнимают работу у местных жителей), а во втором факторе переменные V28_7 (мигранты помогают улучшить демографическую ситуацию) и V28_8 (миграция обеспечивает восполнение нехватки высококвалифицированных специалистов) имели наименьшие коэффициенты множественной корреляции с другими переменными, т.е. фактор, в который они входили, практически не объяснял их дисперсию. Кроме того, при их удалении из шкалы происходило существенное улучшение общего показателя α Кронбаха. Эти переменные также были исключены как недостаточно надежные.

Результаты факторного анализа после Varimax-вращения

Код вопроса в анкете	Показатель	Ф1	Ф2	Ф3
V28_1	Миграция — это, в целом, хорошо для развития экономики	-0,21	0,70	0,16
V28_2	Мигранты делают Россию более открытой новым идеям и культурам, привносят этническое и культурное разнообразие	-0,20	0,72	0,18
V28_3	Мигранты создают конкуренцию на рынке труда и «отнимают» работу у местных жителей	0,42	-0,06	0,14
V28_4	Мигранты являются изгоями общества, ограничены в правах и свободах, испытывают дискриминацию	0,25	0,29	-0,12
V28_5	Мигранты такие же люди, как и коренные жители, и заслуживают гуманного отношения к ним	-0,22	0,201	0,59
V28_6	Мигранты делают работу дешевле и быстрее, чем местные жители	0,12	0,11	0,43
V28_7	Мигранты помогают улучшить демографическую ситуацию в стране	-0,1	0,56	0,23
V28_8	Миграция обеспечивает восполнение нехватки высококвалифицированных специалистов	-0,02	0,55	0,06
V28_9	Миграция введет к ухудшению криминогенной обстановки	0,69	-0,13	-0,02
V28_10	Миграция приводит к размыванию традиционной российской культуры и образа жизни	0,73	-0,09	-0,05
V28_11	Мигранты завозят новые заболевания, распространяют инфекции. Способствуют повышению заболеваемости	0,72	-0,14	-0,09
V28_12	Миграция формирует у людей негативные стереотипы о представителях других национальностей	0,70	-0,02	-0,09

Затем для каждого региона были рассчитаны параллельные модели, в которых без ограничений оценивались все нагрузки и пороговые значения, что позволило оценить схожесть оценок параметров. Судя по значениям критериев согласия [23. С. 53—55], теоретическая модель хорошо соответствовала исходным данным, кроме Республики Дагестан, и после его исключения была проведена проверка измерительной инвариантности общих латентных факторов. В научной литературе по мультигрупповому конфирматорному факторному анализу (МКФА) [16; 29; 30; 33] отмечается, что для проверки факторной инвариантности требуется несколько этапов — последовательный расчет конфигуальной, слабой, сильной и полной инвариантностей. Сегодня имеется достаточное количество автоматизированных алгоритмов, мы выбрали функцию `measurementInvarianceCat`, встроенную в пакет `semTools` для среды R [25]. Результаты сравнения индексов нашей модели показали, что достигнута только сильная (скалярная) инвариантность, строгая инвариантность не была доказана. Ориентируясь на рекомендации К. Сюй [42], мы посчитали данные результаты приемлемыми для дальнейшего сравнения средних значений выраженности латентных конструкторов.

Сравнение средних значений латентных факторов в группах (среднее значение для Алтайского края являлось референтным и было приравнено к нулю) показал, что регионы отличались, главным образом, оценками негативных последствий миграции, которые в Оренбургской и Псковской областях население воспринимало как менее выраженные, а в Ростовской области, напротив, как более существенные.

Поскольку оба основных фактора отражали представления о миграции, в структурную модель были заложены гипотезы о наличии общего фактора оценки международной миграции (*General*), определяемого восприятием угроз (*Threats*) и положительных возможностей (*Benefits*). Кроме самих факторов, в модель были включены гипотезы об их наиболее значимых детерминантах, а также о влиянии общего фактора на поддержку политических стратегий в отношении нелегальных мигрантов. Концептуальная модель, лежащая в основе эмпирически проверяемой модели, основывалась на предположениях, что установки населения по отношению к международной миграции зависят от характеристик институциональной среды и состояния регионального социума (измеряемых на основе субъективных оценок социально-экономического положения региона и личной безопасности), социоструктурных характеристик респондента (уровня образования и материального положения), личного миграционного опыта и наличия социальных контактов с мигрантами, включенности в диаспоральные группы.

Зависимая переменная, отражающая стратегии миграционной политики, измерялась на основе вопроса «Что, на Ваш взгляд, следует делать с нелегальными мигрантами из стран СНГ?» и представляла собой шкалу с полярными вариантами ответа: «легализовать, помогать получить работу и ассимилироваться в России» (либеральная стратегия, направленная на привлечение как можно большего количества мигрантов и их интеграцию в российское общество) и «выдворять их за пределы России» (ограничительная стратегия, направленная на жесткий контроль миграционных потоков). Хотя в целом по выборке 45,2% высказались за применение «мягкой» и 54,8% — «жесткой» стратегий, в отдельных регионах ситуация была иной: так, в Алтайском крае и Республике Алтай практически всеми опрошенными разделялась рестриктивная (73—75% ответов), а в Мурманской области — либеральная (54,1%) стратегия. В других регионах распределение ответов было близко к равномерному (табл. 4).

Проверка значимости выявленных ассоциаций в отдельных регионах показала, что в целом гипотетическая модель хорошо воспроизводит эмпирические отношения между переменными. Во всех регионах подтвердилось наличие общего фактора, однако его направленность была различной: в Алтайском крае и Псковской области нагрузки фактора возможностей были положительными, а фактора угроз — отрицательными (рис. 1 и 4), в других регионах положительные нагрузки были у фактора угроз, что придавало обратный смысл его содержанию и определяло характер его взаимосвязей с независимыми переменными (рис. 2, 3, 5 и 7). По результатам структурного моделирования во всех регионах наиболее значимым предиктором установок населения по отношению к международной миграции стало личное отношение к мигрантам, которое либо способствовало позитивной оценке влияния международной миграции на экономику и социокультурную сферу, либо, если отношение было с признаками мигрантофобии, приводило к более пессимистическому восприятию ее негативных последствий. В большей степени эффект данного фактора проявился в Оренбургской и Мурманской областях, в меньшей степени — в Псковской области.

Гипотезы, тестируемые в структурной модели

Гипотеза	Зависимая переменная	Предиктор	Связь на диаграмме	Вопрос анкеты / категории респондентов	
H1_1	Общий фактор оценки международной миграции	Принадлежность к диаспоральным группам	General ← Diasp	Сравнивались две группы: этнические русские и другие народы, не имеющие своей государственности за пределами России (код — 0) и представители этнических диаспор, прежде всего титульных народов СНГ (код — 1)	
H1_2		Сравнительная оценка социально-экономического развития региона	General ← RegSit	«Регион, в котором Вы живете, по сравнению с другими регионами России...?» («Бедный, депрессивный, слаборазвитый» (1), «Скорее неблагоприятный, слаборазвитый» (2), «Скорее благополучный, развитый» (3), «Социально и экономически благополучный, развитый» (4)	
H1_3		Личное отношение к мигрантам	General ← MigrAtt	«Как лично Вы относитесь к мигрантам в вашем регионе?» («Резко негативно», «Скорее отрицательно, чем положительно», «Скорее положительно, чем отрицательно», «Положительно»)	
H1_4		Субъективная оценка безопасности	General ← Safety	«Насколько Вы в целом ощущаете себя в безопасности?» («Полностью ощущаю», «Скорее ощущаю», «Не очень ощущаю», «Совсем не ощущаю»)	
H1_5		Самооценка материального положения	General ← Income	«Определите уровень Вашего материального достатка, отнеся к себе одну из следующих категорий» (1 балл означал «Живу очень бедно, фактически голодаю, денег иногда не хватает даже на питание, имевшиеся ранее накопления кончились», 5 баллов — «Очень хорошо, богато (не отказываю себе ни в чем, денежные накопления постоянно прирастают)»)	
H1_6		Уровень образования	General ← Educ	Сравнивались респонденты, имеющие одно или несколько высших образований, ученые степени (1) и респонденты с более низкими образовательными уровнями (0)	
H1_7			Опыт взаимодействия с международными мигрантами, в частности с мигрантами из стран СНГ	General ← Migr_cont	«Привлекали ли Вы на работу в домашнем хозяйстве в течение последних ТРЕХ лет граждан, прибывших из стран СНГ?» (Привлекали — 1, не привлекали — 0)
H1_8			Миграционные намерения	General ← MigrInt	«Хотели бы Вы сменить место жительства?». Две категории респондентов — те, кто не хочет никуда уезжать (0) и все остальные (1)
H2_1	Стратегии миграционной политики	Общий фактор восприятия международной миграции	MigrIII ← General	Латентный фактор второго порядка, измеряемый на основе факторов угроз и позитивных возможностей	

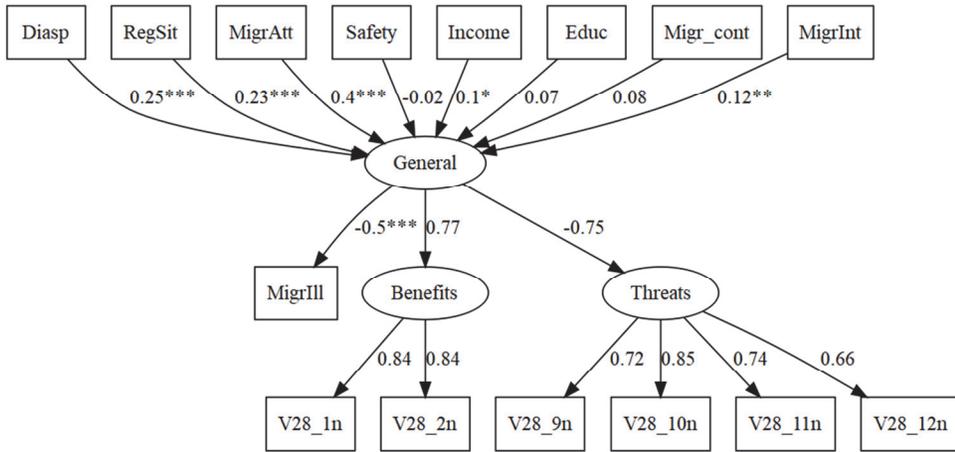

Рис. 1. Структурная модель детерминации установок населения в отношении международной миграции (Алтайский край)

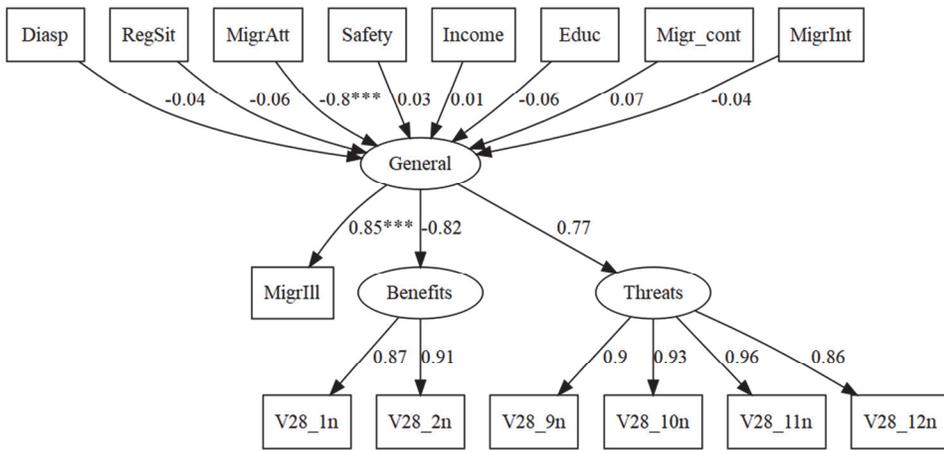

Рис. 2. Структурная модель детерминации установок населения в отношении международной миграции (Оренбургская область)

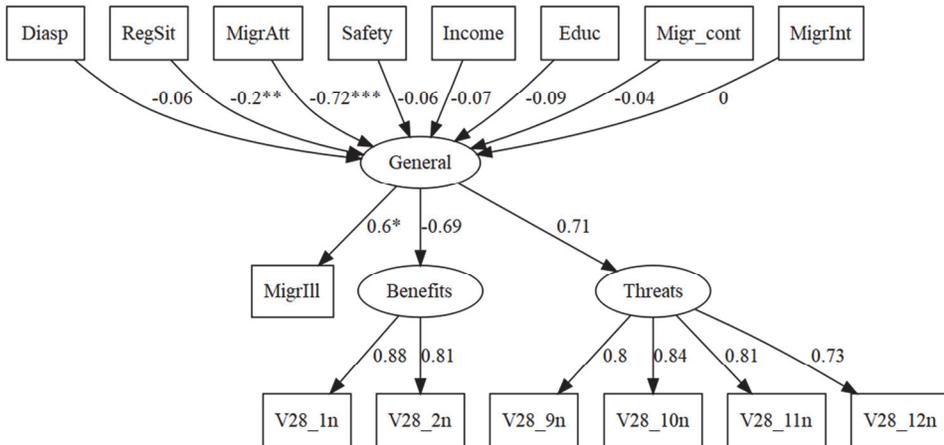

Рис. 3. Структурная модель детерминации установок населения в отношении международной миграции (Мурманская область)

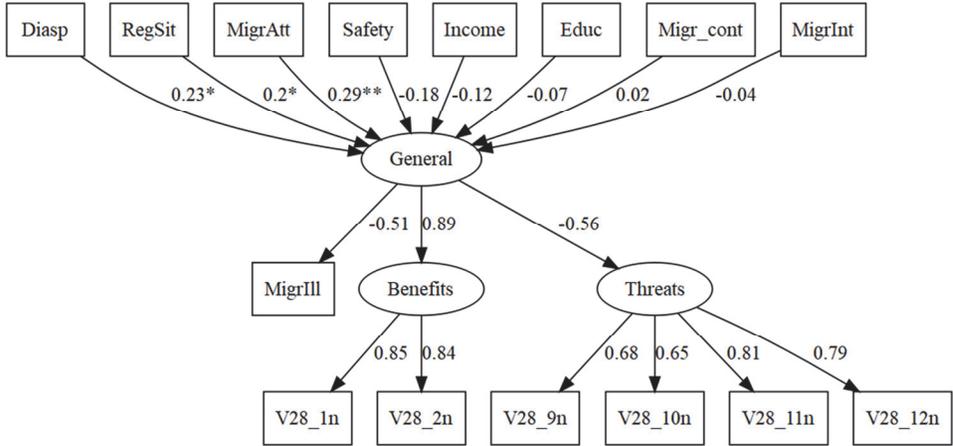

Рис. 4. Структурная модель детерминации установок населения в отношении международной миграции (Псковская область)

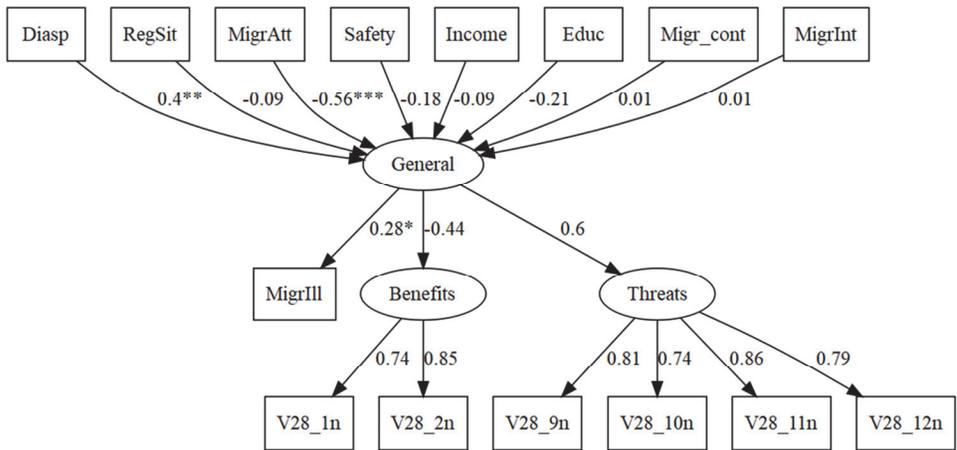

Рис. 5. Структурная модель детерминации установок населения в отношении международной миграции (Республика Алтай)

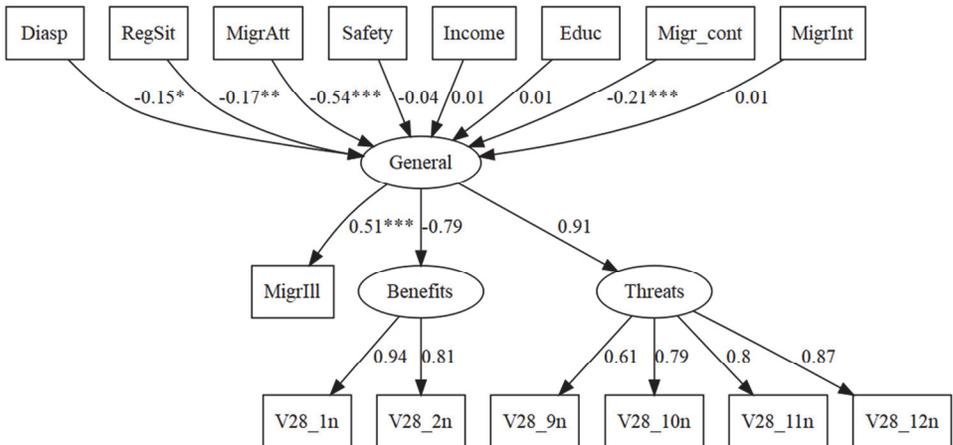

Рис. 6. Структурная модель детерминации установок населения в отношении международной миграции (Ростовская область)

В четырех из шести регионов (кроме Оренбургской области и Республики Алтай) был выявлен статистически значимый эффект социально-экономического положения региона: чем более благоприятно оценивалась ситуация по сравнению с другими регионами (регион был оценен как благополучный только 30,8% проживающих в Алтайском крае и 56,4% — в Мурманской, 43,3% — Псковской, 75,8% — Ростовской областях), тем более важными представлялись возможности миграции, и, наоборот, если положение в регионе оценивалось как неблагоприятное, депрессивное, то и международная миграция воспринималась преимущественно с позиций угроз и негативных стереотипов. Примечательно, что фактор личного финансового благополучия, практически не коррелирующий с региональными оценками, оказывал значимое воздействие на установки населения только в Алтайском крае, но и там его эффект был близок к нулевому. Незначимым оказался и фактор личной безопасности, т.е. оценки миграционной ситуации фактически не соотносится с личными диспозициями и возможностями, миграция оценивалась как абстрактное явление, не оказывающее влияние на реальное экономическое и социокультурное благополучие респондента.

Общая оценка миграции не зависела и от образовательного уровня. Тем не менее, сравнение отдельных шкал показало, что среди лиц с высшим образованием или имеющих ученые степени большую поддержку имели прогрессивные представления о миграции как инструменте экономического развития и культурных изменений, и, напротив, оказались менее распространены стереотипы, что мигранты завозят новые болезни и способствуют распространению заболеваемости среди населения.

Моделирование также подтвердило важность идентификационных процессов для оценки миграционной ситуации. Принадлежность к этническим диаспорам стала значимым фактором, определяющим положительные установки населения, особенно в Республике Алтай, где ее эффект был максимальным, что можно объяснить особенностями географического положения региона и компактным проживанием этнических групп. С другой стороны, прежде всего, русское население было в большей степени обеспокоено социальными, культурными, экономическими изменениями в регионе вследствие смены миграционных потоков и формирования новых поколений мигрантов, гораздо в меньшей степени лингвистически и культурно связанных с Россией и ее общим для постсоветского пространства культурным кодом.

Помимо уровня семейных доходов, особенности, значимые для отдельных регионов, были выявлены для факторов миграционных намерений и контактов, наличие которых способствовало позитивному восприятию международной миграции. Первый фактор был значим только в Алтайском крае, его направленность очевидна — желающие уехать из региона, а таких было 31,4% (в том числе 58,4% — среди молодежи до 29 лет и 68,4% среди оценивших ситуацию в крае как неблагоприятную), подчеркивали положительные аспекты международной миграции, тогда как не желающие покинуть регион (87,9% респондентов старше 50 лет, 74,4% — 30—49 лет, 83,8% тех, кто считал край благоприятным для проживания), были склонны к пессимистическим оценкам.

Гипотеза контакта нашла подтверждение только в Ростовской области, где в 2017 году наблюдался максимальный приток международных мигрантов (за 2013—2017 годы население Ростовской области увеличивалось за счет международной миграции в среднем на 6,5 тысяч человек ежегодно, тогда как в Алтайском крае — только на 3,3, в Оренбургской — на 2,8, в Мурманской — на 1,3, в Псковской — на 1,2, в Республике Алтай — на 170 человек). Таким образом, сам по себе опыт личного взаимодействия не достаточен для формирования устойчивых положительных установок по отношению к миграции, важную роль имеет системный характер и интенсивность межкультурной коммуникации, зависящие от общей миграционной ситуации в регионе.

Во всех регионах, кроме Псковской области, подтвердилось влияние фактора общей оценки на поддержку стратегий миграционной политики в отношении нелегальных мигрантов из СНГ: позитивное восприятие миграции ассоциировалось с поддержкой мер, направленных на стимулирование миграционного притока и ускорение интеграционных процедур, декриминализацию нелегальных мигрантов, их вывод «из тени», тогда как восприятие миграции только с позиций угроз национальной и общественной безопасности ассоциировалось с репрессивной миграционной политикой, направленной на установление административных барьеров и ограничение легитимных способов изменения статуса мигранта. Эффект данного фактора был максимальным в Оренбургской области и минимальным — в Республике Алтай.

Современная миграционная ситуация в России, с одной стороны, является частью общемировой миграционной сцены, отражающей направления, структуру и основные паттерны международной миграции (гендерные, возрастные, этнические, профессиональные и др.), с другой — имеет уникальные черты, обусловленные историческим прошлым, актуальными демографическими и экономическими вызовами. Ставка на экономический рост и развитие человеческого капитала, призванные минимизировать демографические издержки, связанные со старением населения, и обеспечить улучшение качества жизни, требует взвешенной миграционной политики, в которой ключевую роль играют сильные государственные институты, способные управлять миграционными процессами и превратить международную миграцию из сдерживающего фактора в драйвер социально-экономического развития. Успех миграционной политики на местах во многом зависит от социальных норм и ценностей, определяющих характер взаимоотношений между принимающим населением и приезжими. Особенности восприятия населением мигрантов могут в значительной степени трансформировать принимаемые государством меры по управлению миграцией, усиливая или, напротив, ослабляя.

Социологические опросы показали, что международная миграция воспринимается жителями российского приграничья как привычное и повседневное явление, не связанное с радикальным увеличением культурного разнообразия, но, тем не менее, способное нарушить этнокультурный баланс, создать предпосылки для размывания общероссийской культуры. Население приграничных регионов рас-

смачивает международную миграцию с позиций предложения дешевой рабочей силы, что в условиях ухудшения социально-экономической ситуации и распространности негативных стереотипов о мигрантах может стать источником конфликтов между старожильческим населением и приезжими. Снижению напряженности способствуют присущие большинству граждан ценностные требования справедливого и гуманного отношения ко всем жителям России, независимо от их миграционного статуса.

Структурное моделирование позволило эмпирически подтвердить наличие общего фактора оценки международной миграции, определяющего оценки по частным показателям экономических, социальных и культурных эффектов. Его выраженность и детерминация неоднородны и имеют ярко выраженную региональную специфику, отражающую особенности миграционной ситуации и характеристики институциональной среды. Практически во всех регионах на общее восприятие миграции значимое влияние оказывали результаты субъективного сравнения региона с «остальной Россией» и наличие диаспоральных идентичностей, в то время как ощущение личной безопасности или культурные факторы проявлялись только на уровне единичных индикаторов. Уникальными детерминантами, значимыми в отдельных регионах, стали самооценка материального положения, миграционные намерения и наличие личного опыта взаимодействия с мигрантами. Именно фактор общей оценки определяет поддержку населением определенных стратегий миграционной политики в отношении нелегальных мигрантов — положительное восприятие миграции сопряжено с осознанием необходимости декриминализации миграции и оказания мигрантам помощи по адаптации к жизни в России, тогда как акцент на вызовах и угрозах ассоциируется с поддержкой репрессивных мер и ограничением миграционных потоков. Структуры взаимосвязей между факторами и их детерминантами свидетельствуют о наличии механизма трансляции политической повестки дня в отношении миграции в соответствующие общественные настроения, общие для регионов России, а значит возможна типологизация региональных моделей и выделение общих моделей для регионов со сходными характеристиками.

Информация о финансировании

Статья подготовлена при поддержке Министерства образования и науки РФ, проектная часть государственного задания «Транзитная миграция, транзитные регионы и миграционная политика России: безопасность и евразийская интеграция» № 28.2757.2017/ПЧ (2017—2019).

Библиографический список / References

- [1] *Varshaver E.A.* Теория контакта: обзор // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2015. № 5 / *Varshaver E.A.* Teoriya kontakta: obzor [Contact theory: A review]. *Monitoring Obshchestvennogo Mneniya: Ekonomicheskie i Sotsialnye Pereмены*. 2015; 5 (In Russ.).
- [2] *Деминцева Е.Б., Мкртчян Н.В., Флоринская Ю.Ф.* Миграционная политика: диагностика, вызовы, предложения. М., 2018 / *Demintseva E.B., Mkrтчyan N.V., Florinskaya Yu.F.* *Migratsionnaya politika: diagnostika, vyzovy, predlozheniya* [Migration Policy: Diagnostics, Challenges, Suggestions]. Moscow; 2018 (In Russ.).

- [3] Доход от продажи патентов трудовым мигрантам составил 51 миллиард рублей / Dokhod ot prodazhi patentov trudovym migrantam sostavil 51 milliard rubley [The revenue from the sale of work patents to migrants is 51 milliard Rubles]. <https://finance.rambler.ru/economics/39687453-dohod-ot-prodazhi-patentov-trudovym-migrantam-v-rf-v-2017-godu-sostavil-51-mlrd-rublej/?updated> (In Russ.).
- [4] Дробизжева Л.М. Вариации адаптационного потенциала населения к растущему этническому многообразию // Россия реформирующаяся. 2016. № 14 / Drobizheva L.M. Variatsii adaptatsionnogo potentsiala naseleniya k rastushchemu etnicheskomu mnogoobraziyu [Variations of the population's potential for adapting to the increasing ethnic diversity]. *Rossiya Reformiruyushchayasya*. 2016; 14 (In Russ.).
- [5] Информация о социально-экономическом положении России. Январь—ноябрь 2018 года / Informatsiya o sotsialno-ekonomicheskom polozhenii Rossii. Yanvar—noyabr 2018 goda [Information on the social-economic situation in the Russian Federation. January—November 2018]. http://www.gks.ru/free_doc/doc_2018/info/oper-11-2018.pdf (In Russ.).
- [6] Омельченко Д.А., Максимова С.Г., Ноянзина О.Е. Международная миграция и безопасность российских регионов: статистический анализ и опыт построения типологии // Society and Security Insights. 2018. № 1 / Omelchenko D.A., Maksimova S.G., Noyanzina O.E. Mezhdunarodnaya migratsiya i bezopasnost rossiyskikh regionov: statistichesky analiz i opyt postroeniya tipologii [International migration and security in Russian regions: Statistical analysis and an example of typology]. *Society and Security Insights*. 2018; 1 (In Russ.).
- [7] Сводка основных показателей деятельности по миграционной ситуации в Российской Федерации за январь—ноябрь 2018 года / Svodka osnovnykh pokazatelei deyatelnosti po migratsionnoi situatsii v Rossiiskoi Federatsii za yanvar—noyabr 2018 goda [Summary of key indicators of migration situation in the Russian Federation. January—November 2018]. <https://xn--b1aew.xn--p1ai/Deljatelnost/statistics/migracionnaya/item/15252649> (In Russ.).
- [8] Число женившихся «для гражданства» приезжих выросло в 51 раз / Chislo zhenyashchikhsya “dlya grazhdanstva” priezhzhikh vyroslo v 51 raz [The number of migrants married for citizenship has multiplied 51-fold]. <https://www.pravda.ru/news/districts/1327527-citizenship> (In Russ.).
- [9] Щербакоева Е. Миграция в России, итоги первого полугодия 2018 года / Shcherbakova E. Migratsiya v Rossii, itogi pervogo polugodiya 2018 goda [Migration in Russia, results of the first half of 2018]. <http://www.demoscope.ru/weekly/2018/0783/barom05.php> (In Russ.).
- [10] Arlt D., Wolling J. Bias wanted! Examining people's information exposure, quality expectations and bias perceptions in the context of the refugees' debate among different segments of the German population. *Communications*. 2018; 43 (1).
- [11] Binder J., Zagefka H., Brown R., Funke F., Kessler T., Mummendey A., Leyens J.-P. Does contact reduce prejudice or does prejudice reduce contact? A longitudinal test of the contact hypothesis among majority and minority groups in three European countries. *Journal of Personality and Social Psychology*. 2009; 96 (4).
- [12] Bollen K.A. Structural equation models. *Encyclopedia of Biostatistics*. 2005; 7.
- [13] Byrne D. An overview (and underview) of research and theory within the attraction paradigm. *Journal of Social and Personal Relationships*. 1997; 14 (3).
- [14] Chen F.F. Sensitivity of goodness of fit indexes to lack of measurement invariance. *Structural Equation Modeling*. 2007; 14 (3).
- [15] Cristobal E., Flavián C., Guinalú M. Perceived e-service quality (PeSQ). *Managing Service Quality*. 2007; 17 (3).
- [16] Dimitrov D.M. Testing for factorial invariance in the context of construct validation. *Measurement and Evaluation in Counseling and Development*. 2010; 43 (2).
- [17] Dixon J., Durrheim K. Contact and the ecology of racial division: Some varieties of informal segregation. *British Journal of Social Psychology*. 2003; 42 (1).
- [18] Dovidio J.F., Gaertner S.L., Saguy T. Commonality and the complexity of “we”: Social attitudes and social change. *Personality and Social Psychology Review*. 2009; 13 (1).

- [19] Esses V.M., Brochu P.M., Dickson K.R. Economic costs, economic benefits, and attitudes toward immigrants and immigration. *Analyses of Social Issues and Public Policy*. 2011; 12 (1).
- [20] Esses V.M., Dovidio J.F., Jackson L.M., Armstrong T.L. The immigration dilemma: The role of perceived group competition, ethnic prejudice, and national identity. *Journal of Social Issues*. 2001; 57 (3).
- [21] Guerra R., Gaertner S.L., António R., Deegan M. Do we need them? When immigrant communities are perceived as indispensable to national identity or functioning of the host society. *European Journal of Social Psychology*. 2015; 45 (7).
- [22] Hirschfeld G., Von Brachel R. Multiple-Group confirmatory factor analysis in R-A tutorial in measurement invariance with continuous and ordinal indicators. *Practical Assessment, Research & Evaluation*. 2014; 19 (7).
- [23] Hooper D., Coughlan J., Mullen M. Structural equation modelling: Guidelines for determining model fit. *Journal of Business Research Methods*. 2008; 6 (1).
- [24] International Organization for Migration. World Migration Report. <http://publications.iom.int/books/world-migration-report-2018>.
- [25] Jorgensen T.D., Pornprasertmanit S., Schoemann A., Rosseel Y., Miller P., Quick C., Coffman D. Package 'semTools'. 2018. <http://ftp5.gwdg.de/pub/misc/cran/web/packages/semTools/semTools.pdf>.
- [26] Kline R.B. *Principles and Practice of Structural Equation Modeling*. Guilford Publications; 2015.
- [27] Louis W.R., Esses V.M., Lalonde R.N. National identification, perceived threat, and dehumanization as antecedents of negative attitudes toward immigrants in Australia and Canada. *Journal of Applied Social Psychology*. 2013; 43.
- [28] Meade A.W., Johnson E.C., Braddy P.W. The utility of alternative fit indices in tests of measurement invariance. *Academy of Management Proceedings*. 2006; 1.
- [29] Meredith W. Measurement invariance, factor analysis and factorial invariance. *Psychometrika*. 1993; 58 (4).
- [30] Millsap R.E. *Statistical Approaches to Measurement Invariance*. Routledge; 2012.
- [31] Motyl M., Iyer R., Oishi S., Trawalter S., Nosek B.A. How ideological migration geographically segregates groups. *Journal of Experimental Social Psychology*. 2014; 51.
- [32] Schwartz S.J., Vignoles V.L., Brown R., Zagefka H. The identity dynamics of acculturation and multiculturalism. *Oxford Handbook of Multicultural Identity*. Oxford University Press; 2014.
- [33] Steinmetz H., Schmidt P., Tina-Booh A., Wiczorek S., Schwartz S.H. Testing measurement invariance using multigroup CFA: Differences between educational groups in human values measurement. *Quality & Quantity*. 2008; 43 (4).
- [34] Stephan C.W., Stephan W.C., Demitrakakis K.M., Yamada A.M., Clason D.L. Women's attitudes toward men. An Integrated Threat Theory approach. *Psychology of Women Quarterly*. 2000; 24 (1).
- [35] Stephan W.G., Renfro C.L. The role of threats in intergroup relation. *From Prejudice to Intergroup Emotions*. Psychology Press; 2002.
- [36] Tartakovsky E., Walsh S.D. Testing a new theoretical model for attitudes toward immigrants. *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2015; 47 (1).
- [37] Hanefi Topal M., Ózer U., Dokuzlu E. Public perception of Syrian refugees in Turkey: An empirical explanation using extended integrative threat theory. *Problemy Polityki Społecznej. Studia i Dyskusje*. 2017; 38 (3).
- [38] Van Oudenhoven J.P., Ward C., Masgoret A.-M. Patterns of relations between immigrants and host societies. *International Journal of Intercultural Relations*. 2006; 30 (6).
- [39] Ward C., Masgoret A.M. *The Experiences of International Students in New Zealand. Report on the Results of a National Survey*. Wellington; 2004.
- [40] World Bank. Migration and Remittances Data. <http://www.worldbank.org/en/topic/migration/remittancesdiasporaissues/brief/migration-remittances-data>.
- [41] Wu A.D., Li Z., Zumbo B.D. Decoding the meaning of factorial invariance and updating the practice of multi-group confirmatory factor analysis: A demonstration with TIMSS data. *Practical Assessment, Research and Evaluation*. 2007; 12 (3).
- [42] Xu K. *Multiple Group Measurement: Invariance Analysis in Lavaan*. Cambridge Mass; 2012.

DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-4-737-755

International migration in border regions of Russia: Structural modeling of public attitudes*

S.G. Maximova, D.A. Omelchenko, O.E. Noyanzina

Altai State University

Lenina Prosp., 61, Barnaul, Russia, 656049

(e-mail: svet-maximova@yandex.ru; daria.omelchenko@mail.ru;
noe@list.ru)

Abstract. Changes in migration patterns and structure of international migration in Russia, its shift towards more transit forms in the interests of labor market and local conditions, together with serious economic and demographic losses, determine the need to change the migration policies. Such policies, if they focus on migrants without taking into account the public opinion of the host population, cannot ensure the balance of interests and stability in the region or realization of benefits of international migration. It is the choice of the host population that determines acculturation strategies and success of adaptation and integration of migrants. Based on the data of the sociological research conducted in 2018 in the border regions of Russia, the authors claim the existence of general evaluative factor of public attitudes and present the structural model of its determination consisting of institutional characteristics of regional society and social-structural and identification characteristics of respondents. According to the results of the research, the population of border regions believe that migration does not have any positive impact on the Russian economy and cannot compensate demographic losses, and underestimate risks of discrimination and social exclusion of labor migrants. In the majority of regions studied, the general perception of migration is affected by diasporal identities and comparison of the region with ‘the rest of Russia’. The subjective assessment of personal security, financial situation, migration experience and cultural factors are important for variability of indicators or regions. The study highlights the importance of fight against ethnic prejudices and migran-tophobia and of positive public opinion for the effective migration policy reflecting national interests in terms of attracting foreign human and cultural capital.

Key words: international migration; transit migration; public attitudes; migration situation; border regions; modeling; confirmatory factor analysis

Funding

The research was supported by the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, the project part of the state task “Transit migration, transit regions, and migration policy of Russia: Security and Eurasian integration” No. 28.2757.2017/ПЧ (2017—2019).

* © S.G. Maximova, D.A. Omelchenko, O.E. Noyanzina, 2019.

The article was submitted on 13.03.2019. The article was accepted on 28.06.2019.

DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-4-756-768

Русскоязычные экспаты в странах Ближнего Востока*

М.М. Акулич

Тюменский государственный университет
ул. Семакова, 10, Тюмень, Россия, 625003
(e-mail: m.m.akulich@utmn.ru)

Распространение трудовой миграции высококвалифицированных специалистов в современном мире актуализирует проблему изучения сущности и значения этого социального феномена. В процессе теоретического осмысления темы конструируется авторское понятие «экспат», которое может применяться в социологии. Интерес автора сосредоточен на адаптации русскоязычных экспатов на Ближнем Востоке. Актуальность исследования в этом регионе определяется, с одной стороны, привлекательностью стран Персидского залива для профессиональной и трудовой миграции, с другой стороны — отсутствием прикладных исследований, направленных на рассмотрение особенностей адаптации русскоязычных специалистов и членов их семей к жизни в арабской стране. Данные были получены в ходе опроса/интервью специалистов и членов их семей ($n = 50/14$), проживающих в странах Ближнего Востока. Результаты свидетельствуют, что на данный момент экспаты приезжают самостоятельно и по приглашению принимающей стороны, проходя процедуру профессионального отбора на английском языке. Экспаты и их семьи не испытывают особых трудностей в процессе адаптации к новым условиям жизни, стремятся сохранять традиции своей культуры, активно взаимодействуют с представителями диаспоры. В целом экспаты удовлетворены профессиональной деятельностью, самореализацией и условиями жизни. Однако члены их семей практически не работают по специальности, хотя преимущественно имеют высшее образование. Занятость членов семей экспатов связана в основном со сферой обслуживания. Дети учатся в американских и английских школах, общаются независимо от национальной принадлежности. Социокультурная адаптация детей проходит вполне успешно, поскольку имеются как социальные условия (парки, детские площадки, пляжи), так социокультурные (уважительное и доброжелательное отношение).

Ключевые слова: адаптация; диаспора; миграция; культура; экспатриат; экспат; Ближний Восток

Теоретико-методологические основания исследования

В настоящее время в зарубежной научной литературе активно применяются понятия «экспат» и «экспатриат», в которых нашли отражение определенные особенности современной миграции. В отечественной науке понятия «экспат» и «экспатриат» используется крайне редко, хотя явление, отраженное в данном понятии, широко распространено и требует научного осмысления. В этой связи появляется проблема определения места слов «экспат» и «экспатриат» в системе понятий, используемых гуманитарными и социальными науками, где перемещения инди-

* © Акулич М.М., 2019.

Статья поступила 07.06.2019 г. Статья принята к публикации 20.09.2019 г.

видов и групп принято изучать посредством таких понятий, как «мобильность», «миграция», «экспатриация», «туризм» и др.

Субъектов социального перемещения обычно называют мигрантами, эмигрантами, туристами, депортированными лицами. Какие мигранты являются экспатриантами, экспатами? Что нового появилось в современной трудовой миграции, что потребовало введения и разработки этих относительно новых понятий? А.С. Герд, размышляя над вопросом «кто такие мигранты» с позиций филологии, показала некоторые различия этих дефиниций: мигрант — человек, проживающий не в родной стране, причем мигранты предстают как эмигранты — лица, уехавшие из родной страны — и иммигранты — лица, приехавшие в неродную страну; депортант — человек, высланный из государства или насильственно переселенный куда-либо внутри страны; турист — человек, временно посещающий другую страну, не имеющий права трудовой деятельности; экспатриат — человек, «уехавший из страны, гражданином которой он является, на продолжительный срок»; экспат — человек, находящийся «вне родины» или «за пределами родины», «сленговое понятие для иностранных специалистов» [1]. Понятия «экспатриат» и «экспат» наиболее близки по смыслу и звучанию, однако могут иметь и различные смысловые акценты. Экспатриат может уехать на длительный срок из своей страны, не преследуя задачу трудовой занятости, имея иные мотивы, в том числе политического характера. Для изучения такого нового явления в миграции населения, как профессиональная мобильность высококвалифицированных специалистов, наиболее подходит понятие «экспат».

А.С. Герд проводит анализ понятий «экспатриат» и «экспат», используя зарубежные и российские словари и иные источники [1]: «экспаты — это мигранты, желаемые, ожидаемые, приглашаемые, привлекаемые в данную страну», экспат в современном русском языке — человек «с гражданством одной страны и работающий по контракту в другой стране», который «добровольно или по приглашению переезжает в другую страну, обычно с целью получить работу, соответствующую его высокой квалификации, обладая при этом материальными средствами, достаточными для полноценного проживания в этой стране». Данная дефиниция соответствует нашему пониманию и целям исследования и может быть использована при конструировании социологического понятия «экспат» — это трудовой мигрант, имеющий высокую квалификацию, востребованный в данной стране и приехавший по приглашению или самостоятельно, который обычно не связывает свое будущее со страной пребывания, не планирует ассимилироваться с местным населением и рассматривает предложения о трудоустройстве, отдавая приоритет возможностям профессиональной самореализации и максимизации дохода. В исследовании также используется понятие «профессионал» — высококвалифицированный специалист, востребованный на рынке труда, в том числе на международном.

Научный интерес к рассмотрению профессиональной эмиграции, адаптации мигрантов в новом социокультурном, экономическом и территориальном пространствах можно проследить начиная с работ представителей Чикагской школы [8]. Они рассматривали особенности адаптации европейцев к жизни в США, однако

некоторые современные исследования анализируют и то, как приспособляются к жизни в Европе белые американцы [12]. В настоящее время в западной литературе есть работы, анализирующие возможности реализации международной карьеры в разных регионах мира [15]. Также можно отметить международные исследования, связанные с изучением вопроса об окупаемости у больших бизнес-корпораций вложений в перемещение высококвалифицированных сотрудников в разные страны для работы в собственных представительствах [14].

Отдельное место в международных исследованиях жизни экспатов, их адаптации на новом месте, социальной роли в принимающей стране занимают страны Персидского залива. Н. Слак Валек определяет роль экспатов, туристов и местных жителей в формировании брэнда и образа столицы ОАЭ [16]; изучается влияние налоговых реформ на экспатов в ОАЭ [13], группы экспатов в странах залива, объединенные этнической идентичностью [11]. В этой связи представляется актуальным рассмотрение особенностей адаптации русскоязычных экспатов на Ближнем Востоке.

Г.У. Солдатова, Л.А. Шайгерова, Е.И. Шлягина, исследуя этническую идентификацию у русских мигрантов, рассмотрели аспект нарушения этнической самоидентификации русских на некоторых территориях постсоветского пространства [5]. Исследуемая нами социальная группа экспатов-профессионалов, образованная из русских и русскоговорящих, сохраняет этническую самоидентификацию. Нарушения этнической самоидентификации даже у экспатов и членов их семей, проживающих более 10 лет в странах Персидского залива, не выявлено. Данный факт представляется особенно примечательным в силу того, что экспаты работают в непосредственном контакте как с местными специалистами, так и с экспатами из других стран, в том числе западных. Во многом это свидетельствует о том, что принимающая высококвалифицированных специалистов и заинтересованная в них страна стремится создавать условия не только для комфортного проживания, но и для сохранения собственной культуры и этнической идентичности.

Этническая самоидентификация мигрантов, в том числе экспатов, сохраняется, если их адаптация успешна не только в профессиональном, но и жизненном контексте. Этническая и социокультурная адаптация — сложный процесс встречи разных этносов и культур. Адаптация граждан одной страны в стране с иной культурой, иным этническим составом и религиями происходит иначе и имеет уникальные особенности, нежели в своей стране и странах, с которыми исторически сформировались многообразные социокультурные и иные связи, отлажены миграционные потоки. Успешность адаптации русских и русскоговорящих экспатов, знающих, понимающих и принимающих русскую культуру, этнические и религиозные ценности и приоритеты, зависит и от принимающей страны, и от самих экспатов. Этнокультурная адаптация мигрантов, в том числе и экспатов, детерминируется особенностями этнокультурной политики и ситуации в стране-реципиенте. Исторически сложились разные типы этнокультурной политики стран-реципиентов: в условиях относительно моноэтнического населения и монокультурализма происходит изоляция или ассимиляция мигрантов; в полиэтнических обществах и условиях культурного плюрализма с приоритетом

господствующей культуры, присущей государствообразующему этносу, адаптация мигрантов происходит по типу принятия иной культуры как данности и сохранения своей культуры.

В теории мультикультурализма, в основе которой лежат идеи О. Шпенглера, А.Дж. Тойнби, Н.Я. Данилевского, обосновывается уникальность и неповторимость каждой культуры — взаимодействие представителей разных культур может быть не только успешным, сохраняющим этническую самоидентификацию, но и приятным. В радикальном мультикультурализме происходит явный отход от признания универсальной общечеловеческой культуры, утверждается, что для человека «самые важные свойства — его раса, пол, этническая или классовая принадлежность» [4]. В такой ситуации сложно успешно и комфортно адаптироваться мигрантам, туристам и экспатам, хотя страна может быть заинтересована в их деятельности как специалистов. В исследуемых нами странах явлений радикального мультикультурализма не выявлено.

Ш. Султанов обращает внимание на то, что «исламский мир в силу, прежде всего, религиозных факторов и причин оказывается способным к цивилизационному сопротивлению, отказываясь стать винтиком глобального социально-экономического миропорядка» [2]. Возможно, это происходит потому, что, как пишет А. Кребер, «столкновение культур происходит всегда, и в результате культура рано или поздно исчезнет под влиянием процессов вытеснения или культурной гибридизации... Культура, которой удастся выжить в конкуренции с другими, по существу является более жизнеспособной, благодаря чему мы и считаем ее высшей» [2]. Арабская культура — средневековая культура, сформировавшаяся в 7—10 веках в Арабском халифате, и до настоящего времени она развивается, сохраняя свою самобытность и уникальность. Вместе с тем в условиях глобализации неизбежно происходит активное взаимовлияние и взаимопроникновение культур, активно проявляется мультикультурализм. Эти тенденции не миновали и арабскую цивилизацию — моноэтнические и моноконфессиональные общества арабисламских стран постепенно приближаются к разряду полиэтнических и поликонфессиональных, хотя в разных странах эти процессы происходят по-разному.

Миграция в странах Ближнего Востока

Сегодня в странах Персидского залива почти половина (49%) населения является приезжими: в Саудовской Аравии — 32,7%, в Омане — 45,4%, в Бахрейне — 52%, в Кувейте — 69,4%, в ОАЭ — 88,5%, в Катаре — 89,9% [10]. Для примера рассмотрим динамику изменений этнического и религиозного состава населения Саудовской Аравии, ОАЭ и Бахрейна (рис. 1). Приведенные данные показывают, что рассматриваемые страны значительно отличаются в соотношении доли местного и приезжего населения.

Этнический состав стран Ближнего Востока тоже не однороден (рис. 2). Что касается вероисповедания, то в основном преобладает население, исповедующее ислам, хотя доля населения, исповедующего другие религии, постепенно увеличивается (рис. 3). Отдельно следует отметить Саудовскую Аравию: хотя официальные источники говорят о том, что 100% населения исповедуют ислам, независимые эксперты уверены в наличии не менее 10% придерживающихся других верований.

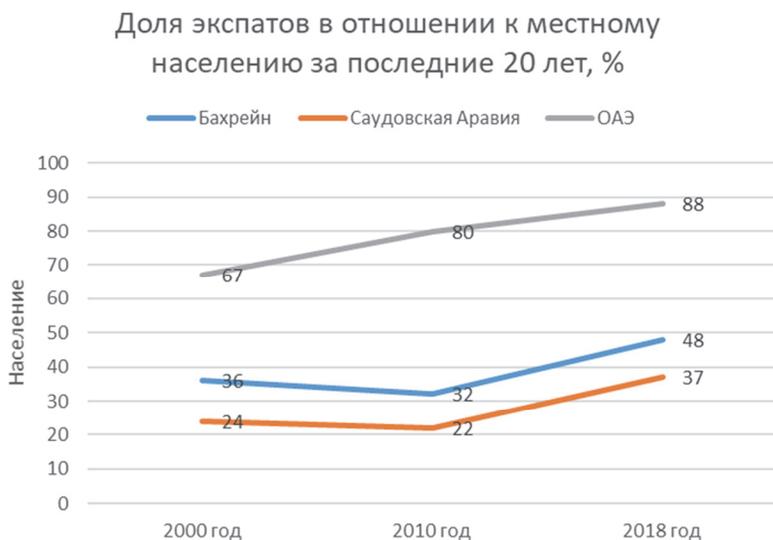

Рис. 1. Доля экспатов в Саудовской Аравии, ОАЭ, Бахрейне [18—22]

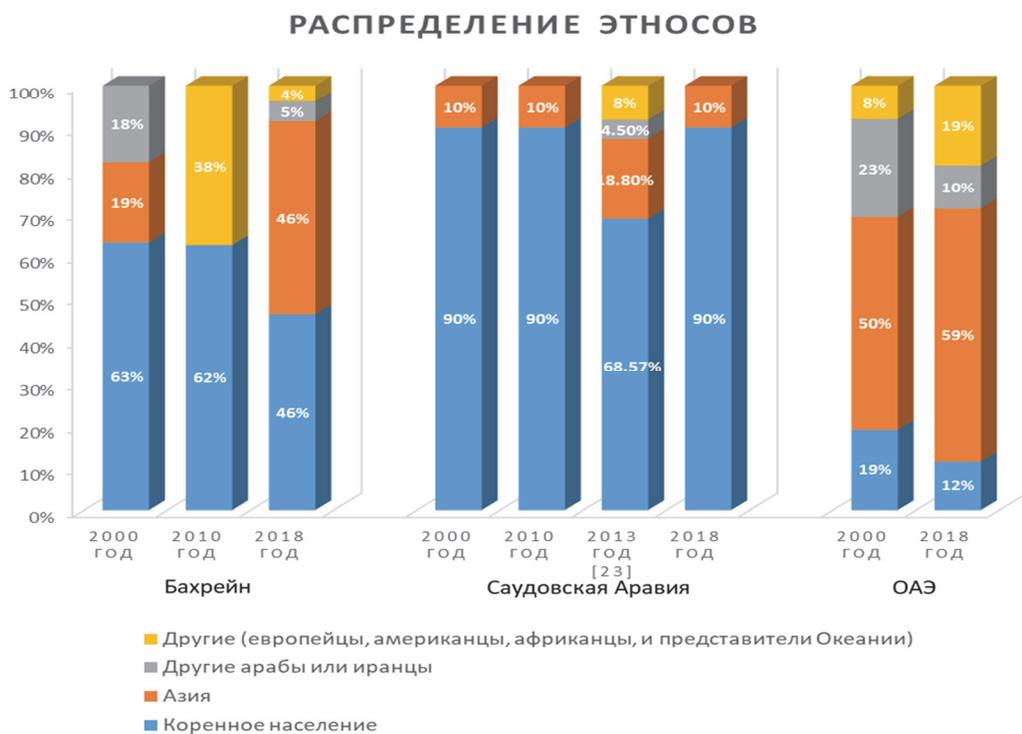

Рис. 2. Этнический состав Саудовской Аравии, ОАЭ и Бахрейна [18—23]

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ВЕРОИСПОВЕДАНИЙ

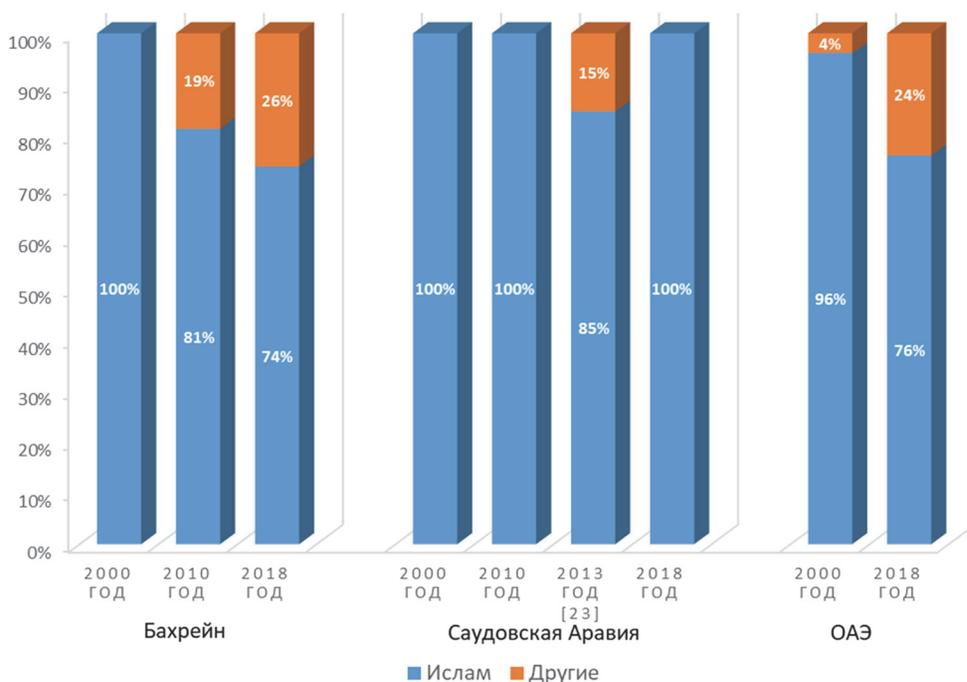

Рис. 3. Распределение населения Саудовской Аравии, ОАЭ и Бахрейна по вероисповеданию [18—23]

Таким образом, страны Ближнего Востока во многом еще являются традиционными, сохраняющими свою самобытность, но в тоже время не остаются в стороне от глобализационных процессов и открыты для взаимодействия с другими народами и культурами. Важно понимать, почему страны Персидского залива крайне притягательны для специалистов из других стран. Например, Бахрейн традиционно входит в пятерку наиболее подходящих стран для жизни экспатов [17]: 47% экспатов отмечают, что им необходимо менее 6 месяцев, чтобы почувствовать себя как дома в данной стране, — общемировой данный показатель составляет 31% [9]. Основная причина, по которой многие высококвалифицированные специалисты приезжают сюда, заключается в возможности зарабатывать больше, чем у себя на родине, и в наличии социальной инфраструктуры, способствующей адаптации в новой стране.

В полиэтнических странах формируются новые стратегии культурной адаптации и интеграции мигрантов, когда общество не остается «просто блоком народов, а непременно преобразуется в сплав, где создается нечто новое за счет взаимного влияния» [6]. Общая культура полиэтнического общества формируется долго, яркий пример чему — социокультурные особенности таких полиэтнических стран, как Россия и США. При этом интеграция и успешность адаптации мигрантов и в этих странах — длительный и сложный процесс. Адаптация и интеграция экспатов из государств постсоветского пространства, в частности России, Украи-

ны, Белоруссии и Казахстана, происходит в странах Ближнего Востока как инокультурных и иноязычных. В этих условиях для экспатов наиболее важными становятся комфортность общих условий жизнедеятельности, этническая и культурная толерантность, общение и приемлемость форм коммуникации, что происходит, если коммуникация складывается по формуле «я — персонифицированное ты», а не «я — безличное оно» [7], т.е. важно узнавание друг друга как Человека — такого же, как ты, и одновременно иного, принадлежащего в другой культуре.

Результаты исследования

В 2019 году было проведено разведывательное исследование, в котором приняли представители группы русскоговорящих экспатов и членов их семей, работающие в странах Персидского залива: 50 человек — 28 экспатов и 22 члена их семей старше 18 лет. Основная масса экспатов и членов их семей (42 человека) — в возрасте 25—40 лет. С высокой долей вероятности можно сказать, что экспатами становятся мобильные и профессионально подготовленные на достаточно высоком уровне специалисты, имеющие необходимый опыт профессиональной деятельности. Были также проведены глубинные интервью с 14 респондентами, из них 4 — работающие по контракту экспаты, 10 — члены их семей. Экспаты и члены их семей, принявшие участие в опросе, приехали из стран постсоветского пространства, один экспат, муж уроженки России, приехал с Кипра. В основном экспаты и члены их семей приехали из России — 25 человек, Белоруссии — 11, Украины — 10, Узбекистана — 2 и по одному человеку из Казахстана и Кипра.

На вопрос «Каким образом Вы нашли работу за границей?» из 28 экспатов выбрали ответ «получил(а) приглашение благодаря самостоятельному размещенному резюме и рекомендациям» 18; «приехал(а) самостоятельно и нашел(а) работу в данной стране» — 6, одному человеку предложение направила компания, в которой он работал в своей стране. Три экспата не захотели ответить на этот вопрос и сообщить способ поиска работы за границей. Остальные 22 респондента приехали вместе с супругом. По сфере занятости экспатами стали: инженер отдела контроля качества, менеджер по персоналу, специалисты и менеджеры IT, экипажи воздушных судов, управляющие собственными компаниями, специалисты в области безопасности, преподаватель английского и русского языков, учитель, декоратор. В основном профессиональной деятельностью занимаются мужчины, они же и приехали по приглашению принимающей страны. Женщины — члены семей экспатов — занимаются семьей, в некоторых случаях заняты в сфере услуг. В глубинном интервью в вопросе о занятости преобладали следующие ответы: «женщины в основном работают в сфере услуг: массаж, ногтевой сервис, уход за лицом (брови, ресницы, массаж лица), уход за телом и волосами», «обучаю танцам детей экспатов и арабских детей», «подрабатываю, делая фотографии», «даю музыкальные уроки». Важно отметить, что супруги экспатов преимущественно имеют высшее образование, но по специальности не работают, так как такой возможности практически нет.

Мотивация миграционных потоков всегда имеет важное значение как для принимающей страны, так и для страны, из которой происходит отток специалистов. Причины пребывания экспатов и членов их семей за границей не отличаются особым разнообразием. Основной причиной (1 место) являются различные обстоятельства, хотя работа за границей не планировалась (18 респондентов); 2 место — интересная и повышающая профессиональный уровень работа (24); 3 место — улучшение условий жизни (климат, питание, инфраструктура) (22); 4 место — замужество (18). Три человека отметили значимость денег и повышения материального уровня жизни (благополучия), один выразил несогласие с политикой внутри его страны, не ответили на вопрос три человека.

Мотивация экспатов связана как с профессиональными целями и интересами, так и с условиями проживания, что подтверждается и данными А.С. Михайловой, которая, изучая особенности зарубежных экспатов (граждан Европейского союза) на рынке труда мегаполиса (Санкт-Петербург), сделала вывод, что «мотивационный потенциал заложен исключительно в самом мигранте, в его личностных характеристиках, которые включают его финансовое положение и статус», и у мигрантов преобладают две мотивации: получение новых впечатлений, авантюра, а также возможность карьерного роста или получения трудового опыта, новых навыков в своей отрасли, налаживание профессиональных связей [3]. В нашем исследовании преобладает второй тип мотивации, авантюра же заменяется улучшением климатических условий проживания.

Успешность адаптации экспатов и их семей в значительной степени определяется их отношением к культуре, ценностям и верованиям местного населения — экспаты и члены их семей доброжелательно и уважительно относятся к местному населению, законам, правилам и требованиям, ценностям и традициям. Адаптация экспатов и их семей к иноязычной культуре часто осложняется рядом причин, и одна из них — недостаточное владение языком, тогда как для делового и бытового общения необходимо знать английский. В совершенстве знают английский язык и свободно им владеют 32 человека, еще 10 человек знают английский язык на среднем уровне — испытывают сложности в трудовой деятельности, но свободно общаются в повседневной жизни. У 8 экспатов только один из супругов владеет английским языком в совершенстве или на достаточном уровне. Закономерно, что экспаты свободно владеют английским языком, а члены их семей знают английский язык в основном на среднем уровне или не знают вообще.

Проблема сохранения родной культуры экспатами зависит от многих факторов, в том числе от того, насколько долго пребывает семья или отдельный человек в другой стране. Ответы на вопрос «Каким образом Вы сохраняете свою культуру, обычаи, традиции» показывают, что экспаты придерживаются характерных для родной культуры обычаев и традиций. Экспаты и члены их семей разговаривают дома на родном языке (36 респондентов) и учат родному языку детей (20), при этом высока вероятность, что дети уже знают русский язык и нет необходимости их целенаправленно учить; сохраняют традицию отмечать национальные и религиозные праздники (34); придерживаются традиционной для родной культуры

ценностной системы (26); большинство готовит дома национальные блюда. Глубинные интервью показали, что во многих семьях говорят одновременно на нескольких языках, чаще всего на родном языке и английском, а в некоторых семьях, где для одного из супругов родным является не английский язык — на трех.

Сохранение родного языка и культуры обеспечивается и общением с представителями своей диаспоры. Русскоязычная диаспора характеризуется активным общением и многообразием связей и отношений: часто и регулярно происходят организованные дружеские встречи и общение в социальных сетях (41 респондент), проводятся совместные праздники (29). Таким образом, визуальное и виртуальное общение имеют практически одинаковое значение для взаимодействия экспатов и членов их семей с представителями диаспоры. Помимо этого встречи происходят в свободное время, например, на детских площадках при прогулках с детьми, на пляже, в бассейне (42 респондента).

Экспаты и члены их семей, если нет прямой необходимости, не изучают язык страны пребывания: только 8 человек изучают арабский язык и столько же отметили, что его изучают их дети, 4 человека намерены учить арабский, остальные не изучают и не намерены его изучать. В основном экспаты совмещают профессиональную деятельность и домашние дела с туристическими интересами. Многие информанты охотно познают культуру и достопримечательности арабского мира: 26 респондентов и членов их семей интересуются историей, культурой и архитектурой, посещают музеи, выставки, парки и зоопарки, еще 12 информантов — развлекательными учреждениями, посещая кафе, рестораны, торговые центры, общественные парки и другие развлекательные места. Посещают празднования национальных арабских праздников 6 информантов.

Экспаты, работающие за границей, часто переезжают вместе с семьями, даже если договорные отношения по трудовой деятельности длятся в пределах 1—2 лет. В нашем исследовании среди экспатов основная масса создали семью, уже находясь за границей, — 13 человек, приехали с семьей — 6, семья приехала несколько позже — 5; 3 экспата не женаты/замужем; у одного экспата семья осталась на родине, но сохраняются благополучные семейные отношения. Семейная жизнь экспатов во многом способствует сохранению культурных традиций, благотворно влияет на процесс адаптации. Семьи экспатов в основном имеют детей и только 7 семей бездетны. Относительно молодой возраст экспатов предполагает наличие маленьких детей. На вопрос «Играют ли Ваши дети с детьми местного населения и других этносов» практически все экспаты и члены их семей, за исключением одного, ответили, что их дети играют со всеми. Ни один опрошенный не выбрал варианты ответа «играют только с детьми своей национальности» и «обычно играют с братьями, сестрами».

Из числа родителей, дети которых ходят в школу, 10 человек удовлетворены системой и качеством обучения, а 4 — нет. Родители часто говорили, что «в школе нравится доброжелательная атмосфера, дисциплина и доброжелательные отношения между учителями и детьми, между детьми, учителями и родителями, между родителями; регулярно проходят встречи педагогов с родителями в форме отчета

об успехах ребенка», «всех детей поздравляют с днем рождения», «организуют праздник всех культур — день, когда дети приходят в школу в традиционных для своей культуры одеждах, или приносят еду, характерную для своего региона». Практически все родители отметили высокую плату за обучение, а одна мама сказала, что «по этой причине в текущем году они не смогли направить сына в школу. В целом это не критично, поскольку по российским правилам он еще не должен учиться в школе. Надеюсь, что в следующем году семья сможет уже отложить деньги на обучение». По мнению интервьюируемых, «обучение часто проходит в игровой форме, недостаточно ориентировано на получение знаний и развитие умственных способностей». Дети экспатов посещают английские и американские школы, имеющие различные рейтинги, поэтому оценки качества образования могут различаться.

Оценки удовлетворенности процессом адаптации семьи распределились следующим образом: полностью удовлетворены — 26; скорее удовлетворены — 14; полностью не удовлетворены — 2; скорее не удовлетворены — 5, что говорит о достаточно высоком уровне удовлетворенности экспатов и членов их семей процессом адаптации и жизнью семьи в стране. Респонденты наиболее удовлетворены условиями жизни, оплатой труда, а также возможностями самореализации, значительно меньше удовлетворены возможностями карьерного роста и обучения. Члены семей экспатов в ходе интервью выразили также удовлетворенность условиями жизни и доходами семьи, но и некоторую обеспокоенность относительно собственной профессиональной самореализации (рис. 4).

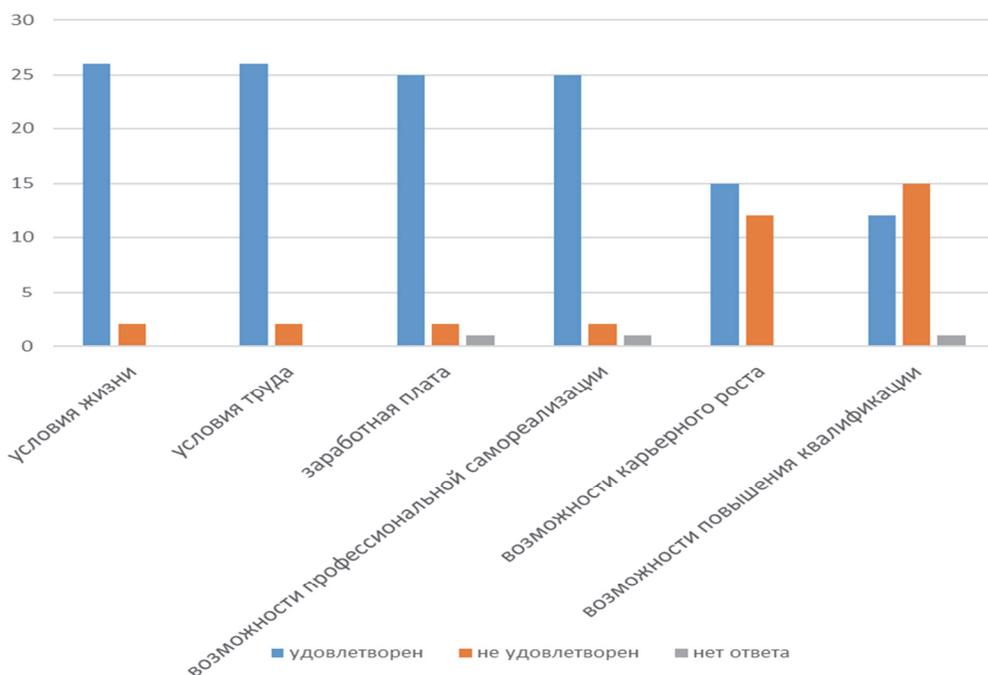

Рис. 4. Удовлетворенность экспатов отдельными аспектами жизнедеятельности

Удовлетворенность экспатов жизнью и профессиональной деятельностью зависит как от принимающей страны, так и от них самих экспатов. Важное значение имеют условия, которые обеспечиваются экспатам компанией, где они работают. Набор мотивов может быть различным и касаться многих аспектов и работы, и жизни экспатов и их семей. В нашем исследовании большинство экспатов получает те или иные возможности и привилегии: из 28 экспатов 18 получили медицинскую страховку, 14 имеют служебную машину, которую могут использовать и во внерабочее время; 10 произведена полная, 9 — частичная оплата стоимости жилья; 7 получали компенсацию расходов на переезд, и 4 — компенсацию поездок в родную страну; 2 производится частичная оплата стоимости обучения детей в школе. Никому из экспатов не оплачивается стоимость обучения детей в школе и прислуга. В целом социальный пакет для экспатов оказывается вполне значительным, поскольку цены на жилье и обучение достаточно высоки.

В интервью экспаты в основном отмечали, что «трудностей с адаптацией не испытываем, поскольку [имеется] активная и дружная славянская диаспора, в которую легко интегрироваться, а также доброжелательное отношение со стороны местного населения», «очень довольна питанием и климатом», «можно гулять много и заниматься спортивной ходьбой и бегом», «есть оборудованные площадки для детей», «много моря и солнца». Кроме того, у 9 человек доход вырос в несколько раз, у 5 вырос незначительно, у 2 остался на прежнем уровне, а 12 предпочли умолчать об изменениях в доходах. Ответы на вопрос «Как долго Вы намерены работать в этой стране?» распределились следующим образом: работаю давно и не намерен менять работу — 10 экспатов, по 2 экспата выбрали ответы «по окончании контракта вернусь в свою страну» и «по окончании контракта не намерен возвращаться на Родину, буду продлевать контракт или искать работу в другой стране». Вместе с тем 14 экспатов (половина опрошенных) вообще не ответили на этот вопрос, возможно еще не определившись со своим будущим.

До недавнего времени русские и русскоговорящие экспаты уезжали работать в США и европейские страны, мигрировали в рамках постсоветского пространства. Трудовая миграция высококвалифицированных россиян и русскоговорящих профессионалов в страны Ближнего Востока — явление относительно новое. Проведенное исследование показало, что русскоговорящие экспаты и члены их семей социокультурно вполне успешно адаптируются в арабском обществе, а непосредственно экспаты довольны своей профессиональной востребованностью.

Библиографический список / References

- [1] *Герд А.С.* Кто такие экспаты? // Русская речь. 2011. № 4 / Gerd A.S. Kto takie ekspaty? [Who are the expats?]. *Russkaya rech*. 2011; 4 (In Russ.).
- [2] *Короткий Г.А.* Концепция «радикального» мультикультурализма // Вестник МГОУ. Серия: Философские науки. 2011. № 3 / Korotky G.A. Kontseptsiya radikalnogo multikulturalizma [The concept of radical multiculturalism]. *Vestnik MGOU. Seriya: Filosofskie Nauki*. 2011; 3 (In Russ.).

- [3] Михайлова А.С. Экспаты на рынке труда мегаполиса (анализ глубинных интервью) // Миграция и социально-экономическое развитие. 2016. Т. 1. № 3 / Mikhajlova A.S. Ekspaty na rynke truda megalopolisa (analiz glubinyh intervyyu) [Expats on the megalopolis' labor market (analysis of in-depth interviews)]. *Migratsiya i Socialno-Ekonomicheskoe Razvitie*. 2016; 3 (In Russ.).
- [4] Серл Д. Политика и гуманитарное образование // Отечественные записки. 2002. № 1 / Searle J. Politika i gumanitarnoe obrazovanie [Politics and humanitarian education]. *Otechestvennyye Zapiski*. 2002; 1 (In Russ.).
- [5] Солдатова Г.У., Шайгерова Л.А., Шлягина Е.И. Нарушения этнической идентификации у русских мигрантов // Социологический журнал. 1994. № 3 / Soldatova G.U., Shajgerova L.A., Shlyagina E.I. Narusheniya etnicheskoy identifikatsii u russkih migrantov [Disturbances in the Russian migrants' ethnic identification]. *Sociologicheskyy Zhurnal*. 1994; 3 (In Russ.).
- [6] Чертина З.С. Плавильный котел? Парадигмы этнического развития США. М., 2000 / Chertina Z.S. *Plavilny kotel? Paradigmy etnicheskogo razvitiya SShA* [Melting pot? Paradigms of Ethnic Development of the USA]. Moscow; 2000 (In Russ.).
- [7] Buber M. *I and Thou*. New York; 1970.
- [8] Thomas W., Znaniecki F. *The Polish Peasant in Europe and America*. Vol. 1. New York; 1927.
- [9] Expats in Middle East — statistics and trends. <https://www.go-gulf.ae/blog/expats-middle-east>.
- [10] GCC: Total population and percentage of nationals and foreign nationals in GCC countries (national statistics: 2010—2016). <https://gulfmigration.org/gcc-total-population-percentage-nationals-foreign-nationals-gcc-countries-national-statistics-2010-2016-numbers>.
- [11] Jain P.C., Oommen G.Z. *South Asian migration to Gulf countries: History, policies, development*. London; 2016.
- [12] Leinonen J. Invisible immigrants, visible expats? Americans in Finnish discourses on immigration and internationalization. *Nordic Journal of Migration Research*. 2012; 2 (3).
- [13] Mears P. UAE VAT tax 2018: The effects on expats in country. https://www.researchgate.net/publication/310385594_UAE_VAT_TAX_2018_The_Effects_On_Expats_In_Country.
- [14] McNulty Y., De Cieri H., Hutchings K. Do global firms measure expatriate return on investment? An empirical examination of measures, barriers and variables influencing global staffing practices. *International Journal of Human Resource Management*, 2009; 20 (6).
- [15] Reis C., Yehuda B. *Careers without Borders: Critical Perspectives*. New York; 2013.
- [16] Slak Valek N. The role of expats, local residents and tourists in defining a destination: A branding case study for Abu Dhabi tourism. *International Journal of Sustainable Society*. 2017; 9 (1).
- [17] The 20 best countries around the world to live as an expat. <https://www.businessinsider.com/the-20-best-countries-for-expats-2014-10>.
- [18] Middle East: Saudi Arabia — World Factbook. <https://www.cia.gov/library/publications/resources/the-world-factbook/geos/sa.html>.
- [19] Middle East: Bahrain — World Factbook. <https://www.cia.gov/library/publications/resources/the-world-factbook/geos/ba.html>.
- [20] Middle East: United Arab Emirates — World Factbook. <https://www.cia.gov/library/publications/resources/the-world-factbook/geos/ae.html>.
- [21] World Factbook Archive — Central Intelligence Agency. <https://www.cia.gov/library/publications/download>.
- [22] UNICEF Report on Migration Profiles in Saudi Arabia, 2013. <https://esa.un.org/migmgmprofiles/indicators/files/saudiarabia.pdf>.
- [23] Global Index of Religiosity and Atheism. Gallup, 2012. <https://web.archive.org/web/20170729183609/http://www.wingia.com/web/files/news/14/file/14.pdf>.

DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-4-756-768

Russian-speaking expats in the Middle East countries*

M.M. Akulich

Tyumen State University
Semakova St., 10, Tyumen, Russia, 625003
(e-mail: m.m.akulich@utmn.ru)

Abstract. The present scale of labor migration of highly qualified specialists determines the necessity to study the essence and consequences of this social phenomenon. The author offers the sociological interpretation of the concept ‘expat’ and explains its meaning in the empirical study of the adaptation of Russian-speaking expats in the Middle East countries. The relevance of the research in this region is determined, on the one hand, by the attractiveness of the Persian Gulf countries for professional and labor migration, and, on the other hand, by the lack of applied research aimed at considering the peculiarities of adaptation of Russian-speaking specialists and their families to the life in the Arab country. The data were gathered in the survey/interview of specialists and their family members ($n = 50/14$) living in the countries of the Middle East. The results indicate that the expats migrate by their own will or by the invitation of the host party through the selection process in English. Expatriates and their families do not experience special difficulties in the adaptation to new living conditions, strive to maintain the traditions of their culture, and actively interact with representatives of the diaspora. In general, expats are satisfied with professional activities, self-realization, and living conditions. However, their family members practically do not work in their specialty though most of them got higher education. The expat family members are mainly employed in the service sector, and their children study in American and English schools and communicate regardless of nationality. Social-cultural adaptation of children is quite successful due to the available conditions — social (parks, playgrounds, beaches) and social-cultural (respectful and friendly attitude).

Key words: adaptation; diaspora; migration; culture; expatriate; expat; Middle East

* © M.M. Akulich, 2019.

The article was submitted on 07.06.2019. The article was accepted on 20.09.2019.

DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-4-769-786

Состояние независимости прокуроров в отечественной системе правосудия*

С.А. Бочкарев

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Ломоносовский проспект, 27, ГСП-1, Москва, Россия 119991
(e-mail: bo4karvs@yandex.ru)

В статье на основе проведенного социологического исследования поднимаются вопросы отношения прокуроров к собственной независимости и обстоятельствам, которые могут на нее повлиять. В ходе изучения мнения прокурорских работников рассматривались различные аспекты воздействия на прокуроров: вышестоящее руководство, давление со стороны средств массовой информации, представителей органов государственной власти и т.д. Результаты социологического опроса подтверждают, что взаимосвязь вышестоящего руководства и органов государственной власти в области их воздействия на независимость прокуроров имеет под собой не только функционально-иерархические основания, но и реальные причины. В ходе исследования было выявлено совпадение высокого уровня зависимости от власти с высоким уровнем вмешательства руководства в процессуальную деятельность прокуроров. Это дало основания для предположения, что чиновники в большинстве случаев оказывают на прокуроров влияние через вышестоящее руководство. Полученные в ходе анкетирования данные также продемонстрировали, что с опытом уровень критической оценки попыток органов власти влиять на процесс и исход рассмотрения дел растет. Если у молодых специалистов вмешательство власти не вызывает отторжения, то с увеличением стажа работы отрицательные оценки таких действий появляются, а с опытом укрепляются. При этом выявленные показатели не позволяют говорить о том, что для неопытных прокуроров на начальных этапах профессионального становления феномен властного давления не известен либо малопонятен — напротив, они с ним знакомы и испытывают к нему самое благосклонное отношение.

Ключевые слова: независимость (самостоятельность) прокуроров; анкетирование; орган государственной власти; возраст; опыт работы

Лаборатория политико-правовых исследований Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (ЛППИ МГУ) при поддержке РФФИ реализует социологический проект для получения достоверной информации о состоянии российской системы правосудия. Его оригинальность обоснована изучением заявленной темы «изнутри»: в отличие от проектов, направленных, как правило, на выяснение общего и внешнего мнения о состоянии системы правосудия, цель работы — выяснение того, что система «думает» о себе: через получение сведений о настроениях судей, прокуроров и следователей предпринята попытка описания функционирования отечественной системы правосудия и механизмов принятия ее ключевыми представителями процессуальных решений.

* © Бочкарев С.А., 2019.

Статья поступила 28.07.2019 г. Статья принята к публикации 03.09.2019 г.

Сосредоточенность проекта на принципе независимости обусловлена тем, что в нем и через него реализуется суть правосудия. Независимость, возведенная в основополагающий принцип судопроизводства, — единственное и исключительное условием, при котором следователь, прокурор и судья могут руководствоваться законом и совестью, а доказательства оценивать по своему внутреннему убеждению.

Сложность темы обусловлена ее скрытой и субъективной природой, оценочным характером независимости, а также фундаментальным и мультипликативным значением этого феномена для всей системы правосудия и общества. Исследование показало, что правоприменитель не боится внешнего давления, и во многом по этой причине сфера правосудия, как признают ее главные участники, не испытывает острой недостаточности в независимости. Из-за отсутствия внешних угроз большинство правоприменителей склоняются к мнению, что состояние системы правосудия с точки зрения независимости не отличается от своих аналогов в других государствах. В то же время система испытывает внутренние перегрузки, и их детерминанты также являются внутрисистемными — они сокрыты не столько в организационно-административном устройстве системы, сколько в возможности перевода административной подчиненности следователя, прокурора или судьи в их процессуальную зависимость от вышестоящего руководства. Показательно, что более трети правоохранителей требуют укрепления института независимости через воздействие на руководителей правоприменительных органов и соблюдения ими гарантий самостоятельности подчиненных [2]. При этом следователи и прокуроры чаще находятся в зоне риска, поскольку острее чувствуют и чаще встречаются со случаями умаления их самостоятельности и независимости, поэтому в статье акцент сделан на группе прокуроров.

В рамках анкетирования было опрошено свыше 300 сотрудников органов прокуратуры Российской Федерации из разных регионов. Опрос был анонимным, акцент был сделан на выявлении и оценке реалий правосознания, а не на проверке знания нормативных требований. Анкеты раздавались сотрудникам по месту работы, заполненные опросники возвращались без подписей или иных идентифицирующих сведений. Распределение опрошенных по возрасту: 50% — 30—40-летние, старше 40 лет — 36%, 25—30-летние — 12%, младше 25 лет — 2%. По юридической специальности 47% работают свыше 15 лет, по 23% — 5—10 или 10—15 лет, менее 5 лет — 7%. Распределение выборки по стажу работы в занимаемой должности оказалось иным: у 28% — менее 3 лет, у 22% — 3—5 лет, у 27% — 5—10, у 22% — свыше 10 лет. Распределение опрошенных по специальности приведена в таблице 1.

Таблица 1

Специализация опрошенных

Уголовно-правовая	Гражданско-правовая	Административно-правовая	Арбитражно-правовая	Межотраслевая	Иное
31%	21%	5%	2%	33%	8%

Для опроса была разработана анкета из 20 вопросов, поделенных на 5 групп: 1) данные о респонденте; 2) диагностирование в самом общем плане проблемы независимости, уровня остроты и степени распространенности; 3) выяснение показателя вмешательства вышестоящего руководства в процессуальную деятельность судьи, прокурора и следователя; 4) оценка уровня их зависимости от общественного мнения и СМИ, а также степени удовлетворенности объемом личного усмотрения в процессуальной деятельности; 5) выяснение мнения правоприменителей об эффективных мерах укрепления независимости института правосудия. После опроса была последовательно проверена взаимозависимость всех возможных пар вопросов (порядка 300). Применение статистического метода по выявлению парных связей между ответами на вопросы анкеты позволило выявить детерминанты, влияющие на статику и динамику проблемы, а также четыре ключевых маркера, через которые ранее полученные социологические данные [2] были уточнены и конкретизированы применительно к конкретной группе правоприменителей — прокуроров (факторы возраста, личного усмотрения и отношения к руководству и власти — изменение значений этих показателей ведет к трансформации состояния независимости институтов правосудия).

Итак, большинство прокурорских работников полагает, что проблема с обеспечением независимости существует, как и в любом другом обществе, и требует оперативного решения. Те прокуроры, что признают проблему животрепещущей, считают нарушения независимости институтов правосудия повсеместными. Две другие группы прокуроров, которые убеждены, что проблема независимости в российском обществе не отличается от других обществ и требует исключительно коррекционных мер, оценивают проблему как локальную, так как либо успешно противостоят давлению, либо руководство не злоупотребляет вмешательством в их процессуальную деятельность. Среди тех, кто полагает, что проблема встречается достаточно часто, так как в большинстве случаев наблюдается неспособность судей, прокуроров и следователей в силу своих личных (волевых) качеств отстаивать независимость (самостоятельность), также наиболее востребованным оказался ответ о безусловном существовании проблемы (44%). А вот среди тех, кто полагает, что проблема локальна (около 11%), большинство убеждено, что проблема повсеместна и требует лишь коррекционных мер.

Среди всех категорий прокуроров, которые как признают, так и отрицают наличие проблем с независимостью институтов правосудия, большинство считает, что причины проблемы лежат в плоскости неправильного административно-организационного устройства правоохранительной системы. При этом по сравнению со средним показателем среди всех групп (43%) доля недовольных устройством системы правосудия возрастает до 60% среди тех респондентов, которые считают проблему несуществующей.

Примечательным и объединяющим все группы прокуроров является вывод, что материально-техническая и финансово-экономическая обеспеченность институтов правосудия находится сегодня на удовлетворительном уровне и не относится к числу факторов риска их независимости. Средний показатель по группам прокуроров, отмечающих недостаточность финансовой обеспеченности, состав-

ляет 3—5% от доли остальных ответов. Даже среди скептиков в оценках независимости доля выражающих недовольство своим материальным положением составляет 10%. Таким образом, материально-техническая обеспеченность находится на достаточно высоком уровне и не является фактором, угрожающим независимости (самостоятельности). Второй по частоте ответ состоит в том, что проблема независимости не имеет общих причин, так как зависит от конкретных случаев ее нарушения. При этом в равных долях (по 37%) его выбрали две разнородные группы прокуроров: одна считает проблему независимости существующей, другая — несуществующей.

Рассмотрим влияние возрастного критерия на мироощущение прокуроров, прежде всего на их оценку собственной независимости и самостоятельности. Была выявлена зависимость между стажем работы по юридической специальности и частотой недопустимого вмешательства руководства в процессуальную деятельность прокуроров. Рисунок 1 демонстрирует влияние на выводы респондентов возрастного показателя: с возрастом количество оценок вмешательства руководства в процессуальную деятельность как недопустимого увеличивается, т.е. растет уровень критического восприятия действий руководителей. Возраст помогает респондентам объяснять активность руководства наличием личного интереса к тому или иному процессуальному решению или к исходу рассмотрения дела в целом.

Среди сотрудников со стажем работы до 5 лет только 13% считают недопустимое вмешательство частым явлением, а 87%, напротив, крайне редким. С ростом стажа указанное соотношение меняется: при стаже в 5—10 лет доля критиков увеличивается до 24%, а при стаже в 10—15 лет — до 30%. При этом доля заявляющих о редком вмешательстве снижается и составляет, соответственно, 45% и 40%. Среди работников со стажем свыше 15 лет уже 45% свидетельствуют о периодическом недопустимом вмешательстве, т.е. наиболее опытные сотрудники называют эту проблему в три раза чаще, чем наименее опытные (рис. 1).

Рис. 1. Стаж и частота вмешательства руководства

Рисунок 2 подтверждает, что чаще респонденты угрозу независимости видят в несовершенстве административно-организационного устройства правоохранительной системы. Особенно часто среди респондентов (70%) такого мнения придерживаются специалисты со стажем работы от 3 до 5 лет. Подобная ситуация могла возникнуть в связи с тем, что сотрудники со стажем до 3 лет в силу малого опыта не осознают проблему, а прокурорские работники со стажем работы более 5 лет часто переходят на руководящую работу, т.е. административно-организационное подчинение становится органичным компонентом их деятельности. Они не воспринимают такое подчинение как угрозу независимости в своей адрес, так как сами руководят подчиненными сотрудниками.

Второй по частоте (28—32%) ответ отсылает к отсутствию у проблемы общих причин, так как она зависит от конкретных случаев нарушения независимости субъектов правосудия. Далее следует указание на правосознания (21—26%), недостаточное становление которого проблематизирует независимость институтов и положение субъектов правоприменения.

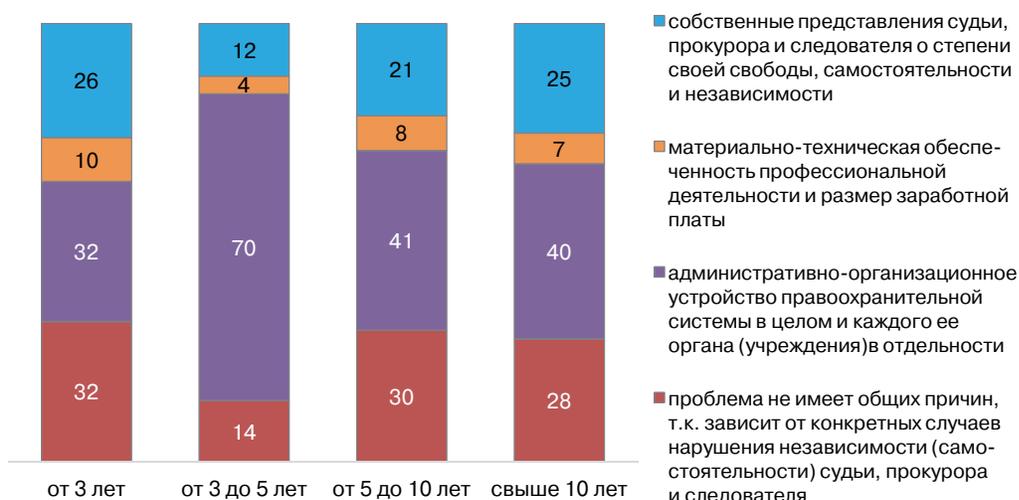

Рис. 2. Стаж и причины проблемы независимости

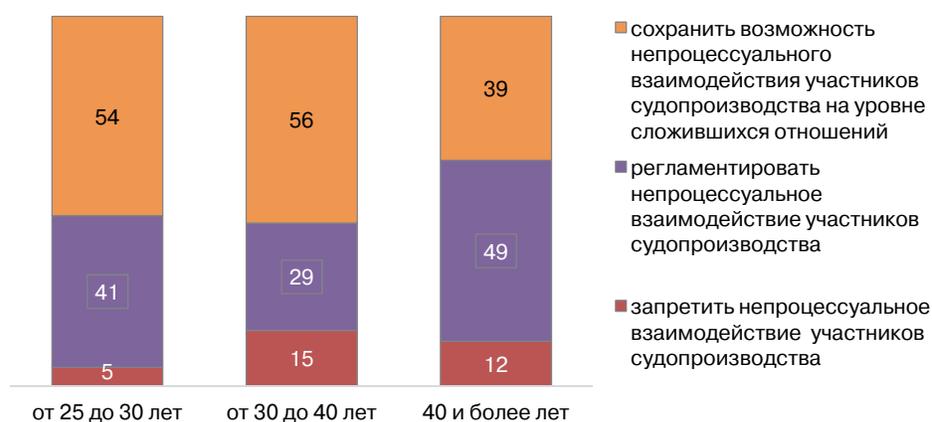

Рис. 3. Возраст и предложения по контактам с коллегами по цеху

Среди всех возрастных групп прокуроров предложение о запрете процессуального взаимодействия участников судопроизводства пользуется минимальной поддержкой. В двух группах (25—30 и 30—40 лет) более половины высказывается за сохранение возможности неформальных контактов между судьей, прокурором и следователем. Однако с возрастом соотношение меняется: половина в третьей группе (старше 40 лет) предложила не отказываться от взаимодействия участников судопроизводства, а регламентировать их контакты.

Если говорить в целом, то исследование выявило закономерную картину. Большинство прокуроров (71%), признающих безусловную и требующую принятия оперативных мер проблему с независимостью, считает уровень личного усмотрения избыточным. Их уверенность в сложном положении институтов правосудия зиждется на том, что высокий уровень самостоятельности правоприменителей предрасполагает их к злоупотреблениям. Примерно равная доля прокуроров (по 51—53%) среди тех, кто оценивает уровень личного усмотрения как достаточный или, напротив, как недостаточный, считает, что проблема с независимостью существует как и в любом другом обществе и требует лишь коррекционных мер. Рисунок 4 показывает, что вывод о распространенности проблемы с независимостью институтов правосудия зависит от представления прокуроров о степени развитости у них личного усмотрения. Все прокуроры, которые говорят о наличии у них избыточного уровня личного усмотрения, считают, что проблема распространена повсеместно: если у каждого есть избыток усмотрения, то практически каждый позволяет себе злоупотреблять им. В группе прокуроров, оценивающих уровень личного усмотрения как достаточный, более половины считает проблему локальной: одна группа объясняет локальность тем, что руководители в редких случаях пренебрегают самостоятельностью подчиненных, другая — успешностью противостояния следователей, прокуроров и судей попыткам внешнего влияния. Полное отсутствие единодушия продемонстрировала группа, которая считает уровень личного усмотрения в процессуальной деятельности правоприменителей недостаточным.

Все группы прокуроров в основном обращают внимание на несовершенство административно-организационного устройства правоохранительной системы. При этом большинство придерживающихся этой точки зрения наблюдается в двух группах, которые различаются в оценках уровня личного усмотрения. Среди тех, кто считает уровень личного усмотрения недостаточным, доля придерживающихся указанной точки зрения, составляет 54%. Среди прокуроров, считающих уровень усмотрения в профессиональной деятельности избыточным, доля критиков системы составляет 74%. В силу высокого уровня самокритичности в последней группе отсутствуют мнения, что проблема независимости может лежать в области правосознания, т.е. собственных представлений о степени свободы и самостоятельности. Немалая часть этой группы (30%) дополнительно выражает неудовлетворение материальным обеспечением. Элемент правосознания зримо проявляется в группе тех, кто удовлетворен уровнем личного усмотрения: 25% здесь убеждены, что проблема с независимостью в основном связана с правосознанием.

Рис. 4. Уровень личного усмотрения и распространенность проблемы

Рис. 5. Уровень личного усмотрения и зависимость от мнения власти

Среди опрошенных прокуроров выделяется группа тех, кто считает уровень зависимости институтов правосудия от власти высоким (рис. 5): эти респонденты указывают, что принятию решений в пользу государственных органов благоприятствует наличие у правоприменителей высокого уровня личного усмотрения при принятии процессуальных решений и рассмотрении дел. Также они убеждены, что высокой зависимости от бюрократии способствует руководство правоохранительных органов, которое нивелирует самостоятельность подчиненных и подавляет их иммунитет перед властью. Структура двух других групп — считающих уровень зависимости правоохранительных органов от власти удовлетворительным или низким — практически идентична: одна их подгруппа считает уровень личного усмотрения достаточным, а другая — недостаточным.

Особое внимание привлекает группа прокуроров, которая считает уровень зависимости от власти низким, что в основном обеспечивается за счет активного использования предусмотренных законом гарантий самостоятельности и независимости. Деление этой группы на две равные подгруппы, высказывающие противоположные мнения об уровне личного усмотрения, свидетельствует, что испытывающая дефицит усмотрения подгруппа не в полной мере использует потенциал этого инструмента для защиты от влияния государственных органов и собственного руководства. Их коллеги из другой подгруппы считают достаточным личное усмотрение для проведения в профессиональной деятельности самостоятельной линии.

Рисунок 6, по сути, является продолжением предыдущего — подтверждает вывод, что развитое и активно используемое прокурорами личное усмотрение является неотъемлемой и в полной мере невостребованной частью их независимости, которая вносит существенный вклад в укрепление самостоятельности субъектов правоприменения. Рисунок 6 укрепляет во мнении о ключевом значении указанного элемента независимости, поскольку показывает ряд тенденций: развитость личного усмотрения в процессуальной деятельности не в полной мере способна обезопасить прокурора от вмешательства; в ответ на высокую степень личного усмотрения руководители поддерживают высокий уровень зависимости подчиненных прокуроров.

Результаты анкетирования выделяют группу прокуроров, которая отличается высоким уровнем самокритичности и считает степень личного усмотрения избыточной — позволяющей злоупотребления при принятии процессуальных решений. Эта группа отличается от других тем, что к числу наиболее эффективных способов исправления удручающей ситуации с независимостью институтов правосудия она относит обращение к главе государства. Две другие группы, признающие уровень личного усмотрения недостаточным и достаточным, считают обращение к главе государства не лучшим способом укрепления правовых гарантий деятельности судей, прокуроров и следователей, считая, что необходимо добиваться от руководителей судей, прокуроров и следователей исполнения гарантий независимости их подчиненных.

Рис. 6. Уровень личного усмотрения и вмешательства руководства

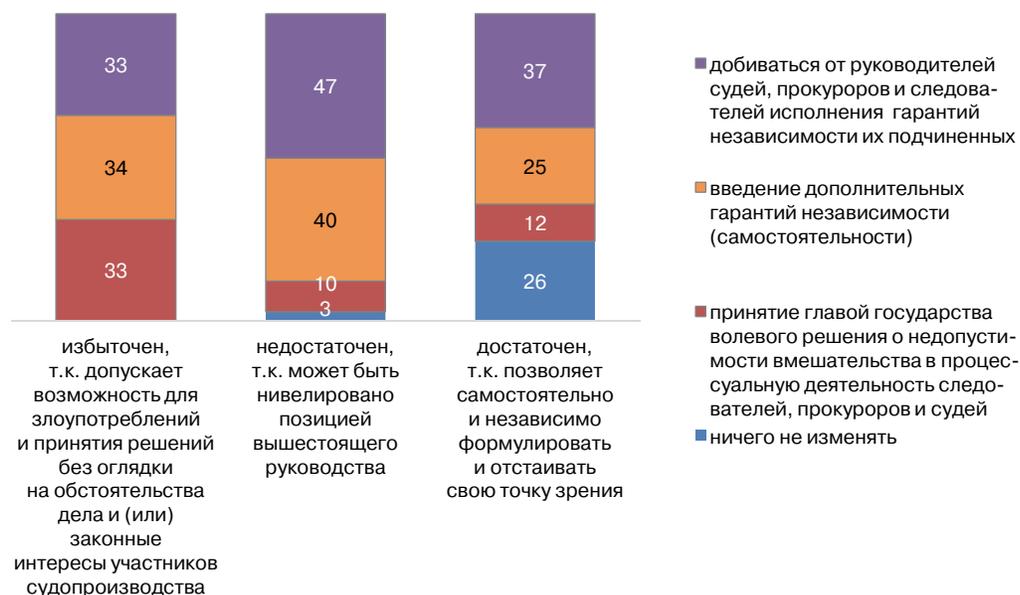

Рис. 7. Уровень личного усмотрения и способы укрепления независимости

Первый взгляд на рисунок 8 убеждает, что прокуроры с разными представлениями об уровне личного усмотрения имеют отличающиеся представления о независимости институтов правосудия. Однако углубленный анализ обнаруживает, что взгляды на независимость двух противоположных групп — признающих недостаточным и избыточным уровень личного усмотрения правоприменителей — во многом схожи: прокуроры убеждены, что основу их независимости должно составлять отсутствие негативных последствий за несогласие с позицией вышестоящего руководства. Кроме того, прокуроры, считающие недостаточным уровень личного усмотрения, в факторы самостоятельности также включают невозможность руководства давать указания по делу или вмешиваться в процесс его рассмотрения.

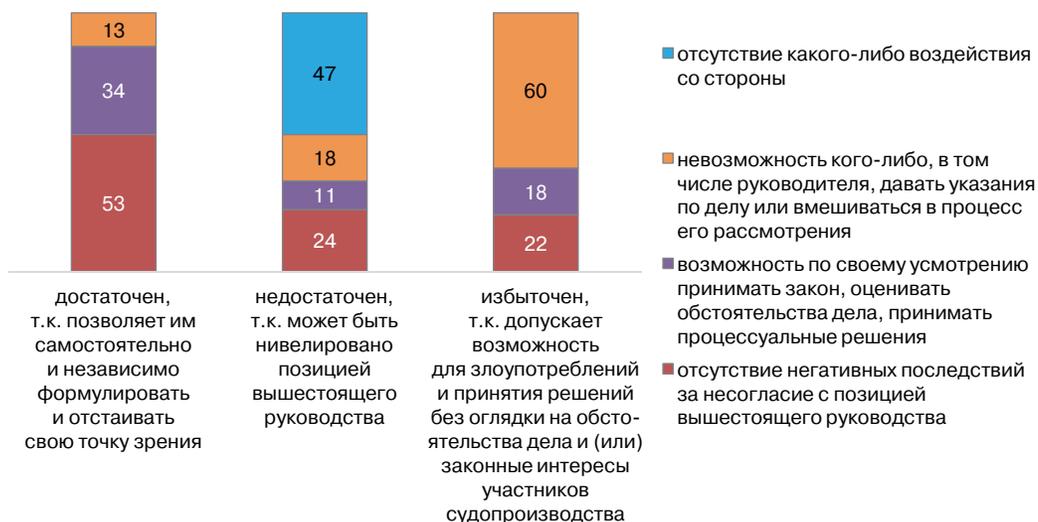

Рис. 8. Уровень личного усмотрения и объем независимости

Подавляющее большинство правоприменителей, которые считают, что проблема независимости в российском обществе существует и требует оперативного разрешения, критически воспринимают влияние на них своего руководства: 75% заявили, что уровень зависимости отягощает процесс объективного рассмотрения (расследования) дел и принятия по ним процессуальных решений. Среди остальных категорий прокуроров, положительно оценивающих независимость правосудия, доля критиков руководства значительно ниже: только 40% полагают, что уровень их зависимости от начальства не сказывается на объективном рассмотрении дел. 47% считающих, что доминирование вышестоящих должностных лиц способствует объективному рассмотрению дел, оказалось среди тех, кто уверен в отсутствии проблемы независимости. Группа абсолютно лояльных прокуроров, старающихся прогнозировать отношение руководства к тому или иному делу и предлагающих устраивающие его процессуальные решения, не является монолитной: подгруппа в 33% ее численности оценивает свое конформистское отношение как неблагоприятное и критически высказывается о фактах вмешательства руководства. В двух других группах — прокуроров, испытывающих периодическое и редкое вмешательство вышестоящего прокурора — выше доли негативных оценок этих фактов, при этом рост раздражительности (с 43% до 71%) объясняется ощущением активности руководства по причине наличия у него к делу личного интереса.

Из трех групп прокуроров — положительно, отрицательно и нейтрально относящихся к зависимости от руководства — выводы только последней отличаются последовательностью: подавляющее большинство (96%) назвали уровень вмешательства либо низким, либо приемлемым. Мнения двух других групп распределились иначе: с одной стороны, прокуроры первой группы высказались о своей зависимости от руководства положительно. С другой стороны, среди них достаточно много (27%) тех, кто признает высокий уровень патроната и в то же время

Рис. 9. Зависимость от руководства и оценка его вмешательства

с сожалением отмечает, что такое положение дел по лишению их самостоятельности стало возможным, поскольку на практике над гарантиями независимости превалируют отношения подчинения нижестоящего вышестоящему. Во второй группе признавших зависимость от руководства отягощающим фактором для их деятельности 73% дали вмешательству вышестоящих должностных лиц однозначно отрицательную оценку. Несмотря на диаметрально противоположность взглядов первой и второй групп, следует обратить внимание на точку соприкосновения их позиций: неостребованным оказался ответ о низком уровне вмешательства руководства. Соответственно, а также с учетом того, что в нормативно-правовом плане зависимость всех прокуроров от руководства является постоянной и одинаковой величиной, имеются основания для вывода о преобладании в отношениях нижестоящего с вышестоящим личного усмотрения каждого из них.

Рисунок 10 показывает, что в двух противоположных группах прокуроров — благосклонно и отрицательно относящихся к зависимости от позиции руководства — имеются подгруппы большинства с единой позицией по поводу способов повышения независимости. Каждая из подгрупп считает, что институты правосудия не требуют принятия дополнительных мер по обеспечению их независимости (47% и 48% соответственно). Значимая доля прокуроров в этих же группах (24% и 37%) считают, что необходимы дополнительные гарантии независимости, а примерно по 11—13% из них полагают, что такой мерой может служить принятие главой государства волевого решения о недопустимости вмешательства в деятельность следователей, прокуроров и судей. В группе прокуроров, утверждающих, что вмешательство руководства никак не сказывается на объективном рассмотрении дел, выделяется подгруппа (23%), которая ожидаемо и закономерно для своей позиции предлагает в системе гарантий независимости ничего не менять. Вместе с тем здесь есть и другие подгруппы, которые, несмотря на свою уверенность в отсутствии рисков во вмешательстве руководства, все же полагают нужным введение дополнительных гарантий самостоятельности.

Рис. 10. Зависимость от руководства и способы повышения независимости

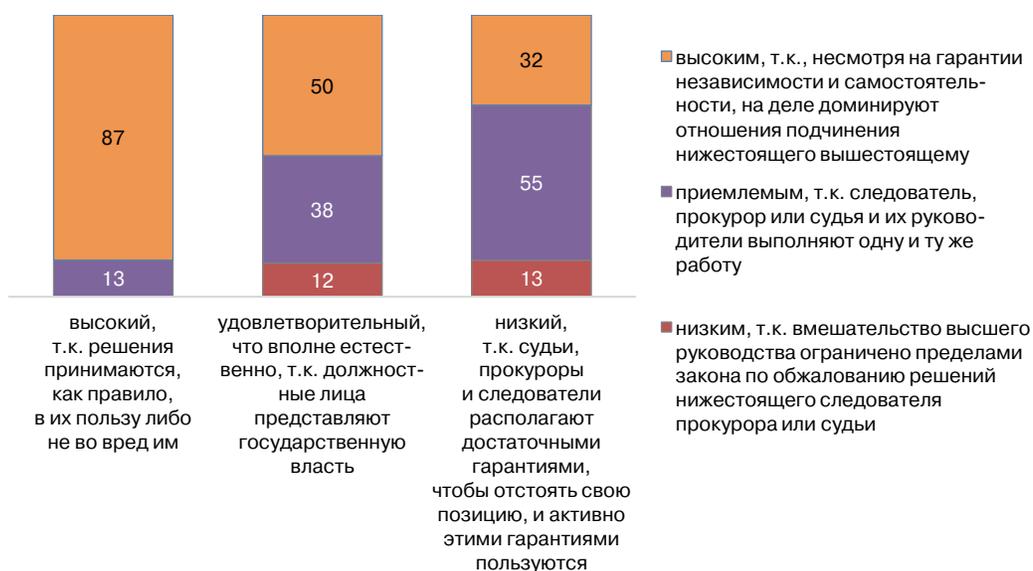

Рис. 11. Оценка вмешательства руководства и влияния власти

Единодушие прокуроров сохраняется только в той группе, где уровень зависимости от власти считается высоким (рис. 11): высоким и отрицательным признается вмешательство в процессуальную деятельность следователя, прокурора и судьи их руководства, что дает основания предположить, что чиновники в большинстве случаев действуют через руководство, за что и первые, и вторые вызывают критическое отношение. Две другие группы демонстрируют, сколь высокое значение правоприменители придают личному взгляду на выстраиваемые отношения с властью и на свое руководство. В группе прокуроров, которые не испытывают дискомфорта от зависимости и влияния власти, 50% отрицательно отнеслись к влиянию на них руководства. В группе специалистов, что сторонятся близости с властью и используют для дистанцирования от нее предоставленные законом

гарантии, половина поддерживает свое руководство и одобряет его вмешательство в процессуальную деятельность. Иными словами, обе группы демонстрируют наличие в их составе подгрупп, одна из которых готова «дружить» с властью без руководства, а другая — «дружить» с руководством без контактов с властью. Для полноты картины необходимо выделить и признать существование третьей подгруппы прокуроров, которая в своей профессиональной деятельности готова обходиться без патроната и власти, и руководства.

Группа прокуроров, признающих проблему независимости чрезвычайно актуальной, в целом однородна: 77% закономерно и логично отмечают, что причины проблемы скрыты в высокой зависимости институтов правосудия от чиновников. 23% прокуроров этой группы высказалось весьма неожиданно: признали вмешательство должностных лиц госорганов в процессуальную деятельность органов юстиции значительным, но не считают нужным беспокоиться, потому что в других странах наблюдаются схожие тенденции. Другие группы прокуроров — либо с удовлетворением смотрят на зависимость от чиновников, либо оценивают ее уровень как низкий — более разнородны: по 45% и 54% отмечают отсутствие беспокойства за независимость отечественной системы правосудия и предлагают ограничиться коррекционными мерами. При этом в обеих группах немалая доля прокуроров (32% и 21%), несмотря на свое спокойствие, критически оценивает положение системы и соглашается с необходимостью оперативных мер. Среди этих двух групп есть и прокуроры, которые в отсутствии у рассматриваемой темы актуальности обвинили общество, недооценивающее институты правосудия и значение для их функционирования реальных гарантий независимости.

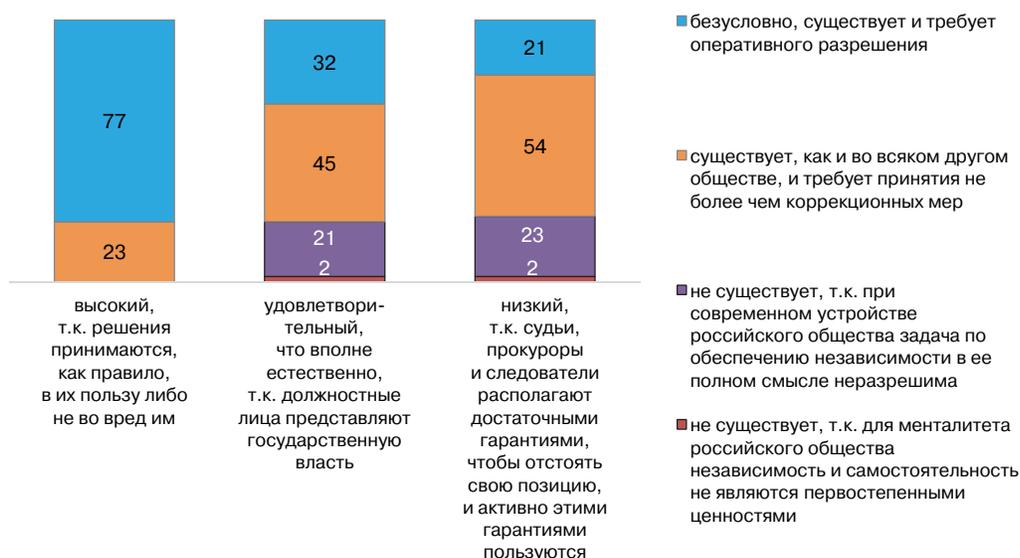

Рис. 12. Уровень близости к власти и наличие проблемы независимости

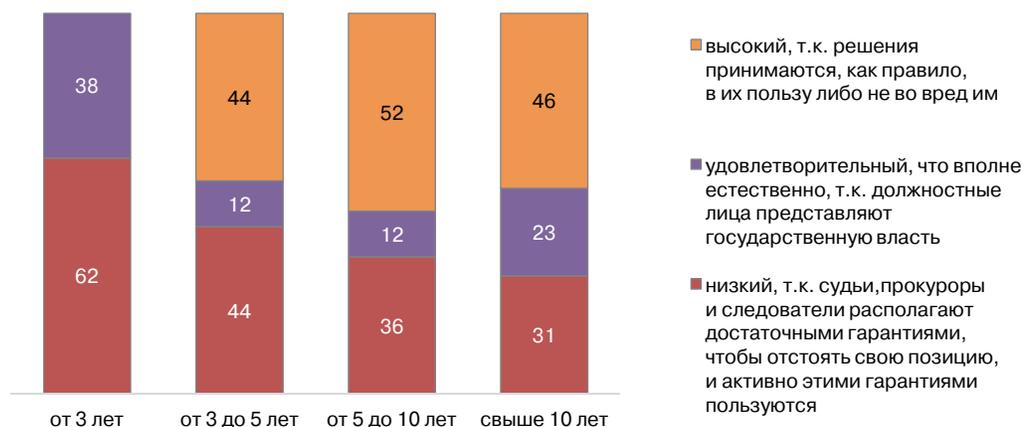

Рис. 13. Стаж и оценка зависимости от власти

Рисунок 13 показывает, что с опытом уровень критичности в оценках попыток органов власти влиять на процесс и исход рассмотрения дел растет. Если у молодых специалистов вмешательство власти не вызывает отторжения, то с возрастом отрицательные оценки таких действий появляются, а с опытом укрепляются. Это не значит, что неопытным прокурорам в начале профессионального становления феномен власти не известен либо мало понятен. Напротив, они с ним знакомы и испытывают к нему благосклонное отношение: 38% считают влияние представителей власти естественным, а его уровень удовлетворительным. Оправданием для молодых прокуроров служит то, что как прокурор, так и должностные лица разных ведомств и учреждений представляют в конечном итоге государственную власть. Среди сотрудников с минимальным опытом 62% считают, что уровень зависимости от власти низкий, так как субъекты правоприменения располагают достаточными гарантиями независимости.

Среди сотрудников с опытом в 3—5 и 5—10 лет прокуроров, испытывающих уверенность в предоставленных им законом гарантиях, становится меньше — показатель снижается с 62% до 44% и 36% соответственно. В этих двух группах также появляются ответы, что уровень зависимости высок, так как решения принимаются, как правило, в пользу органов государственной власти — 44% и 52% соответственно. 46% наиболее опытных работников органов прокуратуры со стажем свыше 10 лет говорят о высоком уровне зависимости от власти, при этом треть опытных прокуроров (31%) считает воздействие со стороны власти естественным делом, поскольку чиновники также представляют государственную власть.

Профессия прокурора ко многому обязывает и накладывает серьезные ограничения. Для надлежащей реализации полномочий по обеспечению законности во всех сферах жизни общества деятельность прокурора обеспечена особым правовым статусом, а также рядом процессуальных и материальных гарантий, в том числе невмешательства в его профессиональную деятельность. Однако исследо-

вание показывает, что, несмотря на предоставление соответствующих гарантий лицу, занявшему прокурорскую должность, далеко не все он может применять сразу же. Для использования ряда инструментов требуются такие качества, как уверенность в себе и твердость целей, для обретения которых необходимы время и опыт.

Во-первых, стаж помогает выработать разборчивость в профессиональной деятельности, а также критичность по отношению к себе, руководству, коллегам по цеху и власти: с возрастом доля оценок вмешательства руководства в процессуальную деятельность прокуроров как недопустимого увеличивается; возраст помогает респондентам видеть в активности руководства личный интерес к процессуальному решению либо к исходу дела в целом. Во-вторых, профессиональное становление прокуроров способствует развитию у них самостоятельности, т.е. возможности обходиться в процессуальной работе без посторонней помощи. Правда, стаж не всегда оказывает определяющее влияние, а его позитивное значение может быть не востребовано. Так происходит, в частности, при доминировании в профессиональной жизни прокурора личного интереса, когда специалист ради бесконфликтных условий службы отказывается от предоставленных ему гарантий, не проявляет воли к защите личного усмотрения и внутреннего убеждения, не становится на стражу своей свободы в оценке рассматриваемых дел, отказывается от профессиональных достижений (уверенности и самостоятельности) и приверженности идеалам правосудия. Таким образом, уровень независимости прокурора зависит от его возраста: чем он старше и опытнее, тем сильнее у него необходимость в независимости. Также с возрастом растет критическое отношение прокурором к посягательствам на его самостоятельность и степень требовательности к себе и другим участникам судопроизводства.

Личное усмотрение и лежащее в его основе внутреннее убеждение, согласно уголовно-процессуальному кодексу, составляют базис процессуальной деятельности прокурора. При этом их высокое положение в иерархии и процессе отправления правосудия не является прихотью законодателя: в демократическом обществе внутреннее убеждение служит реальным механизмом выработки правоприменителями процессуальных решений. Например, вывод прокуроров о локальном или повсеместном распространении проблем с независимостью институтов правосудия зависит от их мнения о степени развитости у них личного усмотрения: большинство прокуроров с высокой степенью самокритичности, которые отмечают избыточный уровень личного усмотрения, считают, что проблема распространена повсеместно и видят ее истоки в несовершенстве административно-организационного устройства. Высокий уровень личного усмотрения при принятии процессуальных решений и рассмотрении дел благоприятствует росту зависимости институтов правосудия от власти, так как позволяет правоприменителю принимать решения в пользу государственных органов.

Прокуроры, испытывающие дефицит личного усмотрения, не в полной мере используют потенциал этой правовой гарантии для ограждения от влияния государственных органов и своего руководства, которое подавляет их самостоятельность. Впрочем, развитость личного усмотрения и внутреннего убеждения в про-

цессуальной деятельности не в полной мере способны обезопасить прокурора от противостояния вмешательству — в ответ на высокую степень личного усмотрения руководители поддерживают не менее высокий уровень зависимости подчиненных прокуроров. Иными словами, результаты опроса говорят о необходимости не ограничивать, а благоприятствовать развитию у сотрудников прокуратуры внутреннего убеждения и принятию исключительно на его основе процессуальных решений, при этом на законодательном уровне сокращая круг вопросов, передаваемых прокурорам для решения по личному усмотрению.

Руководство и государственные органы власти являются неотъемлемыми компонентами и спутниками системы прокуратуры: первое возглавляет и управляет ею, то вторые — то целое, частью которого являются органы прокуратуры. Опрос подтвердил, что рассмотрение влияния руководства и власти на независимость прокуроров имеет под собой не только функционально-иерархические основания, но и реальные причины: в ответах респондентов отмечено совпадение высокого уровня зависимости от власти с высоким уровнем вмешательства руководства в деятельность прокуроров, т.е. чиновники в большинстве случаев действуют через руководство. С опытом уровень критической оценки попыток органов власти влиять на процесс и исход рассмотрения дел растет, но уровень симпатии к власти с ростом стажа не обнуляется, поскольку влияние власти считается естественным — ее должностные лица также представляют государственную власть, как и прокуроры. Среди прокуроров было выявлено две группы: одна готова «дружить» с властью без руководства, а другая — «кооперироваться» с руководством без контактов с властью.

Информация о финансировании

Статья подготовлена при поддержке РФФИ. Проект № 18-011-01232.

Библиографический список

- [1] *Абрамов Р.Н., Быков А.В.* Профессиональная этика как объект социологического исследования: между социологией морали и социологией профессий // *Вестник РУДН. Серия: Социология*. 2018. Т. 18. № 4.
- [2] *Бочкарев С.А.* Состояние независимости институтов правосудия в Российской Федерации: социологическое исследование // *Российский журнал правовых исследований*. 2019. № 1.
- [3] *Гуськова А.В.* От чего зависит судебная власть // *Российский журнал правовых исследований*. 2019. № 1.
- [4] *Ковтун Н.Н.* Процессуальная независимость суда: тернистый путь от коммунистических мифов к объективной реальности российского правосудия // *Российский журнал правовых исследований*. 2019. № 1.
- [5] *Лапаева В.В.* Право и правовое государство в постсоциалистической России: состояние и перспективы развития // *Социологические исследования*. 2016. № 7.
- [6] *Масловская Е.В.* Социологический анализ взаимодействия юристов и судебных экспертов: теоретико-методологические подходы // *Вестник РУДН. Серия: Социология*. 2018. Т. 18. № 3.
- [7] *Нисневич Ю.А.* Судебная система постсоветской России: социальный контекст // *Социологические исследования*. 2019. № 8.
- [8] *Попова Т.В., Калашиникова А.С.* Научно-практические рекомендации по профилактике эмоционального выгорания у судей // *Психология и право*. 2018. Т. 8. № 1.

- [9] *Смирнов А.В.* О независимости, беспристрастности и справедливости судебной власти // Российский журнал правовых исследований. 2019. № 1.
- [10] *Цветков Ю.А.* Независимость судей в механизме управления судебной системой // Российский журнал правовых исследований. 2019. № 1.
- [11] *Шадрин В.С.* Обеспечение независимости судей как одно из оснований реформы судебной системы // Российский журнал правовых исследований. 2019. № 1.

DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-4-769-786

Independence of prosecutors in the Russian justice system*

S.A. Bochkarev

Lomonosov Moscow State University
Lomonosovskiy Prospekt, 27, GSP-1, Moscow, Russia, 119991
(e-mail: bo4karvs@yandex.ru)

Abstract. Based on the data of the sociological survey, the author considers the attitude of prosecutors to their own independence and to the circumstances that can affect it. The questionnaire focused on the opinions of prosecutors and various aspects of the impact on their decisions: higher management, pressure from the media, representatives of state authorities, etc. The results of the survey prove that the relationship between the higher management and public authorities in the field of their impact on the independence of prosecutors has both functional-hierarchical and real reasons. The study revealed a coincidence of the high level of dependence on the authorities with the high level of management interference in the procedural activities of prosecutors, which allows to suggest that in most cases officials put pressure on prosecutors through their higher management. The results of the survey show that with experience the level of critical evaluation of authorities' attempts to influence the process and the results of the prosecutors' work increases. If young professionals do not feel rejection when face the intervention of the authorities, then with the growth of experience negative assessments of such actions appear and gradually strengthen. At the same time, the revealed indicators do not allow to say that for inexperienced prosecutors at the first stages of their professional development the phenomenon of power is unknown or unclear. On the contrary, they are familiar with it and feel the most favorable attitude towards it.

Key words: independence of prosecutors; survey; public authority; age; work experience

Funding

The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research. Project No. 18-011-01232.

References

- [1] Abramov R.N., Bykov A.V. Professionalnaya etika kak ob'ekt sotsiologicheskogo issledovaniya: mezhdru sotsiologiyey morali i sotsiologiyey professiy [Professional ethics as a subject of sociological study: Between sociology of morality and sociology of professions]. *RUDN Journal of Sociology*. 2018; 18 (4) (In Russ.).
- [2] Bochkarev S.A. Sostoyaniye nezavisimosti institutov pravosudiya v Rossiyskoy Federatsii: sotsiologicheskoye issledovaniye [Independence of justice institutions in the Russian Federation: A sociological study]. *Rossiyskiy Zhurnal Pravovyykh Issledovaniy*. 2019; 1 (In Russ.).

* © S.A. Bochkarev, 2019.

The article was submitted on 28.07.2019. The article was accepted on 03.09.2019.

- [3] Guskova A.V. Ot chego zavisit sudebnaya vlast [What the judicial branch depends on]. *Rossiysky Zhurnal Pravovykh Issledovaniy*. 2019; 1 (In Russ.).
- [4] Kovtun N.N. Protsessualnaya nezavisimost suda: ternisty put ot kommunisticheskikh mifov k obektivnoy realnosti rossiyskogo pravosudiya [The procedural independence of the court: the thorny path from communist myths to the objective reality of the Russian justice]. *Rossiysky Zhurnal Pravovykh Issledovaniy*. 2019; 1 (In Russ.).
- [5] Lapaeva V.V. Pravo i pravovoe gosudarstvo v postsotsialisticheskoy Rossii: sostoyanie i perspektivy razvitiya [Law and the rule of law in post-socialist Russia: Current state and development prospects]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2016; 7 (In Russ.).
- [6] Maslovskaya E.V. Sotsiologichesky analiz vzaimodeystviya yuristov i sudebnykh ekspertov: teoretiko-metodologicheskie podkhody [Sociological analysis of interaction of jurists and forensic experts: Theoretical-methodological approaches]. *RUDN Journal of Sociology*. 2018; 18 (3) (In Russ.).
- [7] Nisnevich Yu.A. Sudebnaya sistema postsovetsoy Rossii: sotsialny kontekst [The judicial system of post-Soviet Russia: A social context]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2019; 8 (In Russ.).
- [8] Popova T.V., Kalashnikova A.S. Nauchno-prakticheskie rekomendatsii po profilaktike emotsionalnogo vygoraniya u sudey [Scientific-practical recommendations for the prevention of judges' burnout]. *Psikhologiya i Pravo*. 2018; 8 (1) (In Russ.).
- [9] Smirnov A.V. O nezavisimosti, bespristrastnosti i spravedlivosti sudebnoy vlasti [On the independence, impartiality and justice of the judiciary]. *Rossiysky Zhurnal Pravovykh Issledovaniy*. 2019; 1 (In Russ.).
- [10] Tsvetkov Yu.A. Nezavisimost sudey v mekhanizme upravleniya sudebnoy sistemoy [Independence of judges in the judicial system management]. *Rossiysky Zhurnal Pravovykh Issledovaniy*. 2019; 1 (In Russ.).
- [11] Shadrin V.S. Obespechenie nezavisimosti sudey kak odno iz osnovanit reformy sudebnoy sistemy [Ensuring the independence of judges as a foundation of the judicial reform]. *Rossiysky Zhurnal Pravovykh Issledovaniy*. 2019; 1 (In Russ.).

DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-4-787-799

Семейное предпринимательство на селе: штрихи к портрету*

О.Б. Божков

Социологический институт — филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук
ул. 7-я Красноармейская, 25/14, Санкт-Петербург, Россия, 190005
(e-mail: olegbozh@gmail.com)

Статья представляет собой промежуточный итог многолетних исследований, в фокусе которых находится широкий круг вопросов, связанных со становлением фермерского движения, с взаимодействием современных сельских предпринимателей с властью, населением и коллегами по производственной деятельности. Настоящий проект (полевые экспедиции 2018—2019 годов) нацелен на оценку проблем и перспектив функционирования двух наиболее значимых социальных институтов российского села — местной власти и предпринимательства — с точки зрения доминирующих сценариев их взаимодействия и роли в стабилизации положения сельских территорий. Двухлетний цикл полевых исследований повторяет экспедиции десятилетней давности, сочетая количественный и качественный подходы для изучения кейсов — конкретных населенных пунктов, репрезентирующих особенности нечерноземных регионов России. В данной статье внимание сосредоточено на проблеме, которая до сих пор практически не попала в поле зрения исследователей аграрных проблем, а именно — на состоянии семейного предпринимательства на селе. Во введении автор предлагает краткий обзор специфики сельского уклада жизни в дореволюционной России. В первой части статьи рассматриваются социально-экономические процессы, происходившие на селе в советский период и заложившие фундамент тех проблем, которые предопределили траектории постсоветского развития сельских территорий. Во второй части статьи представлена характеристика особенностей постсоветского периода в жизни села, преимущественно по материалам полевых экспедиций, которые были проведены при непосредственном участии автора в районах российского Нечерноземья в 2004—2008 годы. И, наконец, в третьей части статьи суммированы первые впечатления автора и некоторые результаты полевых экспедиций 2019 года, обозначены те проблемы сельских предпринимателей, которые перманентно преследуют их. Так, например, практически в каждом сельском районе российского Нечерноземья можно встретить фермеров, однозначно ориентирующихся на семейное предпринимательство, но вынужденных для выстраивания своей деятельности идти на многочисленные ухищрения, подтверждающие теорию М. Серто о сопротивлении «слабых» «сильным».

Ключевые слова: крестьянская семья; деревенский уклад жизни; фермерство; семейное предпринимательство; государственная поддержка; стратегия устойчивого развития сельских территорий

Чтобы ввести читателя в проблематику реализуемого исследовательского проекта, необходим хотя бы краткий ретроспективный обзор причин нашего обращения к изучению семейного предпринимательства на селе. И начать этот обзор следует с крепостного права, которое поставило крестьян в положение

* © Божков О.Б., 2019.

Статья поступила 30.06.2019 г. Статья принята к публикации 03.09.2019 г.

рабов: владелец крестьянских душ мог продать целую семью оптом, а мог и распродать всех членов семьи по отдельности. Крепостными крестьянами помещик мог откупиться от армии, его богатство в принципе определялось числом крестьянских душ. О бедственном и несправном положении крепостных немало свидетельств в русской художественной литературе и публицистике XIX века. Правда, крепостное право распространялось не на всю территорию России — северные области (в частности Архангельская губерния), а также Сибирь практически не знали крепостного права. Манифест 1861 года, отменив крепостное право, вроде бы дал крестьянам свободу. Однако ключевой для крестьян вопрос о земле практически не был решен, как и вопрос о частной собственности — полноценным субъектом права стали крестьянская община и семья (или хозяйство) в целом.

Одним из важнейших следствий Манифеста 1861 года было сокращение численности крестьянских семей: «До отмены крепостного права в деревне преобладала составная крестьянская семья. Сельские семьи были, как правило, многочисленны. Например, в 1857 году семья включала в среднем в Воронежской губернии 9,6 человек обоего пола, Курской — 9,1, Тамбовской — 9,0. Во второй половине XIX века численность сельской семьи уменьшается. Если в 1858 году средняя численность крестьянской семьи в Воронежской губернии составляла 9,4 чел., то в 1884 году — 6,8, а в 1897 — 6,6. Аналогичная тенденция по снижению средней численности крестьянских семей отмечена и в других губерниях. Крупная семья представляла собой своеобразную форму трудовой кооперации, половина ее численного состава были работниками. Поэтому такие семьи чаще всего являлись зажиточными. Многосемейность придавала крестьянскому хозяйству устойчивость и выступала залогом экономического благополучия» [2. С. 501]. «Веками формы традиционной крестьянской семейной жизни были „подогнаны“ к экономическим и социальным условиям российского земледельческого хозяйства. Но во второй половине XIX века эти условия стремительно уходили в прошлое, а вместе с тем лишались опоры и приспособленные к таким условиям семейные структуры, формы и нормы семейных отношений. Именно в это время вышло наружу всегда существовавшее подспудно противоречие „малой“ и „большой“ семей. В России дольше, чем в странах Западной Европы, задержалась большая, неразделенная семья — расширенная (т.е. состоящая из одной супружеской пары и других, не являющихся супругами родственников разной степени близости, — овдовевших родителей и прародителей, неженатых детей, внуков, правнуков, дядьев, племянников и т.д.) и составная (имеющая в своем составе несколько супружеских пар и, как и расширенная семья, других родственников)» [5].

Это обстоятельство вместе со «свободой», дарованной Манифестом 1861 года, привело, во-первых, к заметному расслоению крестьянства, во-вторых — к активной и масштабной миграции крестьян в города. Первая мировая война, а затем революция и гражданская война, охватившие большую часть территории страны, не способствовали укреплению российского села. Законы военного коммунизма и продразверстка привели деревню к обнищанию и сельским бунтам — достаточно вспомнить жестоко подавленные Кронштадское, Тамбовское, Ишимское крестьян-

ские восстания против советской власти. Введение советской властью продовольственного налога облегчило ситуацию, но радикально крестьянский вопрос не решило, да и не могло решить [1; 6]. Небольшой передышкой стал период НЭП, позволивший наиболее крепким крестьянским хозяйствам, насколько это в принципе было возможно, восстановиться. Но крестьянское счастье оказалось недолговечным.

Все кратко перечисленные вехи в истории российского крестьянства, по сути, фиксируют этапы уничтожения крестьянского (сельского) уклада жизни, который предполагает не просто коллективный труд, но, в первую очередь, именно семейное ведение хозяйства, что для нас особенно важно.

Крутая ломка крестьянского хозяйственного уклада

Коллективизация стала, пожалуй, самой крутой ломкой сельского уклада жизни. По сути, в отношении сельских жителей советская власть надолго установила новую систему крепостного права [7]. Сопровождавшее коллективизацию «раскулачивание» поэтапно выбивало наиболее эффективных, крепких хозяев из толщи деревенской жизни. Поэтапно оно осуществлялось потому, что проводилось по разрядке: сначала выслали самых обеспеченных, имеющих наемных работников и тягловый скот в достатке, а затем «в дело» пошли и так называемые «середняки» — те, кто имел и не отдавал в колхозы лошадей. Конечно, основанием для раскулачивания служили также наветы и просто испорченные отношения с кем-то из членов комбеда.

Приведем небольшую справку относительно отсутствия паспортов у сельских жителей СССР: «Когда ЦИК и СНК СССР ввели в 1932 году паспортную систему, лица без паспорта подвергались штрафу, а если они прибыли из других районов СССР, то еще и удалению в административном порядке, а без прописанного в данной местности паспорта нельзя было поступить на работу. Колхозникам же паспорта просто не выдавались, а из колхоза было разрешено отлучаться лишь по однократной справке, выдаваемой председателем колхоза, с указанием цели и срока отлучки (но не более 30 суток). Так что крестьяне были даже „более крепостными“, чем при царизме. Главной особенностью паспортной системы 1932 года было то, что паспорта вводились только для жителей городов, рабочих поселков, совхозов и новостроек. Колхозники были лишены паспортов, и это обстоятельство сразу ставило их в положение прикрепленных к месту жительства, к своему колхозу. Уехать в город и жить там без паспорта они не могли: согласно пункту 11 постановления о паспортах такие „беспаспортные“ подвергались штрафу до 100 рублей и „удалению распоряжением органов милиции“. Повторное нарушение влекло за собою уголовную ответственность. Введенная 1 июля 1934 года в УК РСФСР 1926 года статья 192а предусматривала за это лишение свободы на срок до двух лет. Таким образом, для колхозника ограничение свободы места жительства стало абсолютным. Не имея паспорта, он не мог не только выбрать, где ему жить, но даже покинуть место, где его застигла паспортная система. „Беспаспортный“, он легко мог быть задержан где угодно, хоть в транспорте, увозящем его из села.

В таком виде паспортная система и система прописки просуществовали до 1970-х годов. В 1970 году возникла небольшая лазейка для непаспортизированных, приписанных к земле колхозников. В принятой „Инструкции о порядке прописки и выписки граждан исполкомами сельских и поселковых Советов депутатов трудящихся“, утвержденной приказом МВД СССР, была сделана внешне незначительная оговорка: „В виде исключения разрешается выдача паспортов жителям сельской местности, работающим на предприятиях и в учреждениях, а также гражданам, которым в связи с характером выполняемой работы необходимы документы, удостоверяющие личность“. Этой оговоркой и стали пользоваться все те, — особенно молодежь — кто любыми средствами готов был бежать из разоренных деревень в мало-мальски обеспеченные города. Но лишь в 1974 году началась поэтапная законная отмена крепостного права в СССР. Новое „Положение о паспортной системе в СССР“ было утверждено постановлением Совета Министров СССР от 28 августа 1974 года за № 677. Самое существенное отличие его от всех предыдущих постановлений — то, что паспорта стали выдавать всем гражданам СССР с 16-летнего возраста, впервые включая и жителей села, колхозников. Полная паспортизация началась, однако, лишь 1 января 1976 года и закончилась 31 декабря 1981 года. За шесть лет в сельской местности было выдано 50 миллионов паспортов» [4]. И проводилась всеобщая паспортизация вплоть до 1989 года.

Деньги колхозники видели тоже не часто, разве что время от времени им удавалось продать что-то на рынке или дачникам (мясо, овощи, молоко, корзинки, лапти или иные «экзотические» продукты народных промыслов). В самом начале 2000-х годов мы начали социологические экспедиции в села Северо-Запада (Тверская, Новгородская и Вологодская области), и многие молодые участники экспедиций впервые увидели так называемые «книжки колхозников», где палочками (реже цифрами) отмечались отработанные трудовые дни. Итоги подводились не каждый месяц, но в итогах сообщалось о том, что заработал каждый колхозник. Сумма в рублях там встречалась крайне редко — чаще речь шла о мешках (или килограммах) картошки, зерна, овощей, т.е. оплата труда, как правило, осуществлялась «натурой». Пенсии колхозники стали получать только с 1958 года, но они были настолько мизерными, что их и теоретически, и практически не хватало ни на что.

В этих условиях о семейном предпринимательстве на селе не могло быть и речи, хотя личное подсобное хозяйство по-прежнему оставалось делом всей семьи. Тем не менее, советское искусство старательно рисовало пасторальные картины деревенской жизни в кинематографе: «Трактористы» (1939), «Свинарка и пастух» (1941), «Сельская учительница» (1947), «Кубанские казаки» (1949), «Калиновая роща» (1953), «Максим Перепелица» (1955), «Чужая родня» (1956), «Посеяли девушки лен» (1956), «Иван Бровкин на целине» (1958). Этот список, безусловно, не полон, его можно продолжать бесконечно, но представленные в нем такие разные фильмы объединяло не только множество сложных любовных коллизий (таких трогательных, что слезы у зрителей лились рекой), но также и исключительно героический труд в самых невероятных обстоятельствах и богатая беззаботная жизнь, слегка омрачаемая разве что душевными страданиями героев

на фоне очень высокой социальной нравственности и морали. Несомненно, в советских фильмах о деревне личное подсобное хозяйство героев попадало в кадр разве что случайно.

В 1951 году я впервые услышал очень трогательную радиопостановку «Венгерская рапсодия», рассказывающую о том, как деревенский мальчик самостоятельно научился играть на балалайке вторую венгерскую рапсодию Листа, которая ему очень понравилась. В деревню, где жил мальчик Ваня, приехала делегация из Венгрии, и для нее он, конечно, виртуозно исполнил на балалайке эту сложнейшую композицию их соотечественника. После чего его, естественно, направили в столицу — Москву, чтобы «простой деревенский мальчишка», но очень талантливый и упорный, учился музыке и стал народным артистом. В 1950-е годы и последующие десятилетия эту радиопостановку часто передавали по радио, чтобы убедить советских слушателей, что каждый сельский ребенок без каких-либо препятствий может «выбиться в люди». Пути для того, чтобы «выбиться в люди», действительно существовали и, действительно, прежде всего, для мальчишек. После демобилизации из армии они получали паспорта и могли ехать куда угодно и делать что угодно: учиться, работать в любом городе и любой другой деревне, а если там не понравится, то уехать еще куда-нибудь. Армия была первым и гендерно окрашенным социальным лифтом, доступным для сельской молодежи.

Второй социальный лифт для сельской молодежи — образование. Колхозы имели возможность целевым образом направлять молодежь в высшие учебные заведения. Скорее всего, в подавляющем большинстве случаев «направленцы» по окончании вузов возвращались, если не в свои деревни, то в свои районы или сельсоветы, хотя некоторая их часть (порядка 30%) все-таки оседала в городах. И, наконец, третий социальный лифт — система оргнабора. Развивающаяся почти исключительно экстенсивным образом городская промышленность постоянно нуждалась в рабочей силе. Москва и Ленинград, как мощные насосы, откачивали ее не только из сельской местности, но также из малых городов и рабочих поселков, наполняясь так называемыми «лимитчиками». Мегалополисы не ограничивались ближайшим окружением — уже в 1970—1980-е годы рабочую силу приходилось рекрутировать из Белоруссии, Украины, Молдавии и даже Вьетнама и Кореи.

Перестройка как «последняя капля» в разрушении сельского уклада

Наша первая экспедиция в Максатихинский район Тверской области состоялась в 2005 году в рамках программы «Руководители среднего и низшего уровней государственного и экономического управления в условиях кардинальных экономических и политических реформ», которая предполагала проведение сплошного опроса руководителей всех муниципальных образований (поселений) и руководителей действующих сельхозпредприятий: колхозов, СПК, ООО, включая ИП и КФХ, т.е. фермеров. Интервью состояло из двух частей: биографической (личной) и экспертной, посвященной оценкам текущего состояния сельской жизни (в течение 2005—2008 годов в семи районах четырех субъектов Российской Федерации было опрошено 175 человек — 100 глав поселений, включая глав районов,

и 75 руководителей сельских предприятий). Кроме того, в местных архивах и статистических управлениях мы собирали информацию по широкому кругу разных сторон сельской жизни, начиная с 1958 года (когда началась масштабная хрущевская реформа в сфере сельского хозяйства, которая, к сожалению, как и многие другие реформы в России, не была закончена).

Пространственный ареал исследования был выбран не случайно: в 2001—2003 годах мы с моими студентами прошли на байдарках по реке Молога Максатихинский и Лесной районы Тверской области и Пестовский район Новгородской области в рамках другого проекта, поддержанного РФФИ, — «Организация и проведение экспедиций по сбору генеалогических и биографических данных о жителях среднего течения реки Молога». В ходе реализации проекта мы увидели, в сколь плачевном состоянии находится российская деревня — зарастающие кустарником и лесом пашни и луга, руины производственных сельскохозяйственных построек, погибающие школы и дома культуры. Информанты, с которыми мы составляли их генеалогические деревья, в основном очень пожилые люди, ругали перестройку как усугубившую и без того нелегкую жизнь в деревне, что и побудило нас резко сменить проблематику наших полевых исследований, начав работу по новому проекту с изучения архивных и статистических данных.

Они позволили нам увидеть, как происходили укрупнения и разукрупнения колхозов и шла борьба с «неперспективными» населенными пунктами, как складывалась демографическая ситуация в обследованных нами районах. Самые поразительные архивные документы — это годовые отчеты сельсоветов, где мы познакомились с удивительной формулировкой «план по убыткам выполнен полностью», что дало основание для вывода о том, что развал сельского хозяйства в нечерноземной зоне начался задолго до перестройки. Перестройка стала лишь «последней каплей», хотя правильнее было бы говорить не об одной единственной капле, а скорее об «интенсивной капели» — сначала произошел развал экономических связей, затем был взят курс на фермерство и осуществлен вполне сознательный развал колхозов и совхозов. Но, пожалуй, самый мощный фактор уничтожения сельского хозяйственного уклада — смена власти: если в советское время реальной властью являлись райкомы партии, то с развалом КПСС власть перешла в руки районных администраций.

Стремительный «переход к капитализму» больно ударил и по промышленности, и по сельскому хозяйству. Если в городах «успешно» работала ваучерная приватизация, мало кому давшая хоть какие-то дивиденды (люди за гроши продавали свои ваучеры ушлым скупщикам), то в деревнях на свои ваучеры колхозники получали в основном технику, т.е. средства производства — трактор, грузовик, сеялку, борону и т.п. На балансе у колхозов оставались только строения: коровники, мастерские, клубы, школы, детские сады и т.п. Сохранившиеся колхозы быстро обрастали долгами перед государством и колхозниками (нечем было рассчитываться с людьми за выполненную работу).

Когда мы начинали исследование в Максатихинском районе Тверской области, почти все действующие колхозы были на грани банкротства, а с глав районов «сверху» требовали, чтобы в районе оставалось сельскохозяйственное производ-

ство, которое, как известно, трудоемко. К тому же цены на сельхозпродукцию стремительно падали, а на горючее и электроэнергию бурно росли — почти все наши информанты жаловались на разрушенный паритет цен, когда заработать на продукции животноводства или растениеводства было практически невозможно, в отличие от торговли или краже леса.

Несмотря на территориальную близость и сходство географических и климатических условий, каждый из обследованных нами районов имеет свою специфику сельскохозяйственного производства в зависимости от целого ряда внешних и внутренних причин. И причины эти, как оказалось, вовсе не связаны с сельскохозяйственным или промышленным статусом. Руководство промышленного района может долгие годы выстраивать целенаправленную политику сохранения сельскохозяйственного потенциала любыми доступными способами, осознавая важность данной отрасли для поддержания сельской территории (Кадуйский район), или, напротив, полностью развалить сельскохозяйственную отрасль, свернув работу практически всех предприятий (Бокситогорский район):

«Мы банкротить не банкротили. У нас же тут много всяких перемен было. И в связи с этими переменами мы, наверное, и сохранили хозяйства. Может мы где-то нарушали... закон. Но, по крайней мере, мы сделали все возможное для того, чтобы не обанкротились эти хозяйства» (начальник отдела сельского хозяйства, Кадуйский район).

«У нас принято на территории района неофициально винить в этом директоров совхозов [которые бросили убыточные хозяйства и полностью переквалифицировались во владельцы лесозаготовительных предприятий], винить прежнюю власть на уровне района» (руководитель Бокситогорского района).

То же самое относится и к сельскохозяйственным районам: в одних сельское хозяйство еле выживает (Максатихинский район), в других сравнительно успешно функционирует и даже является образцовым по некоторым видам продукции (Лесной, Устюженский район).

«Вот лесовцы — молодцы, у них сельское хозяйство, как-то вот друг дружке они помогают... А у нас этого нет... Даже местная власть не обращает внимания на деревню... Я ездил в Лесной район, там с ребятами пообщался. Там очень умный начальник управления сельского хозяйства. Очень умный и грамотный человек... Они вообще ушли все в крестьянско-фермерское хозяйство» (председатель СПК, Максатихинский район).

Местные власти нашли выход, и не один: во-первых, началось «плановое» реоформление колхозов в СПК, ООО и даже КФХ, и на балансе новых предприятий оказалось все то, что еще было живо, а все прочее списывали или отдавали этим же предприятиям в аренду по «льготным» расценкам. С развалом КПСС старое испытанное средство воздействия на людей — угроза исключения из партии — уже не действовало, но нашлись другие способы и не менее действенные. Например, приходит к главе района предприниматель с просьбой дать ему в аренду помещение под магазин или бытовую мастерскую, а тот ему говорит: «Хорошо, найдем тебе подходящее помещение, а ты возьми-ка небольшой колхоз и наладь там работу». Предпринимателю эта обуза совсем не нужна, а развиваться

необходимо, поэтому он вынужден согласиться. Или другая ситуация: предприниматель вознамерился взять кредит в банке, банк требует привести поручителя, а в те годы самый надежный поручитель — глава районной администрации. И снова та же песня: «Возьмешь колхоз — буду поручителем, не возьмешь — тогда уж не обессудь». Эта тотальная зависимость от районной власти сильно угнетала сельских предпринимателей.

У промышленности были свои проблемы — ей пришлось отказаться от содержания на балансе почти всей «социалки», в том числе и подсобных хозяйств. Например, промышленный гигант «Северсталь» направил в деревню своих людей, чтобы они занялись поддержкой гибнущих колхозов. Во всяком случае «Северсталь» обеспечивала этим колхозам гарантированный сбыт их продукции, а сбыт — одна из ключевых проблем для сельского предпринимательства.

Несмотря на бедственное положение сельского хозяйства и огромное количество практически неразрешимых проблем, наш оптимизм подпитывался уверенным настроем наших героев. За три года экспедиций мы познакомились с массой замечательных людей, настоящих патриотов, влюбленных в свое дело и землю. Почти у каждого из них была не одна возможность уехать из деревни, но наш вопрос «А почему же не уехали?» мы слышали разные ответы: «В городе слишком много суеты», «Да там и дышать-то нечем», «Здесь моя родина и все мои предки жили здесь», и самый частый ответ — «Да если я уеду, тут же все погибнет». Поначалу мы думали, что это «чистый крестьянский пафос» перед городскими исследователями, а потом поняли, что это действительно главный мотив людей, которые полны жизненной энергии и хватки.

А проблем у сельских предпринимателей хватает, независимо от того, как они называются — председатель колхоза, руководитель СПК, фермер или глава крестьянского фермерского хозяйства. В первую очередь — это кадры. Почти все, кто хотел и умел работать, воспользовались перестроечной «свободой» и уехали туда, где есть работа. Деревни в регионе обезлюдели, остались только старики и лодыри, да и сами деревни исчезали со временем. В Бабаевском районе мы с коллегой искали место для лагеря, увидели свежий указатель «Кобелево» и поворот на хорошую проселочную дорогу. Свернули, проехали чуть меньше километра и увидели пять-шесть покосившихся домов с проваленными крышами, еще через 300—400 метров — несколько таких же, явно нежилых домов. Как-то я возвращался из Максатихи, по пути меня «подхватил» один из моих информантов — председатель колхоза, но предупредил, что по дороге ему надо заехать в место, где у него работали два тракториста. Свернули с трассы на лесную дорожку, доехали до опушки леса, притормозили. «Я быстро», — сказал председатель и пошел к полю. Вернулся действительно быстро: «*Слава богу, работают, я не стал их беспокоить, пусть работают. А вообще-то за каждым глаз да глаз нужен. Так и норовят от работы отлынуть, только отвернешься — уже сидят в кустах и бухают.*»

В течение многих лет крестьян, по сути, отучали от труда, «оберегали» от ответственности за свой труд и землю — думать об этом должны были начальники, вот теперь и председатель. И, конечно, большая проблема — специалисты сель-

ского хозяйства: агрономы, ветеринарные врачи, зоотехники, механизаторы широкого профиля.

Другая, столь же неразрешимая, проблема — земля. Чтобы вернуть в оборот зарастающие кустарником и лесом пашни и луга, сегодня нужны огромные капиталовложения, которых у сельских предпринимателей просто нет. Получить землю в аренду можно, а в собственность уже проблематично. Впрочем, и с арендой все не так-то просто: если бы была земля в собственности, так под нее и кредит можно было бы взять на развитие хозяйства, но такой возможности нет. Кроме того, для развития нужны длинные, а не короткие кредиты, тем более в сельском хозяйстве.

Нельзя не отметить, что некоторая поддержка сельского предпринимательства со стороны государства в эти годы все-таки была. Это, прежде всего, субсидии, т.е. частичное возмещение расходов на производственные нужды: на покупку скота, кормов, на приобретение горючего и даже некоторой техники. Правда, чтобы получить эти субсидии, надо было заранее подать заявку и оформить немало бумаг, при этом размер субсидий колебался в диапазоне от 30% до 70%, и каков он будет, было неизвестно.

И, наконец, проблема частной собственности тоже не решена и, главное, не решается. Многие наши информанты в 2005—2008 годах робко заговаривали о том, что хорошо бы поставить свои хозяйства на ноги, чтобы передать их потом детям. Тогда вслух об этом говорить стеснялись. Но для себя мы отметили это обстоятельство как более или менее отчетливо выраженную тенденцию — желание людей пускать корни и надеяться, что от этих корней появятся и новые всходы.

По тем же адресам десять лет спустя

Две полевые экспедиции 2018 года уложились в 33 дня. За это время были обследованы четыре района: Бокситогорский в Ленинградской области и три района Вологодской области — Бабаевский, Кадуйский и Устюженский. В 2019-м уже были обследованы Пестовский район в Новгородской области и Лесной район в Тверской области (на момент написания статьи готовилась последняя экспедиция — в Максатихинский район Тверской области). Естественно, за 10—14 лет многое изменилось, и только в Бокситогорском районе мы встретили того главу района, с которым беседовали десять лет назад, а во всех других районах руководители сменились. Сохранились многие старые названия хозяйств, но появились и новые, и среди 50 наших информантов (2018 года) 16 оказались нашими старыми знакомыми, которые и прежде были успешными предпринимателями.

Первое принципиальное изменение состояло в том, что сельские предприниматели начали получать реальную государственную поддержку. Кроме субсидий начинающие предприниматели сегодня могут получить гранты на поддержку и развитие хозяйств. Второе изменение состояло в том, что фермерством стали заниматься молодые люди (28—42 лет). И, третье и самое существенное для нашей темы изменение — очевидная тенденция передачи хозяйств своим детям. Сельское предпринимательство выжило и попыталось стать семейным, как, впрочем, издавна было принято на селе.

Однако эта, казалось бы, естественная тенденция натолкнулась на множество препятствий. Например, начинающий предприниматель получил грант в 1,5 млн рублей для поддержки своего начинания. По условиям гранта под каждые 500 тысяч рублей он должен нанять работника, но он не может принять на работу свою жену, так как она занята на государственной службе, или оформить на работу своего четырнадцатилетнего сына, хотя мальчишка интересуется техникой и равнодушен к животным. Эта ферма — дело семейное, и предприниматель не может и не хочет запрещать сыну водить трактор, ухаживать за телятами. Да и мальчик хорошо справляется с этой работой не в ущерб учебе, а уж во время летних каникул — сам бог велел деревенскому парнишке помогать родителям в хозяйстве, и так велось в деревне испокон века. И жена не может бросить свою работу, поскольку на стадии становления ферма требует вложений и не приносит дохода.

В ходе экспедиций 2018—2019 годов в каждом из обследованных районов мы встретили хотя бы одного фермера, который отчетливо ориентировался именно на семейное предпринимательство, и фактически именно так выстраивает свою деятельность. Однако им приходится идти на определенные ухищрения, подтверждающие теорию М. Серто о сопротивлении «слабых» против «сильных» [11]. Например, братья или муж и жена, отец и сын регистрируют разные хозяйства, или активно привлекают к хозяйственной деятельности своих взрослых детей, вытягивая их обратно из городов или других профессий, упорно стремясь именно к тому, чтобы их дело стало семейным и перешло к их детям.

Таким образом, сельское хозяйство — это, во-первых, четкие сезонные режимы; во-вторых, принципиально коллективная работа; в-третьих, сам уклад сельской жизни привязывает к этой работе всю семью. Безусловно, современные технологии (даже в сельском хозяйстве) не требуют большого числа работников, и уже в силу этого обстоятельства дружная семья вполне в состоянии выполнить большой объем хозяйственных работ без постоянного привлечения наемной рабочей силы. Иными словами, сегодня есть все предпосылки для нормального функционирования семейного сельского предпринимательства. Опыт наших исследований убеждает в том, что от государства требуется не так уж много, чтобы поддерживать современных фермеров. Вернее, главное — чтобы государство и его институты не мешали, не ставили лишних препон. И если в 2005—2008 годах основная претензия фермеров к государству была в том, что не дают денег, то сегодня буквально каждый второй говорит: «Да, не надо нам этих денег, главное, чтобы не мешали своими бесконечными и бессмысленными проверками». Еще бы семейным предпринимателям на селе, конечно, не помешали бы длинные кредиты и более прозрачное ценообразование.

Информация о финансировании

Статья подготовлена при поддержке РФФИ. Проект № 18-011-00568 «Модели взаимодействия сельскохозяйственного бизнеса и местной власти: механизмы воспроизводства предпринимательского слоя и элементов неформальной экономики в зоне Нечерноземья».

Библиографический список

- [1] *Алешкин П., Васильев Ю.* Крестьянские восстания в России в 1918—1922 гг. От махновщины до антоновщины. М., 2013.
- [2] *Безгин В.Б., Ерин П.В.* Крестьянская семья и сельская община конца XIX — начала XX века (на материалах Тамбовской губернии) // Вестник ТГТУ. 2012. Т. 18. № 2.
- [3] *Божков О.Б., Троцук И.В.* Тенденции развития сельских районов России: постановка исследовательской задачи и первые результаты повторного кейс-стади // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2018. Т. 18. № 4.
- [4] В каком году колхозники СССР смогли получить паспорта? // <http://demoscope.ru/weekly/2002/093/argxiv01.php>.
- [5] *Вишневский А.Г.* Эволюция российской семьи // Экология и жизнь. 2008. № 7.
- [6] *Коновко А.* Крестьяне и большевики // <http://expert.ru/expert/2012/15/gibel-uklada>.
- [7] Ложь о паспортной системе СССР и «крепостных» колхозниках // <https://www.liveinternet.ru/users/3790905/post393798679>.
- [8] Многоукладность России: исторические корни, состояние и перспективы / отв. ред. Т.Е. Кузнецова. М., 2009.
- [9] *Нефедова Т.Г.* Десять актуальных вопросов о сельской России: Ответы географа. М., 2013.
- [10] *Никулин А.М., Троцук И.В.* Сельское развитие Финляндии: взаимодействие государства, фермеров и науки (возможные уроки для России) // Мир России. 2014. № 3.
- [11] *Серто М.* Изобретение повседневности. 1. Искусство делать / пер. с фр. Д. Калугина, Н. Мовниной. СПб., 2013.
- [12] *Троцук И.В.* Возможности метода кейс-стади в изучении социальных проблем села // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2007. № 4.
- [13] *Троцук И.В.* Путеводитель по постсоветской аграрной реформе в России: объективное и субъективное измерение сельской жизни // Крестьяноведение. 2017. Т. 2. № 3.
- [14] *Элликсон Р.* Порядок без права: как соседи улаживают споры / пер. с англ. М. Марков, А. Лашев; науч. ред. Д. Кадочников. М., 2017.
- [15] *Scott J.C.* Weapons of the Weak: Everyday Forms of Peasant Resistance. Yale University Press, 1985.
- [16] The Postsocialist Agrarian Question. Property Relations and the Rural Condition / C Hann., R. Rottenburg, B. Schnepel, S. Shimada (Eds.) Vol. 1. Lit Verlag, 2003.
- [17] *Wegren S., Nikulin A., Trotsuk I.* Russian agriculture during Putin's fourth term: a SWOT analysis // Post-Communist Economies. 2019. Vol. 31. No. 4.

DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-4-787-799

Family entrepreneurship in the countryside: Some details of the portrait*

O.B. Bozhkov

Sociological Institute branch — of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences

7th Krasnoarmeiskaya St., 25/14, Saint Petersburg, 190005, Russia

(e-mail: olegbozh@gmail.com)

Abstract. The article is an interim result of many years of studies focused on the wide range of issues related to the development of farmers' movement, to the interaction of contemporary rural entrepreneurs with government, rural population and colleagues in production activities. This project (field expeditions

* © O.B. Bozhkov, 2019.

The article was submitted on 30.06.2019. The article was accepted on 03.09.2019

of 2018—2019) aims at assessing the challenges and prospects of the two key social institutions of the Russian village — local authorities and entrepreneurs — in terms of the dominant scenarios of their interaction and their role in stabilizing the situation in rural areas. This two-year field studies repeat the expeditions of a decade ago combining quantitative and qualitative approaches in the study of specific cases — settlements that represent the features of the Non-Black Earth regions of Russia. The author focuses on the issue actually ignored by researchers of agricultural problems — family entrepreneurship in the countryside. In the introduction, the author provides a brief overview of the specifics of the rural lifestyle in pre-revolutionary Russia. The first part of the article considers social-economic processes in the countryside during the Soviet period, which laid the foundation for the problems that determined the paths of the post-Soviet rural development. The second part of the article presents the features of the post-Soviet period in the life of the village, mainly based on the data of field expeditions to the Russian Non-Black Earth regions in 2004—2008. And, finally, the third part of the article summarizes the author's first impressions and some results of the 2019 field expeditions and identifies permanent challenges for rural entrepreneurs. For instance, in almost every rural area of the Russian Non-Black Earth regions, one can meet farmers who strive to create a family business but are forced to take numerous tricks to achieve their goal, as if proving M. Certeau theory of resistance of the “weak” to the “strong”.

Key words: peasant family; rural lifestyle; farming; family entrepreneurship; governmental support; strategy of rural areas' sustainable development

Funding

The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research. Project No. 18-011-00568 “Models of interaction of agricultural business and local authorities: Mechanisms of reproduction of the entrepreneurs' stratum and informal economy in the Non-Black Earth Region”.

References

- [1] Aleshkin P., Vasiliev Yu. *Krestyanskie vosstaniya v Rossii v 1918—1922 gg. Ot makhnovshchiny do antonovshchiny* [Peasant Uprisings in Russia in 1918—1922 From Makhnovshchina to Antonovschina]. Moscow; 2013 (In Russ.).
- [2] Bezgin V.B., Erin P.V. *Krestyanskaya semya i selskaya obshchina kontsa XIX — nachala XX veka (na materialakh Tambovskoy gubernii)* [Peasant family and rural community of the late 19 — early 20 centuries (based on data from the Tambov Province)]. *Vestnik TGTU*. 2012; 18 (2) (In Russ.).
- [3] Bozhkov O.B., Trotsuk I.V. *Tendentsii razvitiya selskikh rayonov Rossii: postanovka issledovatel'skoy zadachi i pervye rezultaty povtornogo keys-stadi* [Tendencies of the Russian rural areas development: The research task and first results of the comparative case-study]. *RUDN Journal of Sociology*. 2018; 18 (4) (In Russ.).
- [4] *V kakom godu kolkhozniki SSSR smogli poluchit pasporta?* [In what year did the collective farmers of the USSR get passports?]. <http://demoscope.ru/weekly/2002/093/архiv01.php> (In Russ.).
- [5] Vishnevsky A.G. *Evolutsiya rossiyskoy semyi* [Evolution of the Russian family]. *Ekologiya i Zhizn*. 2008; 7 (In Russ.).
- [6] Konovko A. *Krestyane i bolsheviki* [Peasants and Bolsheviks]. <http://expert.ru/expert/2012/15/gibel-uklada> (In Russ.).
- [7] *Lozh o pasportnoy sisteme SSSR i “krepостnykh” kolkhoznikakh* [Lies about the passport system of the USSR and the “serf” collective farmers]. <https://www.liveinternet.ru/users/3790905/post393798679> (In Russ.).
- [8] *Mnogoukladnost Rossii: istoricheskie korni, sostoyanie i perspektivy* [Multi-forms of the Russian Ways of Life: Historical Roots, State, and Prospects]. Otv. red. T.E. Kuznetsova. Moscow; 2009 (In Russ.).

- [9] Nefedova T.G. *Desyat aktualnykh voprosov o selskoy Rossii: Otvetny geografa* [Ten Actual Questions about Rural Russia: Answers of a Geographer]. Moscow; 2013 (In Russ.).
- [10] Nikulin A.M., Trotsuk I.V. Selskoe razvitie Finlyandii: vzaimodeystvie gosudarstva, fermerov i nauki (vozmozhnye uroki dlya Rossii) [Rural development of Finland: The interaction between state, farmers and scientific knowledge (possible lessons for Russia)]. *Mir Rossii*. 2014; 3 (In Russ.).
- [11] Certeau M. *Izobreteniye povsednevnosti. 1. Iskusstvo delat*. [The Practice of Everyday Life. 1. The Art of Doing]. Per. s fr. D. Kalugina, N. Movninoy. Saint Petersburg; 2013 (In Russ.).
- [12] Trotsuk I.V. Vozmozhnosti metoda keys-stadi v izuchenii sotsialnykh problem sela [Case-study's potential in the study of social problems of the village]. *RUDN Journal of Sociology*. 2007; 4 (In Russ.).
- [13] Trotsuk I.V. Putevoditel po postsovetsoy agrarnoy reforme v Rossii: obektivnoe i subektivnoe izmereniye selskoy zhizni [A guide to the post-soviet agrarian reform in Russia: Objective and subjective dimensions of rural life]. *Russian Peasant Studies*. 2017; 2 (3) (In Russ.).
- [14] Ellickson R. Poryadok bez prava: kak sosedi ulazhivayut spory [Order without Law: How Neighbors Settle Disputes]. Per. s angl. M. Markov, A. Lashchev; nauch. red. D. Kadochnikov. Moscow; 2017 (In Russ.).
- [15] Scott J.C. *Weapons of the Weak: Everyday Forms of Peasant Resistance*. Yale University Press; 1985.
- [16] *The Postsocialist Agrarian Question. Property Relations and the Rural Condition*. C. Hann, R. Rottenburg, B. Schnepel, S. Shimada (Eds.). Vol. 1. Lit Verlag; 2003.
- [17] Wegren S., Nikulin A., Trotsuk I. Russian agriculture during Putin's fourth term: a SWOT analysis. *Post-Communist Economies*. 2019; 31 (4).

DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-4-800-813

Социальное измерение студенческих проблем в контексте развития инфраструктуры современного университета*

Ж.В. Пузанова, Т.И. Ларина

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 1177198
(e-mail puzanova-zhv@rudn.ru; larina-ti@rudn.ru)

Улучшение качества студенческой жизни — важная задача любого университета и системы образования в целом, которая вписывается в исследовательские траектории социального измерения студенческой жизни. Для решения этой задачи первоочередным является изучение проблем, с которыми сталкиваются студенты, а вторым шагом может быть создание структур, которые будут решать эти проблемы наиболее эффективно. В статье предпринята попытка показать модель идеального консалтингового центра, который будет решать такие проблемы. Для этого на базе Российского университета дружбы народов были проведены четыре фокус-группы со студентами разных курсов из разных стран, в ходе которых при помощи проективных методик и группового обсуждения были разработаны модели консалтингового центра, описаны отделы, которые должны в него войти, а также качества сотрудников, которыми должны обладать люди, работающие в этих отделах. Общая модель консалтингового центра включает в себя информационный отдел, который является его «ядром», — здесь осуществляется распределение студенческих просьб по нужным отделам; IT-отдел (вопросы, связанные с сайтом, корпоративной почтой и т.д.); отдел социальной поддержки (стипендии, льготы, материальная поддержка); отдел проживания (регистрация, общежитие); отдел науки и учебы (гранты, конкурсы, олимпиады); студенческий комитет (досуг). Студенты предпочитают получение всей необходимой информации онлайн, по телефону, а также лично. В качестве основной социальной сети для информирования выступают Facebook — для иностранцев — и VK (ВКонтакте) — для российских студентов. В качестве основных языков, на которых необходимо вести информирование, были названы русский, английский и китайский. Групповое обсуждение позволило выяснить, что хотя некоторые подразделения, призванные решать проблемы студентов, уже существуют, на самом деле они их не решают в силу бюрократических или иных причин, поэтому предложенная модель консалтингового центра является эффективным управленческим решением «снизу», помогающим университету поддерживать связь со студентами и учитывать их реальные нужды.

Ключевые слова: студенчество; консалтинговый центр; социальные проблемы; иностранные студенты; образование; управленческие решения; студенческая жизнь

Изучение представлений молодых людей об управленческой деятельности всегда привлекало внимание как теоретиков, так и практиков социально-гуманитарного знания, что объясняется недостатком компетентных сотрудников и отсутствием сформировавшихся деловых и управленческих качеств у выпускников вузов в условиях все возрастающей потребности в профессиональных

* © Пузанова Ж.В., Ларина Т.И., 2019.

Статья поступила 03.09.2019 г. Статья принята к публикации 20.09.2019 г.

кадрах в области менеджмента и консалтинга, отвечающих современным реалиям российской экономики [6]. Однако важно помнить, что всегда существует 2 взгляда — «сверху» (руководство) и «снизу» (сотрудники и студенты), которые могут не совпадать, и игнорирование взгляда «снизу» может привести к серьезным управленческим ошибкам. В университетах создание структур, которые будут решать проблемы студентов, — не просто необходимость, а базисное требование, но существующие структуры далеко не всегда справляются со своими прямыми задачами, поэтому задача создания и/или реорганизации этих структур не теряет актуальности. Кроме того, среди соответствующих структур в вузах нет консалтингового центра в прямом смысле слова — можно найти вариации консультационных центров, призванных оказывать помощь и поддержку студентам, чьи вузы закрылись (например, при Тихоокеанском государственном университете [1]), или центры, ориентированные на развитие профессиональных и личностных качеств студентов и выпускников (например, Центр по работе со студентами и выпускниками при НИУ ВШЭ в Перми [9]).

С 11 по 18 ноября на базе Социологической лаборатории Российского университета дружбы народов было проведено исследование, нацеленное на разработку модели консалтингового центра для студентов на основе выявления проблем и сложностей, с которыми сталкиваются учащиеся в период обучения. В качестве метода исследования был выбран метод фокус-групп — было проведено четыре фокус-группы, участники которых отбирались по следующим критериям: курс обучения — младшие (I—III) и старшие (IV—VI) курсы, гражданство — россияне и иностранные граждане. Группы были сформированы с акцентом на курс обучения и гражданство в связи с предполагаемыми различиями во взглядах по данным критериям. В каждой группе беседа велась по четырем тематическим блокам: 1) вводный (15 минут), 2) проблемы студентов (20 минут), 3) переходный (5—7 минут), 4) модель идеального консалтингового центра (30—40 минут).

Второй блок включал следующие вопросы:

- Каждый вуз имеет свои преимущества и недостатки, и наш университет — не исключение. Каковы, на Ваш взгляд, основные преимущества нашего университета?
- Сейчас я зачитаю начало предложения, а Вам нужно будет его закончить:
 - Когда я поступил(а) в РУДН, самым сложным для меня было...
 - А в процессе обучения...
- Вспомните, за время обучения бывали ли у Вас какие-то вопросы, связанные с университетом/университетской жизнью, на которые Вы не могли найти ответ и не знали к кому обратиться? У Вас есть время в двух словах выписать эти вопросы на листы перед Вами.
- Представьте, что у Вас есть возможность не заниматься лично обязательными вопросами в университете, которые не касаются учебы, — что это за вопросы?

Переходный блок включал следующие вопросы:

- Как Вы считаете, достаточно ли в университете подразделений, занимающихся проблемами студентов, или нужен централизованный орган?

- Переход 1: Отлично, тогда давайте пофантазируем, как мог бы выглядеть идеальный центр вуза, занимающийся проблемами и вопросами, связанными с университетской жизнью.
- Переход 2: Представим, что в РУДН нет подразделений, решающих проблемы студентов, давайте пофантазируем, как мог бы выглядеть идеальный центр, занимающийся проблемами и вопросами, связанными с университетской жизнью.
- Как он мог бы называться? (Можно ли его назвать «консалтинговый центр»?)

Блок «модель идеального консалтингового центра» включал следующие вопросы:

- Давайте представим, что в Ваших силах создать центр, который будет решать все упомянутые Вами ранее проблемы. Сейчас я скажу Вам начало предложения, а Вам нужно будет его закончить: Для меня идеальный консалтинговый центр в университете — это... (например, «тот, что решает все проблемы по учебе»).
- После обсуждения проблем, с которыми сталкиваются студенты, Ваша задача — всем вместе прийти к единому видению того, из каких подразделений будет состоять консалтинговый центр, и дать им название. Перед Вами листы, на которых Вы записывали сложности, с которыми сталкивались, — на них можно ориентироваться. Вам нужно посоветоваться и, возможно, сгруппировать ваши вопросы в тематические блоки — отделы консалтингового центра. Вы можете добавлять/удалять отделы — столько, сколько считаете нужным.
- Если Вы готовы, то давайте обсудим получившуюся схему. Расскажите, пожалуйста, про каждый отдел. Ваша задача пометить выделенные вами отделы цветами. Если Вы готовы, поясните пожалуйста, почему именно этими цветами Вы поместили отделы.
- Как Вам было бы удобнее получать информацию из такого центра?
- Как Вам кажется, на каких языках необходимо вести консультации?

Итак, в фокус-группе с российскими студентами младших курсов приняли участие 10 человек. В качестве основных проблем они назвали поиск информации («проблемы с информированием, от всех разная информация»), сайтом ТУИС, корпоративной почтой («плохая инструкция для использования сайта и регистрации», «ТУИС, неудобная корпоративная почта, очереди в МДЦ»), с общежитием и балльно-рейтинговой системой («проблемы с общежитием, дорого, качество не соответствует цене», «балльно-рейтинговая система — невозможно узнать баллы, нет связи с преподавателем»). Все эти проблемы связаны с неопытностью студентов, с новыми правилами и в целом с новой системой образовательного процесса. Студенты отметили, что в университете проводится много интересных мероприятий, но информацию о них сложно найти либо она поступает слишком поздно. Отвечая на вопрос об обязательных аспектах обучения в университете, которыми можно не заниматься лично, студенты назвали организационные вопросы, связанные с пропиской, медицинским центром, кампусными картами и бе-

гунками. Таким образом, все проблемы студентов оказались связаны с неточной и неполной информацией, предоставляемой университетом студентам, сложностями работы на сайте ТУИС, отсутствием обновлений (например, текущей успеваемости), работой медицинского центра (очереди), дороговизной общежития и др.

После «мозгового штурма» участникам было предложено подумать, как бы мог называться центр, который будет решать эти проблемы. Студенты предлагали разные варианты: информационный, консультационный, «комната с мягкими диванчиками», «мои документы» и пр., но в итоге решили, что наиболее подходящее название для такого центра — консалтинговый. Иными словами, студенты видят консалтинговый центр как многофункциональную организацию, разделенную на отделы, которые точно и оперативно выполняют свои функции. МФЦ (многофункциональный центр) является образцом для подражания: «Онлайн центр, чтобы можно было не общаться с людьми», «Большая группа людей, которые точно знают, что делать», «Как МФЦ — с талонами и пр.», «Как МФЦ — чтобы можно было отслеживать все процессы», «Чтобы можно было консультироваться по разным вопросам по телефону, и чтобы центр работал не до 18:00, а до 20:00», «Чтобы зарегистрироваться на сайте и создать аккаунт было легко», «Пусть студком выделит комиссию, которая сможет во всем помочь», «Доброжелательное отношение к студентам», «Главное — чтобы не было очередей».

Следующим заданием было представить отделы идеального консалтингового центра и отметить их функции, а также цвета, с которыми ассоциируются эти отделы, и животных, с которыми ассоциируются сотрудники этих отделов (рис. 1):

1. IT отдел (помощь с корпоративной почтой, с ТУИС, вход с RUDN.ru). Цвет — синий — «ассоциируется с экраном». IT-отдел студенты ассоциируют с пчелами, так как его работники будут сильно загружены и будут решать большое количество проблем студентов именно в этой сфере («работают и следят за порядком»).
2. Отдел «информка» (информирование о мероприятиях, помощь новичкам, информирование о выплатах и комиссиях). Цвет — зеленый — спокойствие и разрешение проблем. Сотрудники отдела ассоциируются у студентов с осьминогом, так как они должны работать с большим объемом документов и вопросов, т.е. справляться с многозадачностью («символизирует многозадачность»).
3. Отдел «паспортный+» (заселение в общежитие, прописка, переселение, медцентр, военкомат). Цвет — красный — «главный». Сотрудников отдела студенты ассоциируют с гепардом, так как они должны работать быстро в достаточно агрессивной среде и быть «сильным хищником», который может в этих условиях выжить («быстрота в движении и мыслях»).
4. Денежный отдел (выплата стипендии, оплата учебы, материальная помощь, льготы). Цвет — желтый, золотой, потому что золото — это деньги. Сотрудники — «антилопы», так как они должны оперативно работать с бухгалтерией, но не так агрессивно, как их коллеги в «паспортном+» («быстрота операций»).

5. Отдел «учеба» (связь с преподавателями, отслеживание баллов и расписания, распределение аттестаций). Цвет — желтый, поскольку учеба ассоциируется со светофором. Сотрудников студенты ассоциируют с соевой, т.е. здесь должны работать люди, которые будут принимать важные решения и подходить к делу со всей ответственностью («мудрые решения»).
6. Отдел «foreigners» (помощь с общежитием для иностранцев, помощь со страховкой и пр., информирование). Цвет — разноцветный, по аналогии с разнообразием наций и культур. Сотрудники — «хамелеоны», поскольку подстраиваются под людей разных культур и национальностей («подстраиваются под разных людей»).

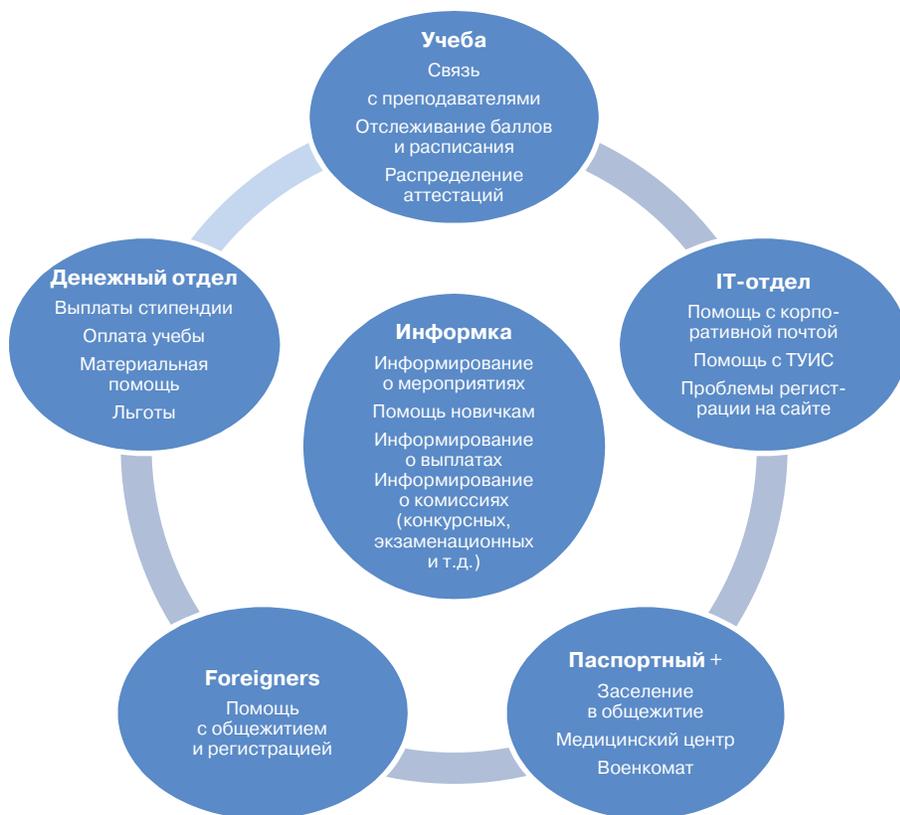

Рис. 1. Модель консалтингового центра: младшие курсы (Россия)

В фокус-группе с российскими студентами старших курсов приняли участие 8 респондентов преимущественно с факультета гуманитарных и социальных наук. Среди проблем, возникших во время поступления, респонденты назвали сложности с информированностью, бюрократией, очередями и заселением в общежитие: «Кураторы с нами не сразу начали контактировать», «Когда мы поступили, я сам не знал, куда идти». В ходе обучения студенты выделили проблемы с медицинским центром и множеством подразделений, которые не отвечают запросам студентов по качеству и эффективности работы. Среди возможностей делегировать

некоторые вопросы, не касающиеся учебы, университету большинство назвали проблемы с военкоматом, регистрацией, общежитием и портфолио на ТУИС: «Чтобы университет сам выдавал справку в военкомат», «Я не могу продлить студенческий, потому что ТУИС сейчас вообще не работает». Главные проблемы для участников этой группы — низкая информированность, запутанная бюрократическая система, проблемы с общежитием и регистрацией, а также с медицинским центром и военкоматом. Причина этих проблем — преимущественно недостаточная информированность студентов в том, как работает система.

Респонденты пофантазировали о том, как будет называться консалтинговый центр: Центр РУДН, Единое информационное бюро. Идеальным консалтинговым центром они считают хорошо организованное место с определенными часами работы, удаленным доступом и возможностью электронной записи. В ходе обсуждения идеальной модели консалтингового центра респонденты назвали следующие отделы (рис. 2):

1. Информационный отдел — отвечает за перенаправление студентов в специализированные отделы: «Информационный отдел. Ядро. Тот, кто дает консультацию, направляет человека... Здесь отделы: жилищный, общественный. Ты приходишь в информационный отдел, и он тебя направляет туда, куда тебе нужно». Цвет — синий — официальный, неагрессивный, спокойный. Сотрудники — всезнающие «совы».
2. Научный отдел — для организации научной жизни (гранты, конкурсы научных работ, олимпиады, семинары, вебинары, тренинги и т.д.: «Будет о грантах информировать, о конкурсах», «Как писать научные статьи — консультации»). Цвет — зеленый — идти вперед, сотрудники — умные «дельфины».
3. Юридический отдел — защита студенческих прав: «Я не юрист по образованию, но мне нужна юридическая помощь», «Защита прав студентов». Цвет — зеленый — идти вперед, сотрудники — гордые «волки», способные защитить.
4. Отдел трудоустройства — направление студентов на рабочие места, помощь со стажировками и подработками во время и после окончания учебы: «Какая-то подработка для начальных курсов», «Временная подработка для студентов», «Возможность стажировки». Цвет — зеленый — идти вперед, сотрудники — трудолюбивые «пчелы».
5. Отдел социальной помощи — вопросы стипендий, материальной помощи и льгот: «Материальная помощь, которая идет от университета». Цвет — белый — нейтральный, сотрудники — добрые и дружелюбные «собаки».
6. Военский отдел — для помощи в решении вопросов с военкоматом: «Взаимодействие с военкоматом». Цвет — красный — знамени, билета красного цвета, сотрудники — «медведи»-защитники.
7. Жилищный отдел — для помощи с общежитием и регистрацией: «Заселение, расселение, переселение». Сотрудники — зоркие «орлы».
8. Студенческое управление — занимается внеучебной деятельностью студентов: «Студенческое управление больше за досуг отвечает». Цвет —

желтый — яркий, привлекает внимание, сотрудники — активные веселые «обезьяны» в поисках нового.

9. Отдел грантов: «Гранты нужно выделить отдельно, по всем направлениям есть гранты». Сотрудники — «золотые рыбки», которые исполняют все желания.

Рис. 2. Модель консалтингового центра: старшие курсы (Россия)

В фокус-группе с иностранными студентами младших курсов приняли участие 8 респондентов, которые выделили, в первую очередь, проблемы с информированностью, комфортным пребыванием в университете, проживанием в общежитиях (большое количество проживающих в одной комнате) и получением документов о пребывании на территории Российской Федерации. В качестве возможных названий консультационного центра были предложены: Помощник, Помощь для студентов, Международная помощь. В итоге, из-за сложностей понимания русскоязычного термина и после объяснения его смысла, участники согласились, что наиболее подходящее название для такого центра — консалтинговый.

В качестве отделов идеального консалтингового центра иностранные студенты назвали (рис. 3):

1. Отдел помощи до поступления — может отвечать за консультирование студентов по всем аспектам поступления, помогать в подготовке всех бумаг и т.д. Цвет — зеленый — как ассоциирующийся с молодостью, нормальной жизнью, миром. Сотрудники такого центра: «черепашки» — до поступления все происходит медленно, «лошади» — должны быть выносливыми, «гепарды» — быстрыми — и «слоны» — сильными.
2. Отдел помощь после поступления (во время учебы) — может отвечать за информирование студентов в процессе учебы, помогать в разрешении конфликтов, следить за медицинскими вопросами и дисциплиной. Цвет — желтый: солнце, хорошая погода, перспективы, стабильность. Сотрудники отдела — «львы» — сильные, «панды» — знающие, «олени» — быстрые в хорошую погоду, «крокодилы» — цепкие в работе.

Рис. 3. Модель консалтингового центра: младшие курсы (иностранцы)

В фокус-группе с иностранными студентами старших курсов приняли участие 7 респондентов. В качестве своих основных проблем они назвали финансовые трудности, получение страховки, сложности с оформлением документов, проблемы с пониманием русского языка: «Поступила на первый курс — все быстро говорят, ничего непонятно»; «На семинаре я помню, о чем речь идет, но я не могу отвечать, как все, у меня проблема с языком». Особое внимание студенты уделили проблемам с общежитием (плохо работает Wi-fi, тесно в комнатах, грязно, плохое обращение сотрудников общежития, трудно уживаться с представителями других культур, имеющими специфические традиции, и т.д.: «Очень неудобно жить в комнате вчетвером»; «Если хочешь найти какую-то информацию для презентации, то не работает Интернет, медленно все»). Большинство проблем связано с тем, что иностранные студенты нуждаются в особом внимании со стороны сотрудников университета, чтобы адаптироваться в иной языковой среде и избежать проблем с организационными вопросами.

Студенты полагают, что существующий в университете департамент не решает проблемы студентов, а занимается формальными вопросами с документами, поэтому необходим новый централизованный орган, который может называться Центром решения проблем. Студенты предложили очень мало вариантов названия, поэтому модератору пришлось натолкнуть участников к более удачному варианту — Консалтинговый центр. В качестве его отделов студенты назвали (рис. 4):

1. На первом этаже — отдел консультаций, который выступает навигатором в решении проблем (сотрудники направляют студентов в нужные отделы в зависимости от их вопросов). Цвет — красный — «опасно», «важно». Сотрудники ассоциируются с «собаками» и «газелями»: собаки громкие, могут быть и добрыми, и злыми, а газели «быстрые, спокойные и добрые».
2. На втором этаже — миграционный отдел, занимающийся вопросами регистрации студентов, который было предложено разделить по странам/континентам, причем сотрудники должны свободно владеть языками этих стран, чтобы избежать недопониманий со студентами. Цвет — зеленый — «ассоциация с зеленым паспортом», сотрудники — «львы» — властные и сильные.
3. На третьем этаже — центр управления, занимающийся выдачей документов, справок, квитанций и т.д. Цвет — черный — «ужас», «деньги», сотрудники — быстрые и многозадачные «осьминоги».

Рис. 4. Модель консалтингового центра: старшие курсы (иностранцы)

Таким образом, можно суммировать результаты фокус-групп по тематическим блокам. По первому блоку студенты-иностранцы старших курсов не смогли самостоятельно прийти к консенсусу, в то время как студенты-иностранцы младших курсов пришли к общему мнению о наличии проблем с информированностью в вузе. Студенты-россияне младших и старших курсов назвали среди основных своих проблем низкую информированность, запутанную бюрократическую систему, проблемы с общежитием и медицинским центром: «От всех разная информация», «Общежития дорогие, качество не соответствует цене», «Оче-

реди в медцентр», «Сложно попасть в медцентр», «Ты идешь к одному тьютору, к другому тьютору и еще к третьим людям, и они друг к друга перенаправляют, и в итоге никто ничего не может тебе сказать». Участники обеих групп также не довольны новой системой ТУИС, сложностями с пропиской/регистрацией и военкоматом: «Военкомат начинает давить на студентов», «Регистрацию они мне не могли сделать, потому что у них новая программа 1С», «Проблемы с ТУИС — плохая инструкция для использования сайта и регистрации». Младшие курсы выразили особое негодование балльно-рейтинговой системой оценки.

Несмотря на то, что иностранцы сфокусированы на трудностях переезда в другую страну, можно выделить общие вопросы, которыми недовольны студенты обеих групп: проблемы с общежитиями, регистрацией, медцентром, сложная процедура регистрации в ТУИС и дальнейшее использование этой системы.

Второй, переходный, блок групповой дискуссии касался способов решения выявленных проблем. Студенты-россияне как младших, так и старших курсов пришли к единому мнению — в университете необходимо создать специальный центр, который будет заниматься вопросами студентов напрямую («Как МФЦ, всё автоматизировано»). По их мнению, это поможет побороть проблемы дезинформации или отсутствия информации. В целом студенты-иностранцы обеих групп также отметили необходимость нового централизованного органа, решающего проблемы студентов. Размышляя о названии данного центра, студенты-россияне предпочли «консультационный центр», который затем был переименован в консалтинговый.

В третьем блоке групповой дискуссии студенты-россияне сошлись во мнении, что идеальный консалтинговый центр должен предоставлять возможность решать проблемы удаленно, в режиме онлайн, работать без очередей (электронная очередь) и иметь налаженную структуру со знающими свое дело сотрудниками: «Онлайн-центр, чтобы можно было не общаться с людьми», «Главное, чтобы не было очередей», «Возможность удаленно решать проблемы, мобильное приложение», «Отдельное здание, где все по часам, где могут решить любой вопрос», «Большая группа людей, которые точно знают, что делать». Особых различий в представлениях студентов младших и старших курсов не выявлено, что позволяет утверждать: идеальным консалтинговым центром студентам представляется хорошо организованное единое пространство, разделенное на отделы, которые точно и оперативно выполняют свои функции, имеют четкий график работы, предоставляют возможность удаленного доступа и электронной записи.

Обсуждение отделов консалтингового центра позволило нам разработать его сводную модель, представленную на Рисунке 5. Студенты-россияне сочли необходимым создание отдела, занимающегося выплатами стипендий, материальной помощи, льготами. Младшие дали ему название «денежный отдел», старшие — «отдел социальной помощи». Также обе группы придумали отдел, который будет заниматься заселением в общежитие, пропиской, переселением, медцентром и военкоматом: младшие объединили все перечисленные проблемы в одном отделе — «паспортном+», старшие распределили их на два отдела — «воинский» и «жилищный». Обе группы считают необходимым отдел по организации внеучебной деятельности студентов и мероприятий — «информка» у младших и «студенческое управление» — у старших. Младшие курсы также выделили отдел «учеба»,

который будет отвечать за связь с преподавателями, отслеживание баллов и расписания, распределение аттестаций, в то время как старшекурсников больше интересует не учебно-организационная деятельность, а научная — «научный отдел» для организации научной жизни. Также для грантов студенты старших курсов предложили отдельный отдел. Студентов младших курсов больше волнуют проблемы с системой ТУИС, поэтому им нужен «IT-отдел» для помощи в работе с ней. Старшие курсы считают необходимым «юридический отдел» для защиты прав студентов и «отдел трудоустройства» для помощи со стажировками и подработками, что менее актуально для младших курсов. Старшие курсы предложили и «ядро» центра — «информационный отдел», который будет заниматься информированием и распределением студентов по отделам.

Сопоставляя ответы российских и иностранных студентов, можно выделить несколько совпадений. Россияне и иностранцы старших курсов отметили необходимость отдела, выступающего «ядром» и «навигатором» центра, сотрудники которого будут направлять студентов по нужным отделам («информационный отдел» у старшекурсников-россиян и отдел «консультация» у старшекурсников-иностранцев), а также отдела, занимающегося вопросами регистрации, выдачей справок, квитанций и т.д.

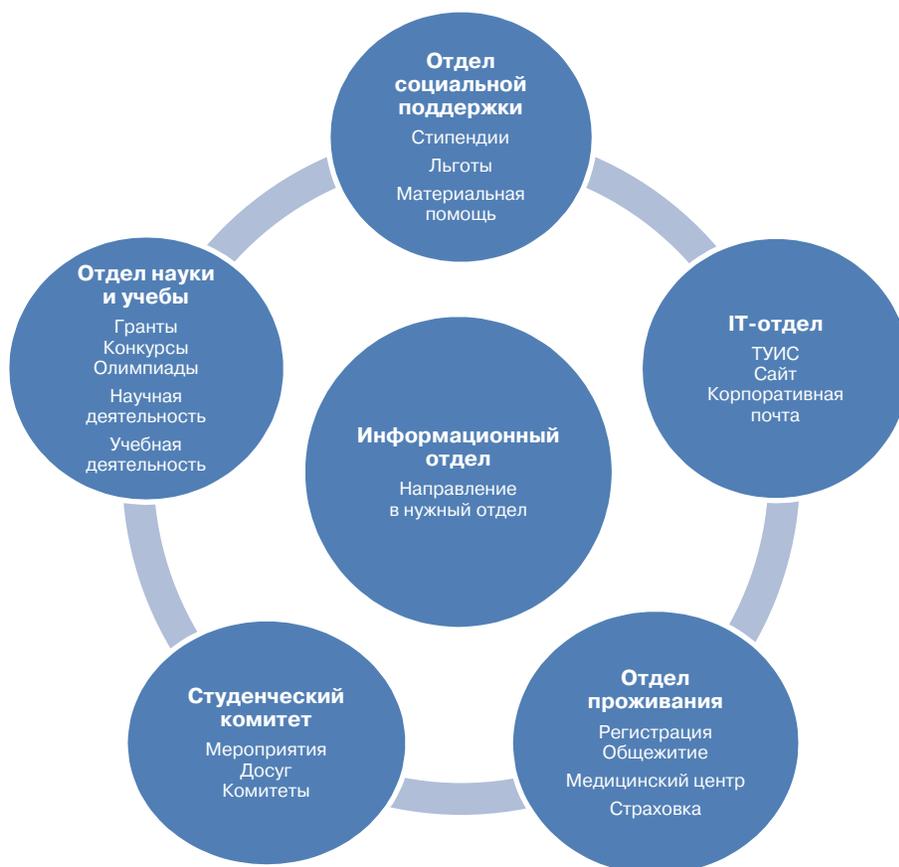

Рис. 5. Общая модель консалтингового центра

В завершении третьего блока групповой дискуссии студентам были заданы вопросы относительно способов информирования и языков консультирования обсуждаемого консалтингового центра. Студенты предпочитают получать информацию онлайн, по телефону, а также лично. В качестве основной социальной сети для информирования были названы Facebook — иностранными студентами — VK (Вконтакте) — российскими, а в качестве языков информирования — русский, английский и китайский (студенты старших курсов назвали также французский и испанский).

В целом следует отметить схожесть проблем студентов независимо от курса обучения и гражданства, а также схожесть предлагаемой ими модели студенческого консалтингового центра с точки зрения вопросов, которыми должен заниматься центр, образа его сотрудников и способов консультирования. Модели консалтинговых центров российских и иностранных студентов отличаются количеством предлагаемых отделов: у россиян множество отделов соответствует значительному спектру проблем, а студенты-иностранцы предложили всего несколько отделов, отвечающих за решение их специфических проблем в чужой стране и ином образовательном пространстве. Сводная модель консалтингового центра отражает запросы студентов и формат их решения, который они считают наиболее приемлемым, видя недостатки существующей системы.

Информация о финансировании

Статья подготовлена в рамках Государственного задания Министерства образования и науки Российской Федерации №28.4012.2017/ПЧ «Социальное измерение жизни российского студенчества».

Библиографический список

- [1] Консультационный центр при Тихоокеанском государственном университете. URL: <http://pnu.edu.ru/ru/students/consulting-center>.
- [2] Межкультурное взаимодействие в полиэтничной молодежной среде: социологический подход. М., 2012.
- [3] Молодежь в современном обществе: проблемы и перспективы. М., 2014.
- [4] *Нарбут Н.П., Троцук И.В.* Страхи и опасения российского студенчества: возможности эмпирической фиксации // Теория и практика общественного развития. 2014. № 2.
- [5] *Нарбут Н.П., Троцук И.В.* Ценностные ориентации и социальное самочувствие студенчества (результаты исследовательского проекта). М., 2017.
- [6] *Передерий В.А., Скрипниченко Л.С.* Исследование представлений Кубанского студенчества об управленческой деятельности: специфика и основные характеристики // Общество: социология, психология, педагогика. 2018. № 2.
- [7] *Пузанова Ж.В., Нарбут Н.П., Ларина Т.И., Антонова Л.А.* Контексты межкультурного взаимодействия в высшей школе // Политические исследования. 2018. № 4.
- [8] *Троцук И.В., Суховерова Д.В.* Корпоративная культура как инструмент повышения конкурентоспособности вуза // Высшее образование в России. 2018. № 11.
- [9] Центр по работе со студентами и выпускниками при НИУ ВШЭ в Перми. URL: <https://perm.hse.ru/upr/stal>.
- [10] *Шаршов И.А., Макарова Л.Н., Борзых И.Н.* Студенческое самоуправление в контексте профессионального воспитания студентов: формы организации и критерии оценивания // Вестник ТГУ. 2017. № 6.

DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-4-800-813

Social dimension of students' problems under the development of the contemporary university infrastructure*

Zh.V. Puzanova, T.I. Larina

RUDN University (Peoples Friendship University of Russia)
Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, Russia, 117198
(e-mail: puzanova-zhv@rudn.ru; larina-ti@rudn.ru)

Abstract. Improving the quality of students' life is an important task for every university and the educational system as a whole, which fits into the aims of the studies of the social dimension of students' life. To solve this task, the study of students' problems is a priority, while the second step can be the creation of university structures that would solve these problems effectively. The article presents an ideal model of the consulting center that can solve such problems. The authors conducted four focus groups in the RUDN University with students of different courses from different countries, and used projective techniques and group discussions to identify models of the consulting center, departments that it should consist of, and qualities of employees working in these departments. The general model of the consulting center includes an information department as its 'core' responsible for the distribution of students' requests to necessary departments; IT department (site, corporate mail, etc.); department of social support (scholarships, financial support, etc.); residence department (registration, dormitory, etc.); department of science and education (grants, competitions, etc.); student committee (leisure). The students prefer to receive all necessary information online, by phone and also in person. The preferred social network for information is Facebook — for foreigners — and VK (Vkontakte) — for Russian students. The students also mentioned three main languages for distribution of information — Russian, English and Chinese. The focus-groups allowed to find out that although some necessary units designed to solve students' problems already exist, they do not actually solve them due to bureaucratic or other reasons. Therefore, the proposed model of the consulting center can be an effective management solution 'from the bottom' that would help the university to communicate with students and to understand their real needs.

Key words: students; consulting center; social problems; international students; education; management decision; student life

Funding

The research is a part of the State task of the Russian Ministry of Education and Science No. 28.4012.2017/ПЧ "Social Dimension of the Russian Students' Life".

References

- [1] Konsultatsionny tseñtr pri Tikhookeanskom gosudarstvennom universitete [Consulting Center of the Pacific State University]. URL: <http://pnu.edu.ru/ru/students/consulting-center> (In Russ.).
- [2] *Mezhkulturnoe vzaimodeystvie v polietnichnoy molodezhnoy srede: sotsiologichesky podkhod* [Intercultural Interaction in the Multi-Ethnic Youth Environment: A Sociological Approach]. Moscow; 2012 (In Russ.).
- [3] *Molodezh v sovremennom obshchestve: problemy i perspektivy* [Youth in the Contemporary Society: Challenges and Prospects]. Moscow; 2014 (In Russ.).

* © Zh.V. Puzanova, T.I. Larina, 2019.

The article was submitted on 03.09.2019. The article was accepted on 20.09.2019 г.

- [4] Narbut N.P., Trotsuk I.V. Strakhi i opaseniya rossiyskogo studenchestva: vozmozhnosti empiricheskoy fiksatsii [Fears and concerns of Russian students: Possibilities of the empirical study]. *Teoriya i Praktika Obshchestvennogo Razvitiya*. 2014; 2 (In Russ.).
- [5] Narbut N.P., Trotsuk I.V. *Tsennostnye orientatsii i sotsialnoe samochuvstvie studenchestva (rezultaty issledovatel'skogo proekta)* [Value Orientations and Social Well-Being of Students (Results of the Research)]. Moscow; 2017 (In Russ.).
- [6] Perederiy V.A., Skripnichenko L.S. Issledovanie predstavleniy Kubanskogo studenchestva ob upravlencheskoy deyatelnosti: spetsifika i osnovnye kharakteristiki [The study of the Kuban students' representations of management: Specifics and basic characteristics]. *Obshchestvo: Sotsiologiya, Psikhologiya, Pedagogika*. 2018; 2 (In Russ.).
- [7] Puzanova Zh.V., Narbut N.P., Larina T.I., Antonova L.A. Konteksty mezhkulturnogo vzaimodeystviya v vysshey shkole [Contexts of intercultural interaction in the high school]. *Politicheskie Issledovaniya*. 2018; 4 (In Russ.).
- [8] Trotsuk I.V., Sukhoverova D.V. Korporativnaya kultura kak instrument povysheniya konkurentosposobnosti vuza [Corporate culture as a tool to improve the competitiveness of the university]. *Vysshee Obrazovanie v Rossii*. 2018; 11 (In Russ.).
- [9] Tsentr po rabote so studentami i vypusknikami pri NIU VShE v Permi [Center for Students and Graduates of the Higher School of Economics in Perm]. URL: <https://perm.hse.ru/upr/stal> (In Russ.).
- [10] Sharshov I.A., Makarova L.N., Borzykh I.N. Studencheskoe samoupravlenie v kontekste professional'nogo vospitaniya studentov: formy organizatsii i kriterii otsenivaniya [Student self-government in the context of the professional training: Organizational forms and assessment criteria]. *Vestnik TGU*. 2017; 6 (In Russ.).

DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-4-814-824

Психолого-медико-педагогические комиссии в контексте инклюзивного образования: ключевые показатели деятельности*

Л.Ю. Вакорина¹, О.Г. Приходько², О.В. Югова²

¹Центр защиты прав и интересов детей
Люсиновская ул., 51, Москва, Россия, 115093

²Московский городской педагогический университет
2-й Сельскохозяйственный пр., 4, Москва, Россия, 129226

(e-mail: vakorina.lyudmila@fcprc.ru; ogprihodko@mail.ru, kor.ped@inbox.ru)

Образование лиц с ограниченными возможностями здоровья — одно из приоритетных направлений социально-экономического развития Российской Федерации. В статье рассматриваются актуальные вопросы организации деятельности психолого-медико-педагогических комиссий (далее — ПМПК), которые реализуют комплексное сопровождение детей с ограниченными возможностями здоровья и выступают начальным звеном этого процесса, определяющим дальнейший индивидуальный образовательный маршрут каждого ребенка. Описаны результаты мониторинговой деятельности Федерального ресурсного центра (далее — ФРЦ ПМПК), созданного в апреле 2018 года для оказания организационно-методической помощи руководителям и специалистам ПМПК. Приведены сравнительные данные по центральным и территориальным ПМПК, общее число комиссий по регионам (в том числе динамика его роста по сравнению с 2017 годом), кадровый состав, сводные сведения по руководителям ПМПК (их образование), по месту работы и обеспеченности помещениями, общее количество обследованных и их возраст, соотношение первичных и вторичных обращений, причины обращения и те, кто его инициировал; информация по обследованным детям, у которых были установлены ограниченные возможности здоровья, а также по тем, кому требуется создание специальных образовательных условий или специальных условий для прохождения государственной итоговой аттестации при сдаче ГИА; доля детей, которым были рекомендованы адаптированные образовательные программы. Авторы описывают направления деятельности специалистов комиссии, перечисляют принципы и методы их командной работы и выделяют аспекты организации деятельности ПМПК, которые нуждаются в совершенствовании: дефицит сурдопедагогов и тифлопедагогов, проблема привлечения врачей к работе в ПМПК, их недостаточная оснащенность и обеспеченность помещениями для проведения обследований детей.

Ключевые слова: психолого-медико-педагогическая комиссия; дети с ограниченными возможностями здоровья; психолого-педагогическая диагностика; психическое развитие; консультирование; междисциплинарная команда специалистов

Инклюзивное образование в России закреплено на законодательном уровне не так давно, в основном его функционирование регламентируется Федеральным Законом «Об образовании в Российской Федерации» № 273-ФЗ от 29 декабря 2012 года, Федеральным государственным образовательным стандартом начального общего образования обучающихся с ограниченными возможностями здоровья и Федеральным государственным образовательным стандартом общего

* © Вакорина Л.Ю., Приходько О.Г., Югова О.В., 2019.

Статья поступила 01.04.2019 г. Статья принята к публикации 23.04.2019 г.

образования обучающихся с умственной отсталостью (интеллектуальными нарушениями). В системе образования Российской Федерации создан особый формат консультативной помощи детям с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) и их семьям, которую осуществляет междисциплинарная команда специалистов различного профиля, объединенных в психолого-медико-педагогическую комиссию (ПМПК). Фактически ПМПК можно назвать одним из механизмов, призванных повысить эффективность инклюзивного образования.

Деятельность ПМПК в основном регламентируется Приказом Министерства образования и науки России от 20.09.2013 № 1082 «Об утверждении Положения о психолого-медико-педагогической комиссии» и Письмом Министерства образования и науки Российской Федерации от 10 февраля 2015 г. № вк-268/07 «О совершенствовании деятельности центров психолого-педагогической, медицинской и социальной помощи». Основная задача ПМПК — выявить нарушения в развитии ребенка и его потенциальные возможности и определить оптимальную образовательную программу и специальные условия для получения им образования в соответствии с индивидуальными особенностями развития. Также ПМПК формулирует рекомендации по коррекции трудностей в обучении, поведении, интеллектуальном, речевом и личностном развитии.

В своей деятельности ПМПК следует методологическим принципам психолого-педагогической диагностики нарушений развития, разработанным в отечественной специальной педагогике и психологии: гуманизма, системного подхода и целостного изучения ребенка, деятельностного индивидуального подхода, онтогенетическому принципу, принципу качественно-количественного анализа полученных данных, учета национальной и этнокультурной ситуации развития ребенка. Также разработаны и организационные принципы деятельности ПМПК: добровольности, открытости, конфиденциальности, уважения к личности ребенка и родителя (законного представителя), семейной центрированности, партнерства, профессиональной ответственности, междисциплинарного взаимодействия и информированного согласия. Именно ПМПК принадлежит ведущая роль в определении специальных условий для успешного образования детей с ОВЗ.

Под специальными условиями понимаются условия обучения, воспитания и развития, включающие в себя: использование специальных образовательных программ и методов обучения и воспитания, специальных дидактических материалов, учебных пособий и учебников; использование специальных технических средств обучения индивидуального и коллективного пользования; предоставление услуг тьютора или ассистента (помощника), оказывающего ребенку необходимую помощь; проведение коррекционных занятий (индивидуальных и групповых); обеспечение доступа в здания организаций, осуществляющих образовательную деятельность и др. В частности, предусматривается создание материально-технических условий, обеспечивающих возможность беспрепятственного доступа детей с ОВЗ и инвалидностью в здания и помещения образовательной организации и их комфортного пребывания и обучения в ней (пандусы, специальные подъемники и лифты, специально оборудованные туалетные комнаты, средства ориентации для слепых, слабовидящих, глухих и др.), специально оборудованные учебные места, предназначенные для конкретной категории детей с инвалидно-

стью (для слепых, слабовидящих, лиц с нарушениями опорно-двигательной системы и т.д.), специализированное учебное, реабилитационное, медицинское оборудование и технические средства.

Многие аспекты деятельности ПМПК требуют кардинальных изменений на федеральном уровне [3]. На базе Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Центр защиты прав и интересов детей» в апреле 2018 года был создан Федеральный ресурсный центр по оказанию организационно-методической помощи руководителям и специалистам ПМПК (ФРЦ ПМПК), чтобы поддержать процесс институционализации инклюзивного образования в нашей стране. Основными направлениями работы ФРЦ ПМПК являются: мониторинг деятельности ПМПК во всех регионах Российской Федерации, изучение их опыта и распространение лучших практик; оказание организационно-методической помощи; издание методических и информационных материалов для руководителей и специалистов ПМПК, а также родителей. Главная цель ФРЦ ПМПК — унификация деятельности комиссий для работы по единым стандартам.

В 2018 году специалисты ФРЦ ПМПК провели мониторинг деятельности всех центральных и 10% территориальных ПМПК по следующим показателям: материально-технические особенности, кадровый состав и проведение обследований. ПМПК создается из расчета одной комиссии на 10 тысяч детей, проживающих на соответствующей территории, поэтому в каждом субъекте Российской Федерации должна быть создана как минимум одна комиссия. Положение о ПМПК предусматривает, что их количество на территории Российской Федерации может варьировать с учетом социально-демографических, географических и других особенностей региона [8]. Исходя из принципа соподчинения и иерархии в деятельности учреждений, создаются центральные и территориальные ПМПК, и сегодня необходимо организовать ПМПК в отдельных регионах для соблюдения норматива по количеству комиссий на численность детского населения.

На территории 85 субъектов Российской Федерации в 2018 году действовало 1423 ПМПК, из них центральных ПМПК — 83, территориальных ПМПК — 1344. Центральные ПМПК нет в Севастополе и Чукотском автономном округе, где функционируют только территориальные комиссии. Можно отметить рост числа комиссий по сравнению с 2017 годом: всего их было 1398, территориальных — 1315 (94%). В 10 субъектах ПМПК действуют по централизованному типу (одна центральная ПМПК с несколькими составами): это Республика Башкортостан, Ненецкий автономный округ, Калининградская область, Ивановская область, Москва, Республика Адыгея, Республика Ингушетия, Кабардино-Балкарская Республика, Республика Бурятия, Республика Калмыкия. Все 83 центральные ПМПК созданы приказами высших органов власти в сфере образования регионов. Базой для работы ЦПМПК являются различные структуры в системе образования регионов. Центр психолого-педагогической, медицинской и социальной помощи выступает базой для 56 ЦПМПК, Центр диагностики и консультирования — для 8, для 3 такой базой служит институт развития образования, 14 работают на базе школ разных типов, и по 1 — на базе центра качества образования и центра дополнительного образования.

Говоря о *материально-технических характеристиках* деятельности, отметим, что ПМПК осуществляет свою деятельность в закреплённом за ней оборудованном помещении. Органы исполнительной власти субъекта Российской Федерации или органы местного самоуправления обеспечивают ПМПК диагностическими материалами и оборудованием, а также автотранспортом для организации ее деятельности по месту проживания и/или обучения ребенка. Обследование детей проводится в помещении ПМПК, а при необходимости и наличии соответствующих условий может быть проведено по месту их проживания и/или обучения. Распределение мест проведения обследования (в помещениях, закреплённых за ПМПК, — 66%, в образовательных организациях — 31%, в иных организациях или дистанционно — 3%) показано на рис. 1.

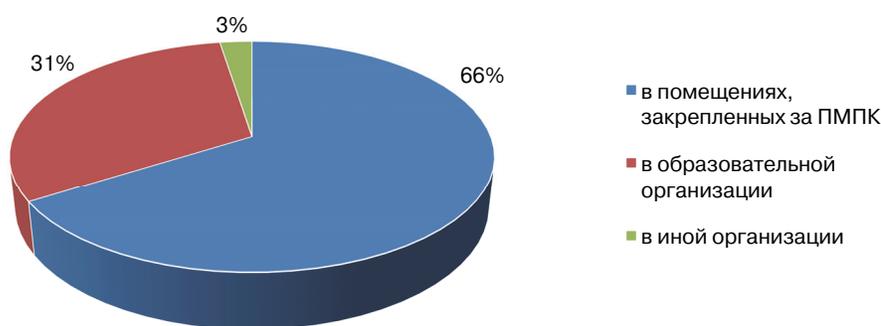

Рис. 1. Место проведения ПМП-обследования

Необходимым условием успешности работы ПМПК является обеспеченность помещениями для проведения психолого-медико-педагогических обследований. По данным мониторинга 2018 года, средняя площадь, приходящаяся на одну ПМПК, составляет 113,4 кв. м. Следует заметить, что 58% территориальных комиссий созданы приказами органов управления образованием муниципальных образований и имеют сборный состав. Заседают они на приспособленных площадях, чаще всего на базе образовательных организаций (коррекционных школ, общеобразовательных организаций, организаций дополнительного образования, институтов повышения квалификации педагогических работников), не имея документов (договоров, свидетельств) на право использования площадей. В этих комиссиях практически отсутствуют диагностические материалы и оборудование, не говоря уже об ассистивном оборудовании, и специалисты зачастую приносят материалы со своих рабочих мест.

В центральных ПМПК ситуация значительно лучше: из выделенной площади, где размещаются ЦППМК, 38% — площади помещений для проведения обследований. Максимально оснащены помещениями для проведения диагностических обследований и работы центральные ПМПК в следующих регионах: Республика Мордовия, Нижегородская область, Пензенская область, Республика Карелия, Орловская область, Хабаровский край и Ямало-Ненецкий автономный округ — на 100%; Калининградская (88%), Рязанская (90%) и Новосибирская область (85%), Чеченская Республика (83%). Наименьшими площадями для проведения

обследований ЦПМПК обладают Республика Татарстан, Удмуртская Республика, Ленинградская, Воронежская и Тульская область, Республика Тыва, Республика Калмыкия, Астраханская область, Кабардино-Балкарская Республика, Курганская и Челябинская область.

Кадровый состав ПМПК утверждается органом исполнительной власти субъекта Российской Федерации и/или органом местного самоуправления, осуществляющим государственное управление в сфере образования. Возглавляет ПМПК руководитель, и желательно, чтобы он имел опыт работы с лицами с ОВЗ. Большинство руководителей ПМПК имеют высшее педагогическое образование (в центральных ПМПК — 94%, в территориальных — 93%). 68% руководителей ПМПК, подавших сведения, имеют профессиональную подготовку по профилю/направлению «Педагогика и психология» (25%) и/или «Коррекционная педагогика/дефектология» (38%).

В состав ПМПК должны входить следующие специалисты психолого-педагогического профиля — учитель-логопед, учителя-дефектологи (по соответствующему направлению — олигофренопедагог, тифлопедагог, сурдопедагог), педагог-психолог, социальный педагог, а также медицинского профиля — невролог, детский психиатр, педиатр, офтальмолог, оториноларинголог, ортопед. Включение специалистов медицинского профиля в состав ПМПК осуществляется по согласованию с органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации или органом местного самоуправления в сфере здравоохранения. При необходимости в состав комиссии могут быть введены и другие специалисты.

Педагог-психолог проводит оценку уровня и особенностей развития познавательной, эмоционально-волевой и личностной сфер ребенка, его поведения в соответствии с возрастом. Важна оценка потенциальных возможностей развития ребенка, в том числе работоспособности, темпа деятельности, социально-эмоциональной адаптации в коллективе сверстников и образовательной организации в целом. Учитель-дефектолог проводит оценку уровня развития познавательной деятельности (в том числе сформированности общих знаний, умений и навыков) в соответствии с возрастом, уровня освоения программного учебного материала и обучаемости ребенка, выявляя уровень его развития, а также потенциальные возможности. Учитель-логопед определяет особенности развития речи, характер и причины речевого дизонтогенеза. В содержание логопедической оценки входит обследование импрессивной речи, экспрессивной речи, артикуляционного аппарата, особенностей коммуникативной деятельности. У детей школьного возраста исследуется как устная, так и письменная речь. Для детей с речевой патологией вторичного характера (когда нарушения компонентов речевой системы наблюдаются при сенсорных, двигательных, интеллектуальных, эмоционально-волевых расстройствах) важно провести дифференциальную диагностику с учетом структуры дефекта, выявить ведущее нарушение, установить иерархию и степень выраженности нарушений развития [6].

Исходя из данных 2018 года, в целом обеспеченность кадрами территориальных ПМПК можно считать удовлетворительной. Большинство специалистов ПМПК (89%) имеют высшее образование. Структуру кадров составляют педагогические работники (69%), медицинские (21%) и прочие специалисты — 10%.

В структуре кадров каждый пятый — педагог-психолог или учитель-логопед (по 21%), 18% — учителя-дефектологи, 9% — социальные педагоги, 8% — врачи-психиатры, 3% — врачи-неврологи, каждый десятый — другие медицинские работники или специалисты. Укомплектованность педагогами-психологами, учителями-логопедами, олигофренопедагогами и социальными педагогами достаточна, однако большинство комиссий испытывают дефицит сурдо- и тифлопедагогов, которые предпочитают работу в образовательных организациях, реализующих соответствующие адаптированные образовательные программы или частную практику, поэтому их чаще всего привлекают к работе по совместительству. В 34% центральных и 69% территориальных ПМПК не хватает тифлопедагогов, в 29% центральных и 71% территориальных ПМПК не хватает сурдопедагогов. Важной проблемой является привлечение врачей к работе в ПМПК: отмечено отсутствие необходимых специалистов, при постоянном трудоустройстве они теряют льготы по стажу и профессиональной вредности, при совместительстве они сталкиваются с большими объемами работы и дополнительными временными затратами на фоне непривлекательной оплаты труда.

Что касается *порядка работы* ПМПК, то основным ее направлением является проведение комплексной психолого-медико-педагогической диагностики детей и подростков с рождения до 18 лет. После подачи комплекта документов для проведения обследования в ПМПК родители (законные представители) ребенка в пятидневный срок должны быть проинформированы о порядке, дате и времени обследования. ПМПК имеет право оказывать консультативную помощь детям, самостоятельно обратившимся в комиссию. Медицинское обследование детей, достигших возраста 15 лет, проводится с их согласия. Родители (законные представители) детей имеют право присутствовать при обследовании. Каждый специалист проводит собственное обследование, допускается обследование ребенка несколькими специалистами одновременно. Состав специалистов комиссии, участвующих в обследовании, его процедура и продолжительность определяются, исходя из задач, а также возрастных, психофизических и иных особенностей детей. При решении о необходимости дополнительного обследования рекомендуется его проводить в другой день. Обследование детей специалистами комиссии осуществляется бесплатно.

Диагностическое обследование проводится разными методами, наиболее распространены изучение документации детей, анкетирование родителей, беседа; наблюдение, изучение результатов детской деятельности и методы экспериментально-психологического исследования. Комплексные методики позволяют выявить особые образовательные потребности ребенка. Методы диагностики объединяют в группы по используемому материалу (вербальные, невербальные), по количеству показателей (простые и комплексные), по качеству (стандартизованные или нет), по форме ответа (устные, письменные) и др. Особое внимание уделяется методическому обеспечению комплексного обследования детей разного возраста (младенческого, раннего, дошкольного, школьного).

Каждый специалист формулирует заключение, которое основано на результатах наблюдения и/или выполнения ребенком диагностических заданий. Обсуждение результатов обследования для вынесения общего итогового заключения

осуществляется коллегиально в отсутствие ребенка и его родителей (законных представителей). После обследования (и принятия коллегиального решения об особенностях развития ребенка) специалисты ПМПК знакомят родителей с его результатами (в срок, не превышающий пять рабочих дней с момента проведения заседания) и разрабатывают рекомендации. Они могут касаться условий обучения и воспитания (щадящий режим, специализированная образовательная организация), необходимости обращения к профильному специалисту (например, к логопеду, если у ребенка имеются речевые нарушения, или к психологу, когда отмечаются расстройства личности или поведения). В случаях, когда специалисты не приходят к единому мнению или сталкиваются со сложными в диагностическом плане случаями, ребенку рекомендуют пройти повторное обследование.

Информация о проведении обследования детей, его результаты и иная информация, связанная с обследованием в комиссии, является конфиденциальной и не предусматривает передачи ее третьим лицам без письменного согласия родителей (законных представителей), за исключением случаев, предусмотренных законодательством Российской Федерации. Копия заключения предоставляется родителям (законным представителям), на его основании создаются рекомендованные условия обучения и воспитания в образовательной организации [1]. В заключении фиксируется «нуждается/не нуждается в создании условий для получения образования, коррекции нарушений развития и социальной адаптации на основе специальных педагогических подходов». Также в заключении ПМПК определяются специальные условия получения ребенком с ОВЗ образования, независимо от вида и типа образовательной организации, в которой он обучается или собирается обучаться.

В 2018 году в ПМПК было обследовано 880 048 человек, из них в центральных ПМПК — 220 980 (25%), в территориальных ПМПК — 658 210 (75%). Количество психолого-медико-педагогических обследований в центральных ПМПК варьирует от 31 000 до 46 200 в год, причем комиссии на базе ППМС-центров имеют более высокие показатели осмотров. Возраст обследованных детей распределен следующим образом: от 4 до 6 лет — 48%, от 7 до 10 — 25%, от 11 до 14 — 11%, от 15 до 18 — 8%, до 3 лет — 8%, старше 19 лет — 0,1%.

Детей раннего возраста обследовано в ПМПК в 2018 году — 69 251 человек. Самые высокие показатели обследования детей до 3 лет — в Приволжском (22%), Северо-Западном (18%) и Сибирском (15%) федеральных округах. Комплексное обследование и своевременное выявление отклонений в развитии, а также подготовка рекомендаций по построению индивидуального образовательного маршрута ребенка с ОВЗ с первых месяцев и лет жизни только входит в сферу деятельности ПМПК. В 2018 году обследовано 6742 человека старше 18 лет — это новое направление в деятельности ПМПК, не регламентированное Положением о ПМПК, но закрепленное такими нормативными актами, как Правила приема в различные образовательные организации. Наиболее часто лиц старше 18 лет обследовали в ПМПК Приволжского (29%), Северо-Западного (27%), Сибирского (10%) и Уральского федеральных округов (9%).

Среди обратившихся за психолого-медико-педагогическим обследованием 59% — мальчики, 41% — девочки, причем в структуре повторных обращений

мальчики также лидируют, составляя 64%. Более 65% лиц обратились в комиссию впервые, количество повторно обратившихся составляет $\frac{1}{3}$ от общего количества детей. В случаях повторного обращения специалисты рассматривают динамические изменения в развитии ребенка, вносят коррективы в программу его развития, рекомендуют специалистов для дальнейшего обучения и воспитания. В таблице 1 представлены данные первичных и повторных обращений в центральные и территориальные ПМПК в 2018 году.

Таблица 1

Структура первичных и повторных обращений в ПМПК

Обращения	Первичная	Повторная
в ЦПМПК	136 тыс. (62%)	83 тыс. (38%)
в ТПМПК	438 тыс. (67%)	216 тыс. (33%)

Более половины детей, обследованных на ПМПК, направлены образовательными организациями, у 27% детей по поводу обследования обратились родители, 6% детей были направлены медицинскими организациями, 5% — учреждениями медико-социальной экспертизы, 1% — органами/организациями социальной защиты, незначительное число детей обратились в ПМПК самостоятельно. Самой распространенной причиной записи на обследование стал запрос на создание специальных условий обучения и воспитания (41%), далее следуют трудности в освоении образовательных программ (28%), трудности речевого развития (28%) и уточнение рекомендаций ранее проведенного обследования (23%). По направлению бюро медико-социальной экспертизы в ПМПК обратились 12% обследованных, за рекомендациями по созданию условий проведения государственной итоговой аттестации — около 6%.

При обследованиях центральные ПМПК выявили 56% детей с ОВЗ, которым необходимы специальные условия обучения, из них 2% — дети с девиантным поведением, которые нуждаются в индивидуальной профилактической работе, 37% нуждаются в психолого-педагогической помощи, 4% — в специальных условиях при прохождении ГИА-9, а 1% — в специальных условиях при прохождении ГИА-11. По результатам психолого-медико-педагогического обследования территориальные ПМПК определили ограниченные возможности здоровья, требующие специальных условий обучения, у 54% детей, из них 4% — дети с девиантным поведением, которые нуждаются в индивидуальной профилактической работе, 39% нуждаются в психолого-педагогической помощи, 2% — в специальных условиях при прохождении ГИА-9 и 9% — ГИА-11. В общей сложности ограниченные возможности здоровья, требующие создания специальных условий обучения, определены у 55% детей. Большинству (74%) обследованных в 2018 году детей были рекомендованы адаптированные образовательные программы.

На уровне дошкольного образования основная общеобразовательная программа рекомендована 116 000 детей, а адаптированная (АООП) — 367 000 (76%). В структуре рекомендованных АООП ДО: 70% — для детей с тяжелыми нарушениями речи, 18% — с интеллектуальными нарушениями, 14% — с НОДА, 4% — с патологией органов зрения, 1% — с патологией слуха, 2% — для диагностических групп детей дошкольного возраста. В структуре рекомендованных ЦПМПК

АООП ДО преобладают АООП ДО для детей с тяжелыми нарушениями речи (58%) и с интеллектуальными нарушениями (26%).

93% детей, прошедших ПМП-обследование, нуждаются в индивидуальной (либо групповой) психолого-педагогической помощи (сопровождении). Наряду с определением специальной образовательной программы и формата психолого-педагогической помощи, детям рекомендовалось также сопровождение тьютора — 5%. Наиболее активно сопровождение тьютора используется в Центральном федеральном округе, где поддержка ассистента-помощника была рекомендована в 2% случаев. 56% обследованных было рекомендовано сопровождение педагогом-психологом, 58% — учителем-логопедом, 27% — учителями-дефектологами различного профиля.

Важным направлением деятельности ПМПК является оказание консультативной помощи родителям (законным представителям) и работникам образовательных организаций. Специалисты ПМПК оказывают федеральным государственным организациям и организациям медико-социальной экспертизы содействие в части разработки индивидуальной программы реабилитации ребенка-инвалида, описывая статус ребенка, его особенности (с учетом сильных и слабых сторон) и основные направления коррекционной работы (специфицированной по специалистам), способствующей максимальной реабилитации ребенка с инвалидностью. Другим направлением работы ПМПК является участие в организации информационно-просветительской работы с населением в области предупреждения и коррекции недостатков в физическом и/или психическом развитии и/или отклонений в поведении детей — посредством лекций и семинаров (как на базе ПМПК, так и выездных) в образовательных организациях.

Таким образом, можно констатировать рост числа ПМПК на территории 85 субъектов Российской Федерации в 2018 году по сравнению с 2017 годом. Большинство руководителей ПМПК имеют высшее педагогическое образование, но не профильное (дефектологическое). На наш взгляд, в нормативно-правовых документах, регламентирующих деятельность ПМПК, необходимо установить требования к уровню образования и направлению подготовки руководителя комиссии. В целом кадровое обеспечение ПМПК педагогическими и медицинскими работниками вполне удовлетворительное: ПМПК в достаточной мере укомплектованы учителями-логопедами, педагогами-психологами, олигофренопедагогами и социальными педагогами, однако испытывают дефицит сурдопедагогов и тифлопедагогов. Сохраняется проблема недостаточной оснащенности и обеспеченности ПМПК помещениями для проведения ПМП-обследований детей: более половины территориальных комиссий имеют сборный состав и не имеют постоянных помещений. По результатам ПМП-обследований ограниченные возможности здоровья с рекомендациями специальных условий обучения были определены у большинства обратившихся детей. Подавляющее число детей, прошедших ПМП-обследование, нуждаются в индивидуальной (либо групповой) психолого-педагогической помощи (сопровождении) педагога-психолога, учителя-логопеда, учителя-дефектолога, социального педагога, ассистента-помощника, тьютора. Несомненно, эти выводы указывают на индикаторы дальнейших мониторингов деятельности ПМПК и проблемы, устранение которых поможет повысить эффективность инклюзивного образования.

Библиографический список

- [1] *Вакорина Л.Ю.* Взаимодействие родителей и психолого-медико-педагогической комиссии как важный фактор эффективности инклюзивного образования: результаты общероссийского мониторинга // *Общество: социология, психология, педагогика*. 2018. № 12.
- [2] *Волосникова Л.М., Ефимова Г.З., Огороднова О.В.* Риски образовательной инклюзии: опыт регионального исследования Тюменского государственного университета // *Психологическая наука и образование*. 2017. № 1.
- [3] Деятельность ПМПК в современных условиях: ключевые ориентиры / под общ. ред. Л.Ю. Вакориной. М., 2018.
- [4] О совершенствовании деятельности центров психолого-педагогической, медицинской и социальной помощи: Письмо Министерства образования и науки Российской Федерации от 10 февраля 2015 г. № вк-268/0. URL: http://xn--273--84d1f.xn--p1ai/akty_minobrнауki_rossii/pismo-minobrнауki-гf-от-10022015-но-вк-26807.
- [5] Отношение общества к детям с ограниченными возможностями здоровья и детям-инвалидам. М., 2017.
- [6] *Приходько О.Г.* Методические рекомендации по организации диагностического обследования детей различными специалистами в условиях новых форм деятельности ДООУ // *Служба ранней помощи: справочно-методические материалы по организации служб ранней помощи*. М., 2011.
- [7] Система ранней комплексной помощи детям с ОВЗ и их родителям / О.Г. Приходько, И.Ю. Левченко и др. М., 2018.
- [8] *Троцук И.В., Щербакова Д.А.* Факторы успешности инклюзивного обучения (на примере российских дошкольных образовательных организаций) // *Социальная политика и социология*. 2018. Т. 17. № 3.

DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-4-814-824

Psychological-medical-pedagogical commissions in the context of inclusive education: Key evaluation indicators*

L.Yu. Vakorina¹, O.G. Prikhodko², O.V. Yugova²

¹Center for the Protection of the Rights and Interests of Children
Lyusinovskaya, 51, Moscow, Russia, 115093

²Moscow City Pedagogical University
2nd Selskokhozyastvenny Pr., 4, Moscow, Russia, 129226

(e-mail: vakorina.lyudmila@fcprc.ru; ogprihodko@mail.ru, kor.ped@inbox.ru)

Abstract. The education of children with disabilities is one of the priorities of the Russian social-economic development. The article considers the current issues in the organization of the activities of the psychological-medical-pedagogical commissions (hereinafter — PMPC) that provide comprehensive support for children with disabilities and act as the first stage in the process that determines the further

* © L.Yu. Vakorina, O.G. Prikhodko, O.V. Yugova, 2019.

The article was submitted on 01.04.2019. The article was accepted on 23.04.2019.

individual educational route of each child. The article presents the results of the monitoring of the Federal Resource Center (hereinafter — FRC PMPC) created in April 2018 to provide organizational-methodological assistance to the managers and specialists of the PMPC; comparative data on the central and territorial PMPCs, their total number by regions (including its growth as compared to 2017), staff, managers' education, place of work and premises; the total number of children examined and their age, the ratio of primary and secondary examinations, their reasons and who initiated them; information on the children who were examined, have limited health abilities and need special educational facilities or special conditions for passing the state final certification; the share of children to whom adapted educational programs were recommended. The authors describe activities of the commissions' specialists, principles and methods of their teamwork, and identify aspects of the PMPC activities that need to be improved: the deficit of sign language teachers, visual impairment specialists and doctors, and PMPC' insufficient equipment for conducting examinations.

Key words: psychological-medical-pedagogical commission; children with disabilities; psychological-pedagogical diagnostics; psychological development; consultation; multidisciplinary team of specialists

References

- [1] Vakorina L.YU. Vzaimodeystvie roditeley i psikhologo-mediko-pedagogicheskoy komissii kak vazhny faktor effektivnosti inklyuzivnogo obrazovaniya: rezultaty obshcherossiyskogo monitoring [The interaction of parents with psychological-medical-pedagogical commission as an important factor of the inclusive education efficiency: The results of the all-Russian monitoring]. *Obshchestvo: Sotsiologiya, Psikhologiya, Pedagogika*. 2018; 12 (In Russ.).
- [2] Volosnikova L.M., Efimova G.Z., Ogorodnova O.V. Riski obrazovatelnoy inklyuzii: opyt regionalnogo issledovaniya Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta [The risks of educational inclusion: The regional study of the Tyumen State University]. *Psikhologicheskaya Nauka i Obrazovanie*. 2017; 1 (In Russ.).
- [3] *Deyatel'nost PMPC v sovremennykh usloviyakh: klyuchevye oriyentiry* [Activities of PMPC in Contemporary Conditions: Key Guidelines]. Pod obshch. red. L.Yu. Vakorinoy. Moscow; 2018 (In Russ.).
- [4] O sovershenstvovanii deyatel'nosti tsentrov psikhologo-pedagogicheskoy, meditsinskoy i sotsialnoy pomoshchi: Pismo Ministerstva obrazovaniya i nauki Rossiyskoy Federatsii ot 10 fevralya 2015 g. No. vk-268/0 [On Improving the Activities of the Centers of Psychological-Pedagogical, Medical and Social Assistance: Letter of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation from February 10, 2015 No. vk-268/0]. URL: http://xn--273--84d1f.xn--p1ai/akty_minobrnauki_rossii/pismo-minobrnauki-rf-ot-10022015-no-vk-26807 (In Russ.).
- [5] *Otnoshenie obshchestva k detyam s ogranichennymi vozmozhnostyami zdorovya i detyam-invalidam* [Social Perception of Children with Disabilities and Disabled Children]. Moscow; 2017 (In Russ.).
- [6] Prikhodko O.G. Metodicheskie rekomendatsii po organizatsii diagnosticheskogo obsledovaniya detey razlichnymi spetsialistami v usloviyakh novykh form deyatel'nosti DOU [Guidelines for organizing a diagnostic examination of children by different specialists under the new forms of activity]. *Sluzhba ranney pomoshchi: spravochno-metodicheskie materialy po organizatsii sluzhb ranney pomoshchi*. Moscow; 2011 (In Russ.).
- [7] *Sistema ranney kompleksnoy pomoshchi detyam s OVZ i ikh roditelyam* [Early Integrated Care System for Children with Disabilities and Their Parents]. O.G. Prikhodko, I.Yu. Levchenko i dr. Moscow; 2018 (In Russ.).
- [8] Trotsuk I.V., Shcherbakova D.A. Faktory uspeshnosti inklyuzivnogo obucheniya (na primere rossiyskikh doskolnykh obrazovatelnykh organizatsiy) [Factors for the success of the inclusive education (on the example of the Russian pre-school educational organizations)]. *Sotsialnaya Politika i Sotsiologiya*. 2018; 17 (3) (In Russ.).

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЛЕКТОРИЙ

DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-4-825-834

Понятие социальной идентичности: основные исследовательские подходы*

Д.Г. Подвойский, С. Солеймани

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198
(e-mail: podvoyskiy-dg@rudn.ru, Soleimani.s@yandex.ru)

Тема идентичности в дискурсе социально-гуманитарного знания является одной из наиболее сложных и многоаспектных, привлекая в последние десятилетия внимание интеллектуалов и исследователей. Поскольку человек представляет собой социальное существо, он имеет социальную идентичность. Общественная жизнь человека немыслима без рамок и основы для определения социальной и индивидуальной идентичностей — без них никто не сможет установить значимых или последовательных отношений с другими людьми. Социальная идентичность как основа для выявления социально значимых «сходств» и «различий» индивидуальных и коллективных акторов позволяет налаживать непрерывное общение и устойчивое взаимодействие в сообществе. Объяснение социальной идентичности и факторов, влияющих на ее формирование, не может быть ограничено рамками одной теории или одной научной школы. В статье предпринимается попытка исследовать эту концепцию в соответствии с подходами, оформившимися в рамках теорий макро- и микроуровней, а также теорий социального порядка и интеграции. Открывается обзор с рассмотрения точки зрения социологов-теоретиков макроуровня, таких как Э. Дюркгейм и М. Кафель; характеризуются такие понятия, как «механическая солидарность», «органическая солидарность», «легитимирующая идентичность», «идентичность сопротивления» и «проективная идентичность». Также обсуждаются взгляды выдающихся теоретиков символического интеракционизма, оперирующих понятиями «самость» и «разум», в первую очередь Дж.Г. Мида. Исследуются идеи Ч.Х. Кули, в которых центральное место занимают понятия «зеркальное Я» и «первичная группа», разбираются работы М. Розенберга, посвященные образу «Я» или «Я-концепции», обсуждаются точки зрения Г. Тэджфела и Э. Гидденса на идентичность и ее разновидности. В конце статьи рассматриваются взгляды П. Бурдьё и Р. Дженкинса. Осуществляется предварительное сравнение рассмотренных подходов, кратко характеризуются особенности используемой в них теоретической аргументации. Разные версии концепций идентичности соотносятся с ключевыми решениями проблемы социального порядка и теоретико-методологической дилеммой «субъекта—структуры».

Ключевые слова: идентичность; социальная идентичность; индивидуальная идентичность; символический интеракционизм; первичные группы; «Я-концепции»; социальная интеграция; «зеркальное Я»

* © Подвойский Д.Г., Солеймани С., 2019.

Статья поступила 22.07.2019 г. Статья принята к публикации 03.09.2019 г.

Идентичность является сложным и неоднозначным понятием в общественных и гуманитарных науках. В ее интерпретации всегда имели место разногласия и противоречия среди социологов, психологов и философов. Социальная идентичность делает возможной социальную коммуникацию, но также делает жизнь людей «субъективно значимой» для них самих. Социальная идентичность и факторы, влияющие на ее формирование, не могут быть охвачены одной традицией, поэтому постараемся рассмотреть эту концепцию с разных сторон и в соответствии с подходами, оформившимися в рамках теорий макро- и микроуровней, а также теорий социального порядка и интеграции.

При анализе на макроуровне идентичность описывается с точки зрения исторических, культурных, политических, экономических процессов, в том числе процессов социетального уровня, таких как, например, глобализация. Э. Дюркгейм, как известно, выделял два вида солидарности: механическую и органическую. Механическая солидарность реализуется на ранней стадии формирования общества и в небольших социальных единицах. При этой разновидности солидарности простые и близкие отношения достигаются через семью, родоплеменную общность и идентификацию с тотемом (клановая и религиозная идентификации могут совпадать). Постепенно происходят изменения: механическая солидарность превращается в органическую. На этапе органических отношений каждый человек имеет отдельную и независимую личность, но параллельно развиваются социальные контракты и возникают организованные отношения. Для Дюркгейма конечной целью социологии является определение условий поддержания-сохранения общества как упорядоченного целого (проблема социального порядка). Он выделял два идеальных типа сообществ. Первый — элементарное общество с механической солидарностью, в котором нет разделения труда либо оно находится на очень низком уровне. Французский социолог обнаружил, что в обществах такого типа социальная солидарность основана на общности и сходствах между людьми как членами группы и в значительной степени зависит от общих событий в их коллективной жизни [7].

По мнению Дюркгейма, элементарные общества обладают механической солидарностью, поскольку находятся лишь на начальной стадии технического прогресса. Развивающиеся технологии требуют специализации, и она приводит к разделению труда — постепенно возникает второй тип общества, а именно общество современное, для которого характерна органическая солидарность. В этом обществе, с учетом того, что ценности и приоритеты социальных единиц различаются, выживание целого зависит от доверия людей друг к другу при выполнении ими их конкретных обязанностей. В современных обществах с органической солидарностью существует консенсус именно потому, что люди разные, а использование услуг друг друга приводит к социальной солидарности [3; 14. Р. 144]. Человек может идентифицировать себя с обширной социальной единицей (с нацией, государством, народом и т.п.), не утрачивая при этом своих индивидуальных особенностей.

С точки зрения М. Кастельса, идентичность — это источник смысла и опыта для людей. Идентичность, если говорить о социальных акторах, является процес-

сом создания значений на основе культурной ценности или целостного набора культурных особенностей, имеющих приоритет над другими источниками смысла. Идентичность — источник смысла для самих акторов, и они создают ее сами в процессе индивидуализации. Тем не менее, идентичности могут также исходить от доминирующих институтов, но даже тогда они будут теми идентичностями, которые обусловлены интернализацией институциональных влияний социальными акторами [12].

Кастельс считает, что социальная выработка идентичности всегда происходит в контексте властных отношений, поэтому он различает три источника идентичности: легитимирующая идентичность предлагается обществу правящей элитой и государственной бюрократией для укрепления своего господства; идентичность сопротивления, или оппозиционная, формируется у ущемленных социальных групп; проективная идентичность вырабатывается субъектами политического процесса с учетом традиционной культуры с целью преобразования всей социальной структуры и их социального положения [13]. Согласно Кастельсу, каждый процесс идентификации приводит к разным результатам: легитимирующая идентичность создает гражданское общество; идентичность сопротивления, приводит к формированию сообществ; проективная идентичность — к созданию субъекта. Субъектами являются лидеры коллективов и общественные деятели, когда люди достигают значимости благодаря своему опыту. Кастельс считает, что разные типы идентичностей, их источники и последствия не могут обсуждаться в общих чертах и абстрактно, поскольку данный вопрос тесно связан с конкретным социально-историческим контекстом.

Истоки микросоциологической теории идентичности восходят к работам теоретиков символического интеракционизма. При разработке своих концепций они фокусировались прежде всего на том, как человек социализируется и как «формирует себя», а также подчеркивали роль субъективных и символических факторов в построении индивидуальной и коллективной идентичности.

Одним из основных понятий теории Дж.Г. Мида является «самость» (Self). Использование Мидом понятия «самость» отличается от интерпретации данного термина в других подходах [1; 6]. По Миду, самость связана с идентичностью, которая является в основном социальной категорией: у людей есть «самость», и это означает, что человек может быть субъектом для самого себя. Человек может смотреть на себя по-разному, в зависимости от исполняемой роли, выступая как мужчина или женщина, ребенок или взрослый, член той или иной этнической группы и т.д.

Чтобы стать субъектом, человеку необходимо быть в состоянии «воображаемой интеракции» с самим собой как с объектом (так называемое «принятие роли другого» в отношении себя). Следовательно, он идентифицирует себя как мужчина, студент, работник и т.д. [7]. Таким образом, социальный актор мысленно вступает во взаимодействие с самим собой.

Для Мида подобное действие актора носит социальный характер. «Самость» и «разум», которые являются основными понятиями теории Мида, по его мнению, являются продуктом участия в групповой жизни — создаются в процессе взаимодействий, в которые человек вступает в детстве с другими. Значит, понимание

природы самости требует анализа процесса взаимодействия. Чтобы действовать как субъект для самого себя, необходимо выйти за границы собственного Я и с этих позиций оценивать себя. Для Мида детская игра — это первый важный шаг в развитии самости. Второй этап формирования Я — этап групповых игр. Особенность групповой игры заключается в том, что ребенок играет коллективно определенную и организованную роль в группе, в том числе роли других; таким образом, если у маленького ребенка нет возможности разыгрывать роли других, он не будет развивать «самость» [11].

С точки зрения Ч.Х. Кули, «я сам» и общество — два феномена-близнеца, и между ними существует органическая и неразрывная связь. Он полагал, что под обществом и частными лицами подразумеваются не два отдельных феномена, а скорее коллективные и индивидуальные аспекты одного феномена. По мнению Кули, «я сам»/личность не является в первую очередь чем-то индивидуальным, а затем социальным, но формируется в процессе диалектических отношений [5]. Осознание человеком себя самого — это отражение мыслей других о нем. Таким образом, невозможно говорить об отдельном индивиде, фактически «я сам» является результатом коррелированного восприятия «я», «он» и «они». Кули сравнивает свою модель личности с зеркалом, намекая на рефлексивный характер человеческого Я, и называет ее «зеркальным Я». Наши представления о самих себе поступают: 1) из нашего представления о том, «каким я кажусь другому человеку»; 2) из нашего представления о том, «как этот другой оценивает мой образ»; 3) из наших чувств и ощущений складывается особенное «чувство Я» — самоуважение (чувство собственного достоинства). Поэтому очевидно, по мнению Кули, что «я сам» появляется в социальном процессе, основанном на обмене коммуникациями и отражающемся в сознании человека.

Основное внимание при обсуждении социальной жизни Кули уделяет анализу тех групп, которые он рассматривал в качестве основных факторов, связывающих человека с обществом, и интеграции людей в процесс коллективного строительства социального мира. Кули представляет эти группы как «первичные» — группы, которые определяются «сотрудничеством и принадлежностью», и по этой причине он считает, что первичные группы играют фундаментальную роль в формировании социального характера (настолько, что общие жизненные и групповые цели во многом соответствуют жизни и целям каждого человека в группе). Наиболее важными примерами здесь являются семья, группы ровесников, соседские сообщества, местные общины. По мысли Кули, понятия «зеркальное Я» и «первичная группа» переплетаются. Первичная группа является первой платформой для роста и развития человеческих эмоций. Она усиливает способность помещать себя в другое место и, создавая чувствительность к реакциям других, без которых невозможна социальная жизнь, изменяет самосознание человека. В первичных группах реализуется подлинная человеческая природа — человек не рождается с ней изначально. Невозможно получить эту природу без сотрудничества с другими, а изоляция разрушает ее [4].

Г. Тэджфел — один из теоретиков социальной идентичности, который представил свою теорию в семидесятые годы прошлого века. Тэджфел связывает социальную идентичность с членством в группе, которое предполагает среди прочего

наличие когнитивного элемента (знания, что человек принадлежит к группе, в том числе знания о положительных и отрицательных последствиях членства в ней) и эмоционального элемента (эмоции относительно группы и тех, кто имеет особые отношения с ней). По словам Тэджфела, социальная идентичность основывается на той части Я-концепции индивида, которая предполагает осознание им членства в социальных группах, а также ценности этого членства. Теория Тэджфела фокусируется на аспектах идентичности, которые исходят от членства индивида в группе: сообщество состоит из людей, которые связаны друг с другом и имеют общие интересы, а также подчинены друг другу, и структура этой групповой коммуникации важна для формирования идентичности. Тэджфел считает, что люди пытаются сравнивать собственную группу с другими группами, чтобы доказать превосходство первой; таким образом, они оценивают свою группу через отношение к аналогичным группам. Тэджфел называет этот процесс, отделяющий людей внутри группы от людей, не входящих в группу, «социальной категоризацией». По его мнению, социальная идентичность обусловлена одним из процессов интернализации социальных категорий [17].

В работах М. Розенберга особое внимание уделяется «образу Я», или «Я-концепции». Его взгляды базируются на идеях Мида и Кули. Розенберг полагает, что «образ Я», или «Я-концепция» отражает характеристики социальной идентичности человека, а не индивидуальные черты личности. Ученый среди прочего отличает «самость» от «Я-концепции». Он наделяет «самость» более общим значением, чем «Я-концепцию». При этом он рассматривает «Я-концепцию» только с точки зрения когнитивного аспекта, полагая, что она относится только к когнитивному аспекту «самости». «Я-концепция», хотя и представляет собой меньшую часть характера человека, чрезвычайно важна — она отражает набор информации и уникальные взгляды, которые человек имеет о себе и других членах сообщества. По словам Розенберга, лишь небольшая часть этой информации состоит из индивидуальных впечатлений, которые связаны с индивидуальной идентичностью, а большинство элементов этого набора информации формируют социальные представления.

Таким образом, при определении идентичности следует отличать предмет, характер и сложные процессы формирования от ее конкретных форм. Предметом может быть человек, группа, организация и т.д., но при этом идентичность может проявляться в разных формах: как чувство собственного интереса (личная идентичность), чувство интереса к религиозным ценностям (религиозная идентичность), чувство интереса к языку и культурным группам (этническая идентичность) и т.п. Теоретики рассматривают способ формирования, изменения и эволюции идентичности, опираясь на три уровня восприятия человеком самого себя. Первый уровень — конструирование собственного образа в настоящем: кем люди считают себя, как воспринимают себя, какие особенности приписывают себе. Второй уровень — самоуважение: как человек чувствует себя и относится к самому себе (позитивно или негативно). Третий уровень — изменения чувства идентичности: кем ощущает себя человек, каковы его корни и истоки, куда он движется в перспективе.

Согласно приведенному выше объяснению социальной идентичностью является самосознание индивидов относительно их принадлежности к социальным группам, и этот тип идентичности отделен от индивидуальной идентичности. По мнению Э. Гидденса, человек взаимодействует с другими людьми, которые создают свою идентичность и постоянно изменяют ее в ходе жизни. Идентичность не стабильна, это динамичное, изменчивое явление. Британский ученый считает важным фактором при совершении большинства действий и бессознательное стремление к обретению доверия во взаимодействии с другими, или так называемую «онтологическую безопасность». Идентичность не есть нечто данное, но всегда есть то, что человек должен создавать постоянно и ежедневно защищать, поддерживая в своей деятельности [10]. Гидденс полагает, что «самость» не является пассивной единицей в социальном процессе. Однако люди, пытаясь построить собственную идентичность, содействуют воссозданию определенных социальных отношений в окружающем их мире. В результате люди сталкиваются с разными вариантами «самости», которые характерны для современных обществ, и эта ситуация порождает у них при формировании идентичности изобилие вариантов выбора. Гидденс считает, что изменение формы личной идентичности и феномен глобализации — два столпа диалектики глобального и локального в последнее время [15. Р. 81].

Гидденс утверждает, что иногда для демонстрации конкретной идентичности мы меняем наши тела и выполняем такие действия, которые представляют нас в глазах других так, как мы этого хотим. В современном мире на такое поведение и действия влияет среда, в которой мы пребываем, и мы должны быть готовы адаптировать свое поведение и действия к ней. При этом Гидденс различает истинную идентичность и идентичность, которую демонстрирует индивид, и приводит следующий пример: мужчина хочет развестись с женой, но еще не говорил с ней об этом и продолжает жить с ней мирно. На самом деле этот мужчина имеет два уровня идентичности. Первый: знает только себя (планирует развестись со своей женой), а второй — то, что показывает в повседневной жизни (мирно живет с женой). Согласно этому примеру каждый человек в сообществе может попасть в такую ситуацию и иметь разные уровни идентичности, которые каждый раз будут использоваться в зависимости от ситуации.

Гидденс считает, что личная идентичность должна создаваться и постоянно адаптироваться, это адаптация к противоречивым переживаниям событий повседневной жизни и тенденциям современных институтов [15. Р. 87]. Таким образом, люди развивают свою индивидуальность в повседневной деятельности, интерпретируя свои собственные и действия других людей, а также ссылаясь на ресурсы идентификации, которыми могут быть семья, образовательные центры и средства массовой информации. На формирующиеся отношения и взаимодействующих в социальной среде субъектов влияют нормы и ценности, которые могут облегчить выработку деятельностных стратегий акторов и помочь сформировать идентичность людей.

П. Бурдье (как и Гидденс) объясняет поведение и поступки людей, применяя смешанный подход, рассматривая микро- и макроуровень. На макроуровне он

ссылаются на структуры или взаимодействия, которым соответствуют определенные виды и объемы капитала (экономического, культурного). Человек занимает позицию рядом с теми, кто похож на него по параметрам видов капитала, распределенных в обществе неравномерно. Люди, имеющие сходную «базу», при взаимодействии друг с другом довольно последовательны и соотносятся с габитусами и моделями действий. Габитус — это матрица восприятия и оценки, и она выражает характер и поведение, которые имеют смысл во всякой конкретной точке социального пространства. Бурдьё при определении роли габитуса и его разделении на индивидуальный и классовый габитус также касался вопроса об индивидуальной и коллективной идентичности. Индивидуальный габитус является неотъемлемой частью органической индивидуальности: имеет прямую связь с индивидуальностью, личным восприятием и индивидуальной идентичностью. Классовый габитус, который проистекает из социально-экономического статуса и позиции акторов в социальных структурах, создает общие коллективные идентичности. Классовый габитус в образе жизни людей, принадлежащих к разным классам и группам, характеризует их в широком диапазоне от вкусовых пристрастий и особенностей эстетического удовольствия до политических взглядов [2; 9].

Р. Дженкинс утверждал, что во многих социологических исследованиях наблюдаются различия между социальными и индивидуальными идентичностями, хотя индивидуальные и коллективные дела могут быть похожи (если не совпадают в точности). Возможно, наиболее очевидное различие между индивидуальной и коллективной идентичностью заключается в том, что индивидуальная идентичность подчеркивает разницу, а коллективная — сходство. Кстати, в Оксфордском словаре английского языка слово идентичность — «identity» — имеет корни в латыни (*Identitas* происходит от *Idem*, означает «похожее и одинаковое»). У него два основных значения: первое выражает понятие сходства — одно похоже на другое; второе — это концепция различия, которая предполагает совместимость и непрерывность во времени, т.е. к понятию сходства можно прийти с двух точек зрения. Понятие идентичности между индивидами или объектами устанавливает одновременно две вероятные пропорции: с одной стороны, сходство, с другой — различие.

Дженкинс считает, что социальная идентичность является практическим достижением, т.е. процессом, который можно понять с помощью внутреннего и внешнего взаимодействия. Для Дженкинса первичные идентичности, такие как пол, родство и этническая принадлежность, являются более прочными по сравнению с другими социальными идентичностями. Родственная группа — явный источник для идентичности социального субъекта, которая очень прочна. Время и место также играют центральную роль в создании идентичности на сцене сообщества, потому что идентификация вещи означает размещение ее во времени и пространстве. Институты как принятые образцы практики и организации как символ социальных категорий можно указать среди областей, которые имеют важное значение для выявления идентификации. Социальные идентичности приобретаются людьми и присваиваются им в контексте силовых событий [16].

Исходя из вышесказанного можно сделать вывод, что «идентичность» является сложным и расплывчатым концептом и всегда была предметом обсуждения социологов, психологов и философов, независимо от того, использовали они сами этот термин или нет. Следовательно, описание понятия, как и эмпирического феномена идентичности, не может ограничиваться рамками какой-либо одной теории или научной школы. С точки зрения теоретиков макроуровня, таких как Дюркгейм и Кастельс, идентичность — это то, что отличает индивидов и группы друг от друга. Люди представляют себя через некие фиксированные профили и считают их отличием себя от других. Последователи данной точки зрения утверждают, что люди сравнивают свою группу с другими группами, чтобы доказать превосходство своей группы (наиболее рельефно этот подход в истории социологической мысли был выражен в концепции этноцентризма и мы/они-групп У. Самнера). В целом сторонники макросоциологического взгляда описывают и анализируют идентичность в связи с историческими, культурными, политическими, экономическими конstellляциями социальных процессов, рассматриваемых в глобальной перспективе. Выдающиеся теоретики символического интеракционизма (Мид, Кули) представляют перспективу микросоциологического анализа феномена идентичности: они пытались ответить на вопрос, как человек социализируется и как формирует собственное «Я», подчеркивая роль субъективных и символических факторов в построении коллективной идентичности. В синтетических социологических теориях Гидденса и Бурдье была предпринята попытка снятия классических дилемм макро—микро, действия—структуры, что привело, в частности, к описанию концепта идентичности в масштабах диалектических взаимосвязей между индивидуальной и социальной реальностью. Тем не менее, современное состояние научной дискуссии в социологической теории и сопредельных областях указывает на то, что повестка дня в обсуждении темы идентичности является принципиально открытой и незавершенной.

Библиографический список

- [1] *Белик А.А.* Теория «Я» Дж. Г. Мида и психологическая антропология // *Социальная психология и общество*. 2011. № 1.
- [2] *Бурдье П.* Практический смысл. СПб.: Алетейя, 2001.
- [3] *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда. Метод социологии. М.: Наука, 1991.
- [4] *Козер Л.А.* Мастера социологической мысли: Идеи в историческом и социальном контексте. СПб.: Нестор-История, 2013.
- [5] *Кули Ч.Х.* Человеческая природа и социальный порядок. М.: Идея-Пресс, 2000.
- [6] *Мид Дж.Г.* Избранное. М.: ИНИОН РАН, 2009.
- [7] *Орлова Э.А.* Концепции идентичности/идентификации в социально-научном знании // *Вопросы социальной теории*. 2010. Т. IV.
- [8] *Симонова О.А.* К формированию социологии идентичности // *Социологический журнал*. 2008. № 3.
- [9] *Шматко Н.А.* «Габитус» в структуре социологической теории // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 1998. Т. 1. № 2.
- [10] *Якушина О.И.* Идентичность в социологической теории Э. Гидденса // *Современные проблемы науки и образования*. 2014. № 2.

- [11] *Blumer H., Morrione T.J.* George Herbert Mead and Human Conduct. N.Y.: Altamira Press, 2004.
- [12] *Castells M.* End of Millennium. The Information Age: Economy, Society and Culture. Vol. 3. Oxford: Blackwell, 1998.
- [13] *Castells M.* Globalisation and identity. A comparative perspective // *Transfer*. 2006. No. 1.
- [14] *Delaney T.* Classical Social Theory: Investigation and Application. N.J.: Prentice Hall, 2004.
- [15] *Giddens A.* Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age. Cambridge: Polity Press, 2010.
- [16] *Jenkins R.* Social Identity. L.: Routledge, 2014.
- [17] *Tajfel H.* Human Groups and Social Categories. Cambridge: Cambridge University Press, 1981.

DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-4-825-834

The concept of social identity: Basic research approaches*

D.G. Podvoyskiy, S. Soleimani

RUDN University (Peoples' Friendship University of Russia)
Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, Russia, 117198
(e-mail: podvoyskiy-dg@rudn.ru, Soleimani.s@yandex.ru)

Abstract. Identity is one of the most complex and multidimensional terms of social sciences and humanities, which attracts attention of many intellectuals and researchers. We are social beings; thus, we have social identities. Our social life is impossible without a framework and basis for developing social and individual identities — without them no one can build meaningful or consistent relationships with other people. Social identity as the basis for identifying socially significant “similarities” and “differences” between individual and collective actors allows for continuous communication and sustainable interaction in the community. Explanations of social identity and factors influencing its cannot be limited to any theory or scientific school. Thus, the authors study the concept of social identity as defined by theories of macro- and micro-levels, and also by theories of social order and integration. The article starts with the macro-sociology theorists E. Durkheim and M. Castells and considers such concepts as “mechanical solidarity”, “organic solidarity”, “legitimizing identity”, “resistance identity” and “project identity”. The authors consider the views of representatives of the symbolic interactionism focusing on the concepts of “self” and “mind”, primarily in the theory of G.H. Mead; the ideas of Ch.H. Cooley based on the concepts of “looking-glass self” and “primary group”; the works of M. Rosenberg devoted to “self-concept”; the theories of H. Tajfel and A. Giddens describing identity and its varieties; and, finally, the views of P. Bourdieu and R. Jenkins. The authors conduct a kind of the preliminary comparison of the mentioned approaches to identify the features of their theoretical argumentation and the role of ‘identity’ in the theory of social order and theoretical-methodological dilemma ‘subject-structure’.

Key words: identity; social identity; individual identity; symbolic interactionism; primary group; “self-concept”; social integration; “looking-glass self”

References

- [1] Belik A.A. Teoriya «Ya» G.H. Meada i psihologicheskaya antropologiya [G.H. Mead theory of “Self” and psychological anthropology]. *Socialnaya Psihologiya i Obshchestvo*. 2011; 1 (In Russ.).

* © D.G. Podvoyskiy, S. Soleimani, 2019.

The article was submitted on 22.07.2019. The article was accepted on 03.09.2019.

- [2] Bourdieu P. *Prakticheskij smysl* [Practical Reason]. Saint Petersburg; 2001 (In Russ.).
- [3] Durkheim E. *O razdelenii obshhestvennogo truda. Metod sociologii* [The Division of Labour in Society. The Rules of Sociological Method]. Moscow; 1991 (In Russ.).
- [4] Coser L.A. *Mastera sociologicheskoy mysli: Idei v istoricheskom i socialnom kontekste* [Masters of Sociological Thought: Ideas in Historical and Social Context]. Saint Petersburg; 2013 (In Russ.).
- [5] Cooley C.H. *Chelovecheskaja priroda i socialny porjadok* [Human Nature and the Social Order]. Moscow; 2000 (In Russ.).
- [6] Mead G.H. *Izbrannoe* [Selected Works]. Moscow; 2009 (In Russ.).
- [7] Orlova E.A. *Konceptsii identichnosti/identifikatsii v socialno-nauchnom znanii* [Concepts of identity/identification in the social-scientific knowledge]. *Voprosy Socialnoj Teorii*. 2010; 4 (In Russ.).
- [8] Simonova O.A. *K formirovaniyu sociologii identichnosti* [On the development of sociology of identity]. *Sociologicheskij Jurnal*. 2008; 3 (In Russ.).
- [9] Shmatko N.A. “Gabbitus” v strukture sociologicheskoy teorii [“Habitus” in the structure of the sociological theory]. *Zhurnal Sociologii i Socialnoj Antropologii*. 1998; 1 (2) (In Russ.).
- [10] Yakushina O.I. *Identichnost v sociologicheskoy teorii E. Giddensa* [Identity in the sociological theory of A. Giddens]. *Sovremennye Problemy Nauki i Obrazovaniya*. 2014; 2 (In Russ.).
- [11] Blumer H., Morrione T.J. *George Herbert Mead and Human Conduct*. New York: Altamira Press; 2004.
- [12] Castells M. *End of Millennium. The Information Age: Economy, Society and Culture*. Vol. 3. Oxford: Blackwell; 1998.
- [13] Castells M. *Globalisation and identity. A comparative perspective*. *Transfer*. 2006; 1.
- [14] Delaney T. *Classical Social Theory: Investigation and Application*. N.J.: Prentice Hall; 2004.
- [15] Giddens A. *Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age*. Cambridge: Polity Press; 2010.
- [16] Jenkins R. *Social Identity*. London: Routledge; 2014.
- [17] Tajfel H. *Human Groups and Social Categories*. Cambridge: Cambridge University Press; 1981.

РЕЦЕНЗИИ И ЭССЕ

DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-4-835-848

Счастье и героизм, личное и коллективное как основные элементы «светлого будущего» в советской (не)утопии*

И.В. Троцук^{1,2}, М.В. Субботина¹

¹Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Макляя, 6, Москва, 117198, Россия

²Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
Просп. Вернадского, 82, Москва, 119571, Россия

(e-mail: irina.trotsuk@yandex.ru; mariya.subbotina.1995@mail.ru)

Статья представляет собой развернутую рецензию-размышление по мотивам книги И. Каспэ «В союзе с утопией. Смысловые рубежи позднесоветской культуры» (М.: Новое литературное обозрение, 2018. 432 с.). Хотя в названии книги сделан акцент на слове «утопия», ее автор весьма расширительно трактует понятие утопического — как некий концептуальный контекст, в рамках которого оказываются «видны» «предельные» смыслы и ценности советской культуры (социализма), и, каким бы странным это ни показалось на первый взгляд, эти смыслы и ценности вращаются «около» разных трактовок героизма и счастья. В статье реконструирована содержательная логика повествования автора, а также представлена формальная структура книги, позволяющая автору с разной степени убедительности демонстрировать читателям эвристический потенциал утопии как аналитической исследовательской метафоры. В частности, показано, как последовательно, начиная с первой части книги и заканчивая ее итоговой, четвертой, частью (по сути, о чем автор честно предупреждает читателей в начале повествования, книга представляет собой сборник исправленных и дополненных статей, публиковавшихся в разные годы, а теперь адаптированных под задачу историко-феноменологического анализа восприятия утопии и объединенных в четыре тематических раздела), автор разрабатывает собственную концепцию утопии, опираясь не столько на ее разные трактовки, сколько на разное отношение к утопическому мышлению в разные исторические эпохи.

Ключевые слова: утопия; утопическое мышление; (поздне)советская культура; смыслы и ценности; героизм; счастье

Несмотря на заявленный в названии тематический фокус на утопической проблематике, книгу Ирины Михайловны Каспэ вряд ли можно считать развернутым посвящением утопии в классическом смысле слова, поскольку автор скорее стремится рассмотреть «предельные», «рубежные» смыслы и ценности советской

* © Троцук И.В., Субботина М.В., 2019.

Статья поступила в редакцию 15.07.2019 г. Статья принята к публикации 03.09.2019.

культуры (социализма) — «экзистенциальные вопросы, кризисы мотивации и целеполагания, страха смерти в посттоталитарном, изоляционистском (не столько с точки зрения внешней политики, сколько как хаотичное множество внутренних барьеров, заслонов и блоков в повседневной жизни, блокирующих контакты человека с реальностью) и декларативно секулярном обществе» — на примере, прежде всего, научно-фантастических текстов, но также мелодраматических фильмов, журнальной публицистики, мемориальных нарративов, «мест памяти» и других городских публичных практик сквозь призму «утопического восприятия» и трактовки утопии на разных этапах советской истории (с. 4).

Для столь сложной аналитической работы, нередко требующей выхода на столь неоднозначные понятия, как счастье и героизм, автор четко определяет свой (условный) объект изучения — советское общество «не как отклонение от цивилизационной нормы», а как «открытая динамичная сеть различных социальных практик и постоянно смещающихся балансов сил», и исследовательскую оптику — антропологический подход, «настроенный на различение сложных переплетений социальной ткани, которые никогда не являются результатом рационально спланированного проекта, но возникают в процессе непредсказуемого взаимодействия множества персональных и коллективных выборов, решений, поступков» в сочетании с «этической интуицией» (проясняя символическое и ценностное значение социальных практик) (с. 6).

Свое обращение к понятию утопии автор объясняет тем, что оно буквально пережило новое рождение во множестве философских, литературоведческих и публицистических нарративов в период крушения восточноевропейских социализмов. Однако автора интересует не классическая трактовка утопии — в том смысле, в каком все мы при упоминании данного термина неизменно вспоминаем произведение Томаса Мора «Золотая книжечка, столь же полезная, сколь и забавная о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопия», т.е. понимаем под утопией изображение некоего идеального общественного строя, который якобы существовал в прошлом, существует в настоящем в какой-то далекой стране или является проектом создания идеального общества будущего.

Автор признает, что понятие утопии плохо поддается однозначному определению и постоянно перерастает вменяемые ему смысловые рамки, однако предлагает читателю не новую и/или уточненную его трактовку, а иной взгляд на утопию — «рецептивный подход, т.е. предпочитает говорить не об „утопическом мышлении“ или „утопическом воображении“, а об утопическом воображении, безусловно, представляющем собой культурный навык» (с. 8).

Признавая, что утопия — феномен Нового времени и урбанизированного мира, который при помощи исторических и географических координат определяет саму конструкцию современности в каждый заданный период времени, автор отмечает, что на протяжении столетий менялись не столько трактовки утопии, сколько отношение к ней. Например, уже в XIX веке оформилось восприятие утопии как негативно коннотированного обозначения литературных трудов, предлагающих нереалистичные планы радикального переустройства общественных отношений; во второй половине XX века в социологической литературе сложилось

деление подобных произведений на «утопии реконструкции» (описания радикального преобразования общества) и «утопии бегства» (от социальной действительности). В целом в XX веке «утопия становится объектом полярных и этически заряженных оценок, фетишизируется и демонизируется, пугает и вдохновляет, объявляется опасной ересью и воплощением „принципа надежды“; утопическая рецепция вступает в плотный симбиоз с метанарративами, с большими объяснительными моделями, будь то „конструктивизм“ или „тоталитаризм“» (с. 9).

Книга состоит из четырех частей, которые выглядят как все больший отход от классического понимания утопии: сначала автор характеризует сам навык утопического восприятия через утопические формы видения, чтения и желания; затем рассматривает близкое, далекое и сакральное как три типа «пространства» утопического будущего и характеризует смысловые ресурсы и подручные средства, которые используются для конструирования реальности в разных литературных жанрах, в той или иной степени обладающих «утопическим измерением»; и, наконец, рассматривает обыденные форматы мемориализации войны и образы ленинградской блокады.

Утопия интересует автора не как особый жанр-конструктор идеального образа или режим социального проектирования/критики, а как особый «язык социального», используемый для поиска ответов на экзистенциальные вопросы. В силу вплетенности утопии в языки говорения о будущем, модели целеполагания, структуру социального мышления и паттерны конструирования социального мира, ее статус неоднозначен, подвижен и подвержен изменениям. Так, в 1930-е годы утопия была вытеснена из советских публичных дискурсов (что не означало прекращения утопической рецепции), а на рубеже 1950—1960-х годов вернула себе легальный статус и вернулась в прежние жанровые рамки.

Поскольку книга представляет собой сборник исправленных и дополненных статей автора, адаптированных под задачу историко-феноменологического анализа восприятия утопии (с антропологических позиций и через психологическую проблематику конструирования идентичности), вряд ли имеет смысл кратко пересказывать содержание каждой главы, поэтому мы попробуем реконструировать основные идеи автора в том виде, в каком они представлены в каждой из четырех частей книги. Итак, в первой части автор рассматривает не утопию как особый жанр, а проблематизирует основания утопического восприятия/зрения: «на чем основана наша способность различать утопию, где и как мы готовы ее видеть, и каким образом рамка утопического накладывается на те или иные типы социального опыта?» (с. 20). Утопическая (и антиутопическая) оптика способна менять своей предмет, скажем, в середине XX века через нее рассматривалась тоталитарная идеология, сегодня — экспансия западной цивилизации и колониализм, возможен и ностальгический модус утопического мироописания — противопоставленный рациональному социально-критическому.

Автор не стремится механически «приложить» идею утопии к советской реальности, а ставит перед собой иную задачу: представить два самых распространенных описания урбанистического пространства «советской утопии» — «тоталитарное пространство», репрезентирующее город рационально, в общеизвестных политических, исторических и социальных контекстах, как город-текст;

и «странное пространство», выстроенное на основе смысловых сбоев, остраненния и экзотизации (с. 21), однако таковое воспринимается как утопическое только в случае «нейтральности». Судя по тому, что предваряет одну из глав этой части эпитафия Роберта Оуэна — «цель всех человеческих усилий заключается в достижении счастья...», видимо, поиски счастья выступают как общий рефрен конструирования обоих типов утопического пространства.

Ни в коей мере не отрицая предшествующие столетия размышлений об утопическом, автор четко обозначает специфику своего исследовательского интереса: традиционно утопия воспринимается как метод — «как своего рода стекло, через которое исследователь (воспринимающий субъект) пытается рассмотреть смысловые рубежи актуальной культуры», но такая трактовка утопического «почти исключает из рассмотрения опыт взгляда, направленного не через утопическое, а на утопическое» (с. 24).

Собственно это самореферентное историко-географическое пространство утопии как текста, производящего впечатление карты, чертежа или орнамента благодаря особому коммуникативному режиму (создающему у читателя две иллюзии — автореферентности и буквральности передаваемых значений), автор и стремится реконструировать, причем в пространстве «говорящего города», где, согласно Мишелю де Серто, утопический «тотализирующий ракурс представляет город как „спланированный и читаемый“ сторонним наблюдателем и верховным божеством, всеведущим и игнорирующим детали, не замечающим реальные городские практики... в отличие от опыта „обычных пользователей города“, пешеходов и фланеров, своими телами пишущих иную, частную, фрагментированную, множественную городскую историю» (с. 30).

Подобные «говорящие города» появились в СССР во второй половине 1930-х годов, усилив семиотизацию и визуальную нарративизацию городской среды, что автор иллюстрирует на примере литературы, диктовавшей модели и образцы восприятия городского пространства как «спланированного и читаемого текста» («напрямую», без «шифров» и сложных механизмов интерпретации), и «на практике такая табуированность интерпретационных процедур приводила к возникновению сложной герменевтической культуры или, точнее, к характерному герменевтическому неврозу — к стремлению предугадать и обезвредить все возможные интерпретации... с позиции нормы» (с. 34). Однако постепенно декларативное стремление к тотальной ясности оборачивается утратой смыслов, и, казалось бы, «вросший» в советское городское пространство текст постепенно «отрывается» и «отслаивается» от него на закате социализма (с. 44).

Автор полагает, что между утопическими проектами далекого и близкого прошлого есть принципиальные различия: классическая утопия, к которой в некоторой степени относят и трактат Платона «Государство» (в современном понимании утопия началась в Новое время, а не с платоновских идей, но сегодня мы склонны квалифицировать их как утопические, поскольку анализируем через призму нашего утопического восприятия), не допускает ни семиотической, ни эмоциональной чрезмерности и потому, «репрезентируя счастье, утопический текст вряд ли способен вызвать... бурный, непосредственный восторг, чаще всего он вызывает скуку... утопическое реализуется через забвение, через вытеснение

неудачи, через репрессированное знание о том, что „вечное счастье“ достижимо лишь ценой смерти времени» (с. 45). Другой чертой классической утопии, ярко выраженной в книге Мора, является ее пустотное нейтральное пространство, где все осмыслено и функционально, где нет ничего, выбивающегося за рамки, а потому оно представляется бессубъектным (обитатели классических утопий образуют своего рода коллективного персонажа) и компенсирует ограниченность своих смысловых ресурсов за счет механизма повтора (цикличность, регулярность, воспроизводство копий и однотипных деталей): «нам предложено воспринимать утопический социальный порядок как желательный (наилучший из возможных), однако утопия не оставляет места вопросу, чье желание тут предъявлено, и чтобы присоединиться к утопии, необходимо принять это желание за свое собственное... В этом смысле утопия — ...промежуточное пространство между „внутренним“ и „внешним“, одинаково закрытое и для субъективности, и для интересубъективности» (с. 46).

Пространство классической утопии оказывается настолько пустотным, что порождает ощущение, будто бы из него было вытеснено что-то (все) живое, а индивидуальность была заменена коллективными интересами: пространство утопии было создано, чтобы вытеснить страх смерти, — если люди живут общими интересами и стремятся к общим целям и благам, то становятся единым целым, которое существует вечно. У Мора общественная польза пересекается с персональной выгодой и «удовольствием», нравственные законы с юридическими, религиозные убеждения с рациональными выводами и т.д. — в требовании ко всем стать хорошими. Утопическое пространство подкрепляет «нарциссическое» восприятие и создано по его подобию: человеку необходимы другие, как внешние отражения или зеркала, чтобы увидеть и почувствовать себя, понять, кто он и каков — в некоей идеализированной версии, поскольку абстрактный идеальный образ в утопии доминирует и вытесняет реальные чувственные переживания и потребности. Схожим образом утопия нацелена на идеализацию, потому что утопическое пространство может быть оценено только внешним взглядом, в него невозможно проникнуть и увидеть изнутри глазами утопийцев: как внешние наблюдатели, мы видим лишь холодное, пустотное и идеально организованное пространство. В то же время утопия способна завораживать: когда нам кажется, что либо «мертвые глаза утопийцев» наблюдают за нами, либо что граница между нами и утопией — это не стекло, а поверхность зеркала: нас завораживает «утопический порядок, симметрия социальных форм, ловкость рациональных построений, тотальность целеполагания — обещание отдыха от неочевидности смысла, от невразумительного, проседающего опыта, которым в повседневной жизни перемежаются редкие моменты осознанности» (с. 87).

Однако внешний взгляд может быть очень разным, особенно в разные времена, поэтому и рецепции литературных утопий, несмотря на их попытки дидактического повествования (навязывания некоей жесткой программы восприятия) и подражания фактуальным типам письма (от путевых записок до философского трактата), с трудом поддаются классификации. Здесь можно выделить вос-

торженное (или испуганное) чтение утопии как революционного призыва, как реакционного текста или как шутливого и ироничного описания (не)возможного социального порядка. «Единственный способ справиться с противоречивостью утопии — признать ее противоречия продуктивными и вдохновляющими; единственный способ преодолеть герметичность утопического письма, его непроницаемость для адресата — вступить с утопией в творческий диалог (производство собственных альтернативных версий наилучшего общества)» (с. 57).

Впрочем, «активная диалогическая модель утопической рецепции» оформилась только в конце XX века в результате стремления очистить утопию от прямых отождествлений с ужасами тоталитаризма и политического насилия (в связи с идеями переустройства общества и создания «нового человека»), тогда как классические утопии часто вызывают у нас замешательство и чувство бессилия, потому что мы не очень понимаем, как их следует читать, что, однако не мешает нам мгновенно идентифицировать утопическое пространство. Несомненно, нам хочется видеть в утопии романтические представления, территорию творческого вдохновения и изобретательной фантазии, но в классической утопии Мора процедуры воображения реализуются главным образом через отрицание — письмо тут отключено от любых проявлений самости и подразумевает, что выраженное в утопии совершенство мира просто неопишимо, что делает дескриптивный аппарат утопии принципиально нейтральным и невыразительным.

Таким образом, автор предлагает для описания специфики классической утопии как «отключенной от реальности» проблематику репрезентации и идентичности: «с одной стороны, утопия пытается нейтрализовать пространство репрезентации/ воображения, выдать его за пространство долженствования, очистить от... случайных следов „реального я“, добиться такой универсальности, которая исключала бы субъектность, с другой — блокирует это пространство, настаивает на том, что оно автореферентно» (с. 81).

Новой чертой утопий XX века становится их манипулятивный характер: «при помощи обманчивого орнамента „универсальных ценностей“ они маскируют то, с чем ее читатели не смогли бы идентифицироваться и что не смогли бы назвать своим — частные, персональные желания и маккиавеллиевский фантазм целесообразной политики» (с. 99).

В качестве примера автор обращается к работам Герберта Уэллса, «главного пропагандиста утопических идей», изобретателя современной научной фантастики и типа «современной утопии», востребованного в СССР на рубеже 1950—1960-х годов.

Форму утопического нарратива Уэллс стремился оживить и осовременить, доводя до предела его неправдоподобие, усиливая функциональность и усложняя систему повествовательных конструкций; содержание же практически не менял — утопия осталась местом, где реализуются все коллективные желания, но местом недостижимым, а потому желания оказываются сверхценными, а утопия населена не реальными людьми, просто не готовыми к жизни в утопии, а их идеальными двойниками. Вероятно, в утопиях классического и современного типа по определению невозможен героизм: оба нарратива описывают некий идеальный социальный порядок, позволяющий лишь коллективно-безлично жить без страха смерти,

тогда как героизм как сильнейшее проявление субъектности фактически предполагает раскол в идеально организованной социальной системе и угрожает превратить утопию в антиутопию и/или слишком эмоционально воспринимаемый рассказ о роли личности в реальном историческом развитии.

Эмоциональность — одно из главных отличий утопии Мора от формата Уэллса: «отстаивая утопию как метод социального мышления и способ социального проектирования (универсальная, коллективная, рациональная мечта), Уэллс воспринимает ее как возможность приблизиться к реальности и осознанности, ...объявляет, что планируемый мир или, точнее, возможность его планировать и есть то, что способно наполнить жизнь смыслом и защитить от ранимых мыслей о смерти» (с. 106). Соответственно, аффективный компонент утопии позволяет вести поиски экзистенциальной и этической опор жизни, не отвлекаясь на «комариную тучу мелких забот» (с. 116).

Безусловно, краткое изложение содержания только первой части книги показывает, насколько она содержательно и стилистически сложна (и мы не уверены, что правильно интерпретируем реконструкции классического и современного утопических канонов), но автор несколько облегчает читателю восприятие своего текста, приводя множество примеров не только из литературы (научной и художественной), но и из обыденных проявлений утопического, в частности, рассматривая фотографии позднесоветского периода как яркие визуализации утопического проекта соцреализма. Эти фотографии, с одной стороны, отражают реалии и настроение эпохи (зрители способны опознать закрепленные в культуре визуальные каноны), с другой стороны, воспринимаются как обладающие определенной утопической аурой, поскольку именно такой модус восприятия зрителям (с соответствующим биографическим опытом пребывания в советской повседневности) диктует их общий социальный опыт.

Считывание утопического в визуальных образах позднесоветской эпохи неизбежно, потому что они воспроизводят классический тип утопического — в единстве формы и содержания, без разведения субъектов памяти и субъектов интерпретации, с локализацией утопического пространства исключительно в том «тексте», каковым данное пространство репрезентируется и является. Аналогичным образом сработала идея В.И. Ленина о гибридизации города и книги, когда советское городское пространство стало лишь фоном для пропагандистских текстов (с. 31): изменения в городском пространстве повлекли изменения в человеческом восприятии, сформировав определенный образ действительности и образ мышления, не допускающий искаженного восприятия великой советской эпохи (с. 34). Например, монумент «Покорителям космоса» (на фотографии он представлен как дорога в небо) порождает мысли о великом будущем, к которому нужно стремиться, а поскольку этот пропагандирующий «текст» сливался с ландшафтом города, то транслируемые смыслы плотно укоренились в коллективном сознании: люди были не просто жителями города, а обитателями реальности, формирующей определенное мировоззрение (подобным образом пытается действовать современная реклама, в каком-то смысле превращая город в набор рекламных сообщений, однако она слишком фрагментарна и не может восприниматься утопически).

Вторая часть книги показывает, что если в первые советские десятилетия утопическое воплощалось в монументальных формах пространства, а подцензурная советская научно-фантастическая литература «дооттепельных» лет существовала в жестких нормативных рамках отсутствия утопического компонента — ей предписывалось ориентироваться исключительно на близкое будущее, «завтрашний день», описывать будущее, «опираясь на прочный „практический“ каркас, соответствующий официальным планам развития народного хозяйства» (подобная риторика идеализировала настоящее и прочно привязывала будущее к текущему моменту), то с началом «оттепели» советская фантастика отказалась от «ближнего предела», противопоставив ему «дальний предел» — «настолько отдаленное будущее, что до него... не доживет ни один памятник Ленину (и вообще ни один из привычных элементов советской символики)» (с. 125). Иными словами, «громкий слой общества обнаружил... будущее вообще и светлое будущее — коммунизм — как не нечто раз и навсегда данное классиками, а то, о чем надо говорить, что достойно серьезных дискуссий и, по-видимому, зависит от нас» (с. 127).

Конструирование научно-фантастических миров будущего было связано с идеей утопии, несмотря на то что такие миры не всегда оказывались утопичными по сути. В первые десятилетия советской власти писатели находились в жестких рамках «фантастики ближнего предела» и были вынуждены изображать лишь ближайшее прогрессивное будущее, к которому стремится советское общество путем самоотверженного коллективного труда. В начале 1950-х годов ситуация начинает меняться — ведутся дискуссии о «персонаже соцреалистической литературы (научная фантастика занимала в этих дискуссиях периферийное, но заметное место) — о „положительном“ и „приземленном“ герое, об „устремленности к идеалу“ и „реалистической типизации“, о „теории бесконфликтности“ и „правде жизни“» (с. 132). Несмотря на необходимость разрешить для себя противоречие между объективными и неотменимыми «законами развития» и свободной волей, литературные персонажи продолжают строить будущее как коллективное и совместное, воспроизводя риторiku самоограничения и незаметности (с. 136—137). Впрочем, жесткость рамочных условий и непреодолимых границ уравнивалась беспредельными возможностями советского человека в познании окружающего мира, пусть и полностью подчиненном прагматическим задачам «общественной пользы»: самые простые люди неожиданно оказываются инициаторами грандиозных проектов, например, повар вносит важный вклад в проект озеленения Луны (с. 143). В художественных текстах закрепляется понятие энтузиазма как творческого напряжения, но теперь он основан не на партийных директивах, а на осознании товарищеской общности всех энтузиастов «советской страны», которые поддерживают и заботятся друг о друге. Такой энтузиазм выступает как территория персональной свободы в рамках идентификации с социальной ролью, т.е. как нечто, что должно контролироваться, канализироваться и не превращаться в экстаз самопожертвования.

Возвращаясь к классическому формату утопии, следует признать, что в советской фантастике после «оттепели» появляется важное от него отличие: в утопии Мора (и даже Уэллса), как и в советской «фантастике ближнего предела», герой

носит коллективный характер, здесь нет место жертвенному героизму, поскольку однотипные жители утопического мира выполняют утомительную тяжелую работу в общих интересах и вполне взаимозаменяемы на пути к «светлому будущему» или непосредственно в нем. В советской фантастике после «оттепели» исчезает образ труда как утомительной тяжелой работы — он преподносится как высшее благо и удовольствие для каждого. Более того, все люди будущего безгранично счастливы, и счастье человека будущего беспредельно, поскольку это сложное сочетание высокого счастья труда, несколько менее высокого счастья любви («любовная линия перекодируется в трудовую») и простого счастья обилия «человеческих благ», удовлетворенных материальных потребностей (с. 147). «Повествование об ожидающем советских людей счастье, разумеется, могло быть устроено только как утопия... Но модальность счастья не доминирует... это лишь фон, на который наносятся сюжетные линии, иногда почти невидимый за сеткой событий. Но оно неизменно присутствует и время от времени прорывается проблесками, ослепительным и притягательным сиянием» (с. 151—152).

В ситуации отсутствия жестких нормативных рамок для выбора сюжетов после «оттепели», но при сохранении строгих требований к советской литературе перед авторами научной фантастики открылось пространство для мотивировки персонального выбора своих героев и индивидуального действия в условиях соприсутствия разных вариантов будущего (в противоположность раннесоветским идеологическим установкам). Это позволило не только изменить панорамный обзор ближнего коммунистического будущего на описание периферийных территорий (обочин) его отдаленных во времени вариантов, осмелиться на рассказ о будущем за рубежами советской страны и даже в инопланетных мирах, но и наделить практически всех героев фантастических рассказов яркой эмоциональностью (и не только аффектом энтузиазма): «открытие будущего в середине 1950-х годов, по сути, означало, что будущее открывается для актуального переживания, для субъективных мотиваций и целей. „Ради такого будущего стоит жить и работать“» (с. 164). Впрочем, труд и энтузиазм перестали быть доминантами образа человека будущего: «Если в 1930-е годы энтузиаст-стахановец опознавался преимущественно по сверхусилию, превращающему его в сверхчеловека, то энтузиасту конца 1950-х — начала 1960-х годов, покорителю целинных земель и строителю городов будущего эта каноническая маска как будто бы оказывается не вполне по размеру... Роль энтузиаста становится несколько менее сакрализованной и экстраординарной и в то же время — приобретает более сложную структуру. Чтобы соответствовать образу (совершенного) „человека будущего“, энтузиасту теперь недостаточно демонстрировать трудовые подвиги и эмоциональный подъем, он должен обладать определенной „психологией“, определенным „внутренним обликом“, причем это внутреннее устройство больше не кажется самоочевидным и само собой разумеющимся» (с. 191—192). Автор полагает, что «новый человек», за исключением своей молодости как обязательной черты, оказался воплощением противоречивых требований: быть «идеалом» и «самим собой» — самостоятельной, сложной, волевой и состоявшейся «личностью».

К сожалению, в третьей главе связь авторского текста с проблематикой утопии становится для читателей менее очевидной, особенно по сравнению с первыми разделами. Здесь автор рассматривает несколько условных сюжетов: во-первых, конструирование образов «советской юности» и «поколения шестидесятников» на страницах журнала «Юность». Данное поколение начинает дискурсивно конструироваться еще до того, как его представители (преимущественно родившиеся в 1930-х — начале 1940-х годов, характеризующиеся как благополучные — выросшие при социализме) смогли реально заявить о себе, т.е. публикуются статьи о воображаемом сообществе с определенной коллективной идентичностью, отличающейся социальной активностью и индивидуальной инициативой. Основной чертой этого поколения оказывается романтика, но не простая, а ответственная увлеченность, знание смысла своей деятельности. «Идея „смысла жизни“, как и понятие „личности“, возникает в публицистическом дискурсе конца 1950—1960-х годов в результате перевода тоталитарной прагматической логики „общественной пользы“ в режим частного целеполагания и персональных мотиваций (осознать ответственность, обрести себя, жить интересно и полной жизнью)» (с. 227). Соответственно, простые аффекты (счастье, ликование, восторг, безграничная благодарность), которые предписывалось испытывать советским гражданам в 1930-е годы, сменились менее практическими требованиями осознанно увлеченной и осмысленно интересной жизни, которой противопоставлялись неприемлемые скука и равнодушие.

Во-вторых, это конструирование реальности в новых коммуникативных форматах, представленных, в первую очередь, в литературе братьев Стругацких, в которой автор видит «эзопов язык» не в классической его трактовке освобождающего чтения между строк, в обход цензуры, а как стратегию творчества (понимания «контекстов») и возвращения субъектности в те области, из которых она была устранена. Отмечая, что уже традиционным стало относить раннее творчество Стругацких к «утопическому периоду» (конструирование идеального мира дальнего будущего), и позднее — к антиутопическому, автор все же считает, что для произведений Стругацких характерно разрушение утопической логики изнутри: они «обживают коммунистическое будущее, заполняя его знаками частной, даже домашней среды... изображают бытовые, повседневные стороны героизма (задача, зеркально противоположная мобилизационным программам героизации повседневности), ...описывают радость „непосредственного“ общения — без посредников, без той сложной системы ролевых дистанций, с которой ассоциируется любая публичность» (с. 244—245). Тем самым они сочетают утопическую увлеченность моделированием идеального общества с неприятием его тотальной нормативности и контроля над смыслом, что разрушает идеальную модель утопии, выявляя ее несовершенство, и делает мир коммунистического будущего более «реалистичным» и «достоверным» (поиски «смысла жизни» оказываются не только предметом вечных споров, но и ресурсом выявления и разоблачения утопического).

В-третьих, это шаткая конструкция частной жизни, или повседневная проблематичность «нормального», которая была характерна для периода позднего социализма, поскольку пропагандистские ресурсы властного контроля сократились, а ресурсы оградительные продолжали воспроизводиться и становились заметнее и изобретательнее, что порождало бесконечные коллективные уточнения, сверки и переопределения социальной нормы на пересечении «нормальной», «советской» и «частной жизни» (например, легитимация частного досуга совпала с кампанией по борьбе с тунеядством, а легитимация собственности и потребительских практик в период дефицита породила неформальную экономику и т.д.). Автор рассматривает карикатуры журнала «Крокодил» как «призванные проводить жесткие границы между нормативным (правильная повседневность) и девиантным (отклонения от советского образа жизни) и вместе с тем глубоко погруженные в метафорику повседневности», поэтому их анализ позволяет зафиксировать изоляционистскую социальную оптику — «социальные зоны, не предназначенные для чужого, стороннего взгляда... и такой дистанцированный взгляд одновременно и разрушает „частную жизнь“ (переводит в общий, публичный модус), и создает (делает проявленной, видимой, осознаваемой)» (с. 277). Анализ карикатур журнала «Крокодил» на протяжении нескольких десятилетий показывает, как «частная жизнь» захватывает все новые территории «советского общественного достояния» и как меняются представления о «советском», под которым к концу 1970-х годов подразумевается все, что заставляет ощущать ненормальность повседневности (нефункциональные ресурсы) и стремиться к «нормальной жизни» (приспосабливая эти ресурсы) (с. 290—291). Очевидно, что к этому моменту даже самый внимательный читатель, поддерживающий все идеи автора относительно особенностей советских реалий и конституирующего или, напротив, расходящегося с ними дискурса, ощущает явное замешательство, потому что теряет связь текста с проблематикой утопии.

Окончательно в этом ощущении его убеждает четвертая глава этой части книги, посвященная позднесоветскому кинематографу. Он рассмотрен автором с позиций реляционной социологической концепции Харрисона Уайта, определяющей общество как непрекращающееся хаотичное и изменчивое движение, которое удерживается вместе благодаря сетевым структурам и динамичным идентичностям (они невозможны в рамках утопии). Позднесоветское популярное кино автор считает иллюстрацией подхода Уайта в силу антиутопичности кинофильмов, где «на смену канонам „большого стиля“ приходит принципиально другое понимание реализма: эффект узнаваемости и „типичности“ начинает создаваться не за счет воспроизводимости определенного набора масок-амплуа, а за счет усложнения конструкции персонажа, за счет фигур „внутреннего конфликта“» (с. 306). В мелодрамах этого периода разрушается утопическая пустотность — за счет эмоциональности персонажей, постоянного нарушения личностных границ и отсутствия четких правил: например, в фильмах Эльдара Рязанова в заставках часто появляется толпа, сюжет строится на несовпадении предпри-

санных и реальных ролей, внутренних и межличностных конфликтах в ситуации, когда социальные роли входят в противоречие с «подлинным Я». «Реляционная социология позволяет увидеть сюжет позднесоветского ускользания и эскапизма в не вполне привычном ракурсе: не только как историю бегства от официального давления, от постепенно утрачивающих смысл идеологических предписаний, но и как историю уклонения от ролевого взаимодействия, неполадок и сбоя на уровне выстраивания ролевой идентичности и ролевых отношений (отсюда истории перевоплощений и переодеваний — движение от официально предписанной роли к подлинному себе и счастью — которые делают кинофильмы сюжетными и нарративными, а прежде застывшее и монолитное большое пространство города в них дробится на множество ненадежно огороженных частных зон)» (с. 313).

По признанию автора, первоначальное название книги звучало «по соседству с утопией», так в ней рассматривается не только влияние утопического на культуру советского времени, но и культурные элементы, которые не подверглись прямому воздействию утопического, но существуют «рядом» с ним. Эта «близость» в наименьшей степени прослеживается в четвертой, заключительной части книги, где образы блокадного Ленинграда в коллективной памяти советских поколений оказываются противоположностью утопии по сути, но воспроизводят ее по структуре пространства как замкнутой системы, в которой люди играют четко отведенные им роли (здесь утопия выполняет свою важнейшую культурную функцию — последнего форпоста, защищающего от смерти). Вокруг образа блокадного Ленинграда сложился определенный консенсус, который «делает этот образ „увеличительным стеклом“, позволяющим говорить о советском опыте Второй мировой (Великой Отечественной) войны в целом — о вытесненных, невидимых, неназванных сторонах этого опыта» (с. 337). «Иконографический блокадный канон» кинохроник и фильмов выстроен на принципах и формулах соцреализма (сюжеты героической миссии, испытаний на прочность, сознательной жертвы), которые помогли презентировать блокаду Ленинграда как «завершенное прошлое» на безопасной исторической дистанции, убрав упоминания об исторической травме поколений. Автор же, проводя интервью, посвященные реконструкции обыденной мемуаризации и мемориализации блокады, показывает, что для ее осмысления был создан не только утопический пропагандистский нарратив «для внешнего пользования», но и «внутренние утопии», репрезентирующие сакрализованный блокадный город как мифологизированное пространство и время и потому позволяющие переконструировать биографию и наделить смыслом травматические события (с. 346—347).

Не всегда просматриваемую читателем связь содержания книги с утопической проблематикой автор честно признает в заключении, объясняя это тем, что книга «получилась не об утопии, а о невозможности утопического, о различных практиках, игнорирующих и преодолевающих утопический взгляд, обнаруживающих его пределы или просто отбрасывающих его за ненадобностью. „Оттепельная“

журналистика, превращающая мобилизационную риторику в экзистенциалистский дискурс... или популярное кино „длинных семидесятых“, рассказывающее истории мучительного поиска идентичности, или опыт посетителей Пискаревского мемориала, эмоционально открытых для „работы горя“, — предмет исследований оказывались практики, возникающие рядом с утопией, во многом в связи с утопией и в то же время вне утопии. Практики повседневного, обыденного, негероического и далеко не всегда успешного „размораживания субъектности“» (с. 404). Вероятно, аналогичную исследовательскую работу можно провести и с использованием иной «оптики», методологии и «риторики» (без проблематики утопии вообще), однако представленный в книге концептуальный подход, несомненно, имеет полное право на существование, особенно будучи столь теоретически фундирован и эмпирически подкреплен.

Несмотря на некоторую содержательную сумбурность, неизбежную для любой коллекции статей, особенно написанных в разные годы, а в данном случае еще и представляющих собой комментированный пересказ произведений советской (и не только) научной фантастики, книга — образцовое научное исследование как с точки зрения внушительного библиографического списка, продуманных цитирований и обоснованных методологических отсылок, так и, что крайне важно для любой сложной работы по выстраиванию нового концептуального взгляда на утопическое, в плане постоянных признаний автора в своих сомнениях и неоднозначных решениях. Например, введение в концепцию утопического психологической проблематики (понятия идентичности) автор сопровождает уточнением, что «отдает себе отчет в том, что ступает на шаткую почву — под „психологизированием“ во многих междисциплинарных исследовательских сообществах сегодня понимается некий методологический сбой, недостаток; ...возникает подозрение, что язык психологии способен „загрязнить“ социологически нейтральный подход [каковым он вряд ли является] оценочными категориями нормы и дисфункции или сделать проблематичными процедуры исторического суждения. Тем не менее я рискну прибегнуть к помощи этого языка» (с. 74). Несомненно, вступление на путь изучения утопического потребовало от автора еще большего мужества, как и признание следования по нему с большими отклонениями от первоначального курса.

Информация о финансировании

Статья подготовлена при поддержке РФФИ. Проект № 18-011-00993 «Счастье как междисциплинарный конструкт: варианты социологической концептуализации и операционализации».

Funding

The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research. Project No. 18-011-00993 “Happiness as an interdisciplinary construct: Variations of sociological conceptualization and operationalization”.

DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-4-835-848

Happiness and heroism, personal and collective as main elements of the ‘bright future’ in the Soviet (non)utopia*

I.V. Trotsuk^{1,2}, M.V. Subbotina¹

¹RUDN University (Peoples’ Friendship University of Russia)
Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, 117198, Russia

²Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Vernadskogo Prosp., 84, Moscow, 119571, Russia

(e-mail: irina.trotsuk@yandex.ru; mariya.subbotina.1995@mail.ru)

Abstract. The article is a review-reflection on the book by I. Kaspé *In Alliance with Utopia. Semantic Frontiers of the Late Soviet Culture* (Moscow: New Literary Review; 2018. 432 p.). Despite the fact that the title emphasizes the word ‘utopia’, the author prefers a broad interpretation of the ‘utopian’ concept — as a kind of conceptual context which serves as a framework that makes ‘ultimate’ meanings and values of the Soviet culture (socialism) as if ‘visible’. It may seem strange at first glance, but actually these meanings and values concentrate ‘around’ different interpretations of heroism and happiness. The article reconstructs the author’s narrative logic together with the formal structure of the book, which helps the author to prove to readers (with varying degrees of credibility) the heuristic potential of utopia as an analytical research metaphor. In particular, from the first to the final parts of the book (and the author honestly informs readers in the beginning that the book is a collection of the revised articles that were published previously, but later were adapted for the task of the historical-phenomenological analysis of the perception of utopia and combined into four thematic sections) the author develops her own concept of utopia focusing rather on different attitudes to the utopian thinking than on different interpretations of utopia in different historical periods.

Key words: utopia; utopian thinking; (late) Soviet culture; meanings and values; heroism; happiness

* © I.V. Trotsuk, M.V. Subbotina, 2019.

The article was submitted on 15.07.2019. The article was accepted on 03.09.2019.

DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-4-849-857

Социологический потенциал инструментария политологов*

И.Г. Каргина

Московский государственный институт
международных отношений (Университет) МИД России
Просп. Вернадского, 76, Москва, Россия, 119454
(e-mail: irenkargina@mail.ru)

Статья представляет собой рецензию на книгу «Современная политическая наука: Методология» (под редакцией О.В. Гаман-Голутвиной и А.И. Никитина; исправленное и дополненное второе издание. М.: Аспект Пресс, 2019. 776 с.), призванную оценить интерпретативный потенциал политологической методологии для социологии. Автор отмечает, что рецензируемое издание открывает новые горизонты для взаимодействия политологии и социологии — расширяет спектр методологической оптики, побуждает к постановке новых задач социологического анализа, позволяет по-новому осмыслить актуальные проблемы современного мира в междисциплинарном ракурсе и точнее концептуализировать представленные сквозь призму политологического анализа актуальные для современной социологии тематики, а также показать, как целый ряд теоретических подходов и парадигм политологии может использоваться в социологической науке.

Ключевые слова: методология; социология; политологический анализ; междисциплинарный подход

В 2019 году вышел в свет фундаментальный труд «Современная политическая наука: Методология» под редакцией известных в отечественной и мировой политологии ученых О.В. Гаман-Голутвиной и А.И. Никитина. Это первое в России основательное издание, посвященное анализу методологических подходов политологии. В коллектив авторов вошли 39 ведущих отечественных политологов из МГИМО, институтов Российской академии наук и университетов страны, Российской ассоциации политической науки, в том числе академики РАН В.Г. Барановский, А.А. Дынкин, А.А. Кокошин, Н.А. Симония, А.В. Торкунов; член-корреспондент РАН И.С. Семененко, профессора Т.А. Алексева, А.Д. Воскресенский, М.В. Ильин, А.В. Крутских, М.М. Лебедева, М.М. Мчедлова, Л.В. Сморгунов, А.И. Соловьев, Е.Б. Шестопал и др.

В условиях возрастающей сложности и подвижности современного мира, взаимопереплетения разных сфер общественной жизни качественно новое звучание обретает актуальная в социологии проблема обновления методологических подходов с тем, чтобы они позволяли лучше распознавать и объяснять сложную природу глобальных и локальных процессов и вызовов. Современная социология

* © Каргина И.Г., 2019.

Статья поступила 05.09.2019 г. Статья принята к публикации 20.09.2019 г.

открыта для развития, обладает «потенциалом рефлексии и движения к взаимодействию с новым теоретико-методологическим инструментарием» [4. С. 165], с различными отраслями социогуманитарного знания, поскольку многие исследовательские вопросы социологии могут быть осмыслены и всесторонне изучены только на междисциплинарной основе.

Рецензируемое издание открывает новый этап в развитии отечественного социогуманитарного знания. Предыдущий период характеризовался освоением эвристического потенциала мировой науки. Но этот процесс не был пассивным усвоением: он проходил в режиме активного научного поиска, что нашло отражение в нескольких сериях фундаментальных трудов по изучению богатого наследия отечественной и зарубежной общественно-политической мысли. На протяжении последнего десятилетия под эгидой Российской ассоциации политической науки (РАПН) был опубликован ряд выдающихся изданий: пятитомник «Российская политическая наука» [7], «Библиотека отечественной общественной мысли с древнейших времен до XX века» (в 117 томах [1]), пятитомник «Политическая наука в России: истоки и перспективы» (2015—2016) [6], серия из двадцати монографий «Библиотека Российской ассоциации политической науки» (2006—2012), более тридцати книг в серии «Политология в России» и др. [2]. Аналитическая глубина представленных в «Современной политологической науке» текстов, спектр персоналий — видных ученых (социологов, политологов, философов, психологов, историков, экономистов), внесших вклад в становление определенного тематического и теоретического направления, отражают этот многолетний процесс, созвучный процессу развития отечественной социологии.

Созвучие проявляется и в понимании тех вызовов, с которыми столкнулись политология и социология, что расширяет границы взаимодействия и способствует взаимообогащению интерпретативного потенциала двух наук. По словам руководителя проекта, президента РАПН О.В. Гаман-Голутвиной, «внешние вызовы можно трактовать как взаимоотношения политической науки и актуальной политики. Это вопросы о том, как проблемы реальной политики — глобальные и локальные — влияют на современное социальное знание. Среди внутренних вопросов развития дисциплины наиболее насущными являются следующие сюжеты: теоретико-концептуальные основания политической науки; соотношение фундаментальных и прикладных направлений и их тематическое наполнение; сравнительный анализ эффективности использования исследовательских стратегий и методов; оптимальное соотношение количественных и качественных методов; соотношение мейнстрима мировой науки и конфигурации отечественной политологии» [3. С. 22].

Логика и содержание рецензируемой книги во многом детерминированы этим пониманием и, прежде всего, стремлением представить широкую панораму классических и современных политико-теоретических парадигм, выполняющих функцию методологических оснований политологических исследований. Три тематических раздела — «Цивилизации. Институты. Структуры. Факторы», «Культура. Личность. Ценности», «Мировое сообщество. Мировая политика», включающие суммарно 33 главы, репрезентируют актуальные вопросы научного дискурса

и предлагают анализ конкретной предметной сферы с точки зрения истории становления ее теоретического аппарата, сопоставления разных подходов и интерпретаций.

Ограниченный формат рецензии не позволяет углубиться в анализ содержания всех глав, поэтому попробуем представить спектр включенных в издание теоретических «оптик» и их предметных проекций, важных для социологии. Полезным дополнением станет перечисление имен авторов теорий, которые легли в основу анализа тематик глав, что позволит расширить представление о потенциале издания. И многие читатели наверняка обнаружат в этом перечне, наряду с новыми именами, хорошо известных в социологии теоретиков, труды которых образуют ее методологический фундамент. Однако книга содержит немало новых для социологов сюжетов, дополняющих интеллектуальный вклад известных ученых.

Книга открывается рассмотрением цивилизационной парадигмы, что вполне закономерно, поскольку она является одной из ведущих концептуальных схем современной социальной науки, а заложенные в ней идеи задают импульс развития новым интерпретациям и направлениям в разных дисциплинах.

Автор первой главы «Цивилизационная парадигма в изучении политики» М.М. Мчедлова отмечает, что востребованность цивилизационной парадигмы обусловлена тем, что многие современные явления и процессы невозможно объяснить только с точки зрения функционирования политических институтов, важны более устойчивые и глубинные факторы — ценностные и смысловые контексты, включающие области культуры, религии и идентичности. Мчедлова представляет развитие идеи цивилизации как уходящей корнями в период Просвещения, разворачивающейся в концепциях Ф. Броделя, А. Тойнби, Ю. Хабермаса, Э. Эйзенштадта, И. Валлерстайна и др. Представляет интерес обращение к статусу России и вопросу о российской самобытности в концепции локальных цивилизаций Н.Я. Данилевского: «в современной цивилизационной парадигме происходит смещение исследовательской оптики от нормативного понимания цивилизации как воплощения западного политического и ценностного опыта в сторону „дебатов об идентичности“, диалога и конфликта цивилизаций, религии как основания мировой политической субъектности» (с. 32).

Очевидно, что роль религиозного параметра в политическом процессе существенно возросла в последние десятилетия под влиянием новых вызовов и угроз, сопровождающих процессы глобализации, что формирует запрос на новое понимание современных реалий — как трансформации религиозно-мировоззренческих оснований, реформатирования общественно-религиозных и государственно-церковных отношений в условиях религиозного плюрализма и высоких социальных рисков. Задаваемый цивилизационной парадигмой методологический ракурс весьма продуктивен в этих целях. Так, интерпретация конфликтов с помощью религиозного фактора, раскрытие политического потенциала религии, изучение устойчивости традиции и секулярности наполняются более адекватным современным реалиям содержанием, если трактовать религию как особую смысловую систему, вступающую в диалог, конкуренцию или конфликт — как внутренний (в пределах поля религии), так и внешний — со всеми другими смысловыми системами: околорелигиозными и антирелигиозными.

Темы, поднятые в первой главе, получили развитие целом ряде глав второго раздела, объединенных проблематикой культуры, личности и ценностей. Так, в главе «Антропологическое измерение международных отношений» Э.Я. Баталов (к сожалению, недавно ушедший из жизни) доказывает, что в настоящее время идет формирование нового члена «семьи» антропологических дисциплин — антропологии международных отношений. Автор, опираясь на работы И. Канта, А.С. Панарина, А. Маслоу, М. Ховарда, К. Лоренца, Г. Лассуэлла, Ч. Кигли, Ю. Витткопфа, М. Херманн, Дж. Тикнера и др., подчеркивает, что международная сфера — жесткая конкурентная среда. Переформатирование глобальной системы — сети международных отношений — сопровождается жесткой борьбой. Исход баталий будет решаться на антропологическом поле — в концепции национальных человеческих капиталов: «Содержание этого понятия остается предметом дискуссий. Но за последние годы его границы раздвинулись, и сегодня его следует понимать не просто как капитал, воплощенный в людях в форме их образования, квалификации, знаний, опыта, а как интегральный капитал, имеющий физическое, интеллектуально-духовное, профессиональное и социальное измерения» (с. 361).

В главе «Политико-психологическая парадигма и бихевиоризм» Е.Б. Шестопал проводит обстоятельный анализ становления относительно нового методологического направления — политико-психологической парадигмы в политологии, которая близка и социологическому изучению политики. Автор подчеркивает, что осознание потребности «человеческого измерения политики», выработка специального научного инструментария для анализа человеческой психологии в политике отвечают на вызовы политической жизни, в которой есть много проблем в рамках неинституционального измерения. Опираясь на работы Т. Адорно, С. Московичи, Р. Джарвиса, Дж. Кнутсона и др., автор представляет проблемные области, в развитие которых политико-психологический подход внес наиболее заметный вклад — это изучение политических лидеров, национализма, насилия и агрессии, политического конформизма и политического восприятия. Автор также поднимает проблему методов исследования политического поведения и сознания, где открывается поле для взаимодействия с социологией с точки зрения применения широкого спектра количественных и качественных методов, а также их сочетания.

Значению культуры в построении адекватной политики посвящена глава «Культурологическая парадигма в политологии». Ее авторы В.Г. Федотова, Н.Н. Федотова и С.В. Чугров отмечают, что влияние культурологической парадигмы в социологии и философии усиливается, в том числе благодаря опоре на плюрализм культурологических подходов. Авторы заостряют внимание на том, что развитие парадигмы происходит на основе принципа взаимовлияния дисциплин (наук о политике и наук о культуре) при решении как теоретических, так и прикладных задач. Так, настоящий период выстраивания парадигмы протекает в русле принятия общей формулы взаимовлияния культуры и политики, однако ей пока не хватает концептуальной проработанности: «объективным препятствием является то, что постмодерн и глобализация не унифицировали способы взаимодействия культуры и политики, а, напротив, увеличили их многообразие» (с. 389).

«Сегодня встал вопрос о множестве культурологических подходов, способных, воспроизводя общий признак влияния культуры на политику и политологию, сформировать специфические культурологические образцы для конкретных обществ, отличающиеся друг от друга своими культурно-политическими комплексами... Существует различие культур-центристских и политико-центристских традиций в разных обществах, например, в российском социуме с высоким статусом культуры и политико-центристском американском, что создает ситуацию оппонирования культурологической парадигме в политологии с позиций доминирования политических ценностей и целей» (С. 390). Отбор представленных в главе источников был обусловлен стремлением продвинуться в построении культурологической парадигмы, поэтому были рассмотрены подходы западных авторов (Ш. Бенхабиб, К. Вельцель, Г. Алмонд, С. Верба, Р. Инглхарт, А. Лейпхарт, П. Берк, С. Хантингтон, Ш. Эйзенштадт и др.) и учтены позиции российских ученых (Б.Г. Капустин, М.М. Лебедева, И.С. Семенов и др.).

Не менее содержательны и другие главы книги, рассматривающие темы личности, ценностей и культуры, а также проблемы цивилизационного подхода. Это «Концепт идентичности в изучении политики» (И.С. Семенов опирается на подходы Г.Г. Дилигенского, Ф. Купера, Ч. Тилли, Н. Элиаса, Л.М. Дробизевой, П. Бурдые, У. Бека и др.), «Неогуманизм» (Г.Г. Водолазов анализирует проблему на основе работ П. Кунца, Ю.А. Красина, К. Маркса, Дж. Локка и др.), «Гендерные аспекты политических исследований» (О.Г. Овчарова и Т.Б. Рябова используют подходы Дж. Батлера, С.Г. Айвазовой, Н. Юваль-Дэвис, Дж.Э. Тикнера и др.) и «Конфликтологический анализ международной политики» (А.И. Никитин опирается на работы А. Маслоу, Р. Дарендорфа, Л. Козера, П. Штерна, Д. Дракмана, К. Боулдинга и др. [см также: 5]).

Методологии изучения политических элит как важнейшего политического актора посвящена глава «Элита-центричная парадигма исследований политики». Заметим, что данная тематика составляет один из фокусов социологического анализа — социология элиты является устоявшимся направлением. О.В. Гаман-Голутвина отмечает, что элиты рассматриваются сегодня как инициатор и важнейший фактор системных и режимных изменений, однако, в отличие от социологии, в политической науке преобладает функциональный подход, задающий эмпирический, а не нормативный ракурс изучения политических элит. Автор формулирует ряд проблем исследования элит в России, являющихся в равной мере и политологическими, и социологическими: «доминирование описательности во многих работах; недостаток эффективных эвристических моделей интерпретации процессов элитогенеза; порой — рассогласование теоретического и эмпирических подходов: неverifiedируемость многих теоретических конструкций и порой слабая концептуализация результатов эмпирических изысканий» (с. 439).

Важный сюжет книги — критическая переоценка интерпретативного потенциала теоретических подходов политологии в контексте мировой политики и международных отношений. Так, в главах «Классический политический реализм» (И.Н. Тимофеев) и «Неореализм в политической теории» (А.В. Фененко) сделан акцент на методологическом измерении данных парадигм, которые остаются

базовыми в анализе международных отношений. И.Н. Тимофеев, ссылаясь на работы Р. Нибура, Э. Карра, Ч. Тейлора, М. Вебера, М. Фуко и др., пишет: «и реалисты, и их критики стремились найти подходы к решению проблемы преодоления анархичной природы международных отношений. По большому счету, цель теоретиков состояла в ответе на вопрос, как обеспечить безопасность и стабильность государств в условиях неопределенности, отсутствия жестких правил игры и легитимной высшей силы, способной принуждать всех к исполнению этих правил» (с. 38). Эту тему развивает А.В. Фененко, утверждая, что сохраняющаяся актуальность идей реализма и неореализма закономерна, поскольку основными акторами сегодня по-прежнему являются национальные государства: «„глобальный сетевой мир“ пока остается интеллектуальным конструктом начала 2000-х годов, в то время как мир соперничающих друг с другом национальных государств — объективной реальностью, хотя формы такого соперничества серьезно изменились по сравнению с периодом Второй мировой войны или биполярной конфронтации. Поэтому неореализм как теория взаимодействия национальных государств вряд ли в обозримой перспективе утратит позиции, хотя при этом будет усваивать критику со стороны других школ» (С. 81). В главе обозначены идейные истоки и политический контекст формирования теории неореализма, новые подходы к выделению факторов, влияющих на поведение государств в международных отношениях и другие причины кризиса классического реализма (Г. Моргентгау, Э. Карр, Ч. Тейлор, К. Уолтц, С. Уолт, Б. Бузан, Д. Миршаймер, Дж. Гэддис, Н. Ренгер, М. Каплан, П. Кеннеди, Л. Миллер и др.).

Анализ развития идей либерализма и неолиберализма в теории международных отношений представлен М.М. Лебедевой в главе «Либерализм в исследовании мировой политики» (раскрыты идеи И. Канта, В. Вилсона, Р. Кохэйна, Дж. Ная, Дж. Розенау, Б. Россета и др.) в контексте анализа таких сюжетов, как теория международных режимов, влияние множественности акторов на технологии урегулирования конфликтов, концепт «мягкой силы», сравнительный анализ методов публичной дипломатии. Перспективы неолиберализма автор видит в «дальнейших исследованиях новых форм и методов организации глобального управления, таких, например, как „клубные форматы“ (группы G7, G20, БРИКС), механизмы взаимодействия государств, бизнеса, неправительственных организаций по различным „секторальным“ вопросам, в том числе по противодействию терроризму, оказанию помощи развитию, регулированию информационных потоков в международной среде» (с. 97).

Особый интерес социологов вызовет панорама теоретических направлений и их критическое осмысление с точки зрения интерпретативной состоятельности: «Институционализм и неоинституционализм» (С.В. Патрушев, Л.Е. Филиппова) и прикладное развитие этой темы в главе «Институциональные форматы постсоветской интеграции» (А.В. Торкунов), «Марксизм, постмарксизм, неомарксизм» (Г.Г. Водолазов), «Системный подход в политической науке» (О.Ф. Шабров), «Конструктивизм в международно-политических исследованиях» (Т.А. Алексеева), «Структурализм в политической науке» (К.А. Пахалюк), «Коммуникативизм в исследованиях политики» (А.И. Соловьев), «Сетевая теория политики и управления» (Л.В. Сморгунова), «Экономические факторы мировой политики» (А.А. Дынкин).

В книге представлены и темы, непосредственно связанные с методологией анализа и стратегиями исследования. Так, в главе «Позитивизм как исследовательская стратегия» А.А. Чанышев описывает становление и развитие традиции позитивизма в науке, раскрывая вклад О. Конта, Дж. С. Милля, А.И. Стронина, Е.В. де Роберти, В. Парето, Дж. Кэтлина, К. Поппера, Т. Куна, П. Фейерабенда и др. Обстоятельно проанализирована сущность дискурс-анализа в одноименной главе (авторы М.В. Ильин, К.А. Пахалюк и И.В. Фомин опираются на труды Э. Бюиссанса, Ю.С. Степанова и др.).

Гармонично вписывается в общую концепцию книги проблема применения разветвленного аппарата исследований в условиях усложнения современного мира, критического переосмысления достигнутого и поиска новых взглядов на политику и ее воплощение. Этой злободневной как для политологии, так и для социологии теме посвящена глава «Альтернативизм в науке и политике». Ее автор Л.Н. Тимофеева обосновывает идею, что альтернативизм как принцип мышления, метод исследования и теории, не совпадающие с господствующей точкой зрения в различных сферах общественной жизни, вполне доказал свою эффективность. Автор прослеживает появление неклассических и постнеклассических направлений в науке, движение от современных к постсовременным теориям, появление альтернативных движений и новых идеологий. Альтернативизм дает возможность выбора и конструирования новой картины мира в научном творчестве, создания новых идеологических конструкций и движений в политической практике. «По сути, новые идеологии „зеленых“, коммунитариев и т.д. — это соединение идей известных идеологий, а делиберативная модель демократии Ю. Хабермаса — путь к ее совершенствованию путем обсуждения альтернатив» (с. 544). Размышления на данную тему венчает афоризм Гераклита Эфесского: «Кто не ожидает неожиданного, тот не найдет и трудно находимого». Кстати, этой стратегии подчинено содержание третьего раздела книги, общий фокус которого — «Мировое общество. Мировая политика»: парадигма цикличности мировой политики, теория секьюритизации в анализе политики, регионализм, интеграционализм и структурные изменения глобального миропорядка, стратегическая стабильность в контексте трансформации миропорядка, системные и конгломеративные трактовки современного мира, энергетическое измерение мировой политики и информационное общество.

Рецензия была бы неполной без пожеланий для следующих изданий фундаментального труда. Возможно, кто-то из читателей сочтет, что отдельные главы посвящены скорее теориям «среднего уровня», чем методологиям (например, «Теория секьюритизации в анализе политики»), а некоторые подходы строятся на слишком частных теориях («Информационное общество и мировая политика»). Вероятно, включение данных сюжетов в книгу связано с тем, что авторы проекта исходили из принципа максимизации эффективности применения методологий и концепций для анализа конкретных политических процессов. Видимо, те же соображения лежат в основе изучения международной политики сквозь призму конфликтологического подхода, хотя он предлагает почти универсальный ракурс анализа и внутригосударственных политических процессов, в том числе на уровне

отдельных институтов и групп. Кроме того, желательны — помимо глоссария — подробные предметный и именной указатели для облегчения работы со столь обширным — около 800 страниц — изданием. Однако все эти соображения никоим образом не снижают высокой оценки книги, которая фундирована значительным объемом источников и насыщена интересными фактологическими данными, референтными для анализа и российской действительности, и мирополитического контекста. Вошедшие в издание более тридцати методологических подходов и парадигм «не исчерпывают весь существующий спектр методологических направлений — это невозможно сделать в рамках одного издания. Однако справедливым будет признание того, что все основные в книге представлены» (с. 10). Несомненно, они задают вектор расширения методологической оптики и тематических направлений социологической науки, призывая к переосмыслению сложившегося исследовательского дизайна.

Библиографический список

- [1] Библиотека отечественной общественной мысли с древнейших времен до начала XX века. М., 2010.
- [2] Гаман-Голутвина О.В. Политология как междисциплинарная матрица // *Международные процессы*. 2016. Т. 14. № 1.
- [3] Гаман-Голутвина О.В. Политическая наука перед вызовами современной политики // *Политические исследования*. 2016. № 1.
- [4] Кравченко С.А. Интегральная концепция социологии жизни (о книге Ж.Т. Тощенко «Социология жизни») // *Социологические исследования*. 2017. № 8.
- [5] Никитин А.И. Современный миропорядок: его кризис и перспективы // *Политические исследования*. 2018. № 6.
- [6] Политическая наука перед вызовами глобального и регионального развития / под ред. О.В. Гаман-Голутвиной. М., 2016.
- [7] Российская политическая наука / под общ. ред. А.И. Соловьева. М., 2008.

DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-4-849-857

Sociological potential of political scientists' analytical tools*

I.G. Kargina

¹Moscow State Institute of International Relations (University)
Prosp. Vernadskogo, 76, Moscow, Russia, 119454
(e-mail: irenkargina@mail.ru)

Abstract. The article is a review of the book *Contemporary Political Science: Methodology* (edited by O.V. Gaman-Golutvina and A.I. Nikitin. Moscow: Aspect Press; 2019. 776 p.) which aims at assessing the interpretative potential of political science methodology for sociology. The author believes that

* © I.G. Kargina, 2019.

The article was submitted on 05.09.2019. The article was accepted on 20.09.2019

the book opens up new horizons for cooperation of political science and sociology for it expands the range of methodological optics, encourages the formulation of new tasks for sociological analysis, allows to rethink the current challenges of the contemporary world in an interdisciplinary perspective and to more accurately conceptualize through the political analysis the topics relevant to contemporary sociology, and also shows how a number of theoretical approaches and paradigms of political science can be used in sociology.

Key words: methodology; sociology; political analysis; interdisciplinary approach

References

- [1] *Biblioteka otechestvennoy obshchestvennoy mysli s drevneyshikh vremen do nachala XX veka*. [Library of Russian Social Thought from Ancient Times to the Early 20th Century]. Moscow; 2010 (In Russ.).
- [2] Gaman-Golutvina O.V. Politologiya kak mezhdistsiplinarnaya matritsa [Political science as an interdisciplinary matrix]. *Mezhdunarodnye Protsessy*. 2016; 14 (1) (In Russ.).
- [3] Gaman-Golutvina O.V. Politicheskaya nauka pered vyzovami sovremennoy politiki [Political science and challenges of contemporary politics]. *Politicheskie Issledovaniya*. 2016; 1 (In Russ.).
- [4] Kravchenko S.A. Integralnaya kontseptsiya sotsiologii zhizni (o knige Zh.T. Toshchenko “Sotsiologiya zhizni”) [Integral concept of sociology of life (on Zh.T. Toshchenko’s *Sociology of Life*)]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2017; 8 (In Russ.).
- [5] Nikitin A.I. Sovremenny miroporyadok: ego krizis i perspektivy [Contemporary world order: Its crisis and prospects]. *Politicheskie Issledovaniya*. 2018; 6 (In Russ.).
- [6] *Politicheskaya nauka pered vyzovami globalnogo i regionalnogo razvitiya* [Political Science and Challenges of Global and Regional Development]. Pod red. O.V. Gaman-Golutvinoy. Moscow; 2016 (In Russ.).
- [7] *Rossiyskaya politicheskaya nauka* [Russian Political Science]. Pod obshch. red. A.I. Solovieva. Moscow; 2008 (In Russ.).

ЮБИЛЕЙ

К 75-ЛЕТИЮ Д.Г. РОТМАНА

12 ноября отметил юбилей известный белорусский социолог Давид Генрихович Ротман — доктор социологических наук, профессор, директор Центра социологических и политических исследований Белорусского государственного университета. Он окончил Белорусский государственный университет, кандидат философских наук (1982), доктор социологических наук (1992).

Д.Г. Ротман — социолог по призванию, социология — его образ жизни. За плечами у него уже был немалый жизненный опыт, когда он пришел в социологию: работа на фабрике, служба в рядах Советской Армии, философское отделение Белорусского государственного университета. Корифей белорусской социологии профессор Г.П. Давидюк пригласил целеустремленного любознательного выпускника в сектор прикладной социологии при кафедре философии гуманитарных факультетов БГУ, которую возглавлял в то время. С тех пор прошло почти 50 лет, и сегодня имя Д.Г. Ротмана в ряду ведущих социологов.

Давид Генрихович — талантливый организатор, в совершенстве владеющий методологией социологического исследования, тонко чувствующий проблемное поле своей науки, великолепный социальный технолог. Он был среди первых, кто работал во Всесоюзной программе «Общественное мнение», созданной Госкомитетом по народному образованию СССР, в крупных международных проектах, электоральных исследованиях. Д.Г. Ротман — основатель Центра социологических и политических исследований, который в настоящее время известен во всем мире.

Как человек творческий Давид Генрихович постоянно в поиске. Не счастье, сколько он придумал своих фирменных «небольших» секретов, которые позволяют оперативно и точно прогнозировать и упреждать. А еще он любит поколдовать с методиками, поразмышлять над цифрами. На его счету разработка концепции оперативных социологических исследований, новых методологических подходов к организации и проведению электоральных социологических исследований.

Как человек творческий Давид Генрихович постоянно в поиске. Не счастье, сколько он придумал своих фирменных «небольших» секретов, которые позволяют оперативно и точно прогнозировать и упреждать. А еще он любит поколдовать с методиками, поразмышлять над цифрами. На его счету разработка концепции оперативных социологических исследований, новых методологических подходов к организации и проведению электоральных социологических исследований.

Д.Г. Ротмана отличает постоянный поиск нового, желание «во всем дойти до самой сути», высочайший профессионализм и обязательность. Он участник

многих крупных международных проектов, входит в состав международных научных организаций и творческих коллективов. По жизни он человек постоянный: всю жизнь работает в одном университете, верен в дружбе и порядочен в отношениях с коллегами.

Д.Г. Ротман заслуженно пользуется большим авторитетом, является неформальным лидером белорусского социологического сообщества. Под его крылом проходят свои практические университеты многие будущие социологи, с его благословения загораются новые социологические звезды, объединяются ученые из региональных университетов и академических институтов. Среди его друзей люди разных специальностей, возраста и социального статуса, политических взглядов, художественных вкусов. Он прекрасно знает классическую музыку, театр и культуру

Коллектив журнала «Вестник РУДН. Серия: Социология» (*RUDN Journal of Sociology*) поздравляет члена редколлегии и своего постоянного автора с юбилеем и желает Давиду Генриховичу Ротману крепкого здоровья и еще долгих лет жизни, наполненной новыми свершениями.

НАШИ АВТОРЫ

Акулич Мария Михайловна — доктор социологических наук, профессор кафедры общей и экономической социологии Тюменского государственного университета (e-mail: m.m.akulich@utmn.ru).

Анкита Олмедо Консепсьон — профессор публичного международного права и международных отношений факультета политологии и социологии и научный сотрудник Института международных исследований Университета Комплутенсе (Испания, Мадрид) (e-mail: canguita@ucm.es).

Бегинина Ирина Александровна — кандидат философских наук, заведующая кафедрой социологии регионов Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского (e-mail: begininaia@info.sgu.ru).

Божков Олег Борисович — старший научный сотрудник Социологического института — филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (e-mail: olegbozh@gmail.com).

Бочкарев Сергей Александрович — кандидат юридических наук, исполняющий обязанности заведующего Лабораторией политико-правовых исследований Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (e-mail: bo4karvs@yandex.ru).

Вакорина Людмила Юрьевна — директор Центра защиты прав и интересов детей (e-mail: vakorina.lyudmila@fcprc.ru).

Гонсалес Гомес дель Миньо Палома — профессор публичного международного права и международных отношений факультета политологии и социологии и научный сотрудник Института международных исследований Университета Комплутенсе (Мадрид, Испания) (e-mail: ragonzal@ucm.es).

Данилов Александр Николаевич — доктор социологических наук, член-корреспондент Национальной академии наук Беларуси, заведующий кафедрой социологии Белорусского государственного университета (e-mail: a.danilov@tut.by).

Ивлев Виталий Юрьевич — доктор философских наук, заведующий кафедрой философии Московского государственного технического университета имени Н.Э. Баумана (e-mail: vitalijivlev@yandex.ru).

Ивлева Марина Левенбертовна — доктор философских наук, заведующая кафедрой социальной философии Российского университета дружбы народов (e-mail: ivleva-ml@rudn.ru).

Ивченков Сергей Григорьевич — доктор социологических наук, декан социологического факультета и заведующий кафедрой социологии молодежи Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского (e-mail: ivchenkovsg@mail.ru).

Ивченкова Мария Сергеевна — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (e-mail: m.ivchenkova@gmail.com).

Каргина Ирина Георгиевна — доктор социологических наук, профессор кафедры социологии, начальник Управления учебно-организационной работы Московского государственного института международного отношений (Университета) Министерства иностранных дел России (e-mail: irenkargina@mail.ru).

Кизилова Ксения — заместитель директора Института сравнительных исследований общественного мнения «Евразийский барометр» (Вена, Австрия), старший научный сотрудник социологического факультета Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина; руководитель секретариата Исследовательской ассоциации «Мировые ценности» (Стокгольм, Швеция) (e-mail: ksenniya.kizilova@gmail.com).

Курилов Сергей Николаевич — кандидат философских наук, доцент кафедры философии, политологии, социологии Московского энергетического института (e-mail: kurilov85@mail.ru).

Ларина Татьяна Игоревна — кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры социологии Российского университета дружбы народов (e-mail: larina-ti@rudn.ru).

Левашов Виктор Константинович — доктор социологических наук, главный научный сотрудник и руководитель Центра стратегических социальных и социально-политических исследований Института социально-политических исследований Российской академии наук (e-mail: levachov@mail.ru).

Максимова Светлана Геннадьевна — доктор социологических наук, заведующая кафедрой психологии коммуникаций и психотехнологий Алтайского государственного университета (e-mail: svet-maximova@yandex.ru).

Малов Александр Вадимович — аспирант кафедры сравнительной политологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (e-mail: malov.pvo@gmail.com).

Мосакова Елизавета Александровна — кандидат экономических наук, доцент кафедры ЮНЕСКО по изучению глобальных проблем факультета глобальных процессов Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (e-mail: lizavetam@mail.ru).

Найденко Виталий Николаевич — доктор юридических наук, главный научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (e-mail: vnaidenko@yandex.ru).

Ноянзина Оксана Евгеньевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры психологии коммуникаций и психотехнологий Алтайского государственного университета (noe@list.ru).

Омельченко Дарья Алексеевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры психологии коммуникаций и психотехнологий Алтайского государственного университета (e-mail: daria.omelchenko@mail.ru).

Осадчая Галина Ивановна — доктор социологических наук, руководитель Центра исследования процессов евразийской интеграции Института социально-политических исследований Российской академии наук (e-mail: osadchaya111@gmail.com).

Подвойский Денис Глебович — кандидат философских наук, доцент кафедры социологии Российского университета дружбы народов; ведущий научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (e-mail: dpodvoiski@yandex.ru).

Приходько Оксана Георгиевна — доктор педагогических наук, заведующая кафедрой логопедии и директор Института специального образования и комплексной реабилитации Московского городского педагогического университета (e-mail: ogprihodko@mail.ru).

Пузанова Жанна Васильевна — доктор социологических наук, профессор кафедры социологии, заведующая Социологической лабораторией Российского университета дружбы народов (e-mail: puzanova-zhv@rudn.ru).

Ротман Давид Генрихович — доктор социологических наук, директор Центра социологических и политических исследований Белорусского государственного университета (e-mail: dgrotman@rambler.ru).

Солеймани Сара — аспирант кафедры социологии Российского университета дружбы народов (e-mail: Soleimani.s@yandex.ru).

Субботина Мария Владимировна — аспирант кафедры социологии Российского университета дружбы народов (e-mail: mariya.subbotina.1995@mail.ru).

Троцук Ирина Владимировна — доктор социологических наук, профессор кафедры социологии Российского университета дружбы народов; ведущий научный сотрудник Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (e-mail: irina.trotsuk@yandex.ru).

Чугров Сергей Владиславович — доктор социологических наук, профессор кафедры международной журналистики Московского государственного института международных отношений (Университета) Министерства иностранных дел России; главный редактор журнала «Политические исследования»; ведущий научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений Российской академии наук (e-mail: new-polis@politstudies.ru).

Шахматова Надежда Владимировна — доктор социологических наук, директор Центра региональных социологических исследований и профессор кафедры истории, теории и прикладной социологии Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского (e-mail: nadezhdashakhmatova@yandex.ru).

Шубрт Иржи — доктор философии, заведующий кафедрой исторической социологии факультета гуманитарных исследований Карлова университета (Чехия, Прага) (e-mail: jiri.subrt@ff.cuni.cz).

Югова Олеся Вячеславовна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры логопедии Института специального образования и комплексной реабилитации Московского городского педагогического университета (e-mail: kor.ped@inbox.ru)

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

В журнале публикуются статьи по методологии, истории и теории социологии, статьи по результатам социологических и междисциплинарных исследований по широкому кругу вопросов социально-гуманитарного знания на русском и английском языках, а также реферативные обзоры и рецензии.

Редакция принимает к рассмотрению статьи, оформленные в строгом соответствии со следующими правилами:

1. **Объем рукописи** — от 30 до 50 тысяч знаков (с пробелами) для статей, от 12 до 20 тысяч знаков — для рецензий. Формат страницы — А4, шрифт — Times New Roman, размер шрифта — 12, межстрочный интервал — полуторный, нумерация страниц не проставляется. Отступ первой строки абзаца — 1,25, поля на странице — 30 мм слева, 20 мм справа, сверху и снизу. Ссылки даются в тексте в квадратных скобках, внутри которых первая цифра указывает на номер источника в библиографическом списке, вторая, стоящая после прописной буквы «С», — на номер страницы в источнике (например, [1. С. 26]; ссылка на несколько источников — [1. С. 126; 4. С. 43]). Ссылки на примечания даются в круглых скобках, например, (1).
2. Все **таблицы, схемы, графики и рисунки** встраиваются непосредственно в текст статьи. Они должны быть пронумерованы и озаглавлены. Таблицы должны иметь заголовки, размещаемый над табличным полем, рисунки — подрисуночные подписи. При использовании в статье нескольких таблиц и/или рисунков их нумерация обязательна.
3. **Формулы** размечаются, поясняются и снабжаются библиографическими ссылками.
4. В рукописях необходимо приводить два списка ссылок на использованные в работе источники — «**Библиографический список**» и «**References**». Ссылки на источники в Библиографическом списке следует оформлять в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008; References — в стиле Vancouver в версии АМА. Требования к оформлению Библиографического списка и References приведены на сайте журнала: http://journals.rudn.ru/index.php/index/pages/view/References_guidelines.
5. К статье обязательно прилагаются:
 - ◆ **аннотация** (резюме) объемом 250—300 слов на русском и английском языках;
 - ◆ **список 7—8 ключевых слов** на русском и английском языках; каждое ключевое слово или словосочетание отделяется от другого точкой с запятой;
 - ◆ **авторская справка** на русском и английском языках, где указываются: Ф.И.О. (полностью), официальное наименование места работы, должность,

ученая степень, а также **данные для связи с автором** — адрес места работы, включая почтовый индекс, номер телефона (служебный, мобильный), электронный адрес; в статье **допускается не более четырех соавторов**.

Решение о публикации выносится в течение четырех месяцев со дня регистрации рукописи в редакции. Материалы, не принятые к изданию, не возвращаются. Редколлегия не вступает с авторами в переписку в случае отказа от публикации их материалов.

Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений.

Публикуемые материалы могут не отражать точки зрения редколлегии.

Представляя в редакцию рукопись, автор берет на себя обязательство не публиковать ее ни полностью, ни частично в ином издании без согласия редколлегии.

С содержанием вышедших номеров и аннотациями статей можно ознакомиться на сайте журнала в сети Интернет: <http://journals.rudn.ru/sociology/index>.

Для отправки статьи в редакцию необходимо заполнить форму на сайте журнала <http://journals.rudn.ru/sociology/information/authors>, где также приведена подробная информация для авторов.

AUTHORS' GUIDELINES

The journal publishes articles on the methodology, history and theory of sociology, articles on the results of sociological and inter-disciplinary studies covering a wide range of issues in social sciences and humanities written in Russian and English, as well as brief surveys and book reviews.

The editors will consider articles strictly complying with the following standards:

1. **The size of the manuscript** — from 30 to 50 thousand symbols for articles; from 12 to 20 thousand symbols for reviews. References are to be given in the text in square brackets, inside of which the first figure indicates the number of the source in the references list, the second one, following the capital letter “P”, indicates the page number in the source (for example, [1. P. 126]; references to several sources — [1. P. 126; 4. P. 43]). References to footnotes are to be given in round brackets, for example, (1).
2. All the **tables, diagrams, graphs, and drawings** are to be incorporated in the text of the article. They are to be numbered and supplied with a title. Tables are to be given a title placed above the table, drawings are to have captions. When several tables and/or drawings are used in the article, their numeration is obligatory.
3. **Formulas** are to be marked out, explained and provided with references.
4. The manuscript must include a list of references submitted in accordance with the Vancouver style of the AMA version. Requirements to ‘References’ can be found on the journal’s website: http://journals.rudn.ru/index.php/index/pages/view/References_guidelines.
5. **It is obligatory to attach** the following to the manuscript:
 - ◆ **abstract (summary)** of 250—300 words in Russian and English;
 - ◆ **a list of 7—8 key terms** in Russian and English; each key term or word-combination is to be separated from another one with a semicolon;
 - ◆ **information about the author** in Russian and English, including: the author’s full name, the official name of the place of employment, position, scientific degree, as well as **the author’s contact data** — mailing address, telephone number (office, mobile), electronic address; **the number of co-authors cannot be more than four**.

The decision as to publication is made within four months from the day the manuscript is registered at the editorial office. Materials which are not accepted for publication will not be returned. The editors will not enter into correspondence with the authors in case of refusal to publish the articles submitted by them.

The authors will bear full responsibility for the selection and authenticity of the given facts, quotations, statistical and sociological data, proper names, geographical names and other information.

The published materials may not reflect the viewpoint of the editorial board and the editors.

The author, submitting a manuscript to the editors, undertakes not to have it published, either in full or partially, in any other publication without the editors’ consent.

The published issues and abstracts of the articles are available on the website of the journal: <http://journals.rudn.ru/sociology/index>.

To send the article to the editors the author need to fill in a form on the website <http://journals.rudn.ru/sociology/information/authors>, which also provides the detailed information for authors.